

355И
Т-26 (45)

Г.А. ТРОФИМЕНКО

СТРАТЕГИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Г.А.ТРОФИМЕНКО

СТРАТЕГИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ»
МОСКВА 1968

«Сдерживание», «массированное возмездие», «равновесие страха», «гибкое реагирование», «атомная пауза», «ядерный порог» — эти и многие другие термины все чаще мелькают в последние годы на страницах газет и журналов. Какова сущность империалистических внешнеполитических и военных курсов, определяемых этими терминами? Какова взаимосвязь между ними? Кто и как вырабатывает военно-политическую стратегию империализма? На эти и многие другие вопросы отвечает книга. В работе раскрывается эволюция стратегической теории и внешнеполитической практики США в связи с изменяющимся соотношением сил в мире. Показано усиление роли ФРГ в военном механизме НАТО, разоблачаются попытки Бонна ускорить решение вопроса о доступе к ядерному оружию.

Рецензент проф. *Н. Н. Яковлев*

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование военно-политической стратегии США иначе можно было бы назвать анализом американской доктрины «центральной войны», если пользоваться терминологией американских стратегов.

Определение «центральная война» в американском военном лексиконе почти что равнозначно понятию всеобщей мировой войны. В современных условиях ядерный арсенал каждой из двух держав — СССР и США — несравнимо превышает арсенал любых других ядерных держав, вместе взятых. Учитывая это, американские стратеги понятие «центральной войны» применяют для описания военного столкновения, которое может произойти непосредственно между двумя этими державами, или конфликта, в который они могут быть вовлечены в качестве противников в результате акций третьей стороны или третьих сторон. В этом состоит отличие «центральной» войны от войн «периферийных». Последние определяются американской военной наукой как войны между малыми странами, не угрожающие перерасти в мировой конфликт, или же как «полицейские акции» с участием вооруженных сил США против малых стран и национально-освободительного движения, которые якобы не должны привести к непосредственному военному столкновению США с СССР.

Понятно, что в нынешний век, когда мир стал неделим, такое различие является более чем условным. В современную эпоху развязанная империалистическими агрессорами локальная война очень скоро может разрастись

до масштабов мирового конфликта. Тем не менее разграничение войн на «центральные» и «периферийные» ныне более или менее общепринято в американской военной науке.

Современная американская военная наука при этом обосновывает возможность ограничений в применении стратегического ракетно-ядерного оружия даже в ходе «центрального» конфликта. Поэтому в американской трактовке термин «центральная война» некоторым образом отличается от понятия «всеобщая война». «Центральная война», как ее определяют американские стратеги, — это столкновение двух главных противников и нелокальный характер конфликта. При этом остается открытым вопрос о степени интенсивности или «тотальности» применения силы противниками. Этим термин «центральная война» отличается от термина «всеобщая война», который в какой-то мере подразумевает неограниченный характер военных действий.

Что бы, однако, американские теоретики ни писали о тех или иных «ограничениях» в стратегической войне, «центральная война», если она будет развязана империалистами, в конечном счете неизбежно должна будет принять характер мировой ракетно-ядерной войны между коалицией капиталистических государств, с одной стороны, и коалицией социалистических государств — с другой. В такой войне главным средством поражения будет ядерное оружие, а основным средством его доставки до цели — ракеты.

Анализ американской доктрины «центральной войны», по существу, тождествен рассмотрению общей военно-политической стратегии США. Поскольку основной империалистический военный блок — НАТО создан Соединенными Штатами после второй мировой войны как аванпост для действий против СССР и других социалистических стран Европы, то анализ доктрины «центральной войны» органически предполагает рассмотрение американской политики в этом блоке.

Характернейшей особенностью современной эпохи является процесс ослабления позиций империализма на мировой арене. Ему приходится отступать перед силами социализма и мира. Это относится и к ведущей державе империалистического лагеря — Соединенным Штатам Америки. В Программе КПСС подчеркивается, что

«США — самая сильная капиталистическая держава — прошли точку своего зенита и вступили в полосу заката»¹.

Возникло неразрешимое противоречие между стремлением американского империализма к установлению мирового господства и нереальностью достижения подобных целей в эпоху, когда на место исторически обреченного капитализма приходит социализм. Неосуществимость создания США такой «ситуации силы», которая могла бы обеспечить их мировую гегемонию, а также воздействие других объективных факторов мира вынуждали американское правительство систематически пересматривать военно-политическую доктрину США. «Активные действия Советского Союза совместно с другими народами, которым дорого дело свободы и мира, не раз вынуждали империалистов отступать», — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии².

Подобная ситуация порождает у наиболее агрессивных кругов американского империализма желание повернуть вспять ход истории, доказать возможность восстановления утерянных США мировых позиций. Это стремление проявляется в усилении агрессивности американского империализма, использующего войну как средство внешней политики.

Таким образом, нельзя не отметить своеобразного характера происходящего процесса. С одной стороны, идет исторически неизбежное стратегическое отступление американского империализма перед силами социализма и мира, а с другой — крайне обостряется его агрессивность в тактическом плане. При этом главной побудительной причиной усиления империалистической реакции является общее ослабление мировых позиций империализма.

Следует отметить, что наряду с наиболее агрессивными, шовинистическими кругами американского империализма в самом правящем классе США есть группировки, которые стоят на более или менее реалистических позициях.

Давление этих группировок на правительство, а также классовая борьба американских трудящихся в определенные периоды сказываются на внешнеполитических акциях США, оказывая сдерживающее влияние на силы наиболее оголтелой реакции. Тем не менее американский империализм по-прежнему есть, как говорил В. И. Ленин,

«самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы, восстанавливающий реакцию во всем мире»³.

После второй мировой войны в США рождалось и исчезало множество различных теорий «национальной стратегии». Поскольку оперативная военная стратегия любой страны является строжайшей государственной тайной, автор с самого начала хочет подчеркнуть, что в данной работе речь идет в первую очередь о теоретическом исследовании господствующих концепций в американской военной доктрине. Эти концепции были предложениями американскому правящему классу со стороны его теоретиков о наиболее выгодном для США в данных международных условиях курсе действий и способах поведения в военном конфликте, которые наилучшим образом обеспечивали бы интересы американского империализма. Те из теорий, которые гласно или тайно были приняты на вооружение правительством США, становились официальной доктриной.

Некоторые из этих теорий, хотя и учитывались в американских политических и военных планах, так и не получили публичного подтверждения со стороны американского правительства как официальные доктрины. Это объясняется соображениями секретности, быстрой сменой доктрин в определенные периоды, подчас нечеткостью самих официальных установок в силу закулисного столкновения мнений сторонников различных стратегических курсов в довольно многочисленных ведомствах, имеющих отношение к формированию американского внешнеполитического курса.

Однако военно-политическая стратегия государства — это не только тот или иной сверхсекретный меморандум, доступный лишь нескольким десяткам высокопоставленных чиновников, руководителей промышленности и военных. Военно-политическая стратегия — это прежде всего деятельность правительства в области подготовки страны и ее вооруженных сил к войне, его практическая политика внутри страны и за рубежом.

Именно это соображение о соответствии военно-политических идей и теорий того или иного периода практической политике правящих кругов США, их реальным намерениям и было основным, которым руководствовался автор, выделяя этапы эволюции американской воен-

но-политической доктрины в послевоенное время. Каждый новый этап, по существу, представлял запоздалую попытку американских стратегов приспособиться к новой ситуации, вытекающей из роста экономической и военной мощи Советского Союза и других стран социализма и изменения расстановки классовых сил в мире в целом.

Вполне возможно, что другие советские исследователи, анализирующие этот вопрос, могут прийти к несколько иной периодизации, что вполне естественно при рассмотрении столь сложной проблемы. Задача определения этапов эволюции американской военной доктрины осложняется, в частности, следующим обстоятельством. Хотя внешнеполитическая и военная стратегия США представляют собой две стороны одной и той же «национальной стратегии», при доминирующей роли военных соображений над чисто внешнеполитическими, период действия внешнеполитических и военно-стратегических доктрин не всегда строго совпадает. В хронологических рамках жизни одной внешнеполитической доктрины могут оказаться две-три чисто военно-стратегические доктрины. Это объясняется непрерывным поиском американскими лидерами военных ответов на вновь возникающие ситуации. Этот поиск не всегда столь же активно осуществляется во внешнеполитической сфере.

Кроме того, новая общая внешнеполитическая доктрина, рожденная в недрах госдепартамента США и официально объявленная правительством, не всегда может быть сразу превращена в оперативную военно-политическую доктрину из-за целого ряда причин. Не последнюю роль в этом играет непрерывная борьба между представителями гражданской и военной олигархии США. Достаточно указать, например, на то, что доктрина «сдерживания» стала оперативной доктриной американской внешней политики с 1947 года — момента провозглашения «доктрины Трумэна» для Греции и Турции. Однако, по мнению автора, доминирующей концепцией в Пентагоне в 1947—1948 годах продолжала оставаться теория превентивной войны, несмотря на то что американское правительство, по понятным соображениям, публично не подписывалось под этой стратегией. Доктрина же «гибкого реагирования», известная также под именем «стратегии контролируемых ответов», начала осуществляться в первую очередь как чисто военная стратегия, и лишь

постепенно и с большим трудом принципы «гибкого реагирования» стали пробивать себе путь в американскую внешнюю политику. Кроме того, в американской практике изменение внешней или военной политики не всегда совпадает с официальным признанием факта перемены, а зачастую даже сопровождается отрицанием его, что является одним из принципов «стратегической игры».

Настоящая работа не претендует на то, чтобы проследить во всей полноте процесс изменений в военно-политической доктрине США. Она ставит ограниченную задачу в общих чертах проанализировать с марксистских позиций тенденцию этих изменений на примере эволюции в американской атомной доктрине — доктрине «центральной войны» и политики США в Североатлантическом блоке.

Основой для анализа являются труды В. И. Ленина, посвященные характеристике империализма вообще и американского империализма в особенности, его работы по вопросам стратегии и тактики, колоссальное значение которых для развития современной военной теории вынуждены признавать даже наши идейные противники — военные теоретики Запада. «Военная тактика зависит от уровня военной техники,— эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс»,— подчеркивал В. И. Ленин⁴.

Это ленинское напоминание взаимосвязи тактики (и стратегии) с развитием материального производства, с техническим прогрессом особенно важно учитывать в современных условиях. В наши дни революция в средствах ведения войны, столь ярко проявившаяся в создании ракетно-ядерного оружия (но отнюдь не останавливающаяся на этом достижении), вызвала переворот в способах ведения войны, в стратегии и тактике государств, как владеющих этим оружием, так и не имеющих его, но вынужденных учитывать возможность его боевого применения.

В. И. Ленин, подчеркивая формулу Клаузевица, что война есть продолжение политики, только иными средствами, и развивая это положение, писал: «Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы

вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»⁵.

Ленинская характеристика природы войн и их классового содержания полностью сохраняет силу по сей день, давая ключ к пониманию взаимосвязи между внешней и внутренней политикой государств. Пока существуют империалистические государства, возможность возникновения войны остается. Однако в условиях качественной революции в средствах ведения войны, в условиях, когда стратегическое ракетно-ядерное оружие имеется не только у США, но и у социалистической державы — Советского Союза, возможности использования империалистическими государствами войны как инструмента политики определенным образом суживаются.

Мировая война с применением термоядерного оружия, если бы была развязана империалистами, поставила бы под вопрос, в силу ответного применения такого оружия в целях обороны Советским Союзом, существование целых государств. Иначе говоря, она лишила бы их правящие классы возможности воспользоваться плодами той политики, которая нашла бы свое продолжение в мировой атомной войне. Такую ситуацию гениально предвидел В. И. Ленин, который еще в 1918 году отмечал, что «современная техника сейчас все более и более помогает разрушительному характеру войны. Но будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной»⁶.

Коренные качественные изменения в средствах ведения войны в условиях, когда термоядерным оружием обладают не только империалисты, но и Советский Союз, ставят перед господствующими классами капиталистических стран, в том числе и США, неразрешимую дилемму. С одной стороны, империалисты не готовы отказаться от войны как инструмента политики и рассматривают ее как «естественное» средство решения международных споров. С другой стороны, они не могут не понимать, что мировая война может означать конец их существования как господствующих классов. Вот почему, пытаясь примирить эти два противоречивых устремления, американские империалисты ныне изобретают все новые и новые способы ограничения большой войны и пытаются предложить СССР принять эти «ограничения».

На Западе, в том числе и в США, необычайно остро реагировали на усиление военно-экономического могущества Советского Союза. Для американцев, воспитанных на сенсациях, наиболее «драматическими» вехами роста военно-экономического могущества СССР были такие достижения советской науки и техники, как испытания атомного оружия в СССР в 1949 году, создание боевого водородного оружия в 1953 году, пуск первой в мире атомной электростанции в 1954 году, запуск в космос первого в истории человечества искусственного спутника Земли в 1957 году и создание боевых межконтинентальных ракет, первый в мире полет человека — Юрия Гагарина — в космос 12 апреля 1961 г., появление в составе Советского Флота атомных кораблей — ракетоносцев, запускающих баллистические ракеты из подводного положения, вооружение советских ракетных частей сверхмощными ракетами нового технологического поколения. Последние запускаются из подземных шахт и способны обеспечить доставку ядерного заряда к цели путем межконтинентальных и орбитальных пусков. Появление на вооружении Советской Армии высокоманевренных межконтинентальных малогабаритных твердотопливных ракет на подвижных установках, практически неуловимых для космической и воздушной разведки, равно как и создание советскими учеными и инженерами эффективных систем противоракетной обороны, также широко комментировалось в американской прессе и выступлениях военных и гражданских руководителей США.

При этом не только для специалистов ясно, что создание той или иной ракеты или другого вида современного оружия сводится не просто к умению ученых и инженеров сконструировать ту или иную систему. Это также предполагает наличие соответствующей материально-технической базы в виде как специальных отраслей промышленности, способных обеспечить массовое производство новейших видов вооружения, так и традиционных отраслей, составляющих костяк индустрии любой страны. Только стране, достигшей огромных высот в развитии современной науки и индустрии, под силу освоение и массовое производство таких сложнейших видов техники. Этого не могут не учитывать американские империалисты, которые внимательно следят за прогрессом Советского Союза. Они при этом обращают внимание не только

на сенсационные научно-технические достижения социализма, но и, на будничные цифры экономического, социального, научно-технического и культурного развития. Десятки различных учреждений в США, включая комиссии конгресса, Центральное разведывательное управление и госдепартамент, ежегодно составляют подробнейшие анализы состояния советской экономики и перспектив ее развития. Один список опубликованных американских работ на эту тему занял бы несколько страниц⁷.

Американские авторы сравнительных анализов экономического роста США и СССР не могут не признать, что высокие темпы промышленного производства СССР позволяют неуклонно сокращать разрыв в объеме промышленного производства двух стран. И в самом деле, за 21 год (1946—1966 гг.) среднегодовой темп прироста промышленной продукции составил в СССР 11,2%, а в США — только 3,9%. В 1966 году объем промышленного производства Советского Союза превысил 65% объема продукции США. Светила американской военной и экономической мысли, собравшиеся в 1963 году в Джорджтаунском университете на международный семинар по проблемам стратегии США на ближайшее десятилетие, более половины своего времени посвятили обсуждению экономической стратегии США по отношению к социалистическим странам.

«В результате высоких темпов капиталовложений, повышения квалификации рабочих и технологического прогресса,— отмечалось в одном из докладов на этом семинаре,— относительная экономическая сила (социалистического.—Г. Т.) блока по отношению к Западному союзу увеличилась с 1950 по 1960 год. В 60-е годы следует ожидать продолжения подобной тенденции... Советский научный и технический прогресс укрепит позиции СССР в экономическом соревновании с Западом тем, что он будет стимулировать экономический рост и позволит блоку еще более эффективно соревноваться с Западом в деле предоставления менее развитым странам тяжелого оборудования и технической помощи и путем уменьшения уязвимости блока от стратегического торгового контроля, осуществляемого НАТО»⁸.

Научно-технический и экономический прогресс СССР и других стран социализма, рост их военного потенциала оказывают глубокое влияние на американские стратеги-

ческие планы, так как правящие круги США при всей своей авантюристичности не могут игнорировать объективные факторы, влияющие на соотношение сил.

Поскольку данная монография посвящена анализу американской военно-политической доктрины, а не сопоставлению американской и советской доктрин, в задачу автора не входил детальный разбор внешнеполитических акций и позиций Советского Союза. Однако, рассматривая американскую военно-политическую доктрину, нужно все время иметь в виду, что ее эволюция происходила на фоне непрерывной и активной внешнеполитической деятельности СССР и других социалистических стран в пользу мира и международного взаимопонимания, против агрессивных происков империализма. Социалистические страны показали, что они намерены использовать изменения в соотношении сил на мировой арене не для военного нажима на капиталистические государства, а для ослабления международной напряженности, упрочения объективных факторов мира, для ликвидации «холодной войны» и гонки вооружений.

С первых дней существования ООН Советский Союз упорно борется за всеобщее и полное разоружение, за запрещение ядерного оружия и изъятие его из вооружений государств. Советский Союз сыграл выдающуюся роль в прекращении войн в Корею в 1953 году и Индокитае в 1954 году, в обуздании английских, французских и израильских империалистов во время их агрессии против Египта в 1956 году, в сдерживании израильских захватчиков в 1967 году, в защите свободы и независимости Кубы от посягательств американских агрессоров. Помощь Советского Союза героическому народу Вьетнама является одним из самых существенных факторов, помогающих ему одерживать победы над агрессорами.

Помощь народам, которым еще приходится вести вооруженную борьбу против колонизаторов, представляет собой важный элемент советского внешнеполитического курса. С этим не могут не считаться американские лидеры, формулируя свою военно-политическую стратегию.

Твердая советская политика мира способствует укреплению позиций тех сил в США и других капиталистических странах, которые выступают против курса «бешеных» и требуют реалистической оценки международной обстановки.

Следует особо отметить, что все наиболее кардинальные предложения, идущие на пользу мира и благополучия народов, способствующие укреплению их свободы и независимости, были внесены на обсуждение в ООН Советским Союзом и другими странами социализма. Важнейшее значение имели предложения о заключении договора о всеобщем и полном разоружении, о запрещении испытаний ядерного оружия, о создании безъядерных зон в различных районах земного шара, о мирном использовании космического пространства, о запрещении ядерного оружия и о торжественном обязательстве государств не применять этого оружия первыми, о немедленном предоставлении независимости колониальным странам и народам, о ликвидации иностранных баз на территориях государств и выводе всех иностранных войск, находящихся на чужих территориях, о нераспространении ядерного оружия, об одновременном роспуске НАТО и организации Варшавского договора, о заключении общеевропейского договора о коллективной безопасности и многие, многие другие.

В послевоенные годы дипломатическая инициатива, направленная на поиски эффективных путей обеспечения мира, неизменно оставалась за СССР и находила активную поддержку мирового общественного мнения. Это ставило в тупик дипломатию США и других западных держав, вынужденных неуклюже лавировать перед лицом конкретных и ясных предложений СССР и других социалистических стран по тем или иным вопросам укрепления мира, смягчения международной напряженности. «Одно из затруднений свободного (капиталистического.— Г. Т.) мира в отношениях с советским блоком,— отмечал один из ведущих американских военных теоретиков Г. Киссинджер,— заключается в том, что мы яснее высказываемся по поводу вещей, против которых мы возражаем, чем по поводу того, что мы отстаиваем. Это придает большинству наших переговоров с СССР характер упрямых, запоздалых акций, направленных главным образом на то, чтобы отклонить советские предложения. Это дает возможность советским руководителям поднимать вопросы для обсуждения в международном масштабе, ставя нас в положение отвечающих, а не инициаторов»⁹.

Формулируя свою стратегию, правящие круги США не могут не учитывать громадного воздействия миролю-

бивой политики социалистических государств на всю международную обстановку. Конкретные внешнеполитические акции СССР, подкрепленные реальной мощью социалистического государства, не раз расстраивали задуманные «мозговыми центрами» госдепартамента и Пентагона американские комбинации на международной арене, призванные дать односторонние преимущества Соединенным Штатам.

Рассматривая эволюцию внешнеполитической стратегии США, необходимо все время помнить, что эта стратегия, даже в районах, где нет непосредственного соприкосновения социалистических и капиталистических государств, осуществляется не в вакууме, как того бы хотелось идеологам империализма, а в обстановке решающего влияния сил социализма, мира и прогресса на все мировое общественное развитие.

Глава I

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

КОРНИ ПОЛИТИКИ «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ»

4 июля 1776 г. молодая американская нация провозгласила устами «отцов — основателей» американской конституции право каждого народа на «жизнь, свободу и стремление к счастью». Однако то, что авторы Декларации независимости считали в соответствии с теориями Ж. Ж. Руссо естественным правом каждой нации, американскому народу пришлось завоевывать в долгой, упорной и кровопролитной борьбе против британских колонизаторов, считавших свободу привилегией избранных.

«История новейшей, цивилизованной Америки, — указывал В. И. Ленин, — открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных... дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей»¹.

Однако эта война, освободившая американский народ от оков английского колониализма, расчистила путь для становления капитализма в США и, следовательно, для классового расслоения и нового — экономического — порабощения трудящихся Америки.

Прежде чем развитие капитализма окончательно ди-

скредитировало лозунги равноправия и справедливости, провозглашенные Декларацией независимости, американскому народу пришлось перенести еще одну кровопролитную войну — гражданскую войну северян против рабовладельцев Юга. В этом остром конфликте, помимо всего прочего, столкнулись два понимания термина «свобода»: рабовладельческое и демократическое. Рабовладельческое, олицетворявшееся такими столпами американской аристократической «цивилизации», как президент конфедерации южан Джефферсон Дэвис, генералы Ли и Джо Шелба, поэт Генри Тимрод и др., являлось, по существу, расистским пониманием. Свобода, с их точки зрения, означала свободу и формальное равенство перед законом лишь для представителей белой, «высшей» расы, но не для негров, «цветнокожих» — людей «второго сорта». Демократическое понимание, выразителями которого были президент Линкольн, его ближайшие соратники, лучшие представители американской интеллигенции — Генри Торо, Уот Уитмен, Р. В. Эмерсон, сводилось к тому, что свободой должны пользоваться все люди, независимо от цвета их кожи.

В ходе гражданской войны в США восторжествовало северное, демократическое понимание свободы, оформленное в линкольновской декларации об освобождении негров и освященное кровью самого Линкольна, убитого в 1865 году в день, когда генерал Грант подписывал от имени федерального правительства условия капитуляции армии южан. Но, хотя рабовладельцы потерпели поражение, хотя юридически восторжествовало северное понимание свободы, фактически (психологически) победили рабовладельцы. Ведь и через сто лет после смерти Линкольна негры в США, в первую очередь на американском юге, все еще находятся почти в столь же бесправном положении, как и до войны между Севером и Югом.

Таким образом, американский капитализм, формально облачившись в мантию свободы и демократии, на деле, в своем подходе к расовым взаимоотношениям, продолжал маршировать в расистском балахоне ку-клукс-клана, возникшего все в том же трагическом 1865 году в местечке Пуласки в Теннесси.

Это торжество психологии рабовладельцев имеет прямое отношение к внешней политике Америки, ибо с выходом США на мировую дипломатическую арену эта ра-

систская психология преломилась во внешнеполитическом плане как шовинистическая психология и идеология американской «исключительности» и «превосходства». С развитием американского империализма эта идеология вылилась в идеологию мирового господства и империалистической экспансии.

Государство, возникшее в результате борьбы американского народа за равноправие, против привилегий «избранной» британской нации, в конце концов скатилось на позиции «предначертанной судьбы», повелевающей-де, чтобы США обеспечивали «мировой порядок» и играли роль мирового лидера. В этом — и парадокс, и логическая закономерность истории.

В период вступления американского капитализма в фазу империализма в США была создана теория так называемой «раздвигающейся границы» («rising frontier»), которая впервые была изложена в трудах американского историка Ф. Тэрнера (1861—1932 гг.). В первоначальном виде эта теория относилась к освоению «пустынных земель» американского среднего и дальнего запада (индейские племена, обитавшие на этих территориях, не принимались в расчет). Теория «раздвигающейся границы» задним числом оправдывала политику территориальной экспансии США в Северной Америке. В ней были заложены основные элементы позднейших экспансионистских доктрин американского империализма. «Буржуазные экспансионисты,— подчеркивал У. Фостер,— полностью пренебрегали правами негров и индейцев и не считались со своими соперниками». Он указывал далее, что они «были непосредственными предшественниками современных империалистов США, проникнутых шовинистическими идеями превосходства англосаксонской расы; они считают, что Соединенные Штаты призваны историей управлять не только Западным полушарием, но и всем миром»².

Раздвигая границы США с помощью военной силы и силы денег, американская буржуазия к концу XIX века завершила территориальную экспансию на североамериканском континенте.

Стремясь к захвату новых земель, империалистические круги США развязали в 1898 году войну с Испанией. В ходе этой войны США захватили Филиппины и установили протекторат над Кубой. В итоге этой войны

американская республика, победившая одну из старейших колониальных держав мира, фактически отождествила себя с Испанией, которая проводила политику колониализма, осуждавшуюся в конституции США.

Одним из первых американцев, подметивших этот парадокс, был Уильям Грэхэм Самнер. «Испания, — писал он, — была первым и долгое время самым крупным из всех современных империалистических государств. Соединенные Штаты своим происхождением, своими традициями и своими принципами олицетворяют протест — реакцию против такого рода государства. Я хочу показать, что той линией поведения, которая ныне нам предлагается и которую мы называем экспансией и империализмом, мы отбрасываем некоторые из наиболее важных элементов американского символа и принимаем некоторые из наиболее важных элементов испанского символа. Мы победили Испанию в военном конфликте, но мы предлагаем себя ей для завоевания в области идей и политики»³.

Однако правящие круги США, рвавшиеся к заморской экспансии, довольно скоро убедились, что в условиях закончившегося раздела мира локальные войны не могли обеспечить им завоевания сколько-либо крупных территорий. В этих условиях апологетам американского империализма пришлось задуматься над формами и методами дальнейшего осуществления внешней экспансии. Результатом этих размышлений было провозглашение в самом конце XIX века известной доктрины Хейя, или доктрины «открытых дверей». Ее можно с полным правом назвать краеугольным камнем в теории и практике американской империалистической экспансии.

Первоначально доктрина «открытых дверей» родилась как специфическая американская доктрина в отношении Китая. В противовес политике «сфер влияния», основанной на территориальных захватах, Соединенные Штаты, не поспевшие к «дележу добычи», но уже почувствовавшие достаточный империалистический аппетит, выдвинули политику «равных прав и возможностей» в Китае для всех держав. Таким образом, США предложили другим империалистическим державам состязаться в грабеже народов слаборазвитых в экономическом отношении стран на основе формального юридического равенства с позиций экономической силы капитала.

Либеральный американский историк Уильям Уильямс совершенно справедливо отмечал: «Политика открытых дверей была рассчитана на создание условий, при которых превосходящая экономическая мощь Америки обеспечивала бы распространение американской экономической системы на весь мир, без затруднений, присущих традиционному колониализму»⁴.

В империалистической доктрине «открытых дверей» нашла свое отражение американская буржуазная теория «раздвигающейся границы». Некоторые американские последователи Тэрнера стали трактовать ее не как географическое и национальное понятие, а как историческое и психологическое, приспособлявая эту теорию для оправдания внешней экономической и политической экспансии США.

Доктрина «открытых дверей» явилась существенно новым элементом американской империалистической политики. На основе этой доктрины была переосмыслена и такая старая буржуазная доктрина США, как «доктрина Монро», провозглашенная президентом США Джеймсом Монро в послании конгрессу от 2 декабря 1823 г. «Доктрина Монро», получившая широкую известность в виде формулы «Америка — для американцев», объявляла, что Соединенные Штаты будут рассматривать как угрозу миру и безопасности США всякие попытки европейских держав «распространить свою систему» на какую-либо часть Западного полушария, то есть попытки новой колонизаторской деятельности европейских держав в Новом свете⁵.

В «доктрине Монро» с момента ее провозглашения были одновременно заключены два противоположных начала. С одной стороны, развивались прогрессивные, антиколонизаторские принципы, направленные на то, чтобы не допустить вмешательства европейских держав в дела Латинской Америки. И в этом смысле она сыграла исторически положительную роль. С другой стороны, провозглашая исключительную роль США как протектората всего Западного полушария, доктрина представляла собой яркое выражение экспансионистских притязаний США. Тенденция к экспансии была главной в «доктрине Монро». Само провозглашение этой доктрины фактически означало, что США уже почувствовали себя достаточно сильными, чтобы объявить о своих исключительных

интересах и правах в Западном полушарии. Под вывеской «доктрины Монро» США повели наступление на суверенитет и экономическую независимость латиноамериканских стран.

Таким образом, если в начале XIX века США стремились «доктриной Монро» закрыть для европейских держав двери для проникновения на латиноамериканский континент, то в начале XX века оперившийся американский империализм потребовал для себя открытых дверей в других частях света, считая в то же время, что Латинская Америка уже является его вотчиной.

Доктрину «открытых дверей» американский империализм старался провести в жизнь любыми методами и средствами, не исключая военной силы. Однако при проведении в жизнь принципа «открытых дверей» США в первую очередь полагались на силу доллара. «Дипломатическая политика нынешнего правительства,— заявлял президент Тафт в 1912 году,— стремилась дать ответ на современные идеи общения через торговлю. Эта политика характеризовалась тем, что она заменяла пули долларами»⁶. Вера во всепроникающую силу доллара заставила самих американских историков заговорить о «долларовой дипломатии» США. Таким образом, появился самый существенный элемент политики «открытых дверей» — американский доллар, олицетворявший экономический вес и авторитет молодого империалистического государства, выходившего на арену мировой борьбы.

Вторым государством после Китая, к которому американский империализм попытался применить доктрину «открытых дверей», была Советская Россия. Среди 14 пунктов, сформулированных президентом Вильсоном в качестве условий перемирия между державами — участницами первой мировой войны, относившейся к России п. 6 предусматривал предоставление ей «полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики».

За этой внешне демократической фразой Вильсона скрывалась отнюдь не забота о России, а стремление не допустить ее территориального расчленения между странами-победительницами. Как и все другие западные лидеры, Вильсон считал, что Россия, попавшая во власть «большевистской анархии», — конченная с точки зрения

самостоятельности страна. Настаивая на предоставлении ей права на «независимое решение относительно ее собственного политического развития», Вильсон в первую очередь возлагал надежду на все тот же американский доллар, который должен был «помочь» русскому народу «сориентироваться» и выступить против большевиков, за ставленников иностранного капитала.

Элементы политики «открытых дверей» в отношении России присутствовали и тогда, когда американские империалисты совместно с правящими кругами 13 других государств приняли участие в вооруженной интервенции в этой стране, и тогда, когда, убедившись в ее провале, США полностью сконцентрировались на попытках изменить ход революционных событий в России путем экономического давления.

В задачу данного исследования не входит рассмотрение советско-американских отношений в период до второй мировой войны. Здесь важно подчеркнуть лишь то, что антисоветский, антикоммунистический элемент в американской внешней политике появился сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Этот элемент с годами играл все большую роль во внешнеполитическом курсе США. Особенно наглядно он проявился в продолжавшейся 16 лет политике дипломатического непризнания Советского Союза. Игнорируя реальные факты жизни, правящие круги США таким путем заявляли о своем несогласии с развитием России по пути социализма, выражали свою ненависть к коммунистическому учению, которое экономически и политически упрочивалось на $\frac{1}{6}$ Земли, несмотря на сопротивление США.

Таким образом, уже в 20-х годах определились основные принципы империалистической доктрины «открытых дверей» в широком смысле этого слова. Они сводились к следующему:

антикоммунизм;

позиция экономической силы, дополняемой силой военной;

замена традиционного территориального или административного колониализма экономической, политической и идеологической экспансией. Этот элемент был позднее определен термином «неоколониализм».

Выступая в декабре 1920 года на собрании актива

Московской организации РКП(б), В. И. Ленин говорил: «Почти весь капиталистический мир «победителей» вышел из войны с гигантской наживой. Америка сильна, ей теперь все должны, от нее все зависит, ее все больше ненавидят, она грабит всех, и она грабит очень оригинально. У нее нет колоний. Англия вышла из войны с гигантскими колониями, Франция тоже. Англия предлагала Америке мандат на одну из награбленных колоний — ныне выражаются таким языком, — но она не взяла. Очевидно, американские купцы рассуждают как-то по-иному. Они видели, что война и по отношению к разорению и по отношению к настроению рабочих играет очень определенную роль, и пришли к выводу, что им нет выгоды принимать мандат. Но понятно, они не допустят, чтобы эту колонию использовали другие государства»⁷. Таким образом, В. И. Ленин очень точно подметил эту особую черту американской внешней политики, хотя в то время было еще очень мало фактов, которые бы давали основание говорить о специфических методах заморской экспансии США.

СОВРЕМЕННЫЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ США

Основными составными частями внешней политики Соединенных Штатов после второй мировой войны остались все те же три элемента: антикоммунизм, позиция экономической, политической и военной силы и неоколониализм. Однако к ним прибавился существенно новый элемент, который состоял в том, что США стали на время монополистами в области производства атомного оружия. Таким образом, Соединенные Штаты подкрепляли свою доктрину «открытых дверей», состоявшую в давлении с позиции экономической силы, «фактором устрашения» — ядерным оружием, монопольное владение которым американские лидеры рассчитывали сохранить на долгие годы.

Монопольное владение атомной бомбой привело к образованию новой американской внешнеполитической доктрины, получившей в мировой прессе название доктрины «холодной войны». Сами же авторы этой доктрины из числа правящих кругов США не стремились дать ей какое-либо официальное наименование, предпочитая гово-

рять просто о «тотальной стратегии» США. Строго говоря, доктрина «холодной войны» является не столько внешнеполитическим, сколько общеполитическим курсом американского империализма. Внутриполитическими элементами этой доктрины являются гонка вооружений и военная истерия с целью идеологической обработки населения в духе воинствующего антикоммунизма и милитаризма. Ее внешнеполитическую часть составляют политика «с позиции силы» и «психологическая война», иначе говоря, борьба с социалистической идеологией. Таким образом, в своей внешнеполитической части доктрина «холодной войны» напоминает экспансионистскую доктрину «открытых дверей». Важный новый элемент состоял в том, что в послевоенное время США стали делать основной упор на «абсолютное оружие», каким они считали атомную бомбу.

Другим новым моментом было то, что Соединенные Штаты взяли на себя роль лидера антикоммунистического крестового похода мирового империализма. Если до второй мировой войны американские правящие круги пытались бороться против роста социализма по преимуществу чужими руками, финансируя и поощряя гитлеровский «марш на Восток», подталкивая японских милитаристов на агрессию против СССР, то в послевоенное время США сами стали во главе антисоветских сил и явились застрельщиком сколачивания военных, политических и иных организаций, направленных против Советского Союза.

Начиная «холодную войну», лидеры, ставшие в послевоенное время у кормила правления США, рассчитывали на то, что монопольное владение Соединенными Штатами атомной бомбой открывает благоприятные возможности перекройки политической карты мира в желательном для них направлении при полном игнорировании ими мнений других держав. Эти недалёковидные деятели ошибочно полагали, что Советский Союз, несмотря на мощь Советской Армии, продемонстрированную в ходе второй мировой войны, выйдет из войны экономически ослабленным и что его можно будет заставить подчиниться решениям, продиктованным Вашингтоном.

Уильям Уильямс подтверждает эту точку зрения, когда пишет: «Американские лидеры первоначально предполагали, что комбинация американской силы и русской

слабости позволит им сформировать послевоенный мир в соответствии с принципами и практикой политики открытых дверей. Руководители Америки рассматривали атомную бомбу как конечную гарантию того, что все это будет возможно осуществить. Трумэн никогда не имел сомнений на этот счет»⁸.

Государственный секретарь Джеймс Бирнс в беседе с одним американским ученым высказался, что атомная бомба была нужна Соединенным Штатам не столько для борьбы против Японии, сколько для того, чтобы «сделать Россию податливой в Европе»⁹.

Так сформировывалась главная послевоенная политическая доктрина Соединенных Штатов — доктрина «холодной войны». Хотя она начала проводиться в жизнь при правительстве демократа Трумэна, это была сугубо двухпартийная доктрина, в создании которой принимали самое активное участие лидеры республиканской партии и ее представители в конгрессе.

Демократ Дин Ачесон, государственный секретарь в правительстве Трумэна, и республиканец Джон Фостер Даллес, сменивший его в 1953 году на этом посту, были двумя ведущими американскими идеологами, развивавшими внешнеполитическую часть американской доктрины «холодной войны».

Доктрина «холодной войны» явилась, как любят выражаться американские идеологи, тотальной доктриной. Проведение политики «холодной войны» предполагало напряжение всех национальных ресурсов, подчинение всех других интересов — как национальных, так и индивидуальных интересов граждан — главной цели: победе в «холодной войне».

Что же имели в виду правящие круги США, говоря о такой победе? Они подразумевали не больше, не меньше, как установление мирового господства США — *Rax americana* (американского мира), или, как говорил Даллес, такого «мирового порядка», который полностью устраивал бы американское правительство.

Советский Союз был основной силой, препятствующей осуществлению этого империалистического плана. Поэтому основные усилия американские правящие круги направляли против СССР, стремясь оказать на него военное, экономическое, психологическое давление «с позиции силы» и добиться отхода Советского Союза с его прин-

ципальных позиций по важнейшим международным проблемам.

Главным фактором такого давления американские империалисты считали ядерное оружие США. Однако Советское государство, вопреки надеждам и оценкам правящей монополистической верхушки США, вышло из второй мировой войны не ослабевшим, а окрепнувшим. С образованием в Восточной Европе целого ряда социалистических государств Советский Союз перестал быть единственной страной социализма. И, несмотря на то что у СССР в первые послевоенные годы еще не было ядерного оружия, американские расчеты на возможность оказать быстрый нажим на СССР с позиций атомной мощи потерпели крах.

В этих условиях американские империалистические стратеги сочли необходимым отвергнуть как нереальную теорию быстрого тотального поражения СССР. Они приступили к разработке политики постепенного поражения СССР и других стран социализма — к политике «отбрасывания коммунизма», как выражался Даллес, путем продуманного, непрерывного и нарастающего давления по всем линиям в течение более или менее длительного периода.

Такой подход потребовал детализации доктрины «холодной войны» применительно к ситуации, сложившейся в мире, и определения главных направлений в послевоенной внешнеполитической деятельности США. В результате на свет появился целый ряд американских доктрин и теорий, которые, укладываясь в рамки общей доктрины «холодной войны», являлись как бы ее частными составляющими. Главной из них стала разработанная Даллесом теория «просвещенного эгоизма». Одним из требований «просвещенного эгоизма» лидеры США считали отказ от традиционного американского изоляционизма, от концепции «Америка — крепость». Джон Даллес и его единомышленники доказывали, что «просвещенный эгоизм» диктовал США необходимость отказаться от таких принципов внешней политики, как невмешательство и невовлечение в блоки (Nonentanglement).

Подобные принципы до второй мировой войны лежали в основе внешнеполитического курса США. Правда, империалистическая практика США, их участие в первой и второй мировых войнах показывают, что они факти-

чески отказались от этих принципов еще с начала XX века, однако теоретически эти принципы все еще фигурировали в официальном политическом лексиконе США.

Потребовав окончательно поставить крест на этих принципах, Даллес и его последователи стремились привести внешнеполитическую доктрину в соответствие с внешнеполитической практикой США. В противовес доктрине «невовлечения в блоки» они выдвинули принцип «взаимозависимости», направленный на создание по всему свету агрессивных военно-политических блоков под эгидой США. Организовывая такого рода блоки, лидеры США намеревались добиться военного окружения СССР.

В июне 1948 года сенат США 64 голосами против 4 принял так называемую резолюцию Ванденберга, которая порывала с традиционным принципом «невовлечения в блоки» в мирное время и юридически узаконивала участие США в создававшемся ими Североатлантическом пакте. В этой резолюции, в частности, предусматривалось:

«Прогрессирующее развитие региональных и других коллективных соглашений для индивидуальной или коллективной самозащиты...

Присоединение Соединенных Штатов, путем конституционной процедуры, к таким региональным и другим коллективным соглашениям, которые основываются на непрерывной и эффективной самопомощи и взаимной помощи и которые имеют отношение к национальной безопасности США»¹⁰.

Резолюция Ванденберга явилась первым практическим шагом по осуществлению доктрины «взаимозависимости». Она означала серьезную победу американских авантюристов-интервенционистов над сторонниками политики «изоляционизма» в правящих кругах США. Окончательно эта победа была закреплена на предвыборном съезде республиканской партии США по выдвижению кандидатов на посты президента и вице-президента в июне 1952 года. Главными соперничающими кандидатами на этом съезде были: генерал Эйзенхауэр — первый главнокомандующий НАТО, имя которого являлось как бы знаменем сторонников политики «интервенционизма», и престарелый сенатор Тафт, представлявший точку зрения тех слоев правящего класса, которые стремились к тому, чтобы правительство США активно занялось де-

лами американского континента и не ввязывалось в европейские дела.

Победа Эйзенхауэра на съезде и на президентских выборах привела к тому, что сторонников идеи «Америка — крепость» заставили замолчать на много лет.

Что представляет собой доктрина «взаимозависимости» в ее развернутом виде? Она выражает политику американского империализма в отношении других стран капиталистического, или, как говорят идеологи США, «свободного мира». По существу, такая политика направлена на то, чтобы создать положение односторонней зависимости партнеров по империалистическим блокам от США при сохранении американским империализмом полной свободы рук. Доктрина «взаимозависимости» связана с политическим шантажом США по отношению к тем странам, которые Соединенным Штатам удалось привязать к себе неравноправными военными и политическими соглашениями.

Даллес, формулируя концепцию «взаимозависимости», не только откровенно говорил о руководящей роли США в «свободном мире», но и прямо подчеркивал, что эта концепция имеет целью одностороннее давление США на своих младших партнеров. Подобный подход правящие круги США рассматривали в качестве необходимой предпосылки создания так называемого «европейского единства» под эгидой США. В 1950 году Даллес писал, говоря о западноевропейских партнерах США: «Роскошь независимости становится все более дорогостоящей, потому что отдельные нации Западной Европы менее самообеспечены, чем когда-либо, после потери их инвестиций в других государствах, их восточных колоний и прекращения торговли между Восточной и Западной Европой (последнее, кстати говоря, произошло под прямым нажимом США.— Г. Т.). Соединенные Штаты ныне имеют возможность мирно осуществить то, необходимость чего признает каждый западный руководитель, независимо от его национальной или партийной принадлежности, но что не будет осуществлено, если не будет дружественного, но твердого давления извне. Соединенные Штаты могут и должны ухватиться за эту возможность и оказать такое давление»¹¹.

Экономическую основу «взаимозависимости» правящие круги США видели в подчинении экономики других

стран американскому монополистическому капиталу. Важнейшей акцией США в развитие этой концепции явилось провозглашение «плана Маршалла». «План Маршалла» был выдвинут США после того, как они весной 1947 года на IV сессии совета министров иностранных дел в Москве вместе с Англией выступили против советской программы восстановления Германии как демократической республики с единым общегерманским правительством. Тем самым они продемонстрировали, что их курс направлен на раскол Германии, а также на раскол Европы на противостоящие друг другу группировки.

Политическую часть доктрины «взаимозависимости» применительно к Западной Европе составил Североатлантический пакт. Идея этого пакта зародилась на двухпартийном совещании в Блэйрхаузе в Вашингтоне, в котором приняли участие государственный секретарь Маршалл, заместитель государственного секретаря Р. Ловетт, сенатор Ванденберг и Даллес, являвшийся в то время советником госдепартамента США. На этом совещании Ловетт выступил с предложением заключить пакт с рядом европейских держав по типу пакта Рио-де-Жанейро «О совместной обороне Западного полушария», подписанного в сентябре 1947 года на конференции министров иностранных дел американских республик¹².

Даллес вначале выразил сомнение по поводу предложения Ловетта. Он считал более целесообразным, чтобы США, организуя политический раскол Европы, действовали более осторожно, и предложил выступить с декларацией типа «доктрины Монро» применительно к Западной Европе. Однако после обсуждения Даллес и Ванденберг согласились с точкой зрения Ловетта и Маршалла. Результатом явилось принятие сенатом уже упоминавшейся резолюции Ванденберга, провозгласившей политику участия в региональных внешнеполитических союзах важнейшим направлением внешней политики США.

Юридическая формула американского вмешательства в дела суверенных европейских государств, олицетворявшаяся резолюцией Ванденберга, по форме несколько отличалась от односторонней декларации Джеймса Монро. Американское вмешательство было прикрыто фасадом «коллективных мероприятий» по линии НАТО. Однако сами американские правящие круги воспринимали участие США в НАТО как непосредственное развитие

идей «доктрины Монро». При обсуждении вопроса о вступлении США в НАТО в сенатской Комиссии по иностранным делам сенатор Смит спросил государственного секретаря Ачесона, не считает ли он, что заключение договора НАТО «является в действительности расширением того же самого принципа, на той же самой основе, которую мы заложили, когда выступили с односторонней декларацией доктрины Монро», на что Ачесон дал утвердительный ответ¹³.

В ходе заседаний той же комиссии было подтверждено, что США настаивали на заключении пакта НАТО отнюдь не по причине мнимой «советской агрессивности» и «нежелания СССР сотрудничать с США», что усиленно пропагандировала в то время официальная американская печать. Военный блок в Европе нужен был правящим кругам США для проведения совместно с европейскими странами антисоветской политики, направленной на то, чтобы не допустить нормализации обстановки в Европе и ликвидации остатков второй мировой войны. Об этом, в частности, свидетельствует следующий диалог, состоявшийся между сенатором Лоджем и Ачесоном:

«Сенатор Лодж: А если бы между Россией и западными державами могло бы быть достигнуто соглашение в отношении Берлина и германской проблемы вообще, было бы в таком случае все еще необходимо двигать дело с заключением Североатлантического договора?»

Секретарь Ачесон: Да, по моему мнению, было бы необходимо»¹⁴.

Идеологической базой для объединения США и ряда стран Западной Европы в Североатлантический блок была сугубо антисоветская, антикоммунистическая платформа. Однако правительство США, идя на заключение пакта, то есть на постоянное военное присутствие в Европе, преследовало еще одну цель в соответствии с доктриной «взаимозависимости». Формируя Североатлантический пакт, правительство США надеялось создать юридические основания для сохранения значительных контингентов американских вооруженных сил в Западной Европе. В противном случае они должны были бы быть демобилизованы и отозваны за океан. Лидеры США во всех своих публичных выступлениях оправдывали сохранение американских войск и военных баз в Европе необходимостью «обороны против Советов». Однако в пер-

вую очередь они надеялись использовать присутствие своих войск для давления на союзные им правительства стран Западной Европы с целью заставить их согласиться на «взаимозависимость» на американских условиях, то есть на условиях подчинения интересов этих стран интересам Вашингтона.

Сомнительную честь первому поджечь костер антисоветской истерии, то есть официально открыть кампанию «холодной войны», взял на себя старейшина западных идеологов антикоммунизма — лидер английских консерваторов Уинстон Черчилль. Сразу после окончания второй мировой войны он временно оказался не у дел в результате победы лейбористов на выборах в Англии и поэтому смог сконцентрировать весь свой антисоветский пыл на разработке антикоммунистической платформы Запада.

5 марта 1946 г. У. Черчилль, лично представленный избранной аудиторией президентом Трумэном, произнес в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури) небезызвестную поджигательскую речь, в которой он призывал организовать новый крестовый поход против СССР и мирового коммунистического движения. Черчилль выступил в Фултоне с расистских позиций утверждения превосходства наций, «говорящих на английском языке», которые, по его мнению, и должны были возглавить этот поход. Именно в этой речи он пустил в обиход фразу о «железном занавесе», позаимствованную им из пропагандистского арсенала Геббельса. Черчилль особо подчеркивал, что только Англия с ее империей и США «обладают силой, для того чтобы спасти будущее». С этой позиции превосходящей силы, говорил он, и надо нажать на русских, «пока еще есть время», чтобы обеспечить устройство мира по англо-американскому образцу.

Двадцать с лишним лет, прошедших с момента произнесения этой речи, показали полную несостоятельность надежд Черчилля и его единомышленников на «отбрасывание коммунизма» и установление англо-американского господства над миром. Однако в 1946 году призыв Черчилля к крестовому походу против социализма, сделанный со всей мессианской страстностью, на которую только был способен этот воинствующий антикоммунист, лег в основу идеологической платформы атлантической группировки держав. Выделяя суть фултоновской речи Черчилля, американский дипломат и юрист Джозеф Моррэй

писал в 1962 году: «Черчилль решительно считал, что война является меньшим злом, чем продолжение коммунистических успехов., он призывал к курсу действий, который в громадной степени увеличивал возможность войны из-за вопросов, непосредственно разделявших великие державы»¹⁵.

Подобный курс действий и начали проводить США, Англия и другие страны, подписавшие Североатлантический пакт. И если вероятность новой мировой войны, заложенная в этой политике, не превратилась в реальность мирового военного столкновения, то это произошло благодаря силе и могуществу СССР и других социалистических стран, которые не раз за последние годы оставляли поджигателей войны у роковой грани.

Вслед за подписанием в 1949 году пакта НАТО лидеры США, руководствуясь той же концепцией борьбы против социализма и мирового национально-освободительного движения, приступили к сколачиванию военно-политических блоков в Азии и на Ближнем и Среднем Востоке.

В сентябре 1951 года в Сан-Франциско США подписали «договор безопасности» с двумя английскими доминионами — Австралией и Новой Зеландией, создав таким образом «Малый Тихоокеанский пакт», или АНЗЮС (Австралия — Новая Зеландия — Соединенные Штаты). Этот блок явился ядром более обширного блока — СЕАТО, участниками которого стали Соёдиненные Штаты, Англия, Франция, Филиппины, Пакистан, Таиланд, Австралия и Новая Зеландия. СЕАТО в основных своих аспектах и по своей агрессивной, антикоммунистической направленности представляет собой копию Североатлантического пакта.

Пакт СЕАТО был поспешной и неуклюжей попыткой американской дипломатии «дать ответ» на поражение колониализма на Индокитайском полуострове. Многие считали, что это было поражением не только Франции, но и США, ибо, как говорил Эйзенхауэр, люди повсюду полагали, «что США несли главную ответственность за оборону Индокитая, точно такую же, какую мы имели в Корее»¹⁶.

Победа национально-освободительного движения в Индокитае была официально закреплена Женевскими соглашениями, зафиксировавшими существование неза-

висимых государств — Лаоса, Камбоджи, Демократической Республики Вьетнам и Южного Вьетнама на месте бывших французских колоний. При этом, как известно, Женевские соглашения предусматривали проведение свободных выборов во Вьетнаме в июле 1956 года с целью объединения страны. Однако представитель США на переговорах в Женеве генерал Уолтер Беддел Смит уже в момент подписания соглашений сделал оговорку, равнозначную отказу США выполнить указанное положение. В конечном итоге США и их южновьетнамские марионетки сорвали выполнение этой статьи Женевских соглашений.

Президент Эйзенхауэр в своих мемуарах довольно откровенно намекнул на то, чем руководствовались США, выступая против свободных выборов во Вьетнаме: «Я ни разу, — писал Эйзенхауэр, — не встречал человека, сведущего в индокитайских делах, который бы не согласился с тем, что, будь во время войны (во Вьетнаме. — Г. Т.) проведены выборы, 80% населения проголосовали бы за коммуниста Хо Ши Мина, как за своего руководителя...»¹⁷. Эйзенхауэр и Даллес, срывая выборы, опасались, что в 1956 году за воссоединение с Северным Вьетнамом проголосовало бы 99% населения.

Таким образом, существенным моментом пакта СЕАТО является не только его антикоммунистическая направленность, но и его ярко выраженный неокOLONиалистский характер, что представляет собой важнейшую характерную черту всей американской доктрины «взаимозависимости».

Если применительно к отношениям США с капиталистическими державами Западной Европы эта сторона доктрины «взаимозависимости» более или менее завуалирована и может проявляться лишь как тенденция, то в отношениях с развивающимися странами Азии и Среднего Востока колониалистская сущность этой доктрины выражается совершенно открыто.

Договор НАТО официально был заключен для обороны от «внешней агрессии». В договор СЕАТО руководителями госдепартамента, сформулировавшими весь его текст, была включена статья, предусматривавшая возможность вмешательства США в дела той или иной страны — участницы блока и в случае внутренних событий.

Не удовлетворяясь этим, США настояли на подписа-

нии специального протокола, которым статьи пакта, предусматривавшие военные и экономические мероприятия, произвольно распространялись на Южный Вьетнам, Камбоджу и Лаос. Это было сделано без согласия правительств Лаоса и Камбоджи, более того — вопреки протестам с их стороны. Тем самым западные государства — члены СЕАТО, которые принимали участие в Женевской конференции по Индокитаю, стали на путь грубейшего нарушения соглашений, принятых на этой конференции¹⁸.

Колонизаторский характер СЕАТО проявлялся и в ст. 4 этого пакта. В отличие от договора НАТО, по которому нападение на одного из его членов автоматически рассматривается как нападение на всех, указанная статья договора СЕАТО предусматривает, что в случае «вооруженного нападения в районе договора на одного из участников» каждая из сторон «будет в этом случае действовать... в соответствии со своей конституционной процедурой»¹⁹.

Сформулировав таким образом статью, касающуюся обязательств по взаимопомощи, западные участники пакта, в первую очередь США, обеспечили себе полную свободу действий. С одной стороны, формулировкой о «конституционной процедуре» они оставили для себя лазейку для одностороннего отказа от выполнения обязательств, в случае если та или иная авантюра, в которую США могут втравить азиатских участников СЕАТО, начнет принимать для них нежелательный оборот.

С другой стороны, США могут интерпретировать эту статью и как разрешающую им предпринимать односторонние акции в районе действия договора, не спрашивая согласия других участников блока. Именно таким образом толковал смысл этой статьи государственный секретарь США Раск на заседании сенатской Комиссии по иностранным делам 18 февраля 1966 г., когда он пытался подвести юридическую базу под агрессию США во Вьетнаме. «Язык договора,— заявил Раск,— заслуживает тщательного внимания. Обязательства, которые налагаются договором, не только совместны, но и индивидуальны. Вывод о том, что произошло вооруженное нападение, не должен быть сделан путем коллективного решения, пока обязательство каждого из членов не войдет в силу. Договор также не требует коллективного решения о действиях, которые должны быть предприняты

для отражения общей угрозы. Если Соединенные Штаты решат, что произошло вооруженное нападение на любую из тех наций, на которую распространяется действие договора, то в этом случае они обязаны действовать с целью отражения общей угрозы, не считаясь со взглядами или действиями любого другого участника договора» (выделено мной.— Г. Т.)²⁰.

Таким образом, руководители США интерпретируют Манильский договор в типично колониалистском духе, в одностороннем порядке присваивая себе право «прийти на помощь» любому своему союзнику по СЕАТО даже в том случае, когда такая «помощь» будет оказываться без согласия или даже вопреки воле этого союзника. Даже официальные американские пропагандисты расценили эту «доктрину Раска» как наиболее провокационную из всех американских доктрин.

«В свете доктрины Раска,— писал Джеймс Рестон,— доктрина Монро или доктрина Трумэна начинает казаться этакой дешевкой... Даже Джон Фостер Даллес, который был не из робкого десятка, и тот считал, что каждый союз должен базироваться на своих условиях и зависеть в определенной степени от того, что делают другие члены союза»²¹.

Опираясь на механизм СЕАТО, США подчиняют себе экономику и политику азиатских участников пакта, открыто вмешиваются во внутренние дела этих стран и их соседей. Интриги США против законного правительства Камбоджи, вмешательство США во внутреннюю борьбу в Лаосе на стороне реакционных сил, отправка вооруженных сил США в Таиланд в мае 1962 года, когда США фактически даже в обход правительства Таиланда пригласили других участников блока присоединиться к ним в этой интервенции, организованной под предлогом «защиты» Таиланда,— наглядные тому примеры.

Аналогичные цели подавления национально-освободительного движения и создания вокруг социалистических стран военных плацдармов преследует и так называемый Центральный пакт — СЕНТО (Турция, Пакистан, Иран, Великобритания). Этот пакт был создан США как мост между НАТО и СЕАТО в развитие доктрины «взаимозависимости», после того как окончились провалом попытки Вашингтона организовать средневосточное командование под эгидой США и втянуть в него Египет.

Учитывая резко отрицательное отношение большинства арабских стран к пакту СЕНТО, США формально так и не присоединились к нему, считая, что это не будет способствовать сохранению позиций США на Ближнем и Среднем Востоке. Тем не менее США стали членами всех комиссий пакта: экономической, по «борьбе с подрывной деятельностью» и военной.

В июне 1957 года представители США вошли в объединенный штаб военного планирования этого блока. Таким образом, они стали фактически полными участниками СЕНТО, в то же время оставшись свободными от формальных юридических обязательств, то есть сохранив для себя в этом районе полную свободу действий.

Через СЕНТО США добиваются увеличения военного потенциала государств — участников блока, проводят стандартизацию вооружений, создают на территории этих стран свои военные базы, склады и центры проведения разведывательной деятельности против СССР и других социалистических государств и стремятся широко использовать территории стран — участниц СЕНТО для их подготовки в качестве будущих театров военных действий.

В результате создания всех этих блоков в разных районах мира, а также заключения двусторонних военных соглашений с отдельными странами США оказались связанными договорными отношениями с 40 государствами мира ²², о чем дает представление таблица, приведенная на стр 36—37.

Из таблицы видно, что Соединенные Штаты являются основным связующим звеном системы империалистических блоков и союзов, включающей в себя большинство капиталистических государств и охватывающей главные районы земного шара.

США прилагают немало усилий к тому, чтобы эти союзы не превращались в противостоящие друг другу блоки, хотя в силу присущих империализму внутренних противоречий эту цель Соединенным Штатам довольно трудно осуществить. Противоречия в союзах часто выходят за рамки семейных ссор между их участниками. Достаточно вспомнить обострение противоречий между Англией и Францией, с одной стороны, и США — с другой, в период суэцкой авантюры, конфликт между Турцией и Грецией по вопросу о положении на Кипре, на-

Страны	НАТО	Пакт Рио-де-Жанейро	АНЗЮС	СЕАТО	Договор о безопасности с Филиппинами	Договор о безопасности с Японией	Военный договор с Южной Кореей
Бельгия	×						
Канада	×						
Дания	×						
Франция	×			×			
ФРГ	×						
Греция	×						
Исландия	×						
Италия	×						
Люксембург	×						
Голландия	×						
Норвегия	×						
Португалия	×						
Турция	×						
Великобритания	×			×			
США	×	×	×	×	×	×	×
Аргентина		×					
Боливия		×					
Бразилия		×					
Чили		×					
Колумбия		×					
Коста-Рика		×					
Доминиканская Республика		×					
Эквадор		×					
Сальвадор		×					
Гватемала		×					
Гаити		×					
Гондурас		×					
Мексика		×					
Никарагуа		×					
Панама		×					
Парагвай		×					
Перу		×					
Уругвай		×					
Венесуэла		×					

Страны	НАТО	Пакт Рио-де-Жанейро	АНЗЮС	СЕАТО	Договор о безопасности с Филиппинами	Договор о безопасности с Японией	Военный договор с Южной Кореей
Австралия			×	×			
Новая Зеландия			×	×			
Пакистан				×			
Филиппины				×	×		
Таиланд				×			
Япония						×	
Южная Корея							×

растающее обострение противоречий между США и Францией в связи с выходом последней из военной организации Североатлантического договора.

В области политики военных союзов, как ни в какой другой, проявляется преемственность внешнеполитических курсов республиканской и демократической партий США. Все послевоенные американские правительства, начиная от правительства Трумэна и кончая правительством Джонсона, одной из своих главных внешнеполитических задач считали и считают укрепление империалистических союзов в интересах борьбы против стран социализма, национально-освободительного движения народов и рабочего движения в капиталистических странах.

Правда, в ряде районов мира в силу нежелания многих даже проамерикански настроенных правительств идти на открытый союз с американским империализмом Соединенным Штатам не удалось добиться организации военных блоков. Пытаясь тем не менее утвердить свои экспансионистские, империалистические притязания, правящие круги США прибегают к одностороннему провозглашению ряда так называемых региональных доктрин. Если в доктрине «взаимозависимости» основным моментом является объединение группы держав в военные блоки на антисоветской, антикоммунистической платформе, то в региональных американских доктринах первостепенную роль играет стремление США выступать в

качестве гаранта послушных Вашингтону режимов против внутренних революционных народных движений, направленных на их свержение.

По сути дела, все региональные доктрины, провозглашенные США в послевоенные годы, начиная от «доктрины Трумэна» и кончая доктринами Даллеса, Эйзенхауэра и Джонсона, касающимися районов Дальнего и Среднего Востока и Латинской Америки, были публичными декларациями Вашингтона о том, что в случае революционных изменений в соответствующем районе мира Соединенные Штаты пойдут на вооруженную интервенцию, чтобы сохранить в этих странах удобные им режимы.

С подобной оценкой американских доктрин не могут не согласиться даже весьма проправительственно настроенные американские политические комментаторы. Так, например, известный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» С. Сульцбергер пишет в своей книге «Что неладно во внешней политике США»: «С философской точки зрения нет никакой разницы в целях тех документов, которые получили название доктрин Трумэна, Эйзенхауэра и Даллеса... Широкой целью доктрины Трумэна было утвердить притязания на право вмешательства даже в тех случаях, когда не было намерения использовать это право полностью. Таковы же были объективные цели доктрин Эйзенхауэра и Даллеса. Эти цели содержались в зародыше в доктрине Монро»²³.

Таким образом, суть всех этих доктрин сводится к тому, чтобы угрозой применения вооруженной силы запретить народам самостоятельно делать выбор своего будущего, если он не устраивает американских империалистов. А империалистов США не устраивает любой выбор, связанный с установлением подлинной демократии, со сдвигами влево, с утверждением национального суверенитета в такой форме, которая исключает иностранное влияние на политику того или иного государства.

«В области внешней политики,— отмечает американский историк Джон Спаниер,— нашей реакцией на коммунистическую угрозу американскому образу жизни было оказание поддержки почти любому «антикоммунистическому» режиму. Действуя таким образом, Соединенные Штаты связали себя с феодальными режимами, дни которых были сочтены, так как эти режимы вызвали к себе враждебность широких масс: Чан Кай-ши в Китае, Бао

Дай в Индокитае, король Фейсал в Ираке... Тот факт, что феодальные правительства всех этих стран были или являются проамериканскими и антикоммунистическими, делает их в наших глазах «демократическими» или, по крайней мере, потенциально таковыми, и по той же самой причине мы выступали против внутренних движений, направленных на их свержение, и осуждали эти движения как коммунистические или прокоммунистические. Подобное отношение было типичным для нашего либерального абсолютизма и его неспособности понять корни социальной борьбы в Азии и на Среднем Востоке»²⁴.

В соответствии с подобным империалистическим пониманием свободы и демократии Соединенные Штаты подходят и к определению концепции статус-кво, понимая его в первую очередь как принцип, оправдывающий сохранение прогнивших, антинародных режимов независимо от воли народов тех стран, в которых эти режимы существуют. Подобная трактовка не вяжется с самой американской Декларацией независимости, которая провозгласила не просто право, а долг народов свергать тиранов и самим устанавливать свою форму правления. Однако то, что в XVIII веке американцы считали неотъемлемым правом каждого народа, ныне превратилось, в трактовке вашингтонских идеологов, в непозволительную роскошь самоопределения. Не может быть никакого самоопределения, поскольку оно нарушит существующий «баланс сил», пойдет вразрез американским интересам борьбы против коммунизма — вот какова основная установка по этому вопросу руководящих кругов США.

Известный американский журналист Уолтер Липпман, посетивший Москву в 1958 году, был удивлен, когда в ходе его бесед с советскими руководителями ему было разъяснено, что Советский Союз под статус-кво понимает сохранение существующих границ между государствами, политику невмешательства во внутренние дела других стран, суверенитет наций, но отнюдь не право той или иной державы мешать революционному изменению существующих порядков в той или иной стране, когда такие изменения диктуются волей народов²⁵.

Стремясь к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем, Советский Союз выступает за сохранение статус-кво в мире. Однако, как это вновь было подчеркнуто на XXIII съезде КПСС, мирного

существования не может быть там, где речь идет о внутренних процессах классовой и национально-освободительной борьбы. Это — единственно исторически правильное понимание этого принципа, подтверждаемое ходом всей мировой истории, в том числе и примером самой американской революции. И тот факт, что даже такой реалистически мыслящий политический обозреватель, как Липпман, поддался на удочку сугубо односторонней, колонизаторской трактовки этого принципа, лишний раз показывает, до какой степени психология американцев отравлена шовинистической, великодержавной идеологией американских монополистических кругов, действующих по маккиавелиевскому принципу: «Цель оправдывает средства». Цель, согласно определению американских идеологов, — это поражение коммунизма. Во имя этой цели руководители США изображают архиреакционеров и диктаторов как представителей демократии, ненавистных народам тиранов — как апостолов свободы. Для достижения этой цели они не жалеют никаких средств, используя военных диктаторов и реакционных монархов в качестве пешек в затеянном ими крестовом походе против коммунизма.

В этом смысле и нейтрализм развивающихся государств так же неприемлем для правящих кругов США, как и революционное движение народов стран Азии, Африки и Латинской Америки, не говоря уже о выборе развивающимися странами социалистического пути развития, по которому, в частности, идет Республика Куба.

Выступая 9 июня 1956 г. в сельскохозяйственном колледже штата Айова, Д. Ф. Даллес заявил: «Принцип нейтрализма... становится все более устаревшей концепцией и, за исключением чрезвычайных обстоятельств, является аморальной и близорукой концепцией»²⁶. Разъясняя, почему американское правительство так ополчилось на нейтрализм, один из американских дипломатов высказал мысль, что нейтральные страны Азии и Африки якобы «нейтральны против США». Именно в этом США видят главное зло для себя.

Нейтрализм, политика неприсоединения к блокам, проводимая все большим числом молодых государств Азии и Африки, мешает правящим кругам США манипулировать политикой этих государств, удерживать их в орбите активной прозападной политики антикоммуниз-

ма. Не какая-либо «просоветская», а сугубо нейтральная политика этих государств, направленная на укрепление мира, солидарности африканских, азиатских и латиноамериканских стран в их борьбе за свое политическое и экономическое освобождение, является, с точки зрения Вашингтона, «антиамериканским курсом». А это лишний раз подтверждает выводы съездов КПСС и международных совещаний представителей коммунистических и рабочих партий о том, что американский империализм воплощает в своей политике идеологию воинствующей реакции, что он является главной реакционной силой нашего времени.

Для обоснования своих неоколониалистских притязаний американские империалистические идеологи выступили с так называемой «теорией вакуума». Этот «вакуум» якобы образуется в тех районах мира, где происходят изменения социального, экономического и политического порядка. Первоначально идея «вакуума» была выдвинута Даллесом в отношении послевоенной Европы. Он утверждал, что после поражения гитлеровской Германии в Европе образовался «военный вакуум, экономический вакуум и моральный вакуум». И если этот «вакуум» не будет заполнен США, говорил Даллес, то он будет заполнен из «динамического источника» — советского коммунизма²⁷. «План Маршалла» с его кабальной «помощью» странам Западной Европы и военные мероприятия в рамках НАТО и были, по его мнению, теми элементами, которыми США заполняли «европейский вакуум».

Однако западноевропейские лидеры при всей зависимости их стран от США в первые послевоенные годы не сочли для себя возможным унизиться до такой степени, чтобы принять даллесовскую теорию «европейского вакуума», которая рассматривала Францию, Италию, Бельгию и т. д. чуть ли не в качестве пустынь — «ничейной земли». И Даллес с момента своего вступления на пост государственного секретаря США в 1953 году больше ни разу не выступал с подобной шовинистической теорией в отношении Западной Европы. Но зато он дал простор своему красноречию, развивая «теорию вакуума» применительно к другим районам мира, в первую очередь в отношении Ближнего и Среднего Востока. При этом Даллес стал говорить не столько о «экономическом и моральном вакуумах», сколько о «вакууме силы». Согласно

этой видоизмененной теории Даллеса, всякий раз, когда в том или ином районе мира происходят изменения революционного порядка, ликвидируется колониальное управление, образуется «вакуум силы», который должен быть заполнен силой, привнесенной извне. И естественно, что американские идеологи не мыслили себе иной силы, кроме силы (и в первую очередь военной) Соединенных Штатов.

Американские империалисты, выдвигая теорию «вакуума силы», начисто отвергали самостоятельность и независимость вновь образующихся государств. Они рассматривали победы национально-освободительных движений в различных районах мира не как утверждение воли народов и укрепление их позиций в борьбе с остатками колониализма, а как события, создающие предлог для империалистического вмешательства США с целью «стабилизации положения».

Даллесовская теория «вакуума» служила идеологическим обоснованием политики замещения колониализма Англии, Голландии, Бельгии и т. д. неоколониализмом США. И если в начале XX века, провозглашая доктрину «открытых дверей», США претендовали на равенство возможностей с другими империалистическими державами в осуществлении экспансионистской политики, то после второй мировой войны, создав теорию «вакуума силы», США тем самым выдвинули принцип исключительности для американского империализма в заморской экспансии. Согласно теории «вакуума силы», США являются единственной силой в современном империалистическом мире, способной противостоять антиколониальным и антиимпериалистическим движениям народов. Выступив с подобными притязаниями, американский империализм взял на себя непосильную задачу. И это ярко подтверждается ходом всех мировых событий, общим знаменателем которых является бурно развивающийся процесс освобождения народов от ига колониализма и империализма, несмотря на все попытки правящих кругов США повернуть вспять колесо истории.

Глава II

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США

СТРАТЕГИЯ ПРЕВЕНТИВНОЙ ВОЙНЫ (1945—1948 гг.)

Принципиальные положения военно-стратегической доктрины США формулируются в рамках общей национальной стратегии, которая разрабатывается высшим американским руководством и предусматривает определенные пути и средства в экономической, политической, психологической и военной областях для осуществления политики американского империализма — «национальной цели США», как выражаются американские буржуазные авторы. Военная стратегия, таким образом, является служанкой национальной стратегии, которая, в свою очередь, вытекает из общеполитической доктрины США.

Руководящие установки американской военно-стратегической доктрины излагаются в виде директивы Национального совета безопасности (НСБ) США. Этот документ называется «Основная политика в области обеспечения национальной безопасности». Он утверждается НСБ после тщательного рассмотрения и отражает главные военно-политические задачи, которые ставит перед собой американский империализм. Один из адресатов, которым направляется документ, — Комитет начальников штабов США. Последний разрабатывает уже чисто военные компоненты доктрины и средства обеспечения военных задач, которые предусматриваются «политикой обеспечения национальной безопасности».

Поскольку документ «Основная политика в области обеспечения национальной безопасности» является одной из наиболее строго охраняемых государственных тайн США, о нем трудно говорить конкретно. Однако генерал Тэйлор, занимавший пост начальника штаба американской армии в 1955—1959 годах, в своей книге «Ненадежный призыв» приводит один собственный документ, написанный на основе директивы НСБ, относящейся к 1955 году, который дает представление об установках, содержащихся в ежегодной директиве Национального совета безопасности. Генерал Тэйлор подчеркивает, что эти установки в отношении целей (но не методов и средств) оставались, по существу, неизменными в послевоенный период. Поэтому цель, провозглашенную в директиве НСБ 1955 года, можно рассматривать как основную цель американской политики, сформулированную правящими кругами США после второй мировой войны.

Как видно из документа Тэйлора, НСБ определяет главную цель американской политики как «обеспечение безопасности США и их фундаментальных ценностей и институтов». «В осуществление этой основной цели США стремятся любыми приемлемыми для американского народа средствами изменить международное коммунистическое движение таким образом, чтобы оно больше не представляло угрозы национальной безопасности США» (выделено мной. — Г. Т.)¹.

В этом документе основная агрессивная установка американского империализма на мировое господство и борьбу против социалистических стран преподносится как благородная задача «обеспечения национальной безопасности США». Но даже и из вышеприведенной завуалированной формулировки явственно проступает стремление американского империализма вести любыми средствами, в том числе и силой оружия, борьбу против СССР и других социалистических стран.

Можно процитировать и другой документ, в котором в довольно откровенной форме говорится, что основная цель США не ограничивается «обеспечением национальной безопасности» или даже охраной существующей капиталистической системы в целом. Речь идет о докладе «Развитие военной техники и ее влияние на стратегию и внешнюю политику США», подготовленном для Комис-

сии по иностранным делам сената США и опубликованном в 1959 году в качестве официального документа конгресса. В докладе отмечается: «Основной целью американской национальной политики является создание и обеспечение структуры мировых отношений, совместимой с ценностями США и свободного мира. Эта цель выходит далеко за рамки узких интересов национальной безопасности США или чисто сдерживающих операций против коммунистической экспансии»². Из этого следует, что главная цель внешнеполитического курса США — борьба против социализма и коммунизма и создание «мирового порядка» на американских условиях.

Президент Трумэн, пришедший к власти в апреле 1945 года после смерти Франклина Рузвельта, не дожидаясь окончания войны, сделал резкий поворот от политики своего предшественника, предусматривавшей продолжение сотрудничества США с СССР после войны. Он сделал установку на немедленную «пробу сил» с Советским Союзом, с тем чтобы «поставить его на место» и обеспечить американскую гегемонию в послевоенном мире. Всего через восемь дней после смерти Рузвельта Трумэн заявил американским дипломатам, что он намеревается быть твердым по отношению к русским и не делать никаких уступок³.

Молодой американский историк Гар Альперовитц в своем исследовании политики Трумэна писал, что уже к третьей неделе апреля 1945 года новый президент США и большинство его старших советников пришли к выводу, что «рузвельтовская политика сотрудничества должна быть пересмотрена и что мудрая стратегия в настоящее время заключается в том, чтобы поставить Россию перед лицом твердой позиции с точки зрения переговоров, причем не стесняясь крепких выражений»⁴.

Основой своей политики в отношении СССР правительство Трумэна сделало атомный шантаж, рассматривая существовавшую тогда монополию США на ядерное оружие в качестве своего главного козыря в дипломатии нажима на СССР.

Известно, что сроки созыва Потсдамской конференции руководителей трех великих держав, состоявшейся в июле 1945 года, дважды переносились по просьбам американского президента. Реальной подоплекой всех этих просьб об отсрочке было стремление Трумэна присутст-

зовать на конференции с «атомной бомбой за плечами», с тем чтобы попытаться оказать давление на СССР. «Если она взорвется, что, я думаю, произойдет, — заметил он накануне испытания, — эти парни (русские. — Г. Т.) наверняка будут у меня в руках»⁵.

Трумэн прибыл в Потсдам в воскресенье 15 июля, а на следующий день в США на атомном полигоне Аламо-гордо в Нью-Мексико было произведено первое успешное испытание атомной бомбы. В течение последующих дней, во время первых заседаний конференции, Трумэн получил несколько специальных зашифрованных посланий из США, в которых подробно описывались результаты испытания. Именно этим и объясняется неприглядное поведение Трумэна в Потсдаме, фактически саботировавшего решение ряда вопросов, по которым не стоило труда договориться. Трумэн сообщил эту новость Черчиллю, который, обрадованный этим сообщением, в разговорах с членом английской делегации фельдмаршалом Аланбруком излил ему свои сокровенные мечты об установлении мирового диктата англосаксонских стран — те самые идеи, которые он через несколько месяцев изложил в своей поджигательской речи в Фултоне в США⁶.

В таком же воинственном настроении пребывал в Потсдаме и Трумэн. И хотя 24 июля он сообщил Сталину, что США создали новое оружие необычайной силы (не упомянув слово «атомное» или «ядерное»), президент США в первую очередь делал ставку на эффект, который должно было произвести в мире применение атомной бомбы против японских городов, с тем чтобы начать новый раунд нажима на Советский Союз⁷.

В заявлении Трумэна, опубликованном одновременно с сообщением об атомной бомбардировке Хиросимы, подчеркивалось, что США «не намерены раскрывать технические процессы производства (бомбы. — Г. Т.) или все ее военные применения»⁸. В своем обращении к стране 9 августа 1945 г. Трумэн, говоря об атомной бомбе, заявил: «Мы должны считать себя опекунами этой новой силы»⁹.

Но еще яснее о курсе Трумэна говорят не его публичные заявления, а борьба, которая происходила в американском правительстве, по вопросу о политике в отношении СССР в связи с появлением бомбы. Известно, что два деятеля из ближайшего окружения Трумэна — вице-пре-

зидент Уоллес и военный министр Стимсон — выступили против близорукой и рискованной политики атомного шантажа в отношении СССР с позиций временной американской атомной монополии. Они считали, что такой курс сведет на нет плоды совместной победы над Германией и Японией и толкнет мир на путь обострения отношений, который может привести к новой истребительной войне. В меморандуме, представленном Стимсоном Трумэну 11 сентября 1945 г., говорилось: «Если излагать вопрос кратко, то я рассматриваю проблему наших удовлетворительных отношений с Россией не просто как связанную с проблемой атомной бомбы, а как проблему, в которой вопрос об атомной бомбе является доминирующим... Эти отношения, возможно, могут быть непоправимо отравлены тем, как мы подходим к разрешению вопроса о бомбе с Россией. Ибо если мы не сумеем найти подхода к ним сейчас и будем лишь просто продолжать вести переговоры с ними, довольно нарочито в то же время держа это оружие у себя на боку, их подозрения и их недоверие к нашим целям и мотивам увеличатся»¹⁰.

Стимсон высказался за серьезные переговоры США с СССР об установлении международного контроля над атомным оружием и поощрении использования атомной энергии на мирные цели. Он подчеркнул, что всякого рода жесты со стороны США, направленные на создание видимости международного контроля, не произведут впечатления на Советский Союз и что угрозами США вряд ли смогут чего-либо добиться. В таком же духе выступал и Уоллес, обратившийся к Трумэну с письмом летом 1946 года, в котором он вскрывал порочность антисоветского курса США и предупреждал президента об опасности подобного курса¹¹.

Однако Трумэн и стоявшие за ним монополистические круги отвергли эти реалистические призывы. В условиях развернувшейся в США атомной истерии все больший вес и авторитет в правительственных кругах приобретали взгляды тех, кто требовал перейти от политики дипломатических ультиматумов в отношении СССР к пробе сил с помощью «абсолютного оружия» — атомной бомбы.

В связи с появлением в арсенале США этого оружия американская стратегическая доктрина начала исходить из идеи тотальной войны, которую многие американские

военные руководители представляли себе в виде атомного блицкрига против СССР. Эта тотальная война рассматривалась американскими стратегами как превентивная война¹².

Правда, следует подчеркнуть, что доктрина превентивной войны не была публично объявлена официальной. Американское правительство, вынужденное считаться с мировым общественным мнением и учитывать резко отрицательную реакцию в мире на использование Соединенными Штатами ядерного оружия против японских городов, на такую декларацию пойти не рискнуло. Но эта доктрина пользовалась огромной поддержкой в руководящих кругах США. И это говорит о том, что американские военные планы в первые годы после атомных бомбардировок японских городов базировались на предположках о необходимости нанесения превентивного удара по СССР «в целях искоренения большевизма».

То, что США по целому ряду причин так и не решились развязать в те годы военную авантюру против СССР, отнюдь не означает, что у американских правящих кругов не было намерения это сделать. Американские военные писатели и комментаторы в своих исследованиях того периода усиленно подчеркивают преобладание идеи превентивной войны в высших кругах Пентагона. «Тот факт, что ядерное оружие находилось в исключительном владении США., добавлял новый элемент к существующей ситуации. Многие американцы утверждали, что первоначальная монополия, которую их страна имела на это оружие, и существовавший затем перевес в ее пользу в запасах ядерного оружия и авиационной мощи делали возможным для США разрушить СССР по своему желанию. Поскольку такое положение США могло быть лишь временным, некоторые видные американцы даже призывали к тому, чтобы как можно скорее совершить нападение на СССР», — признает в своем исследовании, написанном по заданию «РЭНД корпорейшн», известный американский военный теоретик Х. Динерштейн¹³.

С призывами к превентивной войне против СССР выступал первый министр обороны в правительстве Трумэна Форрестол. Как сообщает в своих мемуарах бывший председатель американской Комиссии по атомной энергии Лилиенталь, в сентябре 1948 года Форрестол усилен-

но толкал президента к тому, чтобы принять решение о применении атомной бомбы в связи с Берлином¹⁴. Преемник Форрестала на посту министра обороны — Луис Джонсон, а также военно-морской министр Фрэнсис Мэтьюз отстаивали стратегию превентивной войны против СССР. Мэтьюз призывал к тому, чтобы США «заплатили любую цену — даже цену развязывания войны, для того чтобы заставить сотрудничать в пользу мира»¹⁵. Подобную доктрину отстаивали адмирал Рэдфорд (бывший с 1953 по 1957 г. председателем Комитета начальников штабов), адмирал Кэрни (занимавший одно время пост начальника штаба ВМС США) и генерал Томас Пауэр (бывший с 1957 по 1964 г. главнокомандующим стратегической авиацией США)¹⁶.

Идея превентивной войны пропагандировалась не только военными деятелями США, но и милитаристски настроенными руководителями гражданских министерств и депутатами конгресса. Виднейшим адвокатом превентивной войны в правительстве Трумэна был государственный секретарь Джеймс Бирнс, выступавший за то, чтобы при помощи такой войны «вытеснить русских из Европы»¹⁷.

В первые послевоенные годы, так же как и во время войны, военные руководители США и Англии находились под сильным влиянием теории итальянского генерала Джулио Дуэ о решающей роли стратегических бомбовых ударов по тыловым центрам противника¹⁸. В ходе второй мировой войны ВВС США и Англии, а на первом этапе войны — гитлеровская Люфтваффе применили эту теорию. Однако, как вынуждены были признать в Пентагоне, после тщательного расследования после войны эффективности тыловых рейдов бомбардировщиков на германские города, «стратегическая бомбардировка в ходе второй мировой войны не являлась решающей в разрушении военной промышленности нацистской Германии»¹⁹.

Тем не менее подавляющее большинство военных и политических руководителей США продолжало считать стратегическую бомбардировку залогом победы. Особенно они укрепились в этом мнении после чудовищного преступления, совершенного по приказу президента Трумэна, — атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Вот почему в вынашивавшихся в Пентагоне планах

превентивной войны против СССР ведущая роль отводилась стратегической авиации США, которая должна была сбросить груз атомных бомб на жизненно важные центры Советского Союза. Кларенс Кеннон, бывший в то время председателем Комиссии палаты представителей по ассигнованиям, так определил роль стратегической авиации США в тотальной войне: «В случае новой войны... ее исход будет определенно решен атомной битвой в течение трех недель или меньшего срока. Но ни армия, ни военно-морской флот не смогут добраться до Москвы с первыми атомными бомбами в течение трех недель — даже в течение трех лет. Только базирующиеся на суше бомбардировщики смогут достичь Москвы со своим смертоносным грузом»²⁰.

В январе 1948 года специальная комиссия из пяти человек, назначенная президентом Трумэном, опубликовала доклад, содержащий рекомендации о политике в области военной авиации. Комиссия возглавлялась Томасом Финлеттером, ставшим в 1950 году министром авиации в правительстве Трумэна. Авторы доклада в полном соответствии с укоренившимся тезисом о решающей роли пилотируемой авиации в будущей войне указывали на недостаточность американских военно-воздушных сил. В докладе рекомендовалось увеличить к 1952 году численность американской авиации с 55 авиагрупп до 70²¹ и соответственно повысить бюджетные ассигнования по министерству авиации с 1,3 млрд. долл. в 1948 бюджетном году до 4,15 млрд. долл. в 1949 году.

Эти рекомендации были в основном претворены в жизнь. Конгресс США в середине 1950 года принял акт об армии и ВВС, разрешавший довести число авиагрупп до 70. На 1949/50 финансовый год министерству авиации было ассигновано по бюджету 3,5 млрд. долл., однако фактически ассигнования были большими, так как часть бюджетных сумм, выделенных на наращивание авиационных сил, была проведена по военному министерству.

Именно в тот период начало складываться такое распределение ассигнований между тремя видами вооруженных сил — авиацией, армией и флотом, когда на долю ВВС приходилось почти 50% всех военных ассигнований. В связи с тем что бюджетные ассигнования военно-воздушным силам увеличивались за счет сокращения доли армии и флота США в бюджетных ассигнованиях,

между представителями трех видов вооруженных сил разгорелась ожесточенная борьба, которая с разной степенью интенсивности продолжается по сей день. Эта борьба публично часто проявляется в виде полемики в печати между отставными генералами и офицерами, поскольку военнослужащие, находящиеся на действительной военной службе, не могут высказывать свое особое мнение, которое шло бы вразрез с официальными установками министерства обороны.

Чтобы выразить свою точку зрения, некоторые высшие офицеры американских вооруженных сил, такие как Джеймс Гэвин, Максвелл Тэйлор, Джон Медарис, досрочно выходили в отставку и, освободившись от обязательств военной дисциплины, становились влиятельными лоббистами, рьяно отстаивавшими интересы представляемого ими рода войск.

К 1949 году относится первая крупная победа командования американских ВВС. При поддержке армейского командования оно добилось решения министра обороны Луиса Джонсона о ликвидации контракта военно-морских сил на строительство гигантского авианосца «Соединенные Штаты», который был заложен на верфи в Норфолке 18 февраля 1949 г. В то же самое время американская фирма «Консолидэйтед валти» сумела увеличить заказ на поставку армии стратегических бомбардировщиков Б-36. Как позднее вскрылось, в получении этого заказа непосредственную помощь фирме оказал сам министр обороны Джонсон, который был в прошлом адвокатом компании «Атлас», контролировавшейся «Консолидэйтед валти».

Однако все эти споры между различными департаментами Пентагона были неожиданно отодвинуты на второй план, как только миру стало известно, что Советский Союз овладел секретом атомной бомбы.

Это известие подействовало на правящие круги Соединенных Штатов как шоковый удар, хотя им впоследствии пришлось испытать еще немало подобных ударов. Комментируя воздействие этого сообщения на официальный Вашингтон, Уолтер Липпман писал в журнале «Сатердей ивнинг пост» в ноябре 1960 года: «Мы можем считать 23 сентября 1949 г. датой, когда впервые стал заметен вызов Советского Союза нашему первенству как мировой державе. Это была дата, когда президент Тру-

мэн заявил, что Советский Союз произвел атомный взрыв. Наша монополия на ядерное оружие была сломлена. Взрыв 1949 года возвестил о двух связанных между собой изменениях, которые вырисовывались все больше и больше на протяжении 50-х годов и которые теперь составляют основу вызова, брошенного нам. Взрыв 1949 года известил нас, что через несколько лет Советский Союз сможет стать военной державой, по крайней мере, равной нам, а если мы ослабим наши усилия, то и превосходящей нас. Взрыв поставил нас также в известность, что господствовавшее представление о советской экономике как об экономике примитивной и весьма неэффективной, было ложным. Он указал, что, так же как была сломлена наша ядерная монополия, со временем может быть сломлено наше превосходство в экономической силе».

СТРАТЕГИЯ «СДЕРЖИВАНИЯ» (1948—1953 гг.)

Еще задолго до испытания ядерного оружия в СССР более реалистические американские политики предлагали отказаться от крайностей курса тотальной войны и выработать менее агрессивную доктрину. Но эти призывы потонули в хоре голосов военных и промышленников, призывавших к продолжению необузданной гонки вооружений. Лидеры США не желали трезво взглянуть на вещи, в частности пересмотреть свое негативное отношение к вопросу о запрещении ядерного оружия по международному соглашению, на чем все время настаивал Советский Союз и продолжал настаивать и тогда, когда он стал ядерной державой. Несмотря на ликвидацию атомной монополии США, империалисты продолжали исходить из установки о возможности сохранения лидерства США в области ядерного оружия в течение неопределенно долгого времени. Явно недооценивая возможности социалистической науки и техники и советской индустрии, американские руководители полагали, что СССР не сможет в ближайшее десятилетие не только догнать, но даже приблизиться к США по количеству и качеству ядерного оружия. Из двух возможных путей, открывавшихся на новом этапе: реалистических переговоров с СССР о запрещении ядерного оружия или продолжения гонки

ядерных вооружений, лидеры США выбрали второй путь, рассчитывая надолго сохранить перевес в свою пользу.

Именно в этот период в американском политическом и военном словаре все чаще и чаще замелькала формула стратегии «сдерживания», подразумевавшая «сдерживание коммунистической экспансии». Она самым бессовестным образом искажала существовавшее положение вещей в мире, ибо вместо реальной и подтвержденной фактами политики американской империалистической экспансии она выдумывала несуществующую «коммунистическую экспансию».

Одним из авторов доктрины «сдерживания» был видный деятель демократической партии США — Джордж Кеннан. Впервые она была изложена им в известной статье в июльском номере журнала «Форин афферс» за 1947 год. Статья, озаглавленная «Истоки поведения Советов», была загадочно подписана «мистер Икс». Это показывало, что взгляды, изложенные в ней, представляли нечто большее, чем личное мнение автора. Да и пост начальника управления политического планирования госдепартамента США, который в то время занимал Кеннан, также свидетельствовал об авторитетности установок, выдвинутых в статье.

В ней указывалось, что «главным элементом любой политики Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу должно быть долгосрочное, терпеливое, но твердое сдерживание русских экспансионистских тенденций»²².

Кеннан выступал против бестактных и угрожающих жестов при осуществлении этой новой стратегии, не потому, правда, что принципиально был против угроз. Он считал, что потеря самообладания и самоконтроля показала бы слабость позиций США.

Общеполитические принципы, сформулированные Кеннаном в его статье, не сразу легли в основу оперативных военных планов США, и поэтому неверно было бы отождествлять дату появления его статьи в «Форин афферс» с переходом США к новой военной доктрине. После борьбы в американском руководстве принципы «сдерживания» пробили себе дорогу сначала в американскую внешнюю политику. Выражением этого стала «доктрина Трумэна» об оказании военной помощи Гре-

ции и Турции. Что же касается военных аспектов этой доктрины, то лишь в 1948 году ее принципы были зафиксированы в принятом Национальным советом безопасности документе НСБ-20. Документ был секретным, как и все протоколы НСБ. В нем подчеркивалось (и это было единственным, что стало известно о его содержании), что основой стратегии «сдерживания» должно стать американское военное превосходство в наличной военной мощи, опирающейся на ядерное оружие.

Таким образом, доктрина «сдерживания» была не оборонительной, как это утверждают многие американские авторы, а агрессивной доктриной. Цель США оставалась прежней — изменение силой положения вещей в мире в пользу американского империализма. Она лишь прикрывалась псевдооборонительным ярлыком.

Однако — и это необходимо подчеркнуть — сколь ни агрессивна была эта доктрина, она все же являлась отступлением американского империализма в связи с возросшей мощью СССР и других социалистических стран с позиций угроз превентивной войной на позиции «сдерживания». Она свидетельствовала о признании правящими кругами США невозможности сокрушить Советский Союз путем атомного блицкрига и исходила из необходимости тщательной и долговременной подготовки для решающего столкновения с СССР, от которого американский империализм никогда не отказывался.

Исходя из документа НСБ-20, министр обороны Форрестал потребовал от президента значительно увеличить ассигнования на стратегическую бомбардировочную авиацию. Однако по-настоящему радикальный поворот в военной доктрине США, сопровождавшийся резким усилением гонки вооружений, был сделан после того, как американское правительство убедилось в утрате Соединенными Штатами монополии на ядерное оружие.

В 1947 году, в канун 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в советской печати было объявлено, что Советский Союз овладел секретом атомной бомбы. Это заявление было скептически встречено в американских правящих кругах, так как большинство американских деятелей исходило из убеждения, будто СССР понадобятся многие годы, чтобы овладеть секретом атома. Правда, некоторые специалисты США, знакомые с состоянием советской науки, не разде-

ляли этого заблуждения. В силу этого уже в начале 1948 года по настоянию адмирала Л. Страусса, ставшего впоследствии председателем Комиссии по атомной энергии, была создана специальная секретная американская служба наблюдения за атомными испытаниями в СССР путем сбора проб воздуха на большой высоте в приграничных с СССР районах. 29 августа 1949 г. в СССР под руководством И. В. Курчатова было проведено успешное испытание атомной бомбы. 3 сентября 1949 г. Центральное разведывательное управление США получило от постов этой службы донесения о том, что в СССР было проведено испытание атомного оружия. 23 сентября 1949 г. президент Трумэн после многодневных консультаций со своими советниками был вынужден публично заявить: «У нас есть доказательства того, что недавно в СССР произведен атомный взрыв».

Не все в США были готовы этому поверить. Л. Страусс сообщает в своих мемуарах, что описание Трумэном события как «атомного взрыва», а не как «испытания атомного оружия» было сознательной уступкой определенным лицам в США, которые не хотели примириться с тем, что СССР овладел секретом атомного оружия. Они утешали себя рассуждениями о том, что речь идет о примитивном взрыве, а не о боевой бомбе, хотя и президент, и члены КАЭ вынуждены были признать этот неприятный для них факт.

25 сентября ТАСС в связи с провокационной шумихой, поднятой в некоторых органах буржуазной прессы, выступил с официальным заявлением, подтвердившим наличие в СССР атомного оружия. При этом ТАСС по уполномочию Советского правительства заявил, что СССР по-прежнему выступает за безусловное запрещение атомного оружия.

Но этот призыв СССР остался без ответа со стороны правительства США. Американская военщина продолжала настаивать на расширении гонки ядерных вооружений. Национальный совет безопасности осенью и зимой 1949 года посвятил немало своих заседаний рассмотрению изменившегося соотношения сил между США и СССР, вызванного фактом крушения американской ядерной монополии. 5 января 1950 г. он принял решение пересмотреть военные потребности США в свете «существующих обязательств США и текущего стратегического

положения». А уже 31 января на заседании специально-го комитета по сверхбомбе Национального совета безопасности, состоявшемся под председательством Ачесона, было принято решение рекомендовать президенту ускорить работы по созданию водородного оружия²³. В тот же день президент Трумэн в соответствии с рекомендацией комитета официально объявил, что он «дал распоряжение Комиссии по атомной энергии продолжить работу над всеми видами атомного оружия, включая так называемую водородную, или сверхбомбу»²⁴.

Именно в расчете на эту сверхбомбу и начали строиться долгосрочные военно-стратегические планы Соединенных Штатов Америки. Американские правящие круги считали, что, создав в ближайшие два-три года новое «абсолютное» оружие, они смогут намного опередить СССР, который, как они предполагали, не сумеет в такой короткий срок овладеть секретом термоядерной реакции. Тем самым американское правительство и военная верхушка рассчитывали создать для США решающий, качественно новый стратегический перевес для пробы сил со странами социализма.

К директиве президента США от 31 января, официально провозгласившей начало работ над созданием водородной бомбы, были приложены письма на имя государственного секретаря США и министра обороны. В этих письмах им вменялось в обязанность произвести общий пересмотр и переоценку американской внешней и оборонной политики в свете овладения СССР секретом атомного оружия, «потери Китая» и перспектив создания ядерного оружия, основанного на реакции соединения (т. е. водородного оружия)²⁵.

В результате проведенного анализа 7 апреля 1950 г. президенту Трумэну был представлен документ НСБ-68. В нем намечались долгосрочные задачи в области внешней и военной политики США. «В целом, — сообщает американский историк Миллис, — в нем анализировалась новая ситуация в мире и предусматривалось расширение наших усилий в военной области, области дипломатии и обороны, с тем чтобы ответить на эту ситуацию». В соответствии с указаниями НСБ военные планирующие органы «заложили основу для колоссального расширения военной машины, которое было осуществлено в 1950 и 1951 годах»²⁶.

Некоторые американские авторы указывают, что документ предусматривал такие темпы перевооружения, которые фактически требовали частичной военной мобилизации в стране. В частности, в нем отмечалось, что даже в мирное время Соединенные Штаты могут выделить на военные нужды 20% валового национального продукта²⁷. В условиях США 1951 года 20% валового национального продукта составляли 66 млрд. долл., что было в 3,5 раза выше военного бюджета, составлявшего в то время 19 млрд. долл.²⁸

Основными авторами, принимавшими участие в составлении документа, были Поль Нитце, который в январе 1950 года заменил Кеннана на посту начальника управления политического планирования госдепартамента США, государственный секретарь Дин Ачесон и министр обороны Луис Джонсон. В заключительных разделах документа, как выясняется по некоторым источникам, обсуждалась возможность переговоров с Советским Союзом. Однако упоминание о такой возможности являлось не более, чем формальной данью немногочисленным сторонникам более умеренной политики в правительстве Трумэна. Вывод, к которому приходили авторы документа, служил лишь для подтверждения точки зрения сторонников политики «с позиции силы». Любые успешные переговоры с Советским Союзом должны были бы, по мнению авторов, отражать улучшившиеся позиции США в соотношении сил. Тем самым возможность переговоров откладывалась до того дня, когда США смогли бы участвовать в них как сторона, диктующая свои условия. Хотя в НСБ-68 было принято решение о резком усилении гонки вооружений в соответствии с кеннановской доктриной «сдерживания», в нем не исключалась возможность превентивной войны как одной из альтернатив, стоящих перед США²⁹.

СОЗДАНИЕ НАТО И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ

Конкретными военно-политическими мероприятиями в осуществлении стратегии «сдерживания» явились развитие и укрепление системы американских заморских военных баз и организация Североатлантического пакта.

В конце июня — начале июля 1948 года две эскадри-

льи — 60 американских бомбардировщиков В-29 — прибыли в Англию для постоянного базирования в соответствии с договоренностью между командующими ВВС США и Англии, санкционированной руководителями обеих стран³⁰.

В июне 1948 года сенат США одобрил резолюцию Ванденберга, которая, как отмечалось выше, заложила юридические основы постоянного участия США в военных мероприятиях в Европе, а в апреле 1949 года был подписан Североатлантический пакт. В нем провозглашалось право участников договора на «индивидуальную и коллективную самооборону», что служило маской его чисто агрессивной направленности.

Под давлением США договор был ратифицирован всеми его первоначальными участниками (Бельгия, Великобритания, Голландия, Дания, Исландия, Канада, Люксембург, Норвегия, Португалия, США, Франция) в необычайно короткий срок — к августу 1949 года. В 1951 году к договору присоединились Греция и Турция. Уже в сентябре 1949 года была создана сложная структура руководящих гражданских и военных комитетов НАТО. Центральными органами, определяющими политику блока, стали Совет НАТО, включивший всех министров иностранных дел стран, подписавших пакт, Комитет обороны в составе министров обороны стран — участниц пакта и Военный комитет, в котором были представлены начальники штабов. Военный комитет НАТО — высший военный орган блока, призванный решать общие вопросы военно-стратегического планирования, строительства и подготовки вооруженных сил. В качестве исполнительного органа Военного комитета была создана так называемая Постоянная группа с местопребыванием в Вашингтоне, в которую вошли представители Англии, Франции и США. Эта группа до ее ликвидации в 1966 году руководила всеми вооруженными силами блока. Она также осуществляла надзор за разработкой военных планов региональными планирующими органами НАТО и координацию этих планов.

В ноябре 1949 года Совет НАТО организовал Группу военных финансов и Группу военного производства и снабжения, подчиняющиеся Комитету обороны. В мае 1950 года министры иностранных дел создали постоянный гражданский орган политического планирования и

координации — Совет заместителей, а на Лиссабонской сессии НАТО Совет НАТО был превращен в постоянный орган с постоянными представителями стран в ранге послов и генеральным секретарем³¹.

Как признали тогда же авторы полуофициального внешнеполитического ежегодника «США в мировых делах», Атлантический пакт «углубил опасную психологическую и политическую пропасть между Советским Союзом и Западом и сделал обычные дипломатические отношения более трудными, чем прежде»³².

Основой стратегии НАТО явилось так называемое «ядерное сдерживание» («nuclear deterrence»), хотя широкое распространение в американском политическом словаре этот термин получил несколько позже. Вкладом США в Североатлантический блок стала американская стратегическая авиация с ее ядерными бомбами; европейские партнеры США должны были поставлять живую силу. Конкретная первоначальная стратегическая концепция НАТО, относительно которой Комитет обороны НАТО достиг согласия 1 декабря 1949 г. и которая была вскоре одобрена Советом НАТО, так никогда и не была обнародована. Однако основные положения этой концепции были незадолго до этого обрисованы генералом Брэдли, бывшим в то время председателем Комитета начальников штабов США, в его заявлении перед Комиссией по иностранным делам США 29 июля 1949 г. Брэдли сделал это заявление после совещания с членами Комитета обороны Западного союза³³.

«Во-первых, — сказал Брэдли, — США будут нести ответственность за стратегическую бомбардировку. Мы, в США, неоднократно подчеркивали, что первейшим условием совместной обороны является наша способность доставки атомных бомб.

Во-вторых, Соединенные Штаты и военно-морские державы Запада будут осуществлять основные военно-морские операции, включая охрану морских коммуникаций. Западный союз и другие страны будут сами обеспечивать оборону своих портов и побережья.

В-третьих, мы считаем, что основное ядро наличных наземных сил будет поставлено Европой, которой другие нации окажут поддержку путем мобилизации.

В-четвертых, Англия, Франция и прилегающие к ним страны возьмут на себя основную долю наступательного

бомбометания ближнего радиуса действия и воздушной обороны. Мы, конечно, будем иметь тактическую авиацию для наших собственных сухопутных и морских сил и для обороны США.

В-пятых, другие страны в зависимости от их близости или удаленности от возможного района конфликта будут делать упор на подготовку к осуществлению соответствующих специфических заданий»³⁴.

Военные планы европейского Западного союза, которые на первых порах были приняты за основу планов НАТО, предусматривали создание 80—85 дивизий, включая резервы³⁵. В соответствии с первоначальными директивами НАТО увеличение армий западноевропейских государств, с тем чтобы они могли составить «основное ядро наличных наземных сил» пакта, должно было быть осуществлено в весьма сжатые сроки. После этого американские стратеги рассчитывали перейти к более активному нажиму на Советский Союз. Создание Советским Союзом ядерного оружия и в этом отношении спутало карты вашингтонских политиков.

В сентябре 1950 года на сессии Совета Североатлантического пакта в Нью-Йорке была принята так называемая «стратегия выдвинутых вперед рубежей» НАТО в Европе. Основными элементами этой стратегии, сохраняющей силу по сей день, явились: присутствие войск США в Европе, размещение войск пакта непосредственно на границе между социалистическими странами и странами НАТО в Европе, перевооружение Западной Германии и, наконец, отказ от признания границы по Одру — Нейссе между Германией и Польшей в качестве постоянной. Последний момент был подчеркнут государственным секретарем США Бирнсом еще в сентябре 1946 года в его речи в Штутгарте (Западная Германия). Тем самым правящие круги США фактически сразу же по окончании второй мировой войны дали понять тогда только еще начинавшим поднимать головы западногерманским реваншистам, что Америка не связывает им руки в отношении территориальных притязаний на Востоке. Грязная и опасная игра в попытке подготовить очередной «марш на Восток» была начата теми же самыми американскими монополиями, которые финансировали приход к власти Гитлера после поражения Германии в первой мировой войне.

Согласно американской концепции «сдерживания», армии европейских участников НАТО, оснащенные обычным оружием, должны были являться «щитом» НАТО, целью которого было выступать против превосходящих советских сухопутных сил в случае начала войны. Основным же средством нападения на СССР, так называемым «мечом» НАТО, являлись силы американской стратегической авиации, размещенные на базах в Европе и США и подчиненные непосредственно Командованию стратегической авиации США.

— Таким образом, присвоение названия «щита» западноевропейским вооруженным силам означало, что они должны были играть второстепенную роль. Их действия хотя формально и зависели от коллективного решения штаба НАТО, фактически же определялись Вашингтоном. США располагали единоличным контролем над американским ядерным оружием — «мечом», распоряжаться которым может лишь американский президент, а не командование НАТО. Спуск курка в Вашингтоне автоматически означал бы втягивание европейских членов пакта в войну. В то же время та или иная провокация, предпринятая кем-либо из других членов пакта в районе, охватываемом пактом (а в этот район включена Западная Европа, Северная Америка, Северная Атлантика и Средиземноморье), не влекла автоматической поддержки этой акции со стороны американских ядерных сил. В этих неравноправных отношениях между США и остальными членами пакта заключено одно из глубочайших внутренних противоречий блока, которое проявилось с особой силой после суэцкой авантюры 1956 года³⁶.

Американская политика «военного присутствия» в Западной Европе ни в коей мере не была альтруистической политикой «помощи Западной Европе в деле обороны», как об этом любят говорить некоторые американские теоретики. Это была сугубо эгоистическая политика перекладывания бремени гонки вооружений на плечи западноевропейских стран, и об этом прямо заявляли американские руководители. Выступая в Далласе (Техас) в июне 1950 года, государственный секретарь США Дин Ачесон говорил: «Имеются и такие, кто утверждает, что политика изоляционизма создаст для нас безопасность подвального убежища, располагая которой, мы сможем торговаться. В перспективе, однако, нам обойдется го-

раздо дороже поддерживать тот уровень вооружений, который будет необходим, если бы мы попытались... остаться островом безопасности»³⁷. Пришедший на смену Ачесону Даллес возвел этот принцип перекладывания части военных расходов США на западноевропейские страны в один из основополагающих принципов проповедовавшегося им «просвещенного эгоизма».

Главным фактором, обеспечившим быстрое согласие западноевропейских правительств на военный пакт с США, была их экономическая зависимость от Америки. К 1949 году «план Маршалла» был уже в разгаре осуществления, и американское правительство стремилось использовать свои подачки Европе на все сто процентов для достижения своих военно-политических целей в этом районе.

При сколачивании Североатлантического блока основным психологическим моментом, на котором широко спекулировали империалисты США и их приспешники в правящих кругах Европы, было запугивание западноевропейских стран мнимой советской угрозой. Некоторые западные историки и политики доходили до утверждений о том, что целью Советского Союза в послевоенные годы было использование своей мощи для захвата силой Центральной и Западной Европы или, по крайней мере, для давления «с позиции силы», с тем чтобы установить в этих частях Европы желательные ему режимы.

Подобные утверждения являются лживыми от начала до конца и опровергаются хотя бы тем фактом, что Советский Союз ни разу не перевел свои войска за согласованную линию в Европе, хотя, как признают западные военные теоретики, легко мог бы это сделать в первые послевоенные годы, если бы захотел.

Запугивание «советской угрозой» с самого начала было довольно слабым цементирующим элементом Атлантического пакта. По мере того как события все убедительнее доказывали несостоятельность этого тезиса, усиливались разброд и шатания среди европейских членов НАТО.

В последние годы некоторые американские историки, более трезво рассматривающие послевоенные события в Европе, хотя и с оговорками, но все же вынуждены были признать несостоятельность первоначального американского тезиса.

«Фактически довольно сомнительно, — пишет Р. Осгуд, — что США, используя имеющиеся бомбардировщики, бомбардировочные базы и даже атомные бомбы, смогли бы остановить Советскую Армию от продвижения до Английского канала. Но НАТО и не создавался для того, чтобы сдержать атаку, угрожающую Европе... Он был предназначен обеспечить политическое и психологическое подкрепление продолжающейся политической баталии в холодной войне. Не было никаких сколько-нибудь существенных опасений массированного вторжения русских»³⁸.

Сам автор доктрины «сдерживания» Кеннан, принимавший как начальник управления политического планирования госдепартамента самое непосредственное участие в выработке формулировок пакта и его организации, позднее признал: «Я никогда не думал, что Советское правительство хотело всеобщей мировой войны в любое время, начиная с 1945 года, или что оно испытывало поползновение по соображениям какого-либо политического расчета развязать такую войну, даже если бы атомное оружие никогда не было изобретено»³⁹.

США прилагали огромные усилия к наращиванию своих войск в Европе и побуждали к этому своих партнеров по НАТО. В 1951 году США обязались послать дополнительно четыре американские дивизии в Западную Европу и потребовали новых баз на территории европейских держав. В итоге к концу 1952 года в Западной Европе находились американские войска, равные по численности шести дивизиям, а американская бомбардировочная и истребительная авиация заняла позиции в непосредственной близости от границ Советского Союза и других социалистических стран на базах, полученных США в Северной Африке, Испании, Франции, Западной Германии и Великобритании. По сведениям известного английского военного эксперта Лидделл Гарта, к концу 1952 года на так называемом центральном фронте НАТО (т. е. на линии водораздела между социалистическими странами и странами НАТО от Адриатического до Балтийского моря) было сконцентрировано восемнадцать дивизий НАТО⁴⁰.

В феврале 1952 года девятая сессия Совета НАТО в Лиссабоне приняла план вооружений НАТО, который намечал довести к 1954 году численность сухопутных сил

НАТО до 96 дивизий и иметь к этому же времени в авиачастях 9 тыс. самолетов. При этом предусматривалось, что из этих 96 дивизий 35—40 должны быть в полной боевой готовности (в том числе 25—30 дивизий на центральном фронте НАТО), а остальные дивизии способны к мобилизационному развертыванию в течение месяца. Для того чтобы оказать психологическое давление «с позиции силы» на социалистические страны, руководители НАТО пошли на необычный шаг, официально опубликовав данные о намечавшемся уровне вооружений НАТО на конец 1952 года. Все это лишний раз свидетельствовало об агрессивной направленности доктрины «сдерживания».

Однако еще не успели просохнуть чернила под лисабонскими решениями, как в США все более энергично начали раздаваться голоса, что доктрина «сдерживания» устарела и ее необходимо заменить более современной. Основными причинами требований о пересмотре доктрины явились: поражение американской военной авантюры в Корее, провал французской интервенции в Индокитае и решение правящих кругов США полностью переориентировать военную стратегию на использование в войне ядерного оружия с самого ее начала.

ДОКТРИНА «МАССИРОВАННОГО ВОЗМЕЗДИЯ» (1953—1957 гг.)

Впервые четко и определенно доктрина «массированного возмездия», или «массированного атомного удара», была сформулирована для широкой публики в выступлении Даллеса перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке 12 января 1954 г.

В своем выступлении Даллес, отметив, что «многие из предыдущих внешнеполитических курсов были хорошими», объявил, что президент США и Национальный совет безопасности приняли ряд решений по коренным вопросам политики. «Главное решение состоит в том, чтобы полагаться в основном на большую способность нанести мгновенно ответный удар средствами и в местах по нашему собственному выбору»⁴¹.

Из этого же выступления Даллеса вытекало, что доктрина была принята к руководству американским правительством за несколько месяцев до его выступления.

Подлинными авторами этой доктрины наряду с Даллесом и Эйзенхауэром были те круги американского генералитета, которые придерживались точки зрения Макарута на ядерное оружие как на решающий фактор обеспечения исхода любого современного военного конфликта в пользу США, в условиях, как они тогда полагали, неоспоримого превосходства США в области запасов ядерного оружия и средств его доставки.

Собственно говоря, доктрина «массированного возмездия» и сменившая ее затем доктрина «малой ядерной войны», или «ограниченной войны», явились двумя разными выводами из итогов корейской войны, сделанными двумя школами американских военных теоретиков.

Одну из школ представлял генерал Макарут, которого поддерживали весьма влиятельные круги американского генералитета, в первую очередь Командование стратегической авиацией США, а также многие высокопоставленные деятели в республиканской партии, группировавшиеся вокруг сенатора Тафта. Последние придерживались изоляционистской концепции «Америка — крепость», выступали против размещения сухопутных сил США за океаном и рассматривали ядерное оружие и угрозу его применения как основу основ всей внешней и военной политики США.

Другую школу представляли армейские генералы О. Брэдли и М. Риджуэй (сменивший Макарута на посту главнокомандующего вооруженными силами США на Дальнем Востоке), возражавшие против попыток признать роль обычных вооруженных сил. Риджуэй защищал необходимость поддержания мощной сухопутной армии и впоследствии был из-за этого обвинен в недооценке ядерного оружия ⁴².

Что касается взглядов «школы Макарута», то еще в июне 1951 года, выступая с показаниями в конгрессе США по так называемому «делу Макарута», небезызвестный генерал Ведемейер — бывший специальный представитель президента Трумэна в Китае — фактически изложил доктрину «массированного возмездия» почти в тех же формулировках, в которых ее изложил Даллес в Нью-Йорке два с половиной года спустя ⁴³.

В своем выступлении в конгрессе генерал Ведемейер сказал: «По моему мнению, мы должны убраться из Кореи, и я бы сделал это потому, что не думаю, что мы смо-

жем чего-либо там добиться... Я хочу перехватить стратегическую инициативу у противника, и я хочу, чтобы американцы и их союзники предприняли действия в политической, экономической, психологической и военной сферах в моменты и в местах по нашему собственному выбору и чтобы действия того рода, которые мы предпримем, были скоординированы во имя достижения наших национальных целей». Сенатор Фулбрайт (демократ от штата Арканзас) в ответ на это указал, что такого рода отступление будет представлять собой гораздо худшее поражение, чем принятие перемирия по линии 38-й параллели. Ведемейер ответил: «Но мы должны предпринять контршаги в других областях. Я бы разорвал с ними дипломатические отношения. Я бы объявил полную мобилизацию... И я бы пошел дальше: я бы добрался до главного виновника всего этого... до Кремля» (выделено мной. — Г. Т.). «Не было бы это равносильно объявлению войны?», — спросил его Фулбрайт. «Что ж, сэр, — ответил генерал, — это рассчитанный риск, который придется взять на себя»⁴⁴.

Это заявление генерала, которое он сделал под давлением сенаторов, вынудивших его на откровенность, раскрывало установки наиболее агрессивной группировки в правящей верхушке США, в том числе в военно-дипломатических кругах и в кругах американских монополистов — фабрикантов оружия. Даллес, близкий к этим кругам, во многом воспринял их идеи и еще более укрепился в них во время слушания сенатом «дела Макартура». Как сообщает Эйзенхауэр в своих мемуарах, уже весной 1952 года в памятных записках, переданных ему через генерала Клея, Даллес излагал политику, которую потом стали называть «массированным возмездием»⁴⁵.

Генерал Эйзенхауэр, глубоко связанный с «доатомной» стратегией, не сразу согласился с доводами военных и гражданских лиц, абсолютизировавших ядерное оружие. И позднее, приняв основные концепции сторонников авиационно-атомной доктрины, он выступал с оговорками, подчеркивавшими значение сухопутных армий. Тем не менее под давлением сторонников теории «массированного атомного удара» он в конце концов стал на их точку зрения⁴⁶.

Одним из первых решений, принятых правительством Эйзенхауэра, пришедшим к власти в январе 1953 года, было решение о реорганизации Пентагона. Уже в апреле 1953 года правительство представило в конгресс так называемый план реорганизации № 6, который был принят 30 июня 1953 г. в виде поправки к Закону о национальной безопасности от 1949 года.

Этот план несколько усиливал права министра обороны как непосредственного представителя президента перед руководством всех родов войск и военных служб и повышал роль Комитета начальников штабов, особенно в стратегическом планировании. План также ставил целью упростить процесс принятия решений в министерстве обороны, устранив ряд бюрократических инстанций, и ослабить остроту межведомственной борьбы между высшими представителями разных родов войск, в частности в штате Комитета начальников штабов, в чем, однако, этот план абсолютно не достиг успеха.

Одновременно с принятием этого закона президент персонально заменил весь состав Комитета начальников штабов, поставив туда своих людей. Председателем комитета был назначен адмирал Рэдфорд — активный сторонник массированного применения ядерного оружия⁴⁷. 10 июля 1953 г. президент предложил новому составу Комитета начальников штабов произвести общий пересмотр американской военной политики, исходя из предпосылки о «сохранении напряженности в течение длительного периода». После того как доклад, подготовленный комитетом, был обсужден на проходивших осенью заседаниях Национального совета безопасности, он был скорректирован в сторону еще большего упора на оснащенную ядерным оружием авиацию, как основной элемент американской военной машины.

На заседании Национального совета безопасности 7 октября была одобрена директива НСБ-162, составленная, судя по всему, в духе подготовки к тотальной войне. Представители армии и флота в комитете — Риджуэй и Кэрни — выразили протест, продиктованный в основном финансовым ущемлением родов войск, которые они представляли. Несмотря на это, новый план военного строительства США и военный бюджет, основанный на этом плане и делавший упор на развитие стратегической бомбардировочной авиации, были одобрены на заседании

Национального совета безопасности 15 декабря 1953 г.⁴⁸ В своем выступлении 14 декабря в клубе печати в Вашингтоне адмирал Рэдфорд назвал эти изменения новым подходом («New Look») в американском военном планировании⁴⁹.

По определению Эйзенхауэра, новый подход к военной политике состоял, «во-первых, в перераспределении ресурсов между пятью категориями вооруженных сил и, во-вторых, в придании большего значения, чем раньше, сдерживающей и разрушительной силе улучшенного ядерного оружия, лучшим средствам доставки и эффективным частям противовоздушной обороны»⁵⁰.

Некоторые члены кабинета Эйзенхауэра (в частности, министр обороны Вильсон и министр финансов Хэмфри) поддержали «новый подход» к военной политике в первую очередь потому, что некоторое сокращение ассигнований на армию и флот должно было, по их мнению, помочь «сбалансировать бюджет» и тем самым создать хороший пропагандистский козырь в борьбе республиканской партии за второй срок для ее кандидата в Белом доме.

Однако, как показал итог восьмилетнего пребывания у власти правительства республиканской партии, новый подход, резко усилив гонку ядерных вооружений в США, отнюдь не привел к сокращению американского военного бюджета. Если в первый год, когда бюджет был полностью спланирован правительством Эйзенхауэра (1954/55 финансовый год)⁵¹, прямые военные расходы США составили 40,5 млрд. долл., то в 1960/61 году они достигли 49,4 млрд. долл. Поэтому разговоры представителей республиканского правительства США об экономии являлись прямым обманом американского налогоплательщика.

Новый подход привел к дальнейшему перераспределению бюджетных сумм между авиацией, армией и флотом. В результате этого личный состав сухопутных сил и военно-морского флота США сократился, в то время как число военнослужащих в авиации увеличилось, как это видно из таблицы на стр. 69.

Однако эта таблица не точно отражает изменения в американских вооруженных силах. Усиление роли ВВС, в первую очередь эскадрилий, находящихся в распоряжении Командования стратегической авиацией, выразилось

Род войск	Число военнослужащих		
	декабрь 1953 г.	октябрь 1954 г.	июнь 1955 г.
Армия	1 500 000	1 400 000	1 000 000
Военно-морской флот — морская пехота	1 000 000	920 000	870 000
Авиация	950 000	960 000	970 000

не столько в увеличении численности их личного состава, сколько в колоссальных расходах на новую авиационную и ракетную технику и резком повышении ассигнований на ядерное оружие.

Несомненно, что доктрина «массированного ядерного удара» с ее упором на атомную бомбу должна была быть, по замыслам ее авторов, более агрессивной, чем доктрина «сдерживания». Материальной основой этой новой доктрины являлась стратегическая бомбардировочная авиация США, а не запрятанные в бетонные колодцы межконтинентальные ракеты (которых у США тогда еще не было). По существу, это была доктрина нанесения ядерного удара первыми, а не в ответ на удар противника. Ввиду большой уязвимости бомбардировщиков в местах их скопления на базах американские стратеги физически не могли бы иметь возможность осуществить ядерный удар после атомной атаки на США. Поэтому сокращение обычных сил и выдвижение на первый план межконтинентальной стратегической авиации означали, что США практически готовились превратить любой спровоцированный ими локальный конфликт во всеобщую ядерную войну. Стратеги США, все еще веря в американское превосходство в ядерном оружии, считали, что они вправе шантажировать мир.

Восхваляя свою атомную мощь, лидеры США, хотя и угрожали ударить по социалистическим странам средствами и в местах по их собственному выбору, все же, боясь общественного мнения, вынуждены были публично заявлять, что удар якобы будет «ответным», что первыми они «большой войны» не начнут. И это обстоятельство имело немаловажное значение. Ведь, как признают авторы издания «США в мировых делах» за 1953 год, «в Соединенных Штатах определенное число людей все еще

продолжало смотреть на атомную и водородную бомбы как на быстрое и решающее средство урегулирования всех международных разногласий к выгоде США»⁵².

Как это случилось с прежними, а также с последующими американскими военными доктринами, доктрина «массированного возмездия» устарела уже в самый момент ее появления. Известно, что эта доктрина грозила массированным применением атомного оружия против СССР и социалистических стран в моменты и в географических точках по выбору американской стороны. А это могло иметь смысл, с точки зрения американских агрессоров, лишь в условиях неуязвимости территории США для ответного массированного атомного удара со стороны СССР.

Как бы ни были безрассудны американские атомные маньяки, вырабатывая свою стратегию, они рассматривали ее как стратегию абсолютной и безусловной победы в военном конфликте без больших материальных и человеческих жертв со стороны США. В условиях же, когда массированный атомный удар по СССР не обеспечивал такой победы (ввиду возможности и неизбежности аналогичного удара в ответ по американским городам), подобная стратегия не могла не становиться бессмысленной даже для пентагоновских генералов. А именно такое положение сложилось к середине 50-х годов, когда Советский Союз, несмотря на то что он начал производство атомного оружия позже США, уже располагал достаточным ядерным арсеналом и необходимой стратегической авиацией, для того чтобы в случае атомного удара по его территории ответить соответствующим контрударом по американской территории.

Один из видных американских апологетов атомной войны — Ричард Фрикелунд пишет: «К 1954 году Советский Союз начинал накапливать достаточное количество атомных бомб и бомбардировщиков дальнего радиуса действия, с тем чтобы сделать вполне ясным то обстоятельство, что он может ответить на нападение и разрушить большую часть Соединенных Штатов. Ошибочность массированного возмездия заключалась не в самой доктрине, а во времени, к которому доктрина была приурочена. Она была объявлена в то самое время, когда подобная стратегия перестала иметь какой-либо смысл»⁵³. К этому выводу Фрикелунд пришел в 1962 году. Очевид-

но, что в 1954 году Даллес, Эйзенхауэр и их военные советники, ослепленные данными о величине американского атомного арсенала и продолжавшие по инерции руководствоваться старыми представлениями периода атомной монополии США, не могли и не хотели реально взвесить все последствия, которыми была чревата для самих США подобного рода человекоубийственная стратегия.

Надо отдать должное Макартуру в том, что, несмотря на всю свою воинственность в период корейской войны, он как опытный генерал один из первых осознал безрассудность стратегии «массированного атомного удара», хотя сама эта стратегия и была продуктом его последователей — «школы Макарура». На том же слушании «дела Макарура», в ходе которого генерал Вегемейер, как отмечалось выше, впервые изложил доктрину «массированного возмездия», сам Макарур заявил: «Я говорю вам, что война поставила вне закона те самые основные предпосылки, господа, исходя из которых ее использовали как конечное слово, когда политика оказывалась бессильной урегулировать международные споры. Война ныне несостоятельна в силу самой своей сути. Последние две войны показали это. Победитель должен был тащить побежденного на своем горбу. Если будет еще одна мировая война, то вы столкнетесь с такой разрушительной силой и с такими разрушениями, в условиях которых только те будут счастливы, кто будет мертв...»⁵⁴. Однако лично Макарур к тому времени уже перестал иметь какое-либо влияние на формирование американской военной доктрины.

Хотя доктрина «массированного возмездия» отражала реальные агрессивные намерения американских империалистов в отношении СССР и других социалистических стран, американские политики в первую очередь пытались использовать ее как потенциальную угрозу, как средство международного шантажа.

Выдвижение этой доктрины с точки зрения ее политического аспекта представляло собой отчаянную попытку руководителей США создать на мировом форуме впечатление того, что соотношение сил между США и СССР являлось более благоприятным в пользу США, чем это было на самом деле. Они стремились доказать, что США будут сами — в одностороннем порядке — решать

формы и условия урегулирования конфликтов, будь это на поле боя или за столом переговоров.

Шумная пропаганда этой доктрины в выступлениях государственных деятелей США и в печати была направлена к тому, чтобы заставить СССР и социалистические страны отступить с их позиций по ряду международных проблем.

Накалу антисоветских страстей в США способствовало выдвижение на авансцену «бешеного» сенатора — республиканца Дж. Маккарти, сделавшего карьеру на запугивании американцев «красной опасностью» и выискивании мнимых «агентов Москвы» среди правительственных чиновников США (в число которых Маккарти ухитрился зачислить даже Дина Ачесона и генерала Маршалла).

Маккартизм 50-х годов в США (как и его разновидность в 60-х годах — «бэрчизм»⁵⁵ и «голдуотеризм») был не каким-то случайным отклонением от норм американской жизни, как это пытаются представить некоторые американские социологи. Это было глубоко типичным явлением — выражением реакции определенных кругов американского правящего класса на неспособность США осуществить поставленную ими внешнеполитическую задачу подавления «международного коммунизма». «Если мы неспособны подавить, отбросить международный коммунизм (олицетворяемый в первую очередь СССР), то это происходит лишь по причине предательства, совершаемого внутри» — таков был основной тезис маккартизма. Как говорил один из виднейших маккартистов — сенатор Ричард Никсон, вскоре ставший вице-президентом США, «предатели в высших сферах нашего собственного правительства позаботились о том, что колода тасуется на советской стороне дипломатических столов»⁵⁶.

Маккартисты правильно поняли неспособность США добиться установления «американского мира». Но они не хотели признать, что это происходит потому, что США не всемогущи, и поэтому искали надуманной субъективной причины для объяснения провала политики США. А раз неудачи заключались в субъективных причинах, то должен был найтись и козел отпущения. И маккартисты искали «внутренних врагов» в лице «подрывных элементов», в число которых зачислялись как политические

оппоненты, так и персональные недруги ура-патриотов. Маккартисты лишь повторили еще свежие в памяти у многих методы германских фашистов, которые нашли аналогичного «врага» в лице «неарийских элементов». И как это ни прискорбно отмечать, группировка Мао Цзэ-дуна в Китае, запутавшаяся в 60-х годах во внутриполитических и внешнеполитических противоречиях, вызванных провалами ее субъективистской авантюристической политики, тоже пытается свалить грехи за все свои провалы на так называемых ревизионистов — противников идей Мао.

«Миф о коллективном предательстве, на котором Маккарти поднялся к власти, служил цели примирения иллюзии об американском всемогуществе с практическим опытом, показывающим ограниченность американской власти», — справедливо замечает Ганс Моргентау⁵⁷. Однако все эти верные наблюдения можно было высказать вслух и напечатать в США лишь после того, как Маккарти сошел с авансцены в могилу. В начале же 50-х годов многие американцы не решились бы поделиться подобными мыслями даже в кругу семьи, боясь по доносу попасть в список «нелояльных элементов».

Естественно, что вся эта антикоммунистическая история в США, порожденная невозможностью диктовать свои условия СССР, непосредственно влияла на формирование политики американского правительства в отношении СССР. Подталкиваемое антисоветскими призывами маккартистов, республиканское правительство стремилось показать, что оно не отстает от требований момента и является еще более антисоветским, чем правительство Трумэна.

Стремясь видимостью антисоветской «твердости» компенсировать реальное отступление США перед миром социализма, Джон Фостер Даллес вытащил из архивов своего департамента давным-давно обанкротившуюся концепцию о невозможности для США иметь по-настоящему нормальные деловые отношения с СССР до тех пор, пока там не произойдет «фундаментальных изменений» в сторону капитализма. Пока этого не происходит, задача американской дипломатии в области советско-американских отношений должна будет заключаться в том, чтобы выжидать и по мере сил (подрывной деятельностью, пропагандой и т. д.) способствовать таким «изменениям».

Этот тезис Даллес заимствовал у одного из своих предшественников на посту государственного секретаря США — Ч. Юза (члена республиканской партии), который выступал с аналогичной аргументацией в 20-х годах, отстаивая политику дипломатического непризнания СССР. Юз, как недалёковидный буржуазный политик, возможно, искренне заблуждался и был неспособен подняться до понимания объективного хода истории. Даллес же сознательно шел на обман американского народа, чтобы оправдать политику «холодной войны» и отсутствие попыток со стороны США к нормализации отношений с СССР и достижению договоренности хотя бы по частным вопросам. Легенда об «американском всемогуществе» сопровождалась версией о «советской внутренней слабости», в силу которой советский строй якобы рано или поздно должен будет рухнуть.

Подобная теория была щитом, за которым лидеры США пытались укрыться от критики общественностью безрассудных внешнеполитических шагов правительства Эйзенхауэра, от справедливых обвинений в том, что их внешняя политика является инертной, косной, оторванной от реальной действительности. «Иногда намеком, наивно, иногда с потрясающей откровенностью государственный секретарь США раскрывал свое убеждение в том, что, если мы будем крепко держаться за щит массивного сдерживающего фактора, которым являлось Командование стратегической авиацией США с его водородными бомбами, коммунистическая империя, несомненно, рухнет под влиянием своих собственных внутренних противоречий и неувязок. Поскольку поэтому неизбежно должно было наступить время, когда коммунистические руководители отступят, с нашей стороны не требовалось никаких переговоров, которые могли бы подразумевать уступку. Это является сильно упрощенным изложением позиции Даллеса, но в основе своей это — тот взгляд, вокруг которого формировалась его политика», — пишет известный американский журналист Маркис Чайлдс⁵⁸.

Однако в первый период после прихода к власти республиканское правительство не просто проводило политику выжидания в отношении «фундаментальных изменений» в СССР в сторону капитализма. Развивая внешнеполитическую линию правительства Трумэна, оно стало

на путь прямого вмешательства во внутренние дела социалистических государств, выступив с провокационным лозунгом «освобождения».

Трудно представить себе более откровенную империалистическую политику вмешательства, чем политика «освобождения», которая была официально включена в платформу республиканской партии США на съезде партии в Чикаго в июле 1952 года, на котором генерал Эйзенхауэр был выдвинут кандидатом в президенты США.

Лозунг «освобождения» потребовался лидерам республиканской партии не столько потому, что правительство Эйзенхауэра действительно было готово начать военные действия в Европе с целью восстановления капиталистических порядков в Польше, Чехословакии, Венгрии или ГДР. Он был выдвинут в первую очередь как более динамичный, более антикоммунистический в условиях, когда требовалось прикрыть очевидные поражения американской внешней политики в Азии.

Как известно, кульминационным пунктом мирового атомного шантажа США в те годы явилась угроза применить американское ядерное оружие для помощи французским колонизаторам в Индокитае в 1954 году. Однако правящие круги США вынуждены были и здесь, так же как и в Корее, согласиться на мирное урегулирование, и эти их отступления были первыми в цепи последующих военно-политических провалов американского республиканского руководства.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В НАТО

Новая американская стратегическая доктрина «масшированного возмездия» предусматривала, что некоторое сокращение американских сухопутных сил в связи с повышением роли стратегической атомной авиации США должно компенсироваться значительным увеличением армий европейских союзников. Руководители НАТО все больше надежд возлагали на Западную Германию, которую они хотели как можно быстрее привлечь к военным приготовлениям Атлантического блока.

После создания НАТО правящие круги США в центр своего внимания поставили задачу скорейшего восстановления военно-промышленного потенциала Западной Гер-

мании и окончательного завершения раскола Германии. 20 июня 1948 г. в Западной Германии была проведена сепаратная денежная реформа, в результате которой Германия оказалась экономически расколотовой на две части. В сентябре 1949 года в Западной Германии было создано единое правительство во главе с Аденауэром, а военное ведомство Бланка при этом правительстве вскоре превратилось в западногерманское министерство обороны. После создания западногерманского правительства Соединенные Штаты, при молчаливой поддержке Англии и пассивном сопротивлении Франции, решили приступить к воссозданию вооруженных сил Западной Германии, рассматривая бывший гитлеровский генералитет, сохраненный ими во время показной кампании «денацификации» как костяк будущего вермахта.

Правда, лидеры США, как и руководители западноевропейских государств, понимали, что в каждой из стран, воевавших против гитлеровской Германии, очень сильны антинацистские чувства. Поэтому заставить общественность согласиться с новым вооружением западной части Германии было делом непосильным. Представляя пакт НАТО на утверждение американскому конгрессу, руководители США торжественно заявляли, что Германии не будет позволено вновь стать на путь милитаризации и перевооружения, что они не рассчитывают на использование в этом пакте войск Западной Германии.

На слушании вопроса о НАТО в Комиссии по иностранным делам сенатор Лодж прямо спросил государственного секретаря Ачесона о том, не является ли одной из целей США восстановление военного потенциала Западной Германии. На это Ачесон ответил, что разоружение и демилитаризация Германии должны быть полными и абсолютными.

Отвечая затем на вопрос другого сенатора, Ачесон заявил: «Мы должны сказать совершенно ясно, что в настоящее время обсуждение вопроса о включении Западной Германии в пакт невозможно»⁵⁹.

Подобные заверения, однако, были грубым обманом американской и мировой общественности. Ибо одной из главных целей, ради которых правительство США сколачивало НАТО, было стремление прикрыть возрождение западногерманского милитаризма ширмой коллективной ответственности.

Через пять лет тот же самый Ачесон, выступая в лондонском Обществе пилигримов накануне принятия Западной Германии в НАТО, уже без обиняков высказывал мысль о «круговой поруке» западных держав в отношении Западной Германии: «Восстановление Германии в семье западных цивилизаций,— говорил он,— должно быть коллективным мероприятием, где риск и ответственность поделены между всеми...»⁶⁰. При этом американские стратегии рассчитывали на то, что владение США ядерным оружием, а также сама структура НАТО помогут бывшим западным союзникам по войне с Германией держать под контролем западногерманскую военную машину.

Неправильно было бы говорить о том, что правящие круги США не сделали для себя никаких выводов из новейшей истории Европы: из краха версальской системы и становления гитлеровской военной машины. Агрессия, развязанная Гитлером, поставила под вопрос существование самой европейской цивилизации, которая оказалась спасенной лишь в результате решающего вклада, внесенного Советским Союзом в разгром гитлеровской военной машины. Несомненно, что ни США, ни Англия, ни Франция не хотят, чтобы история повторилась. В силу этого послевоенные соглашения и мероприятия, направленные на втягивание ФРГ в западный альянс и восстановление ее военного потенциала, разрабатываются с учетом того, чтобы не допустить выхода возрожденного западногерманского милитаризма из-под коллективного западного или, по крайней мере, американского контроля.

Однако, как и после первой мировой войны, главной причиной восстановления западными державами-победительницами военной машины в Западной Германии является стремление использовать ее как таран против СССР. Для достижения этой цели требуется, чтобы эта военная машина (которая, правда, даже по признанию Запада, ныне уже не может самостоятельно противостоять СССР) была как можно более мощной. А это, в свою очередь, подрывает механизм «сдерживания», заложенный в западных военных союзах, и ведет к тому, что Западная Германия вместо слуги НАТО стремится стать его хозяином, по крайней мере на европейском театре. В условиях, когда США и Англия пытаются обуздать эту сторону западногерманских поползновений и в то же

время поощряют рост ее сил как фактора в антисоветском «противостоянии», создается парадоксальное положение. «Сдерживание» Западной Германии со стороны западных держав осуществляется путем удовлетворения ими все новых и растущих требований западногерманских реваншистов.

Подобная политика, которую нельзя назвать иначе, как политикой умиротворения милитаристов, осуществляется под аккомпанемент громогласных публичных деклараций о том, что лучше дать оружие «под контролем», чем не дать совсем и тем самым «толкнуть» ФРГ на путь национализма и одностороннего отказа от контроля. Однако сейчас уже многие в США начинают чувствовать, что, если ФРГ получит доступ к ядерному оружию, ее уже не сможет сдерживать никакой контроль, и она сможет втянуть США в войну односторонней атомной провокацией. Во всяком случае, история послевоенных отношений между Вашингтоном и Бонном является яркой иллюстрацией популярного изречения: дай ему палец — он ухватит всю руку.

Уже в сентябре 1950 года, то есть через полтора года после подписания Североатлантического пакта, государственный департамент США предложил включить непосредственно под командование НАТО десять западногерманских дивизий. Однако в то время западноевропейские правительства, в первую очередь Франции, отвергли это предложение, опасаясь проявлений массового недовольства в своих странах. Тем не менее участники нью-йоркской сессии Совета НАТО, происходившей в том же сентябре, после того как на них был оказан сильнейший нажим со стороны США, согласились рассмотреть в срочном порядке «методы, путем которых ФРГ смогла бы с наибольшей пользой внести свой вклад в оборону Западной Европы»⁶¹.

Франция, находившаяся в то время в большой экономической зависимости от США, проявила инициативу в отношении осуществления этой директивы НАТО, выступив с планом создания Европейского оборонительного сообщества.

Составленный идеологом «европейской интеграции» Моннэ, этот план в виде тогда еще общих предложений был доложен Плевеном Национальному собранию Франции 25 октября 1950 г. План предусматривал формирова-

ние единой, или «интегрированной», европейской армии путем объединения военных контингентов различных западноевропейских стран в многонациональные дивизии. Армия должна была находиться под командованием министра обороны, назначаемого Ассамблеей Европейского оборонительного сообщества. Осуществление всего проекта должно было финансироваться из единого европейского военного бюджета. Предусматривалось, что это сообщество станет составной частью НАТО.

В основных чертах этот план был согласован на Парижской конференции к концу июля 1951 года. В соответствии с французским проектом в сообществе должны были принять участие Франция, Англия, Западная Германия, Италия, Бельгия, Голландия, Люксембург. Однако английское правительство с самого начала решительно отказалось участвовать в ЕОС, рассчитывая на свое особое положение в Европе.

Выдвигая свой план, французский премьер пытался убить сразу двух зайцев. Во-первых, он стремился удовлетворить требования США в отношении вовлечения Западной Германии в военные приготовления западных держав. Во-вторых, план предусматривал такие формы военного участия ФРГ, которые позволили бы держать перевооружение Западной Германии в рамках, совместимых с «национальными интересами» Франции, как их понимали французские правящие круги. Несомненно, что с точки зрения подлинных интересов французской нации согласие на любое перевооружение ФРГ, в каких бы рамках оно ни проводилось, означало национальное предательство. Однако антикоммунистические настроения французских правителей и на сей раз, как и в предвоенные годы, оказались выше интересов нации.

Плевен и поддерживавшие его определенные французские круги считали, что создание ЕОС поможет Франции играть большую роль на континенте и в НАТО, чем в том случае, если будет осуществлено прямое воссоздание национальных западногерманских вооруженных сил. А этого как раз настойчиво добивалось правительство Трумэна, а затем и Черчилль, вновь пришедший к власти осенью 1951 года. Английский премьер-министр рассматривал план воссоздания бундесвера не только с точки зрения оказания военного давления на демократическую Германию. Он, кроме того, считал, что это могло бы

создать контрбаланс вооруженным силам Франции на континенте и Англия продолжала бы выступать в ее традиционной роли арбитра, опираясь на «особые отношения» с США.

Однако, когда английский кабинет оценил все препятствия, которые неизбежно возникли бы в Европе при осуществлении проекта воссоздания национальной западногерманской армии, он энергично поддержал французский проект. «Мы оба (Черчилль и Иден. — Г. Т.), — признавался впоследствии Иден, — делали все возможное для того, чтобы претворить в жизнь проект ЕОС в рамках процветающего Атлантического сообщества. Вся проблема перекрывалась срочной необходимостью обеспечить организованное перевооружение (Западной. — Г. Т.) Германии»⁶².

Кстати говоря, в Англии в это время уже вовсю развернулось производство ядерного оружия⁶³, что придавало английским руководителям чувство уверенности в их политике европейского интриганства, предусматривавшей возрождение военного потенциала противника, против которого всего шесть лет назад Англия вела борьбу не на жизнь, а на смерть.

Политический и экономический нажим США и Англии на западноевропейские правительства сделал свое дело: 27 мая 1952 г. министры иностранных дел Западной Германии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга подписали в Париже договор о ЕОС.

Республиканскому правительству Эйзенхауэра не потребовалось много времени, чтобы полностью войти в курс американской политики в Европе. Политическая ориентация лидеров республиканской партии США полностью соответствовала европейской политике, проводившейся правительством Трумэна. Более того, «план Плевена» мог быть даже с большим основанием назван «планом Даллеса», ибо последний имел полное право претендовать на приоритет в проекте европейской армии.

Даллес давно вынашивал планы перевооружения Западной Германии. Правда, он отдавал себе отчет в том, что идея воссоздания бундсвера всего через несколько лет после окончания войны не может быть навязана народам Западной Европы. Он знал также, что против нее восстанет значительная часть правящих кругов европейских стран. Он предвидел и бурную реакцию американ-

ского общественного мнения против проектов возродить милитаризм на западе Германии. В книге «Война или мир», вышедшей до того, как Плевен изложил свои предложения о европейской армии Национальному собранию Франции, Даллес писал: «Мы не можем пойти на риск создания немецкой национальной армии. Мы можем пойти на риск включения немцев в качестве индивидуумов вместе с французами и бельгийцами в европейскую армию, которая не будет находиться под германским командованием и будет размещаться где-нибудь в Западной Европе, предпочтительно не в Германии»⁶⁴.

Английский автор Ричард Гульд-Адамс, написавший подробное исследование политики Даллеса, подчеркивал: «Под руководством Даллеса новое правительство в Вашингтоне продолжило американскую политику с той самой точки, на которой она была оставлена его предшественниками, и целиком и полностью поддержало план Европейского оборонительного сообщества»⁶⁵.

На Бермудском совещании глав правительств и министров иностранных дел США, Англии и Франции в июне 1953 года Эйзенхауэр и Черчилль потребовали от премьера Франции Ланьеля не задерживать ратификацию договора о ЕОС. Французский министр иностранных дел Бидо попросил новых гарантий от США и Англии, то есть решения саарского вопроса в пользу Франции и твердого обязательства присутствия английских и американских войск на континенте в течение 20 лет в качестве дополнительной страховки против восстанавливаемой западногерманской военной машины. В ответ на это Черчилль с одобрения Эйзенхауэра пригрозил французскому министру, что если Франция не примет ЕОС, то Англия потребует одностороннего перевооружения Западной Германии⁶⁶.

С целью нажима на западноевропейские правительства американский конгресс принял так называемую поправку Ричардса к законопроекту об ассигнованиях на «помощь» по программе «Взаимного обеспечения безопасности» на 1953/54 финансовый год. Поправка обуславливала предоставление половины американской военной «помощи» Европе созданием ЕОС.

Через несколько месяцев на сессии Совета НАТО в Париже Даллес пошел еще дальше в своем шантаже, заявив, что США подвергнут «мучительной переоценке»

основы своей политики в Европе, если ЕОС не будет создано⁶⁷. Объясняя Идену свое заявление, Даллес сказал, что «правительство Соединенных Штатов чувствует необходимость встряхнуть французское общественное мнение»⁶⁸.

Угроза «пересмотреть американскую политику в Европе» неоднократно использовалась и в последующие годы правительством США для оказания давления на западноевропейские правительства. Когда Даллесу объяснили, что большинство, на которое опиралось французское правительство в Национальном собрании, не ратифицирует договор о создании ЕОС, он начал разрабатывать проект формирования такого коалиционного правительства во Франции (хотя бы на срок в два-три дня!), которое смогло бы проташить проект ЕОС через собрание. Это было беспрецедентно грубое вмешательство во внутренние дела суверенной мировой державы. Не исключено, что именно это грубое маневрирование Даллеса способствовало тому, что план ЕОС был отклонен Национальным собранием Франции 30 августа 1954 г. даже большим числом голосов, чем ожидало само французское правительство (против ЕОС было подано 319 голосов, за — 264 при 43 воздержавшихся).

Народы Европы восприняли провал плана создания ЕОС не только как поражение политики реакционных европейских правительств, но и как серьезный удар по планам американского вмешательства во внутренние дела Западной Европы.

Однако американский империализм, твердо ставший на путь антисоветских военных приготовлений, не намерен был отказаться от западногерманского пушечного мяса.

Единственной альтернативой плану объединения западногерманских контингентов в европейской армии был план непосредственного воссоздания национальной западногерманской армии. Поэтому правительство США в принципе решило возвратиться к последнему, несмотря на то что многие в США отдавали себе отчет о всех опасных последствиях такого пути. Однако, учитывая уроки провала ЕОС, правящие круги США решили действовать осторожнее и создать видимость новой европейской инициативы в отношении перевооружения Западной Германии и включения ее в НАТО.

Неблагодарную роль осуществить этот американский замысел взял на себя министр иностранных дел Англии А. Иден. Он выступил с планом превращения Западного союза из «оборонительной» организации, в какой-то мере направленной против возрождения милитаризма в ФРГ, в пакт с западногерманским милитаризмом, или, точнее, в орган по «легальному возрождению» военного потенциала Западной Германии и Италии и приданию им самостоятельного военного статуса⁶⁹.

Через несколько дней, после того как Национальное собрание Франции забаллотировало проект ЕОС, Иден совершил турне по европейским столицам, в ходе которого получил самое горячее одобрение своего замысла в Бонне и Риме. Через месяц — 28 сентября 1954 г. в Лондоне была созвана конференция министров иностранных дел девяти стран, которая в общих чертах одобрила англо-американский план включения Западной Германии и Италии в НАТО через членство в Западноевропейском союзе, как стал называться реформированный Западный союз.

В октябре 1954 года были формально подписаны Парижские соглашения, предусматривавшие вступление Западной Германии и Италии в Брюссельский договор и принятие обеих держав в НАТО в качестве полноправных членов. Западные державы сделали окончательный и бесповоротный шаг к перевооружению Западной Германии.

ПОИСКИ НОВОЙ СТРАТЕГИИ.

ДОКТРИНА «ОГРАНИЧЕННОЙ ВОЙНЫ» (1957—1960 гг.)

С 1955 года, когда для руководства США стало очевидным, что соотношение сил начало решительно меняться в пользу СССР и других социалистических стран, многие американские руководящие и военные деятели поняли, что доктрина «массированного возмездия» не может быть применена. Они начали искать иную стратегию, которая позволила бы США осуществлять их агрессивные внешнеполитические задачи без особого риска для безопасности своей страны.

Поиски новой доктрины на сей раз начались непосредственно в Пентагоне. Критика «массированного возмездия» исходила из кругов американской армии. Они

критиковали эту доктрину не потому, что не одобряли ее исключительную провокационность. Дело в том, что осуществление этой доктрины с ее упором на стратегическую авиацию привело к сокращению армейских бюджетов и к понижению статуса сухопутных войск в американской военной машине. Подыскивая доводы в защиту армии, ряд деятелей из армейского руководства обратились к критике доктрины «массированного возмездия». В ходе этой критики и появились аргументы о невозможности решать американские военно-стратегические задачи путем тотального ядерного удара из-за уязвимости территории США для аналогичного ответного удара и аргументы о неприменимости доктрины «массированного возмездия» к локальным конфликтам. Все это было публично изложено бывшими начальниками штаба армии США генералом Риджуэем в его мемуарах «Солдат», изданных в 1956 году, и генералом Тэйлором в книге «Ненадежный призыв», вышедшей в Нью-Йорке в 1960 году, в которой он в развернутой форме изложил доктрину «гибкого реагирования», как ее стали потом называть.

Правда, в 1955—1956 годах руководители министерства обороны США делали все возможное, для того чтобы присечь критику доктрины «массированного возмездия». Достаточно сказать, что статья того же Тэйлора, написанная им весной 1956 года по просьбе журнала «Форин афферс», в которой он требовал приспособления американской военной машины к стратегии «ограниченной войны» и отказа от абсолютизирования стратегии «одной большой войны» (при сохранении готовности к такой всеобщей ядерной войне), была запрещена для публикации министерством обороны и госдепартаментом США. Аналогичная попытка была предпринята бывшим в то время министром обороны Ч. Вильсоном и в отношении меморандума, направленного ему генералом Риджуэем в июне 1955 года за несколько дней до своего ухода с поста начальника штаба армии. Однако меморандум Риджуэя (составленный им с таким расчетом, чтобы его невозможно было отнести в разряд секретных и похоронить в архивах), очевидно, не без помощи самого автора, стал известен «Нью-Йорк таймс», и Вильсон в конце концов был вынужден разрешить его опубликование в печати.

В меморандуме Риджуэя, в частности, говорилось, что в недалеком будущем запасы ядерного вооружения значительно возрастут как в СССР, так и в Соединенных Штатах. Стоимость производства такого оружия уменьшается, и, следовательно, наступит время, когда даже небольшие державы смогут стать обладателями этого вида оружия. При ядерном изобилии соперничающие стороны могут лишиться ядерных преимуществ или же договориться об ограниченном применении ядерного оружия, а может быть, и о запрещении его вообще. «Кажется весьма сомнительным, — пишет он дальше, — что СССР проявит инициативу в применении ядерного оружия... С другой стороны, если западные державы применяют его первыми, у СССР не будет иного выбора, кроме как ответить тем же в надежде на то, что разрушения, которые понесет Запад в результате этого, ограничат способность Соединенных Штатов продолжать эффективно вести войну. В свете этой весьма вероятной в будущем возможности можно считать, по крайней мере, дискуссионным вопрос о том, смогут ли США опираться в основном на ядерное оружие в использовании своей военной силы»⁷⁰. Риджуэй в этом меморандуме энергично высказался в пользу создания Соединенными Штатами комбинированных мобильных ударных частей многоцелевого назначения, которые находились бы в постоянной боевой готовности.

За пределами Пентагона одним из первых западных военных теоретиков, выступивших с критикой доктрины «массированного возмездия», был англичанин Лиддел Гарт, который в противовес этой доктрине выдвинул теорию «ограниченной войны».

В 1954—1956 годах вопросы «ограниченной войны» затрагивали в своих статьях и выступлениях такие западные теоретики «холодной войны», как Дж. Кеннан, Бернард Броди, военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Хенсон Болдуин и др. Аргументы противников доктрины «массированного возмездия» и сторонников «ограниченной войны» появились в ряде статей в военных журналах, а также в журнале «Форин афферс», издаваемом неофициальным весьма влиятельным американским Советом по международным отношениям. Еще в 1954 году совет организовал специальную группу, перед которой была поставлена задача рассмотреть все факторы,

связанные с разработкой и осуществлением внешней политики США в атомную эпоху. В эту группу, которую возглавил бывший председатель американской Комиссии по атомной энергии Гордон Дин, вошли авторитетные американские военные, политики, ученые-атомники и бизнесмены, многие из которых заняли после 1960 года весьма влиятельные посты в правительстве Кеннеди.

В результате дискуссий в этой группе, продолжавшихся около двух лет, были сформулированы основные наметки новой стратегии, которые, по предложению совета, и были изложены затем профессором Генри Киссингером как его «личное мнение» в нашумевшей на Западе книге «Ядерное оружие и внешняя политика», вышедшей в 1957 году. Киссингер в своей книге попытался сформулировать доктрину, которая давала бы возможность — выражаясь словами английского военного теоретика Кингстона-Макклори — «искать пути разрешения любых военных конфликтов, занимающих промежуточное положение между тотальной войной и тотальным миром».

Тотальная война стала для американских империалистов слишком рискованным предприятием. В то же время тотальный мир также оказывался для них неприемлемым ввиду их далеко идущих агрессивных замыслов. И об этом с удивительной откровенностью писал Киссингер на первых же страницах своей книги, которая была разрекламирована в США как «выдающаяся книга десятилетия»: «Нам говорят, что рост запасов термоядерного оружия создал тупик, который делает войну, если не чересчур рискованной, то по крайней мере невыгодной. Говорят, что мощность новых видов оружия привела к молчаливому пакту о ненападении: к признанию того, что война не является более возможным инструментом политики и что по этой причине международные конфликты могут решаться лишь средствами дипломатии»⁷¹.

Эту установку Киссингер и стоящие за его спиной пентагоновские боссы отвергали как совершенно неприемлемую: «Ибо если применение силы стало фактически невозможным, дипломатия также может потерять свою эффективность. Не говоря уже о том, что это никак не поведет к разрешению спорных проблем, невозможность

использования силы может увековечить все конфликты, сколь бы пустяковыми они ни были»⁷².

В книге Киссингера как раз и предпринималась попытка создать теорию, которая позволила бы американской дипломатии продолжать выступать «с позиции силы» в условиях, когда изменение соотношения сил в мире все более подрывало международные позиции США. «Создание в СССР самолетов дальнего действия, способных покрывать огромные расстояния и возвращаться назад, в сочетании с ростом советских запасов ядерного оружия явилось коренным изменением в стратегическом соотношении сил в послевоенный период», — отмечал Киссингер⁷³. Для того чтобы США могли продолжать проводить политику «с позиции силы», доказывал Киссингер, они должны отказаться от доктрины «массированного возмездия» и принять стратегию «ограниченной войны», что является вопросом не выбора, а необходимости.

Книга Киссингера получила широкую известность на Западе потому, что он лучше, чем кто-либо другой, суммировал все аргументы за и против стратегии «ограниченной войны» с точки зрения американского империализма. Для нас же рассуждения Киссингера представляют ценность в том отношении, что в его псевдонаучных построениях и формально-логических натяжках отразился глубокий психологический кризис, в котором оказались военно-политические стратеги США, когда они полностью осознали тот факт, что их территория перестала быть неуязвимой для ответного удара.

Положение, сложившееся в результате создания Советским Союзом арсенала ядерного оружия и средств, способных доставить его на расстояние во много тысяч километров, западные стратеги называли «атомным тупиком», «равновесием страха», состоянием «взаимного сдерживания». В условиях такого «равновесия», когда каждая из сторон имеет возможность если не уничтожить другую, то, во всяком случае, причинить ей колоссальные разрушения, как США, так и СССР, утверждают американские теоретики, должны будут воздерживаться от нападения друг на друга из-за страха за собственную судьбу.

Дело, однако, в том, что СССР никогда не собирался нападать на США, с помощью или без помощи ядерного

оружия, и не грозил им таким нападением. Американские же политические и военные лидеры постоянно грозили СССР то превентивной войной, то «массированным возмездием». В свете этих фактов состояние, которое американские теоретики именуют «взаимным сдерживанием», есть не какое-то обоюдное сдерживание, а одностороннее сдерживание Советским Союзом американских империалистов.

Марксистская оценка Коммунистической партией Советского Союза новой расстановки сил на мировой арене позволила КПСС уже в 1956 году сделать важнейший вывод о возможности предотвращения войн в современную эпоху. Этот вывод XX съезда КПСС был затем подтвержден и развит в решениях Московских совещаний представителей коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 годах.

Однако, осознав, что новый мировой конфликт может привести к поражению США, американские лидеры в то же время не желали отказываться от войны как инструмента политики и требовали стратегии, которая бы совмещала в себе два элемента: гарантию безопасности США, с одной стороны, и свободу рук для агрессивных авантур — с другой, хотя оба эти элемента едва ли совместимы. Такой стратегией, казалось им, и является стратегия «ограниченной ядерной войны».

Помимо основного факта уязвимости американской территории для ответного ядерного удара и общего изменения соотношения сил на мировой арене в пользу социализма можно назвать и другие причины, заставившие военных теоретиков и политиков США пересмотреть американскую стратегическую концепцию.

Одна из причин — убеждение, что США не могут победить в тотальной войне. «Американский народ, — подчеркивал Киссинджер, обращаясь, правда, отнюдь не к народу, а к правящему классу, — должен осознать, что с окончанием нашей атомной монополии всеобщая война перестала быть инструментом политики, за исключением лишь самого крайнего случая, и что для большинства вопросов, по которым может возникнуть спор, единственным выбором, открывающимся перед нами, является выбор между стратегией ограниченной войны или бездействием»⁷⁴.

Другая причина заключалась в том, что они стреми-

лись приспособить общую стратегию для решения задач локальной агрессии путем создания «гарантий» против перерастания такой агрессии во всеобщую войну, чреватую уничтожением самих США.

Фактически Киссингер и его единомышленники представляли школу американских военных теоретиков, противостоящую «школе Макартура». В то время как первая школа пришла к доктрине «массированного возмездия», вторая из уроков корейской авантюры сделала вывод об опасности, таящейся для США в политике неограниченного расширения конфликта. Осознав это, она требовала сужения рамок агрессии в интересах локального изменения статус-кво в пользу США. Свою концепцию Киссингер, Тэйлор, Гальперин, Осгуд и другие сторонники «ограниченной войны» обосновывали не только выводами из плачевных для США результатов корейской авантюры, но и ссылками на события в Индокитае и на Среднем Востоке. Ни во время войны в Индокитае, ни во время суэцкого кризиса, утверждал Киссингер, доктрина «массированного возмездия» не смогла привести к результатам, выгодным для США и их союзников. Более того, она оказалась просто-напросто неприменимой при указанных обстоятельствах. Применение же доктрины «ограниченной войны», которая не ставит альтернативы: тотальная победа или тотальная капитуляция, даст якобы Соединенным Штатам возможность добиться ограниченных перемен в их пользу. «Способность ведения всеобщей термоядерной войны, — указывал Киссингер, — не может быть использована для достижения позитивных целей»⁷⁵. В качестве одной из таких позитивных целей Киссингер называл борьбу против «современной революции», то есть национально-освободительного движения.

Кроме того, появление ракет, доказывал Киссингер (его книга была издана до полета первого советского спутника), делает «почти невозможным... достижение тотальной победы во всеобщей войне»⁷⁶.

Доктрина «массированного возмездия», подчеркивал он, не может быть эффективно применена из-за сопротивления, которое ей оказывают некоторые союзники США по военным блокам типа НАТО, СЕНТО и т. д. «Пока и поскольку наша военная доктрина угрожает превращением любой войны во всеобщую, эта доктрина не

может не беспокоить наших союзников — либо по праву, либо по эгоистическим соображениям — и они сделают все, что в их силах, чтобы помешать любому действию с нашей стороны, которое угрожает им вовлечением в конфликт»⁷⁷. Обещание же вести войну в «ограниченных» рамках создавало для США, по мнению Киссингера и его единомышленников, лучшие шансы добиться поддержки американскими союзниками той или иной военной акции Соединенных Штатов.

Большое значение придавал Киссингер психологическому воздействию концепции «ограниченной войны». Подражая Даллесу, который лозунгом о «массированном ответном ударе» стремился прикрыть агрессивный характер американской военно-политической стратегии, адвокаты новой доктрины, употребляя слово «ограниченная», хотели внушить американской публике идею о некоем «невинном», легком характере такой войны по сравнению с кошмаром всеобщего ядерного конфликта.

Это последнее соображение играло немаловажную роль в том, что доктрине «ограниченной войны» была впоследствии создана широкая реклама в «большой прессе» США. В свое время, когда США были единственной державой, имевшей атомное оружие, американские пропагандисты, политики и военные всех мастей не жалели красок, расписывая «чудодейственную» мощь ядерного оружия и не стесняясь при этом напоминать о Хиросиме. Ведь вся эта разрушительная атомная сила должна была обрушиться на «врага», а американский обыватель мог спокойно жить у себя дома, надежно огражденный от ответного удара пространствами океанов и атомной монополией США.

Однако получилось так, что та страна, которая все время фигурировала в послевоенном американском лексиконе в качестве «врага», также создала не только ядерное оружие, но и средства его доставки к американской территории. И когда американец представил себе всю разрушительную силу ядерного оружия, которая не раз была описана в печати, в приложении к своему собственному углу, в применении к Америке, тогда эффект «массированного возмездия» предстал для него уже не в том розовом свете, в котором рисовал его в свое время государственный секретарь США Даллес. Концепция «ограниченной войны» как раз и была направлена на то,

чтобы развеять страх, охвативший американцев, начавших понимать, какой ценой им придется расплачиваться за авантюристическую внешнюю политику своих лидеров.

Таким образом, выдвижение концепций «ограниченной ядерной войны» являлось, по существу, дальнейшим морально-политическим отступлением американского империализма перед силами мира. Какой бы несостоятельной с военно-стратегической точки зрения она ни была, сам факт ее выдвижения являлся своеобразным реверансом американских военных теоретиков в сторону американской и мировой общественности.

Появление книги «Ядерное оружие и внешняя политика» вызвало широкие дебаты в США о характере и целях «ограниченной войны». В ходе этих дебатов «ограниченная война» была разбита на несколько разновидностей: ограничение района конфликта, ограниченность поставленных целей, ограничение мощности используемого атомного оружия. Были сформулированы и основные принципы ведения «ограниченной войны». Главным из них был отказ от выдвижения «чрезмерных» целей, граничащих с требованием капитуляции противника, и упор на достижение и закрепление «ограниченного» изменения статус-кво в пользу США. «Ограниченная война, — отмечал Киссинджер, — несовместима с попытками навязывания безусловной капитуляции. Но невозможность навязать безусловную капитуляцию не должна быть смешиваема с неизбежностью возвращения к статус-кво анте беллум (положению, существовавшему до войны. — Г. Т.)»⁷⁸.

Другим важнейшим принципом явилось положение о необходимости перекладывания риска расширения конфликта на другую сторону. Практически это означало, что стороне, на которую было совершено нападение, предлагалось либо примириться с ограниченным поражением, либо применить большую силу для отпора агрессии, тем самым расширить конфликт и принять на себя ответственность за превращение конфликта во всеобщую войну. Но известно, что агрессор (в силу того, что инициатива выбора момента, направления и способа нанесения удара принадлежит ему) первоначально всегда находится в более выгодном положении, чем жертва агрессии. Поэтому обороняющейся стороне приходится

использовать большую силу или более мощное ядерное оружие, для того чтобы ликвидировать преимущества, которые получила нападающая сторона. Теория же «ограниченной войны» с ее требованием к обороняющейся стороне вести войну на условиях нападающей стороны фактически была направлена на то, чтобы связать руки жертве агрессии.

Третьим принципом являлась мобильная организация вооруженных сил, приспособление армейских частей для быстрой переброски по воздуху или морю в районы локальных конфликтов. Киссингер считал идеальным организацию небольших автономных военных частей, обладающих ядерным оружием и самообеспеченных по принципу военно-морских единиц. Каждая из таких частей должна быть готовой вести операции в условиях «ограниченной ядерной войны».

Любая атомная война, доказывал Киссингер, уже не может быть традиционной войной с концентрацией сил на передовой линии и с непрерывной линией фронта. Это будет война между автономными боевыми единицами, рассредоточенными на участке атомного поля боя. Для этого, утверждал он, необходима коренная реорганизация американской армии и строительство необходимых авиатранспортных средств для организации «воздушного лифта». Средства «лифта» не должны подчиняться Командованию стратегической авиации США, главной задачей которого по-прежнему остается нанесение массированного ядерного удара. «Ограниченная война», подчеркивали американские теоретики, является не альтернативой всеобщей ядерной войне, а лишь дополнением к ней в условиях, когда угроза массированного атомного удара становится все более неправдоподобной ввиду возможности аналогичного ответного удара по американской территории.

Теоретики «ограниченной войны» начали затем делать различие между «малой войной», то есть войной между большой державой и малой, не имеющей ядерного оружия, или конфликтом между двумя небольшими державами, в котором могут участвовать США, и «ограниченной войной» между США и Советским Союзом с применением ядерного оружия. Киссингер дошел до такой степени цинизма, что доказывал, что «ограниченная ядерная война» имеет меньшую вероятность перерасти

во всеобщую ядерную войну, чем конфликт с применением обычного оружия, поскольку якобы в «ограниченной ядерной войне» «предельные ставки» известны, а в обычном неядерном конфликте они неясны⁷⁹.

Вскоре после появления книги Киссингера доктрина «массированного возмездия» начала официально пересматриваться американским правительством. В октябре 1957 года в статье в «Форин афферс» Даллес впервые сделал ряд оговорок относительно универсальной применимости доктрины «массированного ядерного удара». Он заявил, что США при определенных обстоятельствах могут начать с применения в военном конфликте мобильного ядерного оружия «ограниченной мощности», а ответственность за развязывание большой ядерной войны должна быть переложена на противника⁸⁰.

Это было первым официальным отступлением правительства США от стратегии «всеобщей ядерной войны» к «более безопасной» стратегии «ограниченной ядерной войны». Оно произошло не само собой, а под влиянием растущей мощи стран социалистической системы, укрепления обороноспособности Советского Союза. Вначале кое-кто из американских экспертов рассматривал опубликованное 17 августа 1957 г. сообщение ТАСС об успешных испытаниях в СССР межконтинентальной баллистической ракеты как «пропаганду». Однако после 4 октября 1957 г., когда над головами пентагоновских стратегов уже летал советский спутник, крушение мифа об «американском военном превосходстве» стало очевидным для всех. Запуск советских искусственных спутников Земли показал американским государственным и военным деятелям, что они очень многое недооценивают в своем анализе промышленного и военного потенциала СССР. Характерно в этом отношении ставшее широко известным высказывание профессора Массачусетского технологического института Джерома Визнера. «Когда я нахожусь в состоянии глубокого пессимизма, — сказал он, — я думаю, что Россия будет впереди нас во всех областях через пять лет, когда же я смотрю на вещи оптимистически, я думаю, что это, может быть, займет у них лет десять»⁸¹.

Наиболее глубокие выводы из этого события были сделаны Джоном Кеннеди, тогда еще сенатором, в его выступлении в американском сенате 14 августа 1958 г.

Речь Кеннеди была столь откровенной и необычной для речей в стенах Капитолия, что сенатор Кейпхарт потребовал очистить галереи сената от публики, поскольку эта речь якобы «раскрывала информацию, наносящую ущерб национальным интересам США». В этой речи, как писал впоследствии известный американский историк Аллан Невинс, Кеннеди «попросил страну... уяснить правду о том, что старая посылка насчет того, что США всегда могут торговаться за столом переговоров с позиций превосходящей мощи, является ложной посылкой»⁸².

Отметив, что со времени атомной бомбардировки Хиросимы основой военной и дипломатической политики США была американская ядерная мощь, Кеннеди подчеркнул необходимость произвести изменения во внешней политике, поскольку США утрачивают «фундамент силы» ввиду их отставания от СССР в области ракетного оружия⁸³.

В советской печати указывалось, что появление на свет теории «ограниченной войны» — это в известной степени признание ее авторами того, что теперь нет таких реальных сил, которые могли бы реставрировать капитализм в Советском Союзе и других странах социалистической системы⁸⁴. Но это — лишь одна сторона дела. Выдвижение военными теоретиками США этой доктрины, официально принятой американским правительством, означало беспрецедентную попытку американских правящих кругов «договориться» с Советским Союзом об условиях ведения войны.

До осени 1957 года империалисты США считали, что, развязывая агрессию против стран социализма или участвуя в подавлении вооруженными силами национально-освободительного движения, они будут вести войну на собственных условиях — так, как будет «удобнее» для США. Ключевая формулировка доктрины «массированного возмездия» — заявление о том, что США будут наносить ядерные удары «средствами и в местах по нашему собственному выбору», — содержала квинтэссенцию этого подхода. И вот не прошло и четырех лет с момента произнесения Даллесом его вызывающей речи, как военные теоретики США вынуждены были предлагать Советскому Союзу заранее договориться об условиях поведения в будущем конфликте. Этот факт является свидетельством морально-политического поражения

США, их отступления перед ростом военно-политического могущества стран социализма.

«Мягко выражаясь, весьма неудачно, что способность наносить ответные удары в местах по нашему собственному выбору — способность, появившаяся в качестве побочного продукта создания стратегических сил сдерживания, оказалась не большей монополией Запада, чем само ядерное оружие», — меланхолически констатировали авторы авторитетного доклада университета Джона Гопкинса, подготовленного для сенатской Комиссии по иностранным делам в 1959 году⁸⁵. Но констатация, как всегда, оказалась запоздалой.

Конечно, немислимо, чтобы та или иная страна, в том числе и Советский Союз, взяла на себя обязательства соблюдать правила поведения в военном конфликте, которые явно преследуют цель облегчить агрессивные действия против нее. Советское правительство неоднократно предлагало и предлагает правительству США договориться о способах и мерах по обеспечению мира — о полном запрещении ядерного оружия, о всеобщем и полном разоружении. Что же касается защиты от нападения и пресечения агрессии, то, как не раз подчеркивали советские руководители, Советский Союз будет действовать так, чтобы обеспечить наиболее быстрый и сокрушительный разгром агрессоров. Однако американские предложения ограничить будущий конфликт какими-то рамками (а всякое ограничение, как подчеркивают американские теоретики, возможно лишь при условии объявленного или молчаливого согласия двух сторон) означали, что даже наиболее твердолобые американские стратеги осознали возможные катастрофические для США последствия, связанные с развязыванием агрессии против СССР.

Об условиях ведения войны — условиях ее «ограничения» — американские теоретики заговорили только после того, как им стало ясно, что неограниченная война может закончиться лишь поражением капитализма. С этого времени все теоретические поиски американских политиков и стратегов в области стратегической доктрины во многом сводятся к обоснованию и предложению тех или иных ограничений, которые должны соблюдать стороны в военном конфликте⁸⁶.

Несмотря на оговорки Даллеса в отношении доктри-

ны «массированного возмездия», сделанные в октябре 1957 года, правительство Эйзенхауэра так и не выступило с формулировками новой доктрины. Запуск советского спутника, дальнейшие космические успехи СССР, а также катастрофические провалы США в области внешней политики в последние годы президентства Эйзенхауэра (крах попыток развязать военную авантюру против Сирии, ливанское фиаско и, наконец, «дело Пауэрса») — все это повергло республиканское правительство в состояние растерянности.

Однако влиятельные силы в правящих кругах США и в руководстве самой республиканской партии, напуганные американской уязвимостью, горячо ухватились за идею «малой войны» и стали энергично требовать ее официального признания. В 1956 году семейство Рокфеллеров ассигновало полмиллиарда долларов на проведение широкого изучения перспектив американской внешней и внутренней политики на ближайшие 15—20 лет и создало для этой цели специальный «фонд братьев Рокфеллеров»⁸⁷.

Под эгидой этого фонда была образована общая исследовательская группа под председательством Лоуренса Рокфеллера, в которую вошли виднейшие представители делового мира, военных, политических и научных кругов США, и пять подгрупп. Последним было поручено изучать отдельные аспекты американской политики. В частности, подгруппе номер два, в председатели которой был приглашен Г. Киссинджер, уже успевший к тому времени приобрести репутацию теоретика «ограниченной войны», было поручено проанализировать военный аспект проблемы «международной безопасности США».

В начале 1958 года доклад этой подгруппы был опубликован. Но, прежде чем говорить о его содержании, следует остановиться на одной неправильной точке зрения на рокфеллеровские доклады. В ряде статей, опубликованных в советской печати, они иногда изображаются как некая директива «семейства Рокфеллеров», и в первую очередь наиболее активного политика этого семейства — Нельсона Рокфеллера, американскому правительству, которое якобы безропотно претворяло эту директиву в жизнь. Подобная точка зрения сильно преувеличивает роль и значение этой, правда весьма мо-

гущественной, группировки монополистического капитала США. При этом сбрасываются со счета другие монополистические группировки и иные силы в американском обществе и в целом представляются в примитивном виде взаимоотношения в американских правящих кругах.

Сила и влияние рокфеллеровских докладов по вопросам внешней и внутренней политики США заключались не в том, что они представляли точку зрения собственно династии Рокфеллеров или определенных кругов республиканской партии. Огромное их значение определяется прежде всего тем, что в них сформулированы рекомендации, отвечающие интересам широких кругов американского правящего класса в целом и тех его представителей, которые в первую очередь выступают за приспособление американского империализма к изменяющимся условиям в меняющемся мире. Вот почему рекомендации этих докладов оказались ближе по духу представителям молодых сил американского империализма, олицетворявшихся демократом Джоном Кеннеди, чем представителям консервативных группировок, входивших в ближайшее окружение лидера республиканской партии президента Эйзенхауэра.

Доклад группы Киссингера (в ее состав, в частности, входили Дин Раск, Честер Боулс, «отец» американской водородной бомбы — Эдвард Теллер, генерал Л. Клей) начинался с признания того, что США в случае ракетно-ядерной войны не смогут остаться в стороне от разрушений, как в прошлые войны.

«Успешная атака на 50 наших самых важных городских центров, — указывали авторы доклада, — будет означать 10—15 млн. убитых и 15—20 млн. раненых в результате взрыва и теплового поражения и еще 25—35 млн. жертв от радиоактивного поражения»⁸⁸.

С большой неохотой и не без оглядки на советский спутник авторы доклада отмечали: «Советский Союз догнал Соединенные Штаты в главных областях технологии. В некоторых областях, для которых Кремль наметил особое предпочтение, Советский Союз обогнал нас как в количественном, так и в качественном отношениях... Рассматривая вопрос об использовании ядерного оружия, мы сталкиваемся с суровым фактом — выбор более не принадлежит одним лишь нам»⁸⁹.

В этих условиях, отмечается дальше, Соединенным Штатам ничего не остается делать, кроме как подготовиться к «ограниченной войне» — с «ограниченным» применением ядерного оружия.

Таким образом, из рокфеллеровского доклада, как и из вышеназванной книги Киссингера, со всей очевидностью выступал страх американских империалистов за свою собственную жизнь.

«В отношении стратегического оружия Советский Союз нас превзошел или, по крайней мере, догнал, поэтому давайте как-нибудь исключим использование такого оружия в будущей войне. Что же касается тактического ядерного оружия, то, во-первых, здесь мы еще можем потягаться с СССР, а, во-вторых, оно нам в принципе не так страшно, так как применяться оно будет непосредственно на театре военных действий — в Европе, Азии, на Среднем Востоке, но не на территории самих США. «Ограниченная война» нас устраивает» — таков в принципе был общий вывод рекомендаций доклада. Авторы его были едины в своем стремлении отстоять возможность и необходимость военных операций для США в условиях изменившегося соотношения сил. Поэтому они энергично рекомендовали усилить военные способности и готовность США к проведению «ограниченных операций».

В первую очередь они подчеркивали необходимость создать «мобильные силы, способные быстро вмешаться и восстановить местную ситуацию». «Для осуществления этой задачи, — говорится в докладе, — нам необходимо создание мощностей по морской и воздушной переброске войск, которыми мы в данное время не обладаем. Наши мобильные силы должны быть приспособлены ко всему диапазону возможных ограниченных войн, начиная от конфликтов с вовлечением нескольких государств и кончая малыми полицейскими акциями»⁹⁰.

Авторы доклада обращали особое внимание на необходимость подготовки США к «скрытым войнам», к числу которых они относили «внутреннюю революцию или гражданскую войну». Тем самым они нацеливали правящие круги США на «малые» колониальные войны против национально-освободительного движения и молодых национальных государств. Авторы доклада рассматривали такие войны как основную военную перспективу для США на предстоящие два десятилетия в условиях, когда

прямая авантюра против СССР стала для США слишком рискованной.

Приняв за основу будущей стратегии США доктрину «ограниченной войны» (при сохранении и развитии способностей к «большой ядерной войне»), авторы доклада сделали ряд рекомендаций по реорганизации военного аппарата США. Прежде всего они потребовали устранения соперничества между родами войск и усиления взаимодействия между ними, повышения ответственности Комитета начальников штабов за выработку стратегической доктрины и повышения единоличной ответственности председателя комитета, освобождения министра обороны от мелочного арбитража между различными службами, создания объединенных оперативных региональных командований и т. д.

Существенное значение для пересмотра американской военной доктрины имело и рассмотрение в 1958—1959 годах американской внешней и военной политики в Комиссии по иностранным делам сената США (Комиссии Фулбрайта)⁹¹ и Подкомиссии по вопросам военной готовности (возглавлявшейся Линдоном Джонсоном) сенатской Комиссии по делам вооруженных сил.

Вашингтонский центр университета Джонса Гопкинса подготовил по заданию Комиссии Фулбрайта доклад «Развитие военной техники и ее влияние на стратегию и внешнюю политику США». Этот доклад был основан на довольно реалистическом сравнительном анализе военно-экономических потенциалов США и Советского Союза и составлен с учетом перспектив развития ракетно-ядерного оружия. Его авторы пришли, по существу, к тем же выводам, что и составители рокфеллеровского доклада о военных аспектах «международной безопасности». В докладе совершенно откровенно проводилась мысль о том, что в условиях изменившегося соотношения сил на мировой арене и утраты Соединенными Штатами преимуществ континентальной безопасности самым «разумным и приемлемым» для них военно-стратегическим курсом могла быть попытка осуществить внешнеполитические цели иными военными средствами, чем всеобщая атомная война. «Прекращение американской ядерной монополии и рост стратегических возможностей Советского Союза, — подчеркивалось в докладе, — увеличили трудности, связанные с поддержанием военной пози-

ции, необходимой для достижения установленных американцами целей. Но так как ни отступление на окопные позиции «Америка — крепость», ни превентивная война не являются альтернативами, отвечающими американским интересам и ценностям, достижение основной национальной цели США, в том виде как она определилась после второй мировой войны, представляется необходимым, несмотря на связанные с этим тяжелое бремя и риск»⁹².

Оговорка насчет неприемлемости превентивной войны являлась обычной данью общественности, несмотря на то, что стратегия превентивной войны как основная концепция Пентагона уступила место другим военно-стратегическим теориям. Тем не менее американские стратеги до сих пор рассматривают развязывание превентивной войны как одну из альтернатив для США при определенных обстоятельствах. Авторы того же доклада, демагогически разглагольствовавшие в вышеприведенной цитате о ее неприемлемости, затем на протяжении всего доклада неоднократно подчеркивали необходимость для США сохранить и развить «возможности для первого контрсилового удара», иначе говоря, для превентивной или преемтивной ядерной атаки против СССР.

Основная рекомендация доклада сводилась к тому, что в новой, изменившейся обстановке достижение внешнеполитических целей США возможно лишь при условии сохранения «ядерной стабильности» между США и СССР, с одной стороны, и при условии создания и использования Соединенными Штатами и их союзниками «иных военных средств, чем угроза стратегического ядерного возмездия», — с другой⁹³.

Конкретные рекомендации доклада предусматривали: повышение неуязвимости средств стратегического назначения США (авиации и ракет) путем придания им большей маневренности, их дальнейшего рассредоточения, лучшей маскировки и создания надежных подземных укрытий; ускоренное развитие межконтинентальных баллистических ракет, работающих на твердом топливе, и создание соответствующего арсенала таких ракет; укрепление неядерных вооруженных сил; создание войсковых частей двойного назначения, способных вести военные действия как с применением, так и без приме-

нения тактического ядерного оружия; активизацию работ в области создания больших космических ракет и в других областях космической программы США «в качестве составной части американской оборонной политики».

Рекомендации этого доклада, а также доклада рокфеллеровской группы и сенатской Подкомиссии по вопросам военной готовности были полностью приняты на вооружение правительством президента Кеннеди. Это и не удивительно, если учесть, что многие видные деятели, участвовавшие в работе пяти рокфеллеровских групп, вошли впоследствии в правительство Кеннеди. Да и сам Кеннеди, до того как он стал президентом, принимал активное участие как член Комиссии Фулбрайта в рассмотрении внешней и военной политики США. Однако превращение в жизнь некоторых из этих рекомендаций было начато еще республиканской администрацией, хотя правительство Эйзенхауэра и не пошло на формальный пересмотр доктрины «массированного возмездия». Оно решило передать задачу формулирования новой военно-стратегической доктрины США следующему правительству, то есть, как оказалось, правительству демократической партии во главе с Кеннеди.

Уже весной 1958 года при активном участии начальника штаба американской армии генерала Тэйлора в США был организован стратегический армейский корпус (СТРАК), подготовленный для быстрой переброски в любой район земного шара. В дополнение к этому корпусу был создан специальный резерв из трех дивизий, предназначенный для подкрепления стратегического корпуса в ходе войны.

В конце 1958 года в США была осуществлена новая реорганизация руководства вооруженными силами, значительно усилившая власть министра обороны. Одной из главнейших целей этого мероприятия была дальнейшая унификация командования и обеспечение большей координации между родами войск с учетом возможностей ведения «ограниченных войн». В частности, были созданы особые объединенные командования — карибское, атлантическое и тихоокеанское.

Авторы доктрины «ограниченной ядерной войны» признавали, что СССР обогнал США в области создания стратегического оружия — баллистических межконтин-

нентальных ракет. Однако они считали, что он якобы все еще отставал от США по оснащению войск тактическим ядерным оружием, то есть оружием сравнительно небольшой мощности, находившимся на вооружении армейских частей. Именно поэтому американские военные теоретики, разрабатывая свои условия ограничения ядерного конфликта, предлагали установить определенный потолок по мощности используемого ядерного оружия. Тем самым они надеялись перехитрить СССР, так как были убеждены в том, что в границах указанного потолка преимущество в отношении запасов и разнообразия ядерного оружия оперативно-тактического назначения будет на стороне США и НАТО в целом. Однако, как это вскоре стало ясно американским стратегам, они вновь ошиблись в своих оценках.

Как всегда, в первых рядах теоретиков оказался тот же Г. Киссингер, и совсем не в силу каких-либо своих исключительных способностей к ориентировке. Это, скорее всего, объясняется его близостью к Пентагону, а также тем, что он, как никто другой, умеет быстро протаскивать в печать мысли коллектива, выдавая их за собственные оригинальные воззрения. В 1958—1959 годах Киссингер по совместительству работал в должности научного секретаря «дискуссионной группы по политическим и стратегическим проблемам сдерживания», в которую входили такие известные американские теоретики политической и военной стратегии, как Джеймс Фиск, Р. Гейтер, Р. Гилпатрик, Клаус Кнорр, Г. Моргентау, Дин Раск, А. Вольстеттер и ряд генералов и адмиралов. Продуктом дискуссий в этой группе явилась новая книга Киссингера «Необходимость выбора», опубликованная в 1961 году. В этой книге он в основном повторял те же концепции, которые были им изложены в его предыдущей книге «Ядерное оружие и внешняя политика».

Однако новая работа Киссингера отражала один весьма заметный сдвиг в мышлении американских стратегов. Рост советского ядерного арсенала и ставшее очевидным для них превосходство СССР в баллистических ракетах заставили их пересмотреть подход к «ограниченной войне» как к ядерной и начать доказывать возможность и чуть ли не целесообразность «ограниченной неядерной войны» между ядерными державами. Вступая в противоречие со своими выводами и теоре-

тическими положениями предшествующих лет, Киссингер соглашался с тем, что довольно трудно провести дифференциацию между различными видами ядерного оружия (тактическим и стратегическим). В связи с этим он заявлял: «Даже при наилучших намерениях сторон ядерную войну будет гораздо труднее ограничить, чем обычную». Но оставаясь верным себе, он тут же добавлял: «Как ни предпочтительна обычная война войне с использованием ядерного оружия, ограниченная ядерная война предпочтительнее всеобщей войны»⁹⁴.

Поворот Киссингера и тех группировок американского руководства, мысли которых он излагал, в сторону «ограниченной неядерной войны» как первого из возможных видов военных конфликтов, к которым США должны готовиться, не был случайным. В основе этого поворота лежало дальнейшее изменение соотношения сил между США и СССР в пользу последнего.

Расхваливать достоинства «ограниченного неядерного конфликта» их также побудило изменение ими оценки советских запасов тактического ядерного оружия. Киссингер пошел очень далеко в своей откровенности на этот счет: «Когда ядерный материал, — отмечал он, — являлся сравнительно дефицитным, было возможно верить в то, что тактическое ядерное оружие может дать Западу преимущества в ограниченной войне. В условиях ограниченности ядерного материала Советскому Союзу приходилось бы делать выбор: он не мог бы одновременно продвигать развитие своих стратегических сил ответного удара и в то же самое время оснащать свои наземные силы для ядерной войны... Однако за это время советские запасы ядерного оружия умножились... Ядерная стратегия (Запада. — Г. Т.) теперь должна осуществляться против столь же хорошо оснащенного противника. При таких обстоятельствах численный перевес начинает опять играть роль... Предположение о том, что ядерное оружие может компенсировать численную недостаточность, в значительной мере потеряло свою ценность»⁹⁵.

Это рассуждение Киссингера, помимо всего прочего, является великолепной иллюстрацией сугубо конъюнктурного характера доктрин американских военных теоретиков. Перед ними поставлена задача — обосновать возможность для США развязывания и ведения войн «цен-

тральных» и «периферийных» в условиях обеспечения максимальной безопасности для американской территории. И они совершенно цинично придумывают различные «правила игры», которые давали бы наибольшие преимущества для США в любом конфликте, развязанном на данном этапе технологического развития средств ведения войны. Их, по-видимому, абсолютно не интересует то, что предполагаемый противник не желает считаться с этими умозрительно-конъюнктурными построениями, готовясь отразить агрессию в соответствии со своей, а не американской, военной доктриной.

Однако следует подчеркнуть, что смена этих доктрин как нельзя лучше показывает уменьшение свободы действий империалистов, происходящее под влиянием объективных изменений в соотношении сил между силами мира и силами агрессии и войны. Принятие доктрины, которую генерал Тэйлор определил в своей книге «Ненадежный призыв» как доктрину «гибкого реагирования», явилось фактически очередным военно-стратегическим отступлением Соединенных Штатов.

ДОКТРИНА «ГИБКОГО РЕАГИРОВАНИЯ». РЕОРГАНИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ

Официально новая доктрина была сформулирована в первых посланиях президента Кеннеди конгрессу США вскоре после прихода к власти представителей демократической партии. Уже через девять дней после вступления в должность в послании конгрессу «О положении страны» от 29 января 1961 г. президент Кеннеди заявил: «Я дал указания министру обороны произвести переоценку всей нашей оборонной стратегии, касательно нашей способности выполнять принятые нами на себя обязательства; эффективности, уязвимости и степени рассредоточения наших стратегических баз, сил и систем предупреждения; действенности и экономичности наших операций и нашей организации; необходимости ликвидации устаревших баз и военных сооружений; соответствия требованиям момента, модернизации и мобильности имеющихся у нас в данный момент обычных и ядерных сил и систем оружия в свете нынешних и будущих опасностей»⁹⁶.

Одновременно в этом же послании Кеннеди доложил конгрессу об усилении военных приготовлений США, в частности о быстрых действиях по расширению способностей для воздушной переброски войск, об ускорении выпуска баллистических ракет вообще и ракет «Поларис», об интенсификации программы строительства атомных подводных лодок — носителей «Поларис».

Именно эти действия президента, за которыми последовала переброска 50 тыс. американских солдат в Европу, явились, как известно, основной причиной обострения международной напряженности летом и осенью 1961 года⁹⁷. Два месяца спустя в специальном послании конгрессу о военном бюджете США президент Кеннеди уже излагал доктрину «гибкого реагирования» как официальную военную доктрину США: «Наша позиция в области обороны должна быть одновременно как гибкой, так и решительной... Мы должны иметь способность обдуманно выбирать виды оружия и стратегию, варьировать темп нашего производства и изменять управление нашими войсками, для того чтобы в сжатые сроки и при любых обстоятельствах приспособливаться к меняющимся условиям или целям»⁹⁸.

А еще через два месяца опять-таки в послании конгрессу Кеннеди уже перечислял конкретные меры по перестройке военной машины США в соответствии с доктриной «гибкого реагирования». К таким мерам относились: модернизация и реорганизация структуры американской армейской дивизии, усиление неядерной огневой мощи армии, улучшение ее тактической подвижности и создание новых подразделений, специально приспособленных для переброски по воздуху. Кеннеди также подчеркнул в этом послании расширение ориентации существующих сил при сотрудничестве с союзниками США на «ведение неядерной войны, полувоенных операций и сверхограниченных или необычных войн»⁹⁹.

Формулируя военную политику США, Кеннеди находился под большим влиянием идей Киссингера — Тэйлора о необходимости для США иметь возможность «многократного стратегического выбора» и не быть связанными лишь единственной доктриной «массированного удара». Это было вызвано тем, что практическое применение этой доктрины становилось все более сомнительным ввиду признанного правящими кругами США состояния «атом-

ного равновесия» между США и СССР. Теорию «гибкого реагирования» Кеннеди принял на свое идейное вооружение еще в бытность сенатором США.

Придя к власти, он привлек к формулированию новой американской военной доктрины и политики целый ряд близких ему по взглядам людей, которые еще в середине 50-х годов выступали за «стратегический плюрализм» (в отличие от «стратегического монизма» теории «массированного возмездия»). К их числу относились: генерал Тэйлор, ставший сначала специальным советником президента, а затем председателем Комитета начальников штабов, Джером Визнер — профессор ведущего технического вуза США — Массачусетского технологического института, ставший главным научным советником Кеннеди, профессор Гарвардского университета Макджордж Банди, назначенный на вновь созданную должность специального советника Белого дома по вопросам национальной безопасности, и экономист из того же университета Карл Кайсен, ставший заместителем Банди. Все они по должности принимали участие в заседаниях Национального совета безопасности США. Именно эта группа людей, а также новый министр обороны США Роберт Макнамара и несколько его заместителей отвечали за выработку новой военной доктрины США. Однако задача реорганизации американской военной машины в соответствии с новыми установками была поручена лично Макнамаре.

Как уже было отмечено, реорганизация органов высшего военного управления, осуществленная при Эйзенхауэре в 1958 году, еще более укрепила единоличную власть министра обороны над сухопутной армией, ВВС и военно-морским флотом. Практически же эти организационные изменения начали сказываться лишь после прихода в Пентагон Макнамары — экономиста-статистика по образованию, который внес в работу американского военного ведомства дух и порядки фордовской автомобильной компании, откуда он пришел, — деловой дух менеджеризма. Макнамара привел с собой в Пентагон большую группу сравнительно молодых людей, не имевших специальной военной подготовки и являвшихся в большинстве случаев учеными — социологами и экономистами.

Профессиональные военные, расценившие это вторже-

ние штатских в Пентагон как покушение на свои прерогативы, прозвали этих помощников Макнамары «ловкими ребятами». Многие из них, в частности экономист Чарльз Хитч, ставший влиятельным помощником министра обороны, ранее работали в «РЭНД корпорейшн» и других научно-исследовательских организациях, выполнявших задания вооруженных сил.

Не будучи, в отличие от военных, связанными профессиональной лояльностью по отношению к тому или иному роду войск, они стали подвергать критическому пересмотру многие традиционные взгляды, установившиеся в Пентагоне. При этом они широко использовали электронные способы обработки информации и методы так называемого «системного анализа», то есть методы кибернетики, с целью получения различных вариантов стратегических решений. Это вызвало в Пентагоне «нечто вроде революции», как выразился журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», на что и делал ставку Макнамара, поощряемый президентом. Пентагон к этому времени являлся организацией с числом сотрудников, превышавшим общее число жителей некоторых латиноамериканских стран, и с бюджетом, значительно превосходившим национальные бюджеты большинства этих стран.

Одной из первых задач, поставленных новым министром обороны, была задача ликвидации параллелизма в работе различных частей американской военной машины и дублирования в материально-техническом обеспечении различных родов войск. Начиная с 1961/62 бюджетного года распределение военных ассигнований начало производиться не только по традиционным видам вооруженных сил, но и по целевому назначению, в соответствии с намечаемой реорганизацией их по функциональным признакам. Это представляло собой дальнейшее усиление упора на деление вооруженных сил по их функциональному предназначению, и в этом смысле реформы Макнамары привели к несколько иному функциональному делению, чем то, которое существовало при Эйзенхауэре.

В соответствии с их функциональным предназначением вооруженные силы США ныне делятся на следующие пять категорий:

Стратегические наступательные силы, в состав которых входят части и соединения тяжелых и средних стратегических бомбардировщиков (с самолетами-заправщи-

ками), межконтинентальных баллистических ракет и атомных подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис». Они предназначены для ведения всеобщей ядерной войны.

На вооружении стратегических наступательных частей находится 1710 межконтинентальных ракет, в том числе 1000 ракет «Минитмэн», установленных на подземных позициях и работающих на твердом топливе (модель «Минитмэн-I» — радиус действия 9 тыс. км, мощность боезаряда — 1 мегатонна; модель «Минитмэн-II» — радиус действия — 14 тыс. км, мощность боезаряда — 2 мегатонны), и 54 ракеты «Тиман-II» работающие на жидком горючем (радиус действия — около 20 тыс. км, мощность боезаряда — около 5 мегатонн). В эти силы также входит 41 атомная подводная лодка. Каждая из них имеет на борту 16 баллистических ракет средней дальности типа «Поларис» (итого 656 ракет). Ракеты «Поларис» работают на твердом топливе и запускаются из подводного положения. 13 подводных лодок вооружены ракетами «Поларис А-2» (радиус действия — 2,5 тыс. км, мощность боезаряда — 0,7 мегатонны) и 28 — ракетами «Поларис А-3» (радиус действия — 4 тыс. км, мощность боезаряда — 0,7 мегатонны).

Эти подводные лодки, большинство из которых находится в постоянной боевой готовности, осуществляют патрулирование в водах северо-восточной Атлантики и Средиземного моря, используя в качестве заморских баз залив Холи-Лох в Шотландии и порт Рота в Испании. Несколько лодок с «Поларисами» начали нести патрульную службу и в водах Тихого океана, близ границ КНР, базируясь на острове Гуам. Помимо этого США имеют 8 атомных подводных лодок, несущих каждая по две ракеты «Регулус», которые запускаются из надводного положения.

В настоящее время в США завершается конструирование более мощной ракеты для подводных лодок — «Посейдон». Установка этих ракет на реконструированные атомные подводные лодки, ныне вооруженные «Поларисами», намечается с начала 70-х годов. Ракета «Посейдон» будет иметь больший радиус действия и нести ряд ядерных зарядов для поражения нескольких целей. Стоимость программы «Посейдон» составит 3,3 млрд. долл. Министерство обороны США считает необходимым пере-

оборудовать под ракету «Посейдон» до 30 атомных подводных лодок, что будет стоить свыше 1,9 млрд. долл.

Кроме того, ведется подготовка к производству ракеты «Минитмэн-III». Она будет иметь примерно такую же дальность полета, как и «Минитмэн-I», но не одну, а три боеголовки, каждая — с независимой системой наведения на цель. Как сообщил журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», по самым минимальным оценкам, первоначальная стоимость создания и внедрения новых видов наступательного стратегического ракетного оружия составит в течение ближайшего пятилетия 10 млрд. долл.¹⁰⁰

В состав стратегических наступательных сил США входят также 630 тяжелых бомбардировщиков В-52 «Стратофортресс» (дальность полета без заправки — 15 тыс. км, максимальная скорость — 900 км/час, максимальный вес боевого груза — 35 т) и 80 средних сверхзвуковых бомбардировщиков В-58 «Хаслер» (дальность — 3 тыс. км, скорость — 2 тыс. км/час, вес боевого груза — 5 т). Большинство бомбардировщиков вооружено крылатыми ракетами «Хаунд дог» класса «воздух — земля» с ядерной боевой частью 4 мегатонны и дальностью действия 800 км.

Стратегические силы располагают и вновь сформированной эскадрилей стратегической аэрофоторазведки SR-71, скорость которых втрое превышает скорость звука. Практически они могут подниматься на высоту свыше 21 км.

Примерно половина всех самолетов, находящихся на базах в США и за рубежом, может быть готова к действию через 15 мин. Некоторые из них постоянно патрулируют в воздухе. Процент самолетов, находящихся в воздухе, зависит от того, какой номер боевой готовности объявлен в данный момент по американским ВВС. При чрезвычайном положении в воздух могут быть подняты все технически готовые бомбардировщики. Помимо бомбардировщиков ВВС США имеют около 1000 самолетов-заправщиков KC-135, способных обеспечить одновременную дозаправку в воздухе большого числа самолетов.

Запас ядерных средств США уже в 1966 году составлял 25 тыс. мегатонн¹⁰¹.

Начиная с 1960 года координированное распределение целей между стратегическими наступательными силами

США осуществляется Общим штабом планирования стратегических целей, расположенным в Оффате, при штаб-квартире Командования стратегической авиацией США. Общий штаб планирования, возглавляемый командующим стратегической авиацией, отвечает за выработку и представление президенту США планов стратегических ударов, разработанных в соответствии с американской стратегической доктриной применительно к разным ситуациям.

В работе Общего штаба участвуют высшие офицеры, представляющие главнокомандующих вооруженными силами США в Европе, на Атлантическом и Тихоокеанском театрах и на Аляске. К штабу также прикомандированы представители вооруженных сил ряда стран НАТО, в том числе офицеры западногерманского бундесвера. Общий штаб состоит из Отдела целей, отвечающего за составление общего американского списка стратегических целей потенциального противника на основе данных разведки, и Отдела оперативного планирования, отвечающего за выработку единого военного плана, иначе говоря, за распределение различных целей между различными системами стратегического оружия США и выработку порядка нанесения ударов по этим целям.

Силы общего назначения. К ним относятся сухопутные войска, тактическая авиация, военно-морские силы (за исключением атомных подводных лодок-ракетоносцев) и корпус морской пехоты. Эти силы предназначаются прежде всего для ведения «малых», «ограниченных» войн, а также и для участия во всеобщей ядерной войне.

Силы противовоздушной и противоракетной обороны континента Северной Америки (действующие в интеграции с соответствующими силами Канады). Начиная с весны 1966 года командование этими силами осуществляется из нового центра боевых операций, зарытого глубоко под землю в гранитном массиве горы Чейен в штате Колорадо (близ известного курорта Колорадо-Спрингс). Командный центр оснащен новейшей радиоэлектронной и вычислительной аппаратурой, имеет прямую, многократно дублированную специальную связь с Белым домом и соединен специальными линиями связи со станциями раннего обнаружения, оповещения и наведения.

К разветвленной сети противовоздушной обороны Северной Америки относятся три линии дальнего и ближ-

него обнаружения. Первый рубеж обнаружения («Дью Лайн») проходит через Исландию, Гренландию и самые северные районы Канады и Аляски. Радиолокационные станции на этом рубеже расположены таким образом, чтобы они, перекрывая друг друга, создавали непрерывный радиолокационный барьер и могли обеспечить обнаружение и оповещение органов управления силами и средствами противовоздушной обороны за 2—3 часа до подхода бомбардировщиков к северным границам США. В связи с созданием специальной сети оповещения о запусках ракет, радары которых перекрывают «Дью Лайн», станции последней постепенно свертываются.

Второй рубеж обнаружения проходит примерно по 55-й параллели и обслуживается канадскими ВВС. Он предназначен для уточнения данных об обнаруженных целях.

Третий рубеж («Пайн-три») проходит вдоль южной границы Канады с США и обеспечивает оповещение за 15 мин. до подхода бомбардировщиков противника к границам США. Сеть ближнего обнаружения и наведения на цели самолетов и ракет ПВО развернута по всей территории США, включая Тихоокеанское и Атлантическое побережья и их южные границы, и подключена в полуавтоматическую систему наземного контроля за обстановкой («СЕЙДЖ»), с помощью которой свыше 80% активных средств ПВО используется по единому плану¹⁰². На территории США имеется свыше 20 центров системы «СЕЙДЖ»; несколько ее центров находится в Канаде. Ввиду большой уязвимости центров «СЕЙДЖ» США создали дублирующую систему перехватов («БЮИК»), которая также имеет несколько десятков станций. Обе эти системы подключены к центру боевых операций в Колорадо.

Помимо этого, США прилагают большие усилия к созданию сети раннего предупреждения о запусках баллистических ракет и противоракетной и противокосмической обороны. Уже вступили в действие три станции системы раннего оповещения о запусках баллистических ракет («БМЮС»). Эти радиолокационные посты расположены в Гренландии (в районе авиабазы США в Туле), на Аляске (Клир) и в Великобритании (Файлингдейлс). Дальность действия этих радиолокационных станций — свыше 5,5 тыс. км. Предполагается, что они могут оповес-

тить о баллистических ракетах, приближающихся к США с севера и востока, за 15 мин. до удара ¹⁰³.

Обычная радиолокационная станция может работать лишь в пределах видимого горизонта. Более или менее большая дальность обзора радиолокационных станций ракетного предупреждения связана с тем, что баллистическая ракета дальнего действия обычно летит на большой высоте и в силу этого она довольно рано появляется из-за горизонта. С целью повысить эффективность действия станций системы «БМЮС» США намерены в 1968 году установить на этих станциях радары, способные «видеть» за горизонтом ¹⁰⁴. Подобный метод, как сообщают, основан на использовании преломления коротких радиоволн в атмосфере ¹⁰⁵.

К сети противоядерной обороны относится и система бомбовой тревоги, имеющая посты на территории США. Эта система автоматически засекает взрывы ядерного оружия в зоне, входящей в североамериканскую систему радарной защиты. В настоящее время в США пытаются создать более совершенную систему оповещения о взрывах («НАДЕТС»), посты которой смогут передать в центр боевых операций в Колорадо и национальный командный центр данные о силе взрыва, высоте, на которой он произошел, и его точных координатах. С этой целью в США созданы экспериментальные центры этой системы в треугольнике Норфолк — Вашингтон — Балтимор.

Для обнаружения и контроля за всеми космическими средствами в США организована система космического обнаружения и слежения («СПАДАТС») на основе объединения цепи станций космического слежения, принадлежащих ВМФ, станций ВВС, радарных установок «БМЮС» и специальных центров, частично работающих также и на национальное управление по астронавтике.

Все данные из этой системы попадают в специальный вычислительный центр, который ведет каталог всех искусственных объектов, находящихся в космосе. Система наземных станций «СПАДАТС» дополняется специальными искусственными спутниками Земли «Мидас», которые предназначены для раннего обнаружения запуска баллистических ракет (время предупреждения — 30 мин.). Ведутся работы и по конструированию спутника-инспектора, который был бы способен опознавать космические

объекты в полете и передавать данные на Землю. Другой американский проект — «ВЕЛА» направлен на создание системы спутников, призванных оповещать американское командование о ядерных взрывах в любом районе мира.

Американское военное командование форсирует разработку и системы противоракетных ракет. Первой такой системой, созданной в США, явилась система «Найк-Зевс», которая должна была стать основным средством борьбы с баллистическими ракетами противника. Однако длительные испытания этой системы выявили в ней много существенных недостатков, и Пентагон переключил промышленность на разработку более совершенной противоракетной системы «Найк-Икс».

Противоракетная система «Найк-Икс» состоит из комбинации двух антиракетных ракет — «Спартан» и «Спринт». Трехступенчатая ракета «Спартан», которой в конце концов было решено заменить неоднократно модифицировавшуюся ракету «Зевс», все еще находится в стадии конструирования. Она имеет ядерную боеголовку и предназначена для перехвата баллистических ракет на относительно дальних дистанциях.

Другая ракета-перехватчик, входящая в систему, — «Спринт» обладает гораздо более высокой, чем «Спартан», скоростью полета и предназначена для обезвреживания баллистических ракет на последнем участке их траектории. Высокая скорость полета ракеты «Спринт» дает резерв времени, для того чтобы установка «Найк-Икс» могла произвести выстрел второй антиракетой, после того как счетно-решающие устройства, связанные с радаром, сделают дополнительный выбор между настоящими ядерными боеголовками и отвлекающими макетами, входящими в атмосферу из космоса.

Специальная радиолокационная станция с многофункциональной антенной системой может одновременно следить за большим количеством объектов, чем уменьшается опасность так называемого перенасыщения, или забивки, радиолокационного устройства, что повело бы к неточности наводки. Наконец, компоненты системы «Найк-Икс» обладают повышенной защищенностью.

По американским данным, для более или менее надежной защиты города потребовалось бы установить вокруг него несколько групп батарей «Найк-Икс».

Минимальная сумма капиталовложений, необходимых для создания системы противоракетной обороны всего лишь 23 крупных американских городов, составила бы, по данным Макнамары, 15—20 млрд. долл., не считая расходов по ее содержанию, которые бы равнялись примерно 2 млрд. долл. в год. Такая сеть противоракетной обороны, заявил Макнамара, «может сократить число жертв в 70-х годах, возможно, со 125 млн. до 100 млн»¹⁰⁶.

Помимо этого, как отмечал тот же Макнамара, вся эта сеть не будет эффективна против баллистических ракет, которые противник может запустить с подводных лодок, подошедших близко к побережью США, и против орбитальных ракет, ибо время предупреждения окажется недостаточным, для того чтобы указанная противоракетная система могла эффективно сработать. В условиях столь неудовлетворительного отношения стоимости к эффективности гражданские руководители Пентагона (принявшие критерий стоимость/эффективность для оценки перспективности новых проектов) долгое время отказывались рекомендовать создание в США сети противоракетных установок системы «Найк-Икс».

Тем не менее под давлением командования ВВС и ракетостроительных монополий США, действовавших через конгресс, гражданское руководство Пентагона в конце концов согласилось создать в США так называемую разреженную сеть противоракетной обороны на основе системы «Найк-Икс». Министр обороны США официально объявил об этом в своей речи в Сан-Франциско 18 сентября 1967 г. Первоначальная стоимость создания такой системы оценивается в 5 млрд. долл., но, как подчеркнул сенатор Фрэнк Черч, это — «лишь вступительный взнос», который поведет к расходованию 100 млрд. долл. «на самое крупное решето в истории»¹⁰⁷.

Один из ведущих американских экспертов по вопросам противоракетной обороны, лауреат Нобелевской премии Ганс Бете подчеркнул, что «любая (противоракетная. — Г. Т.) система, которую мы строим, устареет через совсем немного лет, даже в качестве защиты от китайских ракет»¹⁰⁸. Большинство американских политических комментаторов расценили решение американского правительства о развертывании системы противоракетной обороны, сопровождаемое решением об ускорении работ над новыми наступательными видами ракетного оружия,

как начало нового этапа в гонке ракетно-ядерных вооружений.

В настоящее время США ведут исследовательские работы над проектом «Дефендер» по созданию более совершенной противоракетной системы, по-видимому, на основе использования спутников Земли, но все данные об этом проекте засекречены. Колоссальные суммы ежегодно ассигнуются и на проекты «Трайидент» и «Артемис» по созданию средств дальнего обнаружения подводных лодок, но пока что никакого эффективного средства защиты от баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок, находящихся в погруженном положении, у США нет¹⁰⁹.

Силы и средства переброски войск по воздуху и морем. Сюда входят транспортная и транспортно-десантная авиация, морские и амфибийные транспортные средства. Летом 1965 года Пентагон реорганизовал одну из 19 дивизий американской армии в специальную дивизию воздушного нападения, отличающуюся высокой мобильностью. Дивизия получила название 1-й кавалерийской дивизии (аэромобильной). В состав ее входят 15 тыс. солдат-десантников, 1600 разного рода дорожных машин (бронетранспортеров, легких танков, грузовиков), 450 вертолетов, оснащенных для ведения боя с воздуха, и транспортные самолеты для переброски всего состава дивизии по воздуху. Дивизия не имеет тяжелой артиллерии, и все ее вооружение может быть быстро переброшено по воздуху в район боевых действий. Дивизия после ее создания была направлена во Вьетнам. Министерство обороны США объявило о том, что оно создает вторую дивизию такого рода.

Пятая категория — это резерв вооруженных сил США.

Соответственно этому функциональному делению произошло и перераспределение ассигнований по важнейшим статьям военного бюджета США в сторону большего упора на развитие сил общего назначения и средств переброски войск по воздуху и морем, как это видно из таблицы на стр 116.

Помимо этого, значительная часть ассигнований американского военного бюджета (14—17 млрд. долл. ежегодно) идет на так называемые силы и средства общей поддержки и обеспечения, куда относятся разного рода тыловые, транспортные и интендантские службы, мед-

Важнейшие программы министерства обороны	Бюджетные ассигнования (в млрд. долл.)			
	1961/62 г.	1963/64 г.	1965/66 г.	1966/67 г.
Стратегические наступательные силы . .	9,0	7,3	4,5	5,1
Силы общего назначения	17,5	19,0	19,0	25,7
Силы противовоздушной и противоракет- ной обороны	2,1	2,0	1,8	1,4
Силы и средства переброски войск по воздуху и морем	1,2	1,4	1,6	2,1
Научно-исследовательские и опытно-кон- структорские работы	4,3	7,0	5,4	5,5
Резерв вооруженных сил	1,8	2,0	2,0	2,4
Всего	35,9	38,7	34,3	42,2

Источники: Б. Теплинский, Большая стратегия США, «Международная жизнь», 1964 г., № 2, стр. 30; «The Military Balance 1965—1966», р. 44; «The Military Balance 1966—1967», р. 47.

служба, службы связи, учебно-тренировочные базы, штабы и военные учреждения и их персонал.

В частности, за счет этих сумм содержится система национального военного командования США, являющаяся, как подчеркивает Макнамара, главным звеном американской всемирной системы военного командования и контроля. Штаб-квартира этого национального военного командования находится в Пентагоне. Кроме того, в секретном месте в США имеется запасной центр национального военного командования. Имеются еще национальный командный пост на море и чрезвычайный воздушный пост национального командования, размещающийся в одном из специально оборудованных самолетов KC-135. Один из этих самолетов постоянно находится в воздухе. Все эти запасные командные центры созданы для того, чтобы обеспечить президенту или, в случае его гибели, его преемнику возможность управления вооруженными силами США, если один или даже несколько из этих постов будут выведены из строя. Все эти посты связаны по

радио, а что касается наземных постов, то и по другим каналам, со специализированными и объединенными командованиями американских вооруженных сил, находящихся в США и за границей.

Значительное сокращение ассигнований в 1961—1966 годах по статье «стратегические наступательные силы» отнюдь не означает, что американское правительство ослабило к ним внимание. Это говорит о том, что определенный этап насыщения ударных сил США ракетами данного технологического поколения находился на стадии завершения. Ввиду этого в известной мере сократились ассигнования на закупку ракет и размещение их в бетонированных подземных колодцах.

В своем докладе конгрессу о военном бюджете США на 1965/66 финансовый год Макнамара подробно обосновал тот тезис, что сам характер современного оружия ставит определенные пределы в дальнейшей гонке вооружений и что за этими пределами такая гонка, поглощая все больше средств, будет давать все меньший прирост эффективной военной мощи. Макнамара назвал это «законом уменьшающейся отдачи» и, исходя из него, высказался за то, чтобы США не торопились создавать новые, еще более смертоносные системы ракетно-ядерного оружия, новые образцы стратегических бомбардировщиков.

Американское правительство в связи с этим в последние годы осуществило и некоторые меры по экономии военных финансов. В частности, было принято решение снять с вооружения морально устаревшие средние бомбардировщики В-47. Но это не значит, что США вообще свертывают бомбардировочную авиацию. На смену В-47 на вооружение начинают поступать модели самолетов, более отвечающих современным стратегическим концепциям. В частности, большое внимание Пентагон уделяет находящемуся в процессе доводки сверхзвуковому истребителю-бомбардировщику F-III с переменной геометрией крыла, который будет иметь многоцелевое назначение. Подготовлены к серийному производству и еще две модели самолетов со скоростью, в три раза превышающей скорость звука (SR-71 — самолет стратегической разведки и А7А — истребитель). Ряд самолетов стратегического назначения находится в стадии конструирования.

Из других мер по модернизации военного комплекса

США следует назвать решение о ликвидации 150 устаревших ракетных установок «Тор» и «Юпитер», размещавшихся в Англии, Италии и Турции. Пентагон осуществил также небольшое сокращение числа или размеров военных баз как на самой территории США, так и за границей¹¹⁰. Министерство обороны США заморозило некоторые из военных проектов, над которыми одновременно работали разные рода войск. Оно также приняло решение о прекращении работ над ракетой «Скайболт» класса «воздух — земля» и не допустило запуск в серийное производство межконтинентального сверхзвукового бомбардировщика В-70, сконструированного компанией «Норт Америкэн Эйвиэйшн». Хотя эти мероприятия и дали небольшую бюджетную экономию, следует подчеркнуть, что такие решения были продиктованы в первую очередь не экономическими соображениями, а тем, что продолжение тех или иных проектов или сохранение некоторых баз было признано нецелесообразным с военной точки зрения.

Касаясь отмены заказа на строительство межконтинентального сверхзвукового бомбардировщика В-70, Макнамара заявил впоследствии в интервью журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт»: «Если бы мы решили два-три года назад производить В-70, то к тому времени, когда он был принят на вооружение, иначе говоря к 1967 году, он уже устарел бы и представлял бы небольшую ценность в военном отношении, а мы выбросили бы на него 15 млрд. долл.». В том же интервью журналу Макнамара подчеркнул, однако, что «военный бюджет будет продолжать расти в последующие годы»¹¹¹.

В ряде случаев правительство США вынуждено было пойти на определенные меры в результате прямого давления со стороны своих союзников. Этим в первую очередь объясняются решения о ликвидации или замораживании некоторых из американских военных баз на иностранных территориях и о демонтаже установок ракет «Тор» и «Юпитер». Последнее мероприятие явилось своеобразным резонансом паники, охватившей руководящие круги натовских стран в период карибского кризиса. В тот момент многие в Западной Европе лишний раз убедились в том, насколько рискованна политическая и военная стратегия США, осуществляемая в критические моменты без консультаций с НАТО.

После прихода к власти правительства Кеннеди министерство обороны США под руководством Макнамары активно работало над созданием особых частей, предназначенных для операций за линией фронта, борьбы против партизан, совершения террористических и диверсионных актов. Еще до того как в своем послании конгрессу в мае 1961 года президент Кеннеди объявил о создании специальных сил для ведения «сверхограниченных или необычных войн», он, выступая 20 апреля того же года в американском Обществе газетных редакторов, подробно остановился на вопросе о «борьбе против коммунизма» полувоенными методами. «Стало ясно,— заявил он,— что силы коммунизма нельзя недооценивать ни на Кубе, ни где-либо еще в мире... Стало яснее, чем когда-либо, что в каждом уголке земного шара нам предстоит беспощадная борьба, выходящая далеко за пределы столкновения армий или даже ядерных вооружений... Слишком долго мы сосредоточивали наше внимание на традиционных военных потребностях, на армиях, готовых перейти границы, на ракетах, готовых к запуску. Теперь стало ясно, что этого уже недостаточно, что наша безопасность может быть утрачена шаг за шагом, в одной стране за другой, без того чтобы была запущена хотя бы одна ракета и перейдена хотя бы одна граница. Мы намерены пересмотреть и по-новому ориентировать наши силы всех родов, нашу тактику и наши учреждения здесь, в нашей стране. Мы намерены активизировать наши усилия в борьбе, которая во многих отношениях труднее, чем война»¹¹².

Кеннеди произносил свою речь перед редакторами газет, находясь под непосредственным впечатлением фиаско, которое США потерпели в заливе Кочинос на Кубе. ЦРУ, подготовившее эту интервенцию, возлагало большие надежды на «полувоенные» организации кубинских контрреволюционных элементов и на методы психологической войны. Пытаясь извлечь уроки из этого провала, Кеннеди поручил специальной комиссии в составе генерала Тэйлора, Аллена Даллеса (главы ЦРУ), адмирала Бэрка и министра юстиции США Р. Кеннеди расследовать работу американской разведки и представить ему доклад, в который должны быть включены вопросы стра-

тегии парамилитаризма (парамилитаризм в буквальном переводе означает полувоенное дело).

Доклад комиссии Тэйлора, который никогда не был опубликован, был представлен президенту в июне 1961 года. Как сообщает биограф Кеннеди Шлезингер, одним из вопросов, на котором сконцентрировала свое внимание комиссия, был вопрос о создании «нового межведомственного агентства для координации будущих рискованных предприятий холодной войны»¹¹³. Доклад Тэйлора рекомендовал также лишить ЦРУ функций проведения военных операций, которыми оно до этого обладало, и передать их новой организации, ответственной за разработку методов «необыкновенной войны» и подготовку «секретной армии», способной вести такого рода войну¹¹⁴.

Предложения комиссии легли в основу плана создания специальных сил на основе уже имевшихся к этому времени в американской армии небольших «антипартизанских» частей. Разъясняя задачи такого рода сил, бывший в то время начальником штаба американской армии генерал Деккер в интервью журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» заявил: «Я думаю, что в течение ближайшего десятилетия или примерно этого срока наши проблемы не будут касаться ведения большой войны. Зато нам придется заниматься вопросами, связанными с подрывной работой, тайным просачиванием в ряды противника и организованным терроризмом»¹¹⁵.

В 1961 году был создан межведомственный комитет, рекомендованный Тэйлором и получивший название специальной группы по контринсургенции. В состав этой группы по должности входят председатель Комитета начальников штабов, заместитель государственного секретаря США, заместитель министра обороны и некоторые другие высокопоставленные чиновники. Группа проводит свои заседания раз в неделю непосредственно в Белом доме. Деятельность группы до самого последнего времени была настолько засекречена, что о ее существовании не знали даже многие близкие к правительству лица. В ведение этой группы и поступили первые части войск особого назначения — так называемых антиповстанческих, или контрисургентских, войск (сокращенно КОИН), предназначенных для ведения «необычных войн» в разных районах мира. Солдаты и офицеры этих частей носят зеленые береты.

При штабе армии США был создан особый центр специальных форм войны (ныне — имени Дж. Кеннеди!), расположенный в Форт-Брагге в штате Северная Каролина. Там находятся сверхсекретная школа специальных форм войны и научно-исследовательский отдел по специальным формам войны. На поставленного во главе центра генерала Россона было возложено руководство «глобальными усилиями сухопутных сил в области партизанской войны», в частности «полувоенными операциями, психологической войной, войной с необычными средствами и применением нерегулярных сил»¹¹⁶. Аналогичный центр специальных форм войны был создан при штабе тактической авиации США на базе Эглин.

Помимо этих двух центров обучение контринсургентских частей ведется в Форт-Бенниге в США (где, в частности, проходили тренировку солдаты 1-й дивизии «воздушной кавалерии»), в Западной Германии (центральная школа — в Бад-Тельце в Баварских Альпах), на острове Окинава, у Панамского канала (Форт-Гулик) и в других местах. ВМФ США также имеют особые части специальных войск, именуемые «СИЛ» («SEAL») — морские воздушно-сухопутные команды.

Специальные силы США разбиты на группы десантников. Каждая из этих групп изучает особый район мира, население этого района, его обычаи, язык, общественную организацию стран, входящих в данный район. Так, 10-я группа КОИН, базирующаяся в Бад-Тельце, занимается районами Европы, в том числе подготовкой контринсургентов для социалистических стран.

Помимо подготовки специальных отрядов контринсургентов центр в Бад-Тельце проводит обучение специальным методам войны солдат и офицеров 7-й американской армии в Западной Германии, составляющей ядро центральной группировки войск НАТО. Перед этой армией, как подчеркивал полковник генерального штаба американской армии Д. Синглауб, поставлены особо широкие задачи в операциях «холодной войны». Все офицеры 7-й армии, вплоть до командиров батальонов, проходят специальный восьминедельный курс, посвященный парамилитаристским действиям. «Вероятно, наиболее эффективной тренировочной ситуацией по части контринсургентии, — пишет он, — являются полевые учебные маневры, в ходе которых часть действует против «живых», хорошо

обученных партизанских сил... В некоторых случаях партизанами являлись войска бундесвера, обученные и возглавляемые боевыми отрядами 10-й группы специальных сил США»¹¹⁷.

1-я группа специальных сил, базирующаяся на Окинаве, занимается подготовкой войск КОИН для Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. В Форт-Брагге помимо школы специальных форм войны размещаются 5-я группа, ведущая подготовку парамилитаристских сил для Африки, 7-я группа, занимающаяся Латинской Америкой, 1-й и 13-й батальоны психологической войны, 22-е авиаподразделение КОИН и специальная тренировочная группа КОИН, поставляющая подкрепления¹¹⁸.

Помимо американских головорезов во многих из этих центров тренируются бежавшие из социалистических стран предатели и отщепенцы. Организация их в специальные отряды была начата задолго до прихода к власти Кеннеди в соответствии с небезызвестной поправкой Керстена к Закону об обеспечении национальной безопасности, принятой сенатом США в 1951 году. В войска КОИН входят также отряды контрреволюционных кубинских эмигрантов, которых Пентагон продолжает тренировать, несмотря на все провалы американских замыслов в отношении Кубы. В школе Форт-Гулик в зоне Панамского канала обучаются специально отобранные офицеры из 15 американских стран.

Программа обучения специальных сил включает такие предметы, как антикоммунистическая пропаганда, партизанская тактика, парашютизм, изготовление гранат, мин и т. д. Всех курсантов учат ночным прыжкам с самолетов над лесистой местностью, высадке на берег в условиях морского прибоя, хождению на лыжах, способам маскировки, методам побега из плена, ведению операций на территории, занятой войсками противника, организации диверсионных актов, умению вести жизнь на «подножном корму» в малонаселенных местностях с особо неблагоприятными климатическими условиями. Контринсургенты обязаны владеть любым оружием — от ракетницы до лука со стрелами, знать, как вести ближний бой, пользуясь автоматом, пистолетом, холодным оружием, устраивать засады, драться врукопашную и т. д. В частности, их обучают десяткам способов убийства голыми руками.

О том, к выполнению какого рода задач готовит Пентагон контринсургентов, можно судить по военным маневрам «Полярный удар» на Аляске в феврале 1965 года, в которых принимали участие значительные контингенты специальных сил. В ходе маневров, проходивших в относительной близости от границ Советского Союза, симулировались военные действия с применением бактериологического оружия и отравляющих веществ, в частности так называемых «нервных газов». Корреспондент лондонской «Таймс» (допущенный на некоторую часть маневров ввиду того, что в них участвовали подразделения канадских войск) подчеркивал, что «закаленные в боях командиры, имеющие опыт Кореи, отдают себе отчет в том, что их солдаты не полностью приспособлены к подобным условиям (суровой зимы. — Г. Т.), как русские солдаты»¹¹⁹. Одним из моментов маневров была организация допросов «военнопленных противника» с максимально возможной жестокостью.

Обучая солдат специальных сил варварским методам войны, пентагоновские генералы не забывают, однако, разрабатывать специальную технику для этих войск — радиоаппаратуру, снаряжение и так называемое индивидуальное оружие специального назначения вроде того, которое опробывается сейчас американскими «зелеными беретами» в Южном Вьетнаме. К такому оружию относится малокалиберная винтовка AR-15 с колоссальной начальной скоростью вылета пули. Эффект от поражения этой пулей на близком расстоянии соответствует эффекту разрывной пули «дум-дум», запрещенной Женевской конвенцией. Другая винтовка стреляет стальными стрелками, наносящими глубокие рваные раны. В западной печати промелькнули сообщения и о других новшествах, предназначенных для специальных войск.

В частности, сообщалось о том, что в США испытывалась граната величиной с крокетный шар с тротильным эквивалентом 10 т, о диверсионной атомной бомбе «Сумма» с тротильным эквивалентом в 1—3 тыс. т, которую может перенести один человек, о бактериологической гранате. К специальному снаряжению относят и ракетный пояс, поднимающий солдата на высоту 6 м и дающий возможность диверсанту-террористу передвигаться на небольшое расстояние со скоростью 15—20 км/час, металлические

сетки, набрасываемые на вершины деревьев для высадки вертолетного десанта в джунглях, и т. д.

Каждая из специальных групп КОИН состоит из 12 подразделений «А», трех подразделений «Б» и одного подразделения «В». Подразделения «А» состоят из командира, его помощника и солдат, натренированных в области связи, диверсионных операций, разведки и систем оружия. Подразделения «Б» представляют собой командные организации, призванные обеспечить руководство силами местных контрреволюционеров и террористов, а подразделение «В» является организацией руководства и обеспечения крупных «антипартизанских» соединений, численность которых может определяться шестизначной цифрой.

«Расчет построен на том,— подчеркивает советский журналист Э. Генри, тщательно изучивший этот вопрос, — чтобы каждый из американских отрядов особого назначения стал моделью и зачатком контрреволюционных диверсионно-террористических корпусов, в которые влились бы наемные головорезы и фашисты в разных странах. Факты подтверждают, что в некоторых странах — там, где рабочее и национально-освободительное движение развивается особенно бурно и где военные власти поддерживают тесный контакт с Пентагоном,— местные армии уже переводятся постепенно на «новые» рельсы, специализируясь на ведении контрреволюционных операций»¹²⁰.

Специальные автономные батальоны психологической войны, которые могут быть приданы отрядам особого назначения, снабжены оборудованием для изготовления и печатания крупными тиражами листовок на языке населения данной территории и оборудованием для ведения передач на обычном широкоэмитательном канале, а также для радиоперехватов передач противника.

Как сообщил журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», в настоящее время отряды специальных сил США проводят операции, направленные против национально-освободительного и революционного движения в 50 странах мира. Годовой бюджет этих сил составляет 2 млрд. долл.¹²¹

Министерство обороны США официально не сообщает о численности войск специального назначения, но по некоторым данным можно сделать вывод о том, что уже

к середине 1964 года костяк этих войск составлял 40—50 тыс. человек. Помимо этого, для поддержки сил особого назначения выделены 5 соединений бригадного масштаба. Поскольку части специального назначения широко используются американскими агрессорами в Южном Вьетнаме, следует предположить, что в 1965—1967 годах произошло значительное увеличение численности этих войск.

«Фактически, — отмечается в редакционном предисловии к статье Синглауба в «Милитари ревью», — делая в последние годы упор на обучение методам необычной войны, американская армия развила боевую доктрину двойного назначения. Пехотные части должны быть способны вести войну либо в обычной, либо в необычной обстановке, без заблаговременного предупреждения»¹²².

Как сообщил президент Джонсон, уже в 1964 году в армии США имелось 100 тыс. офицеров, обученных «партизанской технике»¹²³.

Таким образом, речь идет, по существу, о перестройке всей американской армии, о создании ядра империалистической армии нового типа, призванной сыграть «особую роль» в крестовом походе американского империализма против мирового коммунистического и национально-освободительного движения.

Один из проектов, подготовленных в научно-исследовательском отделе по специальным формам войны, прямо рекомендует использовать специальные силы для организации «революций за железным занавесом», что на американском жаргоне психологической войны означает «в социалистических странах»¹²⁴.

В прямой связи с перестройкой всей американской армии на новые методы ведения войны и с подготовкой ударных частей контринсургентов находится и повышенное внимание, уделяемое в США разработке методов ведения бактериологической и химической войны, включая синтезирование новых высокотоксичных отравляющих веществ и культивирование особо опасных видов бактерий.

Поскольку химико-бактериологическая война запрещена Женевской конвенцией (которую сенат США так и не ратифицировал), американская печать старается помалкивать о подобных приготовлениях, и в открытые публикации по этому вопросу проникают лишь отрывочные

сведения. Известно, например, что проблемы использования химико-бактериологического оружия в войне подробно обсуждались на семинаре ведущих американских стратегов, состоявшемся в центре стратегических исследований Джорджтаунского университета в январе 1963 года и посвященном стратегии США на предстоящее десятилетие. Однако значительная часть из того, что говорилось на эту тему, была вычеркнута цензурой из опубликованного впоследствии отчета. Тем не менее там осталось заявление одного из военных теоретиков США, бывшего специального советника американских ВВС С. Поссоки, который сказал: «Мы (в США. — Г. Т.) сейчас вплотную занимаемся проблемой контринсургенции, и я думаю, что биологическое и химическое оружие, хотя оно, вообще говоря, и не конкурирует с системами стратегического оружия, представляет большую привлекательность, особенно если вы используете несмертельные его виды. Оно может принести нам большую пользу, если мы будем действовать в ограниченной ситуации, не убивая людей, но поражая их, временно их парализуя и затем подавляя восстание»¹²⁵. Герман Кан в своем выступлении на семинаре высказался за применение бактериологического оружия в «малых стратегических войнах». Эти высказывания вряд ли нуждаются в комментариях, особенно в свете широкого боевого применения отравляющих веществ американскими агрессорами во Вьетнаме.

Усиленное внимание, уделяемое Пентагоном химико-бактериологическим видам оружия, находит отражение и в бюджетных ассигнованиях на эти цели. Если к концу второй мировой войны на программу исследований в области ведения войны с помощью бактериологических и химических средств выделялось около 8 млн. долл. в год, то в последнее время на эти цели ассигнуется ежегодно от 200 млн. до 300 млн. долл.¹²⁶ Исследовательские программы производства и развития средств газовой и бактериологической войны, которые финансирует правительство, разрабатываются примерно в 52 колледжах и университетах.

Штаб-квартирой исследовательской программы США по ведению химической и бактериологической войны является Форт-Детрик — армейский лагерь площадью 1240 га близ города Фредерик в штате Мэриленд. В этом центре работают 8 тыс. гражданских служащих и 5 тыс.

солдат и офицеров химического корпуса американской армии, в том числе 500 научных работников (из них 140 с докторской степенью). Научные работники Форт-Детрика ежемесячно производят десятки тысяч опытов над животными. В одном из отдаленных уголков этой базы находится имеющий 4 большие теплицы отдел воздействия на посевы, где проводятся научно-исследовательские работы с дефолиантами и гербицидами, которые используются США во Вьетнаме.

Основным испытательным полигоном для опробования химического и бактериологического оружия является центр Дезерт-Тест, расположенный в пустыне возле Дагуэя (штат Юта). Он находится в ведении Комитета начальников штабов, и там в обстановке строгой секретности работают 1300 человек. В Пайн-Блаффе (штат Арканзас) Пентагон содержит хорошо оборудованную лабораторию с высококвалифицированным штатом служащих как резерв на случай, если понадобится начать массовое производство бактериологического оружия. Пайн-Блафф также служит складом для стойких отравляющих веществ, таких как «антиповстанческие» газы, широко применяемые американскими агрессорами во Вьетнаме.

Большинство исследовательских работ по газовому и химическому оружию проводится в арсенале Эджвуд (штат Мэриленд). Министерство обороны содержит заводы для производства и накопления запасов «нервных» газов близ Денвера в Скалистых горах и в арсенале в Ньюпорте (штат Индиана). В работах по созданию химико-бактериологического оружия и оборудования для его применения участвуют десятки ведущих американских монополий¹²⁷.

Итак, правительство США с начала 60-х годов основной упор делало на неядерное вооружение и на специальные методы войны и предусматривало расширение американской интервенции в первую очередь «на периферии», или, как любят выражаться американские теоретики, «в сумеречной зоне», то есть в Азии, Африке и Латинской Америке. Однако и в новых условиях оно не только не отказалось от идеи использования ядерного оружия, но и не исключило мысли о применении его первым.

В известном интервью журналисту Стюарту Олсону Кеннеди заявил, что при определенных обстоятельствах

США, возможно, придется проявить инициативу в развязывании ядерной войны. «Именно с этой целью, — отмечал Олсоп, — более чем третья часть суммы из того увеличения военного бюджета на 9 млрд. долл., которое было осуществлено правительством Кеннеди, была отпущена на ядерную ударную силу»¹²⁸. А генерал Тэйлор, претендующий на лавры автора доктрины «гибкого реагирования», заявил в конгрессе 9 августа 1962 г., что даллесовская идея «массированного возмездия» не является сама по себе неправильной.

Тэйлор сказал, что отстаиваемая им политика «гибкого реагирования» включает в себя «массированное возмездие» в качестве одного из возможных вариантов военных акций. При отсутствии достаточного количества обычных сил, подчеркнул Тэйлор, «будет необходимо прибегнуть к атомному оружию на ранней стадии конфликта»¹²⁹. Эти заявления президента США и его ведущего военного советника лишний раз показывают лицемерный характер американских предложений условий «ограничения» войны:

ТЕОРИИ «ОГРАНИЧЕННОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ»

Приняв доктрину «гибкого реагирования» и, как часть ее, доктрину «ограниченной войны», американские военные теоретики стали выдвигать стратегический курс, предусматривающий возможность ограничений даже в большой, «центральной», то есть ракетно-ядерной, войне между главными противниками. Известно, что в период господства доктрины «массированного возмездия» такая война рассматривалась как не поддающаяся никаким ограничениям. Раз уж дело дойдет до применения главных видов ядерного оружия против основного противника, то никаких ограничений в этом случае быть не может, рассуждали американские стратеги.

Однако отставание США от СССР в производстве и оснащении вооруженных сил наиболее мощными видами баллистических ракет (что вынужден был признать сам Джон Кеннеди в ходе своей избирательной кампании в 1959 г.) побудило американских теоретиков выдвинуть стратегический курс, который позволил бы «ограничить» даже большую ракетно-ядерную войну. Их основная

мысль сводилась к тому, чтобы исключить, хотя бы на первых стадиях конфликта, использование самых мощных ракет или их применение против главных жизненно важных центров. Такого рода ограничения, естественно, предлагались на условиях «взаимности», но за этой мнимой «взаимностью» нетрудно было увидеть желание исключить применение в конфликте тех видов стратегического оружия, в производстве или военном развертывании которых лидеры США чувствовали свое отставание от СССР.

Таким образом, выдвигая теории «ограниченной стратегической ядерной войны», американские империалисты продолжали следовать своей логике создания доктрин, наиболее выгодных для США при данном соотношении сил, или, если применить рассчитанную на публику псевдообъективную терминологию американских авторов, доктрин, дающих «оптимальные результаты».

Так появилась на свет и стала модной среди американских военных теоретиков доктрина «ограниченной стратегической войны». Она предлагала определенные условия ограничения «центральной войны», которые создавали бы для США односторонние преимущества. По существу, доктрина «ограниченной стратегической войны» явилась попыткой приложить правила «ограниченной» — локальной ядерной войны к «большой войне» с использованием стратегических видов ракетно-ядерного оружия.

Прежде чем анализировать эту доктрину, следует сказать несколько слов об американских военных теоретиках и применяемой ими терминологии. По мере появления и совершенствования новейших средств ведения войны — оружия массового уничтожения — американская военная наука стала превращаться во все более абстрактную теорию. Создание новых систем ракетно-ядерного оружия, глобальные масштабы войн, которые рассматриваются военными теоретиками, требуют учета все более сложных взаимодействующих и противодействующих факторов, могущих кардинально повлиять на стратегические решения и сам исход конфликта.

Сложные военные задачи глобального характера можно решать лишь с помощью современных быстродействующих электронно-вычислительных устройств. Такая электронно-вычислительная техника, созданная в после-

военные годы, и была поставлена на службу американской военной науке. В США в послевоенные годы были созданы десятки научно-исследовательских институтов, разрабатывающих по заданиям Пентагона и других заинтересованных ведомств общие и частные вопросы военной доктрины и военной стратегии с использованием новейших математических методов и электронных вычислительных машин¹³⁰.

Поскольку такого рода занятия требуют не столько специальных военных знаний, сколько знания высшей математики, математической логики, экономики и многих других невоенных дисциплин, военная теория в США становится монополией определенной группы гражданских лиц, поставивших свои специальные знания на службу милитаризму. Так появилась большая группа экспертов, наиболее известными из которых являются Генри Киссинджер, Герман Кан, Оскар Моргенштерн, Клаус Кнорр, Альберт Вольстеттер, Бернард Броди, Томас Шеллинг, Стефан Поссоны, Роберт Осгуд, Мортон Хальперин, Роберт Страус-Хюпе, которые сделали своей профессией изучение проблем военной стратегии.

Один американский ученый метко назвал этих лиц новыми гражданскими милитаристами. Они не только работают по прямым заданиям Пентагона, но и стараются предвосхитить их, разрабатывая «на все случаи жизни» перспективные теории и доктрины. Появление этой категории теоретиков вызвало известную зависть со стороны кадровых военных стратегов, оказавшихся как бы в тени в результате популярности, которую гражданские милитаристы приобрели в правительственных кругах. Однако несмотря на существующее соперничество, обе эти группы теоретиков работают рука об руку: военные — в секретных штабах и учреждениях, гражданские — в полусекретных институтах и на университетских кафедрах. Поскольку последние меньше связаны цензурой, американская военная верхушка часто через них вентилирует свои идеи в правящих кругах.

Гражданские милитаристы, как правило, отказываются признать качественное отличие ядерной войны от войн прошлого и рассматривают такую войну как математический «частный случай» войн вообще. В своих теориях они зачастую абстрагируются от социального характера конфликтов, от конкретно-исторических условий и зани-

маются формально-логическими упражнениями, исходя из посылки не только о возможности, но и чуть ли не о неизбежности термоядерной войны.

Такие теоретики, как Кан и Шеллинг, рассуждая о термоядерной войне, перечисляют все вариации и перестановки, связанные с разной оценкой соотношения сил противников, географических преимуществ, целей, методов нападения и обороны, интенсивности удара и т. д. Затем они классифицируют все это и выделяют два-три наиболее благоприятных для США сочетания этих факторов в приемлемые альтернативные национальные стратегии. «По мере того как мы переходим в качестве основы наших стратегических сил от самолетов к ракетам,— пишет Кан,— война становится более поддающейся расчету, чем раньше... Ракета является в первую очередь продуктом инженерного успеха. Ее главные параметры включают такие данные, как вероятное круговое отклонение, взрывная сила, надежность, уязвимость цели, точность в определении местонахождения цели. Суммарный эффект этих переменных величин может быть весьма точно выражен математической формулой., так что военные кампании, которые по своему размаху не имеют прецедента в прошлом, становятся, по существу, проблемами прикладной математики»¹³¹.

Для того чтобы придать видимость большей научности всем этим абстрактно-логическим построениям, теоретики изобрели свой аномальный язык, в котором такой термин, как «мегасмерть», то есть один миллион убитых, является чуть ли не одним из самых невинных понятий.

В то же время нормальная человеческая терминология для них не имеет никакого значения. Это видно из следующих слов Германа Кана: «При описании последствий войны использование таких слов, как «невыносимые», «катастрофические», «полное уничтожение», «уничтожающий ответный удар» и т. д., отнюдь не разъясняет сути дела. Эти слова были бы к месту, если бы в современной войне общая система целей могла быть «сверхпоражена» («overkilled») в коэффициенте от пяти до десяти. Тогда было бы бесполезно подсчитывать или описывать такую степень сверхпоражения»¹³². При поражении же «общей системы целей», меньшем, чем в коэффициенте пять, вытекает из его логики, война отнюдь не оказы-

вается «всееразрушающей», «катастрофической», «невыносимой» и т. д. — ее вполне можно вести и пережить.

В этом тезисе о «переносимости» термоядерной катастрофы и заключается античеловеческая суть всех этих новейших стратегических теорий. На смену нормальным терминам, дающим конкретное представление о термоядерной войне как о величайшей катастрофе, Кан и ему подобные стратеги подсовывают массу заумных терминов, в которых трудно разобраться неспециалисту. При этом следует учесть, что каждая из «школ» теоретиков вкладывает свое понятие в тот или иной термин. Из терминов, режущих глаз при чтении работ того же Кана, нельзя не отметить такие, как «ограниченная всеобщая война», «использование ядерной войны», «улучшенная война», «джигатонные (т. е. тысячемегатонные) бомбы», небезызвестная кановская «машина судного дня» — термоядерное устройство, которое, «будучи взорванным, разрушит все на земле», и, наконец, «машины, разрушающие галактики» (вот где витает безумная фантазия американского атомщика!).

Небезынтересно отметить заявление Кана в 1961 году о том, что, имея 10 млрд. долл., он мог бы за десять лет создать «машину судного дня». Английская газета «Санди таймс» в начале 1964 года привела следующую беседу с Каном: «Что касается машины судного дня, то в этом нет ничего смешного — это вполне серьезная техническая возможность. Он подключит это устройство, захороненное на глубине 10 тыс. футов под землей, к сверхскоростной вычислительной машине, в которую введены определенные данные, так что, если советская или какая-либо другая страна совершит один из следующих актов, к примеру взорвет пять бомб над США или захватит Берлин, или оскорбит нашего посла в Лаосе, машина взорвет весь мир»¹³³.

Кан, Шеллинг и ряд других американских теоретиков являются представителями «второго эшелона» западных ядерных стратегов. Они расширили теорию «ограниченной войны», подробно изложенную в работах Лиддел Гарта, Киссингера, Осгуда и ряда других. Последние в основном доказывали возможность ограниченного применения ядерного оружия в рамках конфликта с использованием обычных вооружений, что выразилось в создании доктрины «ограниченной тактической ядерной

войны». Кан, Шеллинг, Кнорр занялись разработкой вопросов о возможности «ограничений» при ситуациях, предполагающих чуть ли не с самого начала использование баллистических ракет среднего радиуса действия и межконтинентальных, что привело к созданию ими доктрины «ограниченной стратегической ядерной войны».

Клаус Кнорр пишет: «Ограниченная стратегическая война... главным образом определяется двумя особенностями:

1. Она включает использование стратегического оружия или оружия дальнего радиуса действия, такого как бомбардировщики и ракеты промежуточного радиуса действия и межконтинентальные, хотя компоненты тактических сил, такие как истребители-бомбардировщики, могут быть использованы для выполнения определенных заданий.

2. Она сознательно и добровольно ограничена как по общим размерам разрушений, обещаемых противнику, планируемых и осуществляемых, так и по характеру атакуемых целей»¹³⁴.

Одной из первых фундаментальных работ по теории «ограниченной стратегической войны», опубликованных в открытой печати США, была книга Германа Кана «О термоядерной войне», представляющая сборник лекций, которые были прочитаны им перед влиятельными аудиториями в США. Эта книга, изданная в 1960 году, была разрекламирована в западной печати как «веха» в американском военном мышлении и «обязательное пособие» для любого деятеля, хотя бы немного интересующегося проблемами войны.

Кан с ходу скептически отвергает в этой книге как не заслуживающие внимания воззрения «идеалистов» взгляды всех тех, кто считает, что решение мировых проблем следует искать не на путях гонки вооружений. Своей основной задачей он поставил разработку «правил поведения» в будущем стратегическом конфликте. Этих «правил игры» должны, утверждает он, ради собственных интересов придерживаться как США, так и Советский Союз в случае (весьма вероятном, по мнению Кана) возникновения войны между ними. Не скрывая социальной задачи своего труда, Кан в предисловии к нему прямо обращался к советским военным теоретикам с призывом принять «общие правила» ведения войны.

Однако за всеми этими разговорами об «ограничении» ракетно-ядерной войны, о выработке «совместных правил», для того чтобы якобы уменьшить число жертв, стоит стремление развязать руки атомным агрессорам и обелить такую войну с моральной точки зрения.

Теории Кана и ему подобных интеллектуальных при-служников милитаризма направлены в первую очередь на опровержение мнения, которого придерживается большинство человечества, что ракетно-ядерная война с вовлечением в нее главных ядерных держав становится немыслимой, с точки зрения разумных человеческих существ. «Исследования, которые были проведены,— успокаивал американцев Кан,— показывают, что примерно через год (после окончания термоядерной войны.— Г. Т.) при условии, если будет проведена успешная реорганизация, жизненный уровень (включая среднюю продолжительность жизни и вероятность рождения нормальных детей) будет выше, чем уровень жизни, существовавший в США в период между 1900 и 1930 годами»¹³⁵.

Следует особо отметить новую и главнейшую особенность этих доктрин массового убийства. Американские теоретики озабочены не только проблемами уязвимости американской территории и размерами разрушений, которые могут понести США, в случае если они будут наказаны за развязывание атомной войны. Их беспокоит судьба США как социальной системы, иначе говоря, судьба самого капитализма.

Изменение соотношения сил на мировой арене между капитализмом и социализмом в пользу последнего впервые подвело многих американских гражданских и военных идеологов к фактическому, хотя и негласному, признанию того, что в случае новой мировой войны поражение будет нанесено не просто США и их союзникам по агрессии, а самой капиталистической общественно-экономической формации. Это объективно толкает даже горячие головы из числа ведущих представителей правящих кругов США требовать гораздо большей осторожности во всех шагах, связанных с нарушением мирового равновесия сил и могущих привести к мировому термоядерному конфликту и к уничтожению американского капитализма как системы. Теоретики «ограниченной стратегической войны» лучше других понимают это.

В книге «О термоядерной войне» Кан, по существу, проводит мысль, что самое важное в будущем ядерном конфликте — это не столько то, как и в какие сроки будет осуществлен обмен ракетно-ядерными ударами, сколько способность выжить. Однако слабость теорий «ограниченной стратегической войны», их фальсификаторский характер заключаются в постулате о том, что главное спасение для воюющих сторон состоит в соблюдении надуманных правил.

Возможно, что если бы силы, которым придется отвечать на американскую агрессию, согласились соблюдать американские «правила игры», то американский империализм и мог бы уйти от окончательного поражения. Но все дело в том, что социалистические страны в новой мировой войне, если она будет развязана империалистами, будут вести боевые действия не по правилам, разработанным в американских электронно-вычислительных центрах, а в соответствии со своей собственной военной стратегией, опирающейся на все достижения марксистской науки и рассчитанной на обеспечение полного и сокрушительного разгрома любого врага, который осмелится посягнуть на социализм.

С каждым днем все больше и больше проблема выживания американской системы занимает умы американских идеологов. Это говорит о том, какую трансформацию пережили американская военная мысль и американская доктрина за последние 20 лет. Ибо в 1946—1947 годах всякого американца, кто даже в завуалированной форме поставил бы вопрос, смогут ли США выжить в результате ядерной войны, немедленно отправили бы в сумасшедший дом. Всего несколько лет назад американские конгрессмены подняли шум, когда кто-то в США проводил исследования на тему о том, при каких условиях им было бы выгоднее капитулировать во время войны¹³⁶.

Ныне же основной смысл писаний многих американских военных теоретиков сводится к решению вопроса о том, как выжить в случае развязывания ядерной войны. Сам Кан откровенно говорит: «Если у вас нет теории о том, что вы сможете пережить войну, вы вряд ли нажмете кнопку»¹³⁷. Ответы специалистов на этот вопрос сводятся к предложению стратегий, якобы позволяющих и вести ядерную войну, и выжить.

При разработке такого рода стратегических курсов американские специалисты все чаще прибегают к математической теории игр¹³⁸. С помощью этой теории они, с одной стороны, пытаются отыскать «оптимальные стратегии» в различных ситуациях, а с другой — показать тем, кто в конечном итоге будет нажимать кнопки, что последствия этих «оптимальных стратегий» (в обязательных рамках «ограниченной стратегической войны») даже в случае проигрыша будут не столь ужасными для США, как это кажется непосвященным.

Стратегические игры ведутся с помощью электронно-вычислительных устройств, в которые вводятся необходимые сведения как о данной стороне, так и о ее противнике — об их экономических и военных потенциалах, географическом расположении, количестве, степени рассредоточения, защищенности ракетно-ядерного оружия, боевой готовности, мобилизационных планах и т. д. и т. п.

В более примитивной форме их ведут несколько игроков, каждый из которых представляет определенную страну и отвечает на действия других игроков. Игры последнего типа, в частности, проводятся в возглавляемом Каном Гудзоновском институте для выяснения методологических основ формулирования стратегических курсов. Один из создателей математической теории игр — Оскар Моргенстерн, экономист, переметнувшийся затем в более доходную область военной стратегии, — писал в статье «Холодная война — это холодный покер»: «Хотя в покере и в холодной войне ситуации не являются совершенно идентичными, они достаточно схожи: принципы умелого покера могут научить многим существенным вещам»¹³⁹.

В результате такого рода игр Кан и ряд его единомышленников пришли в конце 50-х годов к выводу, что наиболее подходящей стратегией для США на ближайшее будущее является так называемая стратегия способности к вероятному нанесению первыми ядерного удара или стратегия, близкая к этому и опирающаяся на широкую мобилизацию всех ресурсов на гонку ядерных вооружений¹⁴⁰. Они усиленно доказывали, что США могут выделить от 40 до 50% валового национального дохода на гонку вооружений «без особых тягот для гражданского населения».

Эта стратегия способности к вероятному нанесению

первыми ядерного удара была типичной попыткой американских гражданских милитаристов спровоцировать руководство США на новую «пробу воли» с Советским Союзом.

Следует отметить усиление провокационных действий США в этот период в отношении СССР (полет Пауэрса, нагнетание напряженности в Европе). Это говорит о том, что высокопоставленные деятели республиканского правительства США последовали советам милитаристов о необходимости замаскировать ослабление военных позиций США показной демонстрацией силы и безнаказанности. Известно, чем все это кончилось. Крах авантюры с У-2 вызвал у республиканского правительства новый приступ военной истерии (президент США объявил о том, что США считают себя свободными от данного ими обязательства не возобновлять первыми ядерных испытаний). Однако теоретики типа Кана, несмотря на всю свою агрессивность, после этого вынуждены были прийти к выводу, что возвращение, хотя бы теоретическое, к стратегии вероятного первого удара создает чрезвычайно опасную ситуацию для самих США.

Как признал тот же Кан, когда одна сторона декларирует о своей готовности нанести первой ядерный удар, другая сторона, в условиях военной провокации и резкого обострения напряженности, может быть силой обстоятельств вынуждена нанести упреждающий удар, чтобы обезопасить себя от возможности атомной атаки. А подобная перспектива после запуска Советским Союзом спутника Земли не устраивала даже наиболее воинственно настроенных американских стратегов. Поэтому при зрелом размышлении большинство из них стало рекомендовать в отношении использования ракетно-ядерного оружия так называемую стратегию «контрсилы» в рамках общей стратегии «контролируемых ответов»¹⁴¹.

СТРАТЕГИЯ «КОНТРСИЛЫ»

Стратегия «контрсилы» призывает к ракетно-ядерному удару по военным объектам противника, а не по его городам и другим сугубо гражданским объектам. На первый взгляд она кажется более гуманной, если вообще может идти речь о степени гуманности в термоядерной

войне. Спекулируя на этой псевдогуманности стратегии «контрсилы», американские теоретики пытались преподнести ее как вполне приемлемую для США, так как она, по их мнению, давала односторонние преимущества их стране. Не случайно, что этой стратегией в первую очередь заинтересовались представители военно-воздушных сил.

В 1960—1962 годах специальная группа штабных офицеров ВВС США под руководством бригадного генерала Н. Парриша и подполковника Д. Мартина провела моделирование на электронных вычислительных устройствах различных стратегических ситуаций, которые могли закончиться ракетно-ядерным конфликтом между США и СССР.

В ходе этих игр проверялись самые различные возможности развития конфликта и видоизменялось одно из основных допущений о стратегии США или их «противника»: атакующий наносил внезапный ракетно-ядерный удар, или же в другом варианте предупреждал о нападении за 15 мин., делались различные посылки о состоянии противовоздушной и, в частности, противоракетной обороны каждой из сторон. По-разному оценивались их арсеналы ракетно-ядерного оружия, рассредоточенность их ракетных установок, уязвимость последних. Ядерные удары наносились с суши, с моря, с помощью ракет и бомбардировщиков, в разных смешанных комбинациях и т. д. и т. п. Естественно, что результаты всех этих вычислений, которыми быстро заинтересовался новый министр обороны США Макнамара после его прихода в Пентагон в начале 1961 года, остаются сверхсекретными.

Однако военный обозреватель «Вашингтон стар» Ричард Фрикелунд, которому нельзя отказать в осведомленности, указал впоследствии в своей книге «100 миллионов жизней»: «В каждой серии военных игр, независимо от того, каким образом видоизменялись ситуации, результаты были примерно одинаковыми. Если разрушались города, мы теряли около 100 млн. людей и проигрывали войну. Если же города щадили, мы спасали 100 млн. жизней и либо же выигрывали войну, либо добивались урегулирования путем переговоров»¹⁴².

Вывод о том, что США неизбежно проиграют войну при ракетно-ядерном ударе по американским городам, отнюдь не является неожиданным для тех, кто более или

менее знаком с экономической географией Соединенных Штатов. Одной из характернейших особенностей этой страны является высокая концентрация населения и промышленности в крупнейших городах, расположенных в узкой полосе вдоль восточного и западного побережий. Достаточно сказать, что только в двух прибрежных поясах крупных американских городов — «мегаполисов», в полосе Вашингтон — Бостон на Атлантическом побережье и Лос-Анджелес — Сан-Франциско на Тихоокеанском побережье, сконцентрировано свыше 50 млн. человек. Это составляет $\frac{1}{4}$ всего населения США, хотя общая площадь этих поясов исчисляется всего только в 82 тыс. кв. миль (менее 2,3% всей площади страны) ¹⁴³.

Поэтому предложение «не бить по городам» и явилось той стратегией, за которую, как за архимедову находку, ухватились сначала гражданские стратеги, а потом и милитаристы Пентагона, отчаявшиеся одно время найти возможность для США применять стратегическое ядерное оружие в условиях, когда, по их же словам, между США и СССР существует «ядерный тупик». Эта стратегия «контрсилы» давала возможность американским военным теоретикам вновь рассматривать ядерные ракеты как «вполне применимое оружие». Кроме того, она отвечала их установкам по следующим соображениям:

Американские теоретики считали, что эта теория даст возможность, хотя бы на бумаге, избежать окончательного поражения и, как пишет тот же Фрикелунд, «свести войну вничью».

Она отвечала интересам руководства американских военно-воздушных сил, представители которых все более и более задают тон в американском военном мышлении в связи с усилением роли ВВС в вооруженных силах США, так как эскадрильи межконтинентальных баллистических ракет являются составной частью ВВС. Доктрина, предусматривающая удары в первую очередь по военным объектам, предполагает, что государство, придерживающееся такой стратегии, должно иметь достаточное количество ракет, чтобы оно имело возможность претворить ее в жизнь. Для нанесения ударов по рассредоточенным военным объектам, в частности по ракетам, находящимся в подземных бетонных укрытиях, требуется гораздо больше ракет, чем для разрушения городов. Поэтому эта стратегия автоматически предусматривала расширение про-

изводства межконтинентальных ракет, усиление гонки вооружений. А это-то и требовалось руководителям ВВС.

Для вывода из строя ракетной установки или отдельно расположенного военного узла не требуется таких больших ракет, какие нужны, чтобы поразить районы, где размещаются экономические базы или центры государственного и военного управления. Поэтому стратегия «контрсилы» была рассчитана на то, чтобы нивелировать преимущества в ракетном оружии, которыми располагает по сравнению с США Советский Союз.

Далее, стратегия «контрсилы» является стратегией превентивной войны, ибо государство, замышляющее первым применить ракеты, но боящееся ответных санкций, стремится заранее обусловить, чтобы сторона, подвергнувшаяся нападению, осуществляла эти санкции в определенных ограниченных рамках. В то же время сторона, которая собирается применить ракетно-ядерное оружие только для самозащиты, не будет столь заинтересованной в выработке подобных правил. У нее нет намерений первой наносить удары ни по городам, ни по военным объектам.

Стратегия «контрсилы» создавала иллюзию гуманности американских милитаристов, якобы заботящихся об интересах гражданского населения. Она была направлена на то, чтобы, во-первых, обелить самих милитаристов и, во-вторых, преподнести публике идею «не очень страшной» стратегической ядерной войны. Тот же Кан в своих иезуитских изысканиях «приемлемого» порога жертв для американцев доказывал, что число жертв в 20—60 млн. человек якобы «приемлемо» для большинства американцев, бо́льшая же цифра является недопустимой. Американские милитаристы и продажная буржуазная печать всячески стремятся доказать, что «новая стратегия» гарантирует сохранение 100 млн. жизней американцев. Подобная пропаганда в первую очередь рассчитана на то, чтобы постараться примирить американцев с самой идеей возможности и вероятности ядерной войны.

Этот факт подтвердил один из американских гражданских стратегов, представитель так называемого либерального крыла в американском научном мышлении Ганс Моргентау. Отвечая на вопросы на конференции по проблемам НАТО, проходившей в центре стратегических исследований Джорджтаунского университета, он говорил:

«Я всегда считал, что стратегия контрсилы является одной из неизбежно тщетных попыток трансформировать ядерную войну в некую разновидность обычной войны, для того чтобы сделать ядерную войну чем-то приемлемым, чем-то таким, что поддается управлению. По сути дела, это попытка достичь невозможного»¹⁴⁴.

Дальнейшие исследования, проведенные в самих США, убедительно показали, что эта стратегия, даже если предположить, что стороны в конфликте согласились бы ее придерживаться, не так хороша, как кажется ее создателям. Она отнюдь не привела бы к столь резкому уменьшению числа жертв среди гражданского населения, как в этом пытаются уверить мир американские авторы этой стратегии. Ведь помимо самих ракетных установок существуют еще десятки других видов военных объектов. Выведение их из строя абсолютно необходимо для подрыва военной мощи страны, являющейся объектом атаки. К ним относятся в первую очередь главные центры государственного и военного руководства, центры управления противовоздушной обороной, узлы коммуникаций, энергетические предприятия и т. д.

Многие из такого рода центров, в силу своей специфики, расположены непосредственно в крупных городах или близко к ним и на практике неотделимы от районов концентрации населения. Например, согласно анализу, проведенному министерством обороны США за год, окончившийся 30 июня 1961 г., из всех сумм, израсходованных министерством на исследовательские работы в военной области и области космоса, 53,4% ассигнований пришлось на долю двух американских штатов с наибольшим населением — Нью-Йорк и Калифорнию¹⁴⁵. Это распределение ассигнований на военные исследования приблизительно должно соответствовать и удельному весу этих штатов в самом производстве в указанных отраслях. При такой ситуации отделить удары по важнейшим военнопromышленным объектам от ударов по центрам концентрации населения практически невозможно, особенно если учесть радиус поражения современного мегатонного термоядерного оружия.

С этим положением не могут не согласиться и некоторые деятели американского правительства. Так, например, Джордж Пью, заместитель помощника директора американского Агентства по контролю за вооружениями

и разоружению, пишет: «Ограничение роли ядерного оружия использованием его лишь против военных целей может быть отвергнуто ввиду практической невозможности достижения приемлемого определения того, какому числу гражданских лиц может быть позволено остаться в какой-то близости от важной военной цели, и трудности в определении понятия „военная цель“»¹⁴⁶. Из этого следует, что все заявления американских стратегов о «массовом спасении» гражданского населения в результате применения стратегии «удара не по городам» не выдерживают научной критики и являются всего-навсего демагогией, рассчитанной на обман американского народа.

Вопросы о потенциальной поражающей силе термоядерного оружия подробно рассматривались в Подкомиссии по военным операциям при Комиссии по правительственным операциям палаты представителей США в марте 1960 и в августе 1961 года на заседаниях, проходивших под председательством конгрессмена Ч. Холифильда. Холифильд выступил с резкой критикой ВВС США, в связи с тем что последние разместили целый ряд своих ядерных баз слишком близко к густонаселенным районам. Министерство обороны дало на эту критику следующий откровенный ответ: «Хотя ВВС отдают себе отчет о потенциальной опасности для гражданского населения, находящегося поблизости от ракетных баз, это соображение не являлось определяющим при выборе местонахождения баз»¹⁴⁷. Это заявление министерства обороны лишь раз показывает лицемерный характер рассуждений американских теоретиков о гуманности стратегии «контрсилы».

Формулировки этой стратегии направлены на то, чтобы словесными выкрутасами замаскировать подлинно агрессивную сущность расчетов американских империалистов, до сих пор не оставивших идею превентивной войны. Поэтому, очевидно, стратегия «контрсилы», выйдя за пределы стратегических исследовательских институтов и вычислительных центров Пентагона, была принята на вооружение американским правительством.

На закрытом заседании сессии Совета НАТО в Афинах в мае 1962 года министр обороны США Макнамара впервые объявил о том, что правительство США склоняется к принятию стратегии «контрсилы». Публично же министр обороны США изложил в общих чертах эту докт-

рину 16 июня 1962 г. в своей известной речи в Мичиганском университете, в которой он говорил о «стратегии контролируемых ответов».

Согласно опубликованным выдержкам из этой речи, которая, как позднее выяснилось, представляла сокращенный вариант его выступления в Афинах, Макнамара заявил: «Соединенные Штаты пришли к выводу, что по мере возможности к основной военной стратегии в возможной всеобщей ядерной войне нужно подходить так же, как в прошлом подходили к более обычным военным операциям. Иначе говоря, главной военной целью в случае ядерной войны, возникающей в результате крупного нападения на Союз (НАТО. — Г. Т.), должно быть уничтожение военных сил врага, а не его гражданского населения»¹⁴⁸. Макнамара довольно много распространялся о якобы «оборонительном» характере подобной стратегии. Однако он все же счел нужным объяснить элите, собравшейся в Энн-Арборе, истинную причину, заставившую США прийти к выводу о целесообразности стратегии «контрсилы», или стратегии «ядерного удара не по городам». «Эта стратегия, — заявил Макнамара, — преследует цель сохранить наш общественный строй в случае, если разразится война»¹⁴⁹. До этого времени ни один государственный деятель США не решался столь откровенно заявить американцам, что в будущей войне будет поставлена под вопрос судьба самого капиталистического строя.

Комментируя эту посылку Макнамары, Стюарт Олсоп в статье о новой стратегии США, одновременно появившейся в журнале «Сатэрдей ивнинг пост» и в лондонской «Санди таймс», писал: «По самым лучшим оценкам, даже в войне, исключаяющей ядерные удары по городам, в США лишь от одних радиоактивных осадков может быть свыше 70 мегасмертей (70 млн. погибших. — Г. Т.). При некоторых обстоятельствах, в зависимости от ряда переменных факторов, смертность от одного лишь радиоактивного заражения может составить свыше 60% населения, даже в случае если города не будут поражаться. Может ли быть сохранен «наш общественный строй» при столь чудовищной катастрофе? Может быть, со временем его можно будет восстановить, однако основа общества будет ужасающе разрушена и потребуются очень много времени, прежде чем она сможет быть склеена по частям»¹⁵⁰.

Несмотря на все попытки лидеров США представить стратегию «контрсилы» как оборонительную, большинство военных специалистов и политических обозревателей в мире оценили ее как стремление США развязать себе руки для нанесения ядерного удара первыми. Комментируя речь министра обороны США, известный английский специалист в области военной стратегии Вейланд Янг писал: «Военное строительство (США. — Г. Т.) выглядит как занятие позиции для нанесения ядерного удара первыми. Речь звучит как политика первого удара»¹⁵¹.

И, как это ни парадоксально, даже сами американские теоретики ядерной войны, сколько бы ни расходились они между собой в других вопросах, единодушны в своем признании того, что стратегия «контрсилы» является, по существу, стратегией державы, замышляющей агрессию.

В цитировавшемся выше докладе вашингтонского центра университета Джонса Гопкинса о влиянии военной техники на стратегию США откровенно говорилось о создании стратегических сил, «способных к эффективному первичному контрсилового удару»¹⁵².

Генри Киссинджер в книге «Необходимость выбора», отметив, что «требования в отношении оружия при стратегии контрсилы имеют вероятность стать астрономическими», указывал: «Главная трудность с идеей стратегии контрсилы заключается в том, что ее почти невозможно примирить с занятием позиции стратегической обороны»¹⁵³.

Один из главных апологетов этой стратегии — Герман Кан не мог не признать, что «для страны, которая первой наносит удар, только прямой контрсиловой удар или контрсиловой удар с разбором кажутся мне имеющими смысл»¹⁵⁴.

И, наконец, Артур Уоскоу, давший в своей книге «Пределы обороны» развернутую критику концепции «контрсилы», говорит о ней следующее: «Хотя практическая невозможность вести войну согласно концепции контрсилы, по-видимому, является уже достаточным доводом против этой концепции, не мешает остановиться и на еще более серьезном доводе... Он заключается в том, что эта теория, сама по себе не позволяющая предотвратить войну, таит в себе, кроме того, большую опасность произвольного втягивания стран в войну. Стратегия контрсилы почти неизбежно отдает преимущество той стороне, которая

первой нанесет удар... Давление обстоятельств может оказаться столь сильным, а опасность столь серьезной, что любая из сторон будет вынуждена, упреждая удар противника, нанести удар первой. В результате даже небольшие международные кризисы будут неумолимо толкать обе стороны на грань войны, а если они вовремя не откажутся от стратегии контрсилы, то и непосредственно в пучину войны. В теории контрсилы есть такие положения, которые делают мир висящим на волоске»¹⁵⁵.

Таким образом, сами американские теоретики опровергли утверждение об оборонительном характере стратегии «контрсилы».

Американское руководство, выступая с этой стратегией и предлагая, таким образом, Советскому Союзу новые правила ведения стратегической войны, тем не менее продолжало наращивать ядерную военную мощь в плане старых концепций «массированного удара». Это лишний раз свидетельствует о конъюнктурно-демагогическом характере американских стратегических доктрин. Призывая СССР прийти к некоему «соглашению» о нанесении в случае войны ударов лишь по военным целям, правительство Кеннеди в качестве одного из первых своих мероприятий объявило об ускорении строительства атомных подводных лодок — носителей ракет «Поларис». Если правительство Эйзенхауэра планировало построить 45 таких лодок к 1970 году, то новой программой предусматривалось строительство 41 лодки уже к концу 1964 года.

Ракеты «Поларис» запускаются из подводного положения с подвижной платформы (лодки), и поэтому точность их наведения на цель неизмеримо меньше по сравнению с точностью баллистических ракет, базирующихся на суше. Как признается в самой американской печати, эти ракеты предназначены для массированных ударов по объектам, для разрушения которых не требуется большая точность попадания. К такого рода объектам относятся в первую очередь города. Таким образом, упор на развитие «Поларисов» противоречит стратегии «контрсилы». Это лишний раз показывает, что ко многим публичным рассуждениям американских военных и гражданских теоретиков следует подходить с большим скептицизмом.

СТРАТЕГИЯ «ВТОРОГО УДАРА» И ОПАСНОСТЬ ВОЙНЫ ПО СЛУЧАЙНОСТИ

Руководителям Пентагона, провозгласившим стратегию «контрсилы» в качестве последнего откровения американской военно-теоретической мысли, довольно скоро стал ясен провоцирующий характер этой доктрины. Они не могли не считаться с тем, что развязанная ими ядерная война, даже путем внезапного нападения, неминуемо обернулась бы против них. В этих условиях американское руководство в надежде внести большую устойчивость в им же созданную взрывоопасную ситуацию ракетно-ядерного противостояния Соединенных Штатов Советскому Союзу сочло необходимым публично оговорить свое нежелание быть стороной, которая во время конфликта первой произведет залп стратегическими системами оружия (отказываясь, однако, пойти на формальное международное соглашение о неприменении первыми ядерного оружия).

Так появилась на свет американская теория «второго», или «ответного ракетно-ядерного удара», которую руководители Пентагона пытаются как-то совместить со стратегией контрсилы. «То, что мы предлагаем,— говорил Макнамара, выступая 30 января 1963 г. перед Комиссией по делам вооруженных сил палаты представителей США,—является способностью нанести ответный удар после принятия на себя первого удара. Это означает, что мы должны создать и поддерживать силы второго удара. Такие силы должны иметь достаточную гибкость, для того чтобы позволить делать выбор между различными стратегиями; в особенности они должны иметь способность к тому, чтобы (1) нанести решающий ответный удар одновременно по всей системе целей в СССР или (2) нанести ответный удар сначала по советским базам бомбардировщиков, ракетным пусковым площадкам и другим военным установкам, связанным с их ядерными силами дальнего радиуса действия, для того чтобы уменьшить силу любой последующей атаки с их стороны и затем, в случае необходимости, ударить по советскому городскому и промышленному комплексу контролируемым и обдуманым образом»¹⁵⁶.

Руководители американского военного ведомства пришли к теории «ответного ракетно-ядерного удара в

первую очередь под влиянием реалистической оценки советского ракетно-ядерного потенциала.

Советские ракетные силы стратегического назначения, как в конце концов были вынуждены констатировать американские лидеры, - являются настолько большими, рассредоточенными и защищенными, что они смогли бы выдержать первый ракетно-ядерный удар со стороны США и в ответ нанести «неприемлемый» ущерб Соединенным Штатам.

Уже в 1964 году, выступая с показаниями перед той же комиссией конгресса, Макнамара признал, что США просто физически не в состоянии создать такие ракетно-ядерные силы, которые были бы достаточны для полного первого удара по СССР. Он говорил, что у них нет таких сил, «которые позволили бы нам, если бы мы ударили первыми, настолько ослабить советские силы возмездия, что ущерб, какой они могли бы затем причинить населению и промышленности США, был бы низведен до «приемлемого уровня», что бы под таким уровнем ни подразумевалось»¹⁵⁷.

Разъясняя конгрессменам причины того, почему США все труднее становится ориентироваться на первый удар, Макнамара говорил: «Очень большое увеличение в численности полностью защищенных советских межконтинентальных баллистических ракет и работающих на ядерном горючем подводных лодок, оснащенных баллистическими ракетами, существенно уменьшит нашу способность полностью уничтожить советские стратегические ядерные силы. Если бы мы даже удвоили и утроили наши силы, мы не смогли бы поразить быстро все или почти все их бетонированные установки межконтинентальных баллистических ракет. И даже если бы мы смогли сделать это, у нас нет средств, для того чтобы одновременно уничтожить подводные лодки-ракетоносцы противника»¹⁵⁸. А тот факт, что советские атомные подводные лодки-ракетоносцы являются грозной и поистине неуязвимой силой, был убедительно проиллюстрирован, в том числе и для сведения пентагоновских стратегов, кругосветным походом в подводном положении группы атомных боевых кораблей Советского Военно-Морского флота в начале 1966 года.

Поворот американского стратегического мышления в сторону обоснования целесообразности стратегии «второ-

го удара» был вызван в какой-то мере и опасениями, что ядерная война может возникнуть в результате просчета или по чистой случайности, или же из-за провокации какой-нибудь третьей державы по мере распространения ядерного оружия в мире.

Соединенные Штаты официально признали 16 инцидентов, связанных с американским ядерным оружием, начиная с 1958 года. По неофициальным подсчетам, таких инцидентов с конца второй мировой войны и по 1960 год было около 50¹⁵⁹.

Последними из такого рода случаев, которые получили широкую огласку, были катастрофы американских ядерных бомбардировщиков В-52 у побережья Испании 17 января 1966 г. и в районе базы ВВС в Туле (Гренландия) 21 января 1968 г. В обоих случаях у четырех водородных бомб, имевшихся на борту каждого из самолетов, частично сработали детонаторы из обычной взрывчатки и произошло радиоактивное заражение местности в результате распыления плутония. То, что ни в одном из этих случаев не произошло ядерного взрыва, можно назвать лишь счастливой случайностью. Несмотря на все меры предосторожности, признается в справочнике американской Комиссии по атомной энергии, «всегда существует возможность, что в результате неблагоприятного стечения обстоятельств возникнет непреднамеренный взрыв»¹⁶⁰.

Многие из подобных инцидентов с ядерным оружием («сломанные стрелы» — на жаргоне американских ВВС), как, например, катастрофа американских ядерных бомбардировщиков у острова Ванкувер в Канаде или ряд других случаев, когда ядерное оружие в результате аварий американских военных самолетов сбрасывалось на территорию США, получили гораздо меньшую огласку, а большинство осталось засекреченным.

На основе анализа официальных данных и полуофициальных оценок авторы доклада Мерсона о войне по случайности, подготовленного в университете штата Огайо, пришли в 1960 году к следующему выводу: шансы на то, что какое-либо американское ядерное оружие случайно взорвется в ближайшие десять лет, находятся в пропорции 1 : 100, что является весьма высокой степенью опасности¹⁶¹. Но и эта оценка, как отмечали авторы доклада, основана лишь на учете вероятностей чисто механических неполадок и не принимает в расчет вероятность

человеческой ошибки. А подобная вероятность достаточно велика.

В своих мемуарах бывший командующий стратегической авиацией США генерал Пауэр сообщает о нескольких случаях ложной тревоги. В частности, он рассказывает, как операторы одной из станций американской сети раннего предупреждения о баллистических ракетах приняли сигналы собственного радиолокатора, отразившиеся от луны, за сигналы о ракетах, летящих на США. Он приводит и другой случай объявления тревоги из-за внезапного нарушения связи между станциями раннего предупреждения и Североамериканским командованием противовоздушной обороны¹⁶². Пауэр в своих мемуарах не сообщает дат этих событий. Однако известно, что одна из тревог была объявлена им в ноябре 1961 года, когда он дал приказ поднять в воздух стратегические бомбардировщики с ядерным оружием на борту, чтобы направить их на заранее намеченные цели, не предупредив об этом даже американского президента. В 1962 году макет «Минитмэн» сорвался с траектории и ушел в неизвестном направлении. В июне 1963 года только по счастливой случайности не были пущены в ход американские ракеты. Так, у одного лица из обслуживающего персонала появилось сомнение в правильности данных, полученных с радиолокатора в Клире на Аляске. Как оказалось после проверки, космическим объектом, вызвавшим тревогу, были осколки последней ступени ракеты американских военно-морских сил, которая взорвалась при неудачной попытке вывести на космическую орбиту спутник связи «Транзит». Был зафиксирован также случай, когда в поле действия радиолокатора попала капсула спутника «Дискаверер».

По мнению американских и английских специалистов, космос весьма опасен в смысле поступления ложных сигналов тревоги, если воспринимать их предвзято и некритически. А ведь по мере расширения космических исследований число искусственных объектов, находящихся в космосе, с каждым годом будет все более увеличиваться.

На начало 1966 года американский центр космического обнаружения и слежения при Североамериканском командовании противовоздушной обороны имел на учете более 1200 опознанных искусственных объектов, начиная

от спутников и кончая перчаткой, потерянной космонавтом, за которыми велось постоянное наблюдение. А к 1990 году, по прогнозам Американского общества астрономии, число искусственных твердых объектов в космическом пространстве составит около 1 млн. с общим весом около 100 тыс. т (в настоящее время общий вес искусственных тел и их остатков, находящихся на орбитах, составляет примерно 1 тыс. т).

Подобная перспектива столь бурного роста числа искусственных объектов в космосе дает достаточно оснований опасаться, что даже самая совершенная система обнаружения может непреднамеренно ошибиться и поднять ложную тревогу. К этому следует добавить весьма вероятную возможность психического расстройства пилота или оператора ядерной ракеты, который в момент умопомешательства решит «свести счеты» с миром. Такие случаи уже были и в американских и английских частях военно-воздушных сил.

Хотя умалишенных до сих пор удавалось вовремя обезвреживать, Командование американских ВВС в конце концов признало потенциальную опасность подобных случаев. В связи с этим в феврале 1962 года оно ввело периодические психиатрические проверки лиц, связанных с обслуживанием ядерного оружия.

Герман Кан еще в 1962 году отмечал, что реалистически весьма трудно оценить степень вероятности возникновения непредумышленной войны. «Меня,— писал он,— с трудом можно было бы убедить в том, что вероятность такого рода войны выше, чем одна к десяти в год. Но если бы вероятность была столь высока, ситуация была бы крайне неудовлетворительной. Даже если бы вероятность такой войны была столь низкой, как одна к пятидесяти в год, то ежегодный риск был бы крайне высоким. (Постоянная ежегодная вероятность такой войны порядка одной к пятидесяти означала бы примерно равные шансы на то, что война возникнет до 2000 года.)»¹⁶³.

Макнамара в одном из своих выступлений в 1965 году признал, что возможность глобальной катастрофы из-за ошибки или по злему умыслу становится все более вероятной по мере накопления быстроходных и смертоносных средств вооруженной борьбы. В этих условиях выдвижение американским руководством стратегии «второго удара» представляет с его стороны определенную попытку

уменьшить риск непредумышленной глобальной войны, чреватой истребительными последствиями для самих США.

Так называемое ракетно-ядерное превосходство, которое до сих пор любят превозносить пентагоновские генералы в публичных выступлениях, становится ныне фактором второстепенным, не имеющим определяющего значения для исхода стратегической ракетно-ядерной войны. Никакое превосходство уже не может спасти агрессоров от возмездия, ибо любые его усилия добиться относительного превосходства заранее нейтрализованы наличием абсолютной мощи у другой стороны, необходимой и достаточной для нанесения агрессору уничтожающего удара при любых обстоятельствах.

В США имеется немало политических деятелей и стратегов, понимающих это. В одной из своих последних речей перед уходом с поста министра обороны Макнамара говорил: «Для любого из нас (США и СССР. — Г. Т.) бесполезно тратить 4 млрд., 40 млрд. или 400 млрд. — и в итоге всех этих расходов, в итоге всего этого развертывания, под конец всех больших усилий оказаться относительно на той же самой точке равновесия на шкале безопасности, на которой мы находимся сейчас»¹⁶⁴.

Тем не менее они лихорадочно ищут стратегические рецепты, которые бы позволили Соединенным Штатам добиться некоторых односторонних преимуществ в стратегическом противостоянии СССР. Они пытаются достигнуть этой цели то путем неожиданного технологического рывка и создания совершенно новых стратегических средств нападения, то путем организации «абсолютно надежной» системы противоракетной обороны, но и тот и другой путь пока что не сулит скорых и надежных результатов. Все это приводит к противоречивости высказываний ведущих американских деятелей по вопросам военной доктрины и известным колебаниям в определении принципов перспективного строительства стратегических вооруженных сил США.

Деятели Пентагона хорошо разбираются в законе «уменьшающейся отдачи» на капитальные вложения в стратегические ракетные силы. В связи с тем что как США, так и СССР обладают способностью не просто к поражению, а к сверхпоражению целей, они выдвигают ныне разного рода ограничительные принципы «центральной

ной ракетно-ядерной войны». И несмотря на это, основной целью американского империализма по-прежнему остается необузданная гонка ракетно-ядерных вооружений, что является одним из самых существенных факторов, препятствующих радикальному ослаблению международной напряженности и принятию действенных шагов в области разоружения.

ТЕОРИЯ ЭСКАЛАЦИИ

Принципиальное признание необходимости выбора между стратегическими курсами в зависимости от ситуации в рамках общей стратегии «гибкого реагирования» поставило перед американскими теоретиками задачу более точно определить условия, в которых тот или иной из стратегических курсов является наиболее целесообразным. Ведь фактически, как мы видели выше, доктрина «гибкого реагирования» предполагает возможность использования как превентивного ракетного удара, так и второго, или ответного, удара, стратегии «контрсилы», различных видов тактических ограниченных (ядерных и неядерных) войн, контрпартизанской войны с применением необычных методов и средств и т. д.

Решение об осуществлении того или иного стратегического курса принимается президентом США как главнокомандующим американскими вооруженными силами на основе рекомендаций Национального совета безопасности. В каждом конкретном случае именно президенту принадлежит последнее слово в санкционировании определенной стратегии в зависимости от целей, поставленных правительством США в том или ином конфликте, масштабов конфликта, степени вовлеченности США в конфликт, характера противника, района мира и т. д. Учитывая все это, американские теоретики решили попытаться создать некую универсальную схему—программу действий на «все случаи жизни», с тем чтобы облегчить процесс выбора между альтернативными вариантами.

Наибольшую известность и официальное признание со стороны Белого дома и Пентагона приобрела разработанная Г. Каном и его Гудзоновским институтом теория эскалации, в соответствии с которой каждой конкретной

обстановке должен соответствовать определенный вариант действий.

Основываясь на идеях Шеллинга, Кешкемети и ряда других теоретиков из «РЭНД корпорейшн», Кан смоделировал так называемую лестницу эскалаций. Эта лестница рисует постепенное разрастание конфликта от довоенного состояния международной напряженности через обычную войну, ограниченную ядерную войну, ограниченную стратегическую войну до самой высшей ступени — «спазмовой», то есть абсолютно хаотической ядерной войны. Последняя, по Кану, характеризуется беспорядочными ракетно-ядерными ударами каждой стороны, которые на этой стадии полностью теряют самообладание и контроль за ходом событий.

Кановская теория эскалации направлена якобы на то, чтобы «осветить светом научного анализа» различные стадии нарастания конфликта и предложить на каждой из них оптимальные «законы поведения» воюющих сторон. Базируясь на этом анализе, противники будут знать открывающиеся альтернативы и риски, связанные с возведением конфликта в следующую фазу. И они тогда смогут рационально определить, стоит ли им переходить в следующую фазу конфликта или им нужно остановиться на данном этапе и решать почти по учебнику вопрос: кто победил?

В более или менее окончательном виде свою теорию эскалации Кан изложил в опубликованной в 1965 году в США и Англии книге «Об эскалации. Метафоры и сценарии». Книга представляет собой рассекреченную общетеоретическую часть более обширного исследования, проведенного Гудзоновским институтом для Пентагона и других заинтересованных ведомств США. Это исследование в основном финансировалось ведущей ракетостроительной монополией США — «Мартин компани», которая в первую очередь интересовалась вопросами использования стратегического ракетно-ядерного оружия. Не удивительно поэтому, что та лестница эскалации, которая приведена Каном в этой книге, отличается особо детализированной разработкой вопросов последних, или высших, ступеней эскалации — применения стратегических ракет против военных объектов, городов и гражданского населения противника. Лестница Кана выглядит следующим образом:

ЛЕСТНИЦА ЭСКАЛАЦИИ

Обобщенный (или абстрактный) сценарий

П о с л е д с т в и я

Гражданские центральные войны	44. Спазмовая, или бессознательная, война 43. Некоторые другие виды контролируемой всеобщей войны 42. Удар с целью уничтожения гражданского населения 41. Усиленный обезоруживающий удар 40. Контрценностной залп 39. Замедленная война против городов
	(Порог — города в качестве целей)
Военные центральные войны	38. Неограниченный контрсилловой удар 37. Контрсилловая атака с разбором в отношении выбора целей 36. Сдержанный обезоруживающий удар 35. Сдержанный (ракетный) залп с целью вывода из строя части сил противника 34. Замедленная контрсилловая война 33. Замедленная война против недвижимости 32. Формальное объявление «всеобщей» войны
	(Порог — центральные войны)
Ядерная «дипломатия канонеров»	31. Взаимные репрессалии 30. Полная эвакуация (около 95%) 29. Показательный удар по населению 28. Показательный удар по имуществу 27. Показательный удар по военным объектам 26. Демонстрационный ядерный удар по какому-либо тыловому району
	(Порог — главное прибежище противника)
Эксцентричные кризисы	25. Эвакуация (около 70%) 24. Необычные, провокационные или многозначительные контрмеры 23. Локальная ядерная война — между войсками 22. Объявление ограниченной ядерной войны 21. Локальная ядерная война — для показа
	(Порог — ядерное оружие не используется)
Интенсивные кризисы	20. «Мирное» всеобщее эмбарго или блокада 19. «Оправданный» контрсилловой удар 18. Сенсационная демонстрация силы 17. Ограниченная эвакуация городов (приблизительно 20%) 16. Ядерные «ультиматумы» 15. Ядерная война в зачатке 14. Объявление ограниченной обычной войны 13. Широкая комбинированная эскалация 12. Большая обычная война 11. Состояние сверхготовности 10. Провокационный разрыв дипломатических отношений
	(Порог — ядерная война немыслима)
Традиционные кризисы	9. Драматические противостояния вооруженных сил 8. Беспокоящие акты насилия 7. «Законное» причинение беспокойства — репрессивные меры 6. Многозначительная мобилизация 5. Демонстрация силы 4. Затвердевание позиций — столкновение волей
	(Порог — «Не раскачивай лодку»)
Предкризисное маневрирование	3. Торжественные и официальные заявления 2. Политические, экономические и дипломатические жесты 1. Мнимый кризис
	Разногласия — холодная война

Чтобы подробно прокомментировать эту лестницу, потребовалось бы специальное исследование, и в первую очередь детальное разъяснение многочисленных специальных терминов, применяемых американскими стратегами. Однако и без подробных комментариев лестница эскалации дает представление о мышлении Кана.

По его разъяснению, каждая ступенька этой лестницы, идущей снизу вверх — от предкризисного состояния «холодной войны» к военному столкновению, — представляет собой очередную новую фазу расширяющегося конфликта. По достижении определенного накала на той или иной стадии разрастания конфликта противники должны переступить условный порог, переходя от угрожающих заявлений к демонстрациям военной силы, к ограниченной обычной войне, к локальной ядерной войне, к выборочному обмену «показательными» ядерными ударами по целям близ границ или внутри территорий, к ядерным залпам по ракетным установкам противника («контрсилевой удар») и к ядерным залпам по жизненным центрам («контрценностной удар») и населению страны ¹⁶⁵.

Весь этот абстрактно-логический сценарий массового убийства представляет собой во многом надуманную схему, оторванную от реальной действительности. Это особенно бросается в глаза при рассмотрении последних ступеней лестницы начиная с 32-й.

На этих ступенях противники фактически ведут войну на уничтожение друг друга с применением всех имеющихся в их распоряжении видов стратегического оружия. В этих условиях Кан ухитряется изобрести целых одиннадцать якобы различных этапов, которые, по существу, оказываются лишь словесными выкрутасами, и они явно придуманы, для того чтобы потрафить руководителям Пентагона.

Смотрите, внушает им Кан, вы всегда считали, что ракетно-ядерный залп по противнику есть некое одноактное действие. На деле же это не так. И Кан предлагает целую амплитуду акций с ракетами: замедленных и быстрых действий, против недвижимости и против городов, и против населения, и все эти акции «контролируемы». Таким образом, всегда можно остановиться, если события примут неблагоприятный оборот. Поэтому не опасайтесь, говорит он, доводить риск до 43-й ступени и

лишь бойтесь перехода на 44-ю ступень не поддающейся контролю «спазмовой» войны. Столь большое многообразие вариантов применения стратегических ракет явно приводит к необходимости создания неограниченного арсенала ракет, что и требовалось обосновать для тех в США, кто получает на их производстве миллиардные прибыли.

Хотя Кан пытается изобразить свою схему как некое «объективное обозрение» возможных вариантов, даже сам методологический подход его далеко не объективен. При внимательном ознакомлении со схоластическими рассуждениями Кана и других американских «математических стратегов» всякий раз обнаруживается, что альтернативы, или выходы из любой фазы схематических кризисов, ими предлагаются лишь такие, какие дают односторонние преимущества США. Противник же (под которым каждый раз подразумевается Советский Союз или социалистические страны в целом) ведет себя, согласно Кану, так, что США почти всегда могут найти возможность «выйти сухими из воды».

Кан, конечно, великолепно сознает, что вся его так называемая объективность шита белыми нитками, что любой непредубежденный читатель без труда разглядит сугубо тенденциозный характер его теории, приспособленной к потребностям Пентагона. Это и заставляет Кана в одном месте его работы стыдливо оговориться, что рассматриваемая в его книге «лестница эскалации является в некотором смысле скорее американской, чем советской лестницей»¹⁶⁶.

Согласно схеме Кана, объявление войны происходит не сразу после начала агрессором военных действий, а лишь после того, как он некоторое время вел эти действия в крупном масштабе. Ступень 12 предусматривает начало «большой обычной войны», ступень 13 — «широкую комбинированную эскалацию», и лишь ступень 14 связана с объявлением «ограниченной обычной войны», в то время как сторона, объявляющая такую войну, на деле уже переходит к ядерной войне (ступень 15).

Таким образом, кановская схема представляет собой не что иное, как апологию разбойничьих методов ведения войны, в ходе которой обман одной воюющей стороной другой относительно своих дальнейших намерений приобретает решающее значение. Это обстоятельство

находится в вопиющем противоречии со всей теорией, которая, по замыслу, создана лишь для того, чтобы противники могли осуществлять контролируемое нарастание интенсивности конфликта, заранее зная о намерениях друг друга. Если под этим углом зрения проанализировать теорию Кана, то окажется, что она вся состоит из подобного рода противоречий. Поэтому чисто военная ценность кановской схемы, даже с точки зрения самих американских стратегов, едва ли является сколько-нибудь значительной.

Главный смысл теории Кана состоит отнюдь не в детализации ступеней, а в том, что в ней делается особый упор, по выражению Кана, на «политическое применение силы». Он отмечает бесспорное обстоятельство, что во всех «колониальных конфликтах» послевоенного времени (иначе говоря, в столкновениях, вытекающих из национально-освободительной борьбы народов) вряд ли был один, в ходе которого «колониальная держава не имела бы физической силы, или по крайней мере потенциальной физической силы, подавить на неограниченно долгое время националистическое движение или восстание»¹⁶⁷. Тем не менее колониальным державам подавить эти движения в большинстве случаев не удалось.

При полном наличии у метрополии чисто военных возможностей для победы в конфликте с колонией метрополия большей частью не в состоянии была использовать их в силу целого ряда факторов. Кан уходит от того, чтобы назвать эти факторы.

Среди этих факторов на первое место следует поставить существование СССР и всего социалистического содружества, стоящего на страже свободы и независимости народов. Большое значение имеет поддержка, оказываемая национально-освободительной борьбе народов всем международным рабочим движением, базирующимся на принципах интернациональной солидарности трудящихся. Важную роль играет также оппозиция колониальной политике правящего класса не только со стороны пролетариата, но и других слоев трудового народа внутри самой державы-метрополии, гневное осуждение колониальных авантур мировым общественным мнением и ряд других значительных факторов, фактически нивелирующих «позицию военного превосходства» метрополии в ее конфликте с колонией.

Однако важно подчеркнуть, что Кан и его единомышленники пришли к признанию невозможности в ряде случаев и даже нецелесообразности прямого использования военной силы капиталистическими державами.

Что касается главной державы современного капиталистического мира — Соединенных Штатов, то и для них практически оказывается невозможным, без риска самоубийства, физически применить основную военную силу непосредственно против СССР. Это, в свою очередь, не может не ограничить использования Соединенными Штатами военной силы даже в тех случаях, когда непосредственного военного конфликта с СССР нет, но есть угроза, что конфликт, в который вовлечены США, приведет к столкновению с Советским Союзом.

В этих условиях, согласно Кану, большое значение приобретает психологическо-политическое использование военной силы, «балансирование на грани» войны, но не сама война. «В международных отношениях, — пишет Кан, — эскалация используется для того, чтобы способствовать переговорам или оказать давление на одну сторону или обе, с тем чтобы они урегулировали проблему без войны»¹⁶⁸.

Правда, Кан считает, что одиночный показательный ядерный удар по тыловому объекту противника не является войной в полном смысле этого слова, а представляет собой лишь состязание в решимости, пробу воли. Ограниченные способы использования ракетно-ядерного оружия, как, например, показательный ядерный взрыв на высоте над территорией или у границ предполагаемого противника или же демонстрационный удар по какому-либо малонаселенному району территории противника, предлагаются как наиболее приемлемые способы столкновения воли и решения конфликта. Атомный шантаж возводится Каном в основной метод использования существующего ядерного арсенала США, а сама эскалация рассматривается как «состязание в принятии риска».

Не удивительно поэтому, что одной из излюбленных метафор Кана, которая встречается в его книгах, является пример игры американских автомобильных стилег в «слабака». Игра заключается в следующем: два спортивных автомобиля, идущих на большой скорости, сближаются на встречных курсах на прямом участке дороги, причем колеса левой стороны каждой автомашины

идут по осевой линии. Тот, кто первый свернет, считается «слабаком» и становится объектом всеобщего презрения. «Для того чтобы выиграть эту игру,— пишет Кан,— один из игроков должен постараться убедить противника в том, что последнему не имеет смысла быть столь бесшабашным. Он может сделать это, показав противнику, что сам он абсолютно безрассуден, не хочет видеть опасности или что его автомобиль вышел из-под контроля. Лучше всего он может достигнуть этой цели, сев в автомобиль мертвецки пьяным, надев темные очки и демонстративно выбросив за борт рулевую баранку как только его автомобиль наберет скорость. Если соперник следит за его поведением, у него будут серьезные побуждения убраться с дороги»¹⁶⁹. Вот это «рассудочное безрассудство», согласно призывам Кана, и должны использовать США в области международного шантажа ядерным оружием. «Желаем ли мы этого или нет,— демагогически заявляет он,— наша жизнь, свобода и безопасность могут зависеть от того, готовы ли мы играть»¹⁷⁰.

Теория Кана все более широко используется американской дипломатией, рассматривающей низшие ступени лестницы эскалации как вполне приемлемую схему для проведения политики «с позиции силы» в международных отношениях.

ПОСТУЛАТЫ ТОТАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ США

Многие военные теоретики Запада рассматривают военную стратегию лишь как составную часть более общей стратегии, которую они именуют тотальной. Последняя непосредственно подчинена национальной политике государства (вернее, правящего класса) и охватывает экономическую, политическую, военную, дипломатическую стратегию и стратегию психологической войны.

Анализируя высказывания западных стратегов и политиков о тотальной стратегии, можно сделать выводы о некоторых наиболее общих ее принципах, из которых они исходят, конструируя свои теории поведения сторон в атомном «противостоянии». Знание этих принципов помогает яснее понять сугубо односторонний империалистический характер всех новейших американских теорий ядерной войны, преподносимых учеными и милитариста-

ми Запада в виде неких абстрактных и надклассовых теорий, применимых якобы для любой стороны.

Основным принципом современной тотальной стратегии западные теоретики считают принцип обеспечения максимальной свободы действий для своей стороны и отрицания ее для противника. Собственно, этому принципу классической военной стратегии подчинены все сменявшие одна другую американские военно-стратегические доктрины. Их суть заключается в том, чтобы обеспечить более благоприятную позицию в конфликте для американской стороны путем предложения противнику сражаться по разработанным в США правилам. Однако, если в классической (доатомной) стратегии свобода действий в основном понималась как захват инициативы, в стратегии ядерной войны свобода действий в первую очередь определяется созданием решающего перевеса в военном потенциале при обеспечении более высокой по сравнению с противником «живучести» («survival capacity»).

К этому принципу тесно примыкает принцип недопустимости создания для противника безвыходной ситуации, когда последний, обороняясь, вынужден был бы пустить в ход весь свой ракетно-ядерный арсенал. Этот принцип, надо прямо сказать, применяется американскими стратегами лишь к ситуациям, которые, по их мнению, могут повести к непосредственному вовлечению в конфликт Советского Союза. Он отражает все то же стремление — не допустить окончательного поражения американского империализма путем чуть ли не взаимной договоренности не доводить «пробу воли» до ее максимально возможного конца. Этот принцип, как было показано выше, был подробно разработан Киссинджером как один из коренных принципов стратегии «ограниченной войны». Затем президент Кеннеди взял его на вооружение тотальной стратегии. Он считал, что этот принцип дает США возможность иметь бóльшую свободу действий, свободу маневра в условиях, когда эта свобода оказалась в значительной мере суженной ввиду произошедших в послевоенные годы изменений в мировом балансе сил. «В конфликте с любым крупным противником мы должны отказаться от таких целей, как тотальная победа или безусловная капитуляция... Вполне возможны случаи, когда лучшей доблестью может ока-

заться урегулирование на условиях статус-кво-анте беллум или даже принятие военных и политических потерь», — пишет ответственный сотрудник управления разведки министерства обороны США Роберт Бауэр¹⁷¹. И такие сентенции (неслыханные лет пять назад) довольно часто мелькают даже на страницах американских военных журналов.

В военной стратегии прошлых войн большая роль отводилась принципу частной победы. «Считалось непреложным фактом, что общая победа в войне складывается из множества частных успехов на различных фронтах и в различных сферах боевых действий»¹⁷².

Появление в арсенале государств ракетно-ядерного оружия привело к тому, что стало возможным обеспечить общую победу в войне не в результате суммы частных успехов, а путем «одноактного приложения всей мощи государства, накопленной до войны»¹⁷³. Однако американские стратеги смертельно боятся возможности такого одноактного приложения советской ракетно-ядерной мощи к американской территории в случае развязывания США агрессивной войны. Поэтому они по-своему трансформировали принцип частной победы, заявляя, что для выявления победителя совсем не обязательно использовать весь наличный арсенал ракетно-ядерного оружия, имеющийся в распоряжении каждой стороны. Под «зонтиком» этого арсенала может быть, по их мнению, осуществлена проба сил в «ограниченных» масштабах и на основании такой пробы или ряда проб установлен окончательный победитель. В качестве известной аналогии они ссылаются на пример шахматного матча между двумя мастерами, когда один из них сдается, видя слабость своей позиции, хотя он и мог бы сделать еще десяток ходов, до того как ему будет окончательно объявлен мат.

В современной тотальной стратегии можно выделить еще один принцип — перекладывание ответственности за эскалацию на противника путем постановки перед ним дилеммы: либо пойти на уступки, либо же взять на себя ответственность за возведение конфликта в следующую степень накала — степень разрушительности. С одной стороны, этот принцип служит для морального оправдания агрессора, утверждающего, что, добиваясь своей цели, он хотел ограничиться лишь минимальными разру-

шениями. С другой стороны, он направлен на сохранение все той же свободы действий, поскольку перед стороной, подвергнувшейся нападению, заранее ставят определенные условия. Так, она либо должна признать себя побежденной еще до того, как исчерпает все свои ресурсы для законной обороны, либо взять на себя ответственность за усиление кровопролития, поскольку, отвечая на агрессию, она вынуждена была применить более мощное оружие, чем нападающая сторона, или же расширить масштабы или театр операций. Это является поистине иезуитской попыткой переложить на обороняющуюся сторону ответственность за последствия агрессии, за размеры причиненных разрушений и человеческие жертвы.

Конкретным проявлением этого принципа в стратегической доктрине США является стратегия «контрсилы», согласно которой, как заявляют американские лидеры, они будут наносить ракетно-ядерные удары лишь по военным объектам, а не по городам. Они при этом требуют, чтобы их потенциальный противник ограничил свой ответ на агрессию этими же рамками.

Это, естественно, не определяет той реальной тактики, которую применяют США в будущей войне. Однако на поверхности (для публики) пропаганда стратегии «контрсилы» служит для того, чтобы заранее обелить американских руководителей, представив их поборниками якобы «более гуманного» применения ядерного оружия. Широкое обсуждение стратегии «контрсилы» в американской печати, по существу, направлено на то, чтобы психологически повлиять на потенциального противника, попытаться сделать для последнего морально более затруднительным осуществление такого ответа на агрессию, который привел бы к сокрушительному поражению агрессора. А это в условиях ракетно-ядерной войны двух коалиций будет неминуемо означать гибель капиталистического строя. «Если ядерная война будет развязана милитаристами, то никакая стратегия, как бы она ни называлась, не спасет империализм от гибели»¹⁷⁴.

Еще один принцип современной тотальной стратегии Запада можно сформулировать как принцип политического использования силы. Он сводится к тому, чтобы принудить противника к состязанию в гонке ракетно-ядерных вооружений, а самим использовать временные перевесы, создающиеся в ходе такой гонки, для нажима

«с позиции силы» и обеспечения выгодных для Запада решений без непосредственно военных действий.

Один из наиболее видных западных стратегов-теоретиков — директор Французского института стратегических исследований генерал Бофр пишет: «Подготовка к действию ныне более важна, чем само действие». Цель, подчеркивает он, состоит в том, чтобы «оказать прямое воздействие на силу воли противника, однако без необходимости в этих целях переходить к пробе сил»¹⁷⁵. Кан в книге «Об эскалации» подчеркивает, что «стратегические курсы, которые делают ударение на возможности эскалации или взрыва, ассоциируются с термином «балансирование на грани войны»... Они охватывают стратегические курсы, использующие риск, для того чтобы вынудить противника позволить другой стороне сохранять позиции, которые не могут быть сохранены лишь в результате использования возможностей и действий локального масштаба»¹⁷⁶.

Таким образом, принцип тотальной стратегии, состоящий в давлении на противника ядерным потенциалом и состязании в наращивании потенциалов, сводится опять-таки к обеспечению свободы действий. Американские империалисты уже не хотят безрассудно нажимать на все кнопки, как они были готовы это сделать в первые годы осуществления доктрины «массированного возмездия». Главным препятствием для прямого военного использования США их ракетно-ядерного арсенала является противостоящий ему ракетно-ядерный арсенал СССР. Вот почему, не решаясь применить его практически, американские руководители пытаются использовать этот арсенал в политических и психологических целях, проводя политику «балансирования на грани войны», давления «с позиции силы».

Один из краеугольных принципов «балансирования на грани войны» — теория внешнеполитического блефа, являющаяся составной частью теории стратегических игр. Она детально разработана американскими экспертами применительно к внешнеполитическим ситуациям. Основная цель блефа — получение стратегической выгоды либо путем создания ложного впечатления силы при реальной слабости, либо же путем создания ложного впечатления слабости при наличии реальной силы. И тот и другой метод используется для того, чтобы дезориенти-

ровать противника в стратегической игре, тем самым подтолкнуть его на выбор менее удачной, чем наилучшая для него в данных условиях стратегия, и в результате обеспечить себе более выгодный стратегический вариант. Соединенные Штаты в основном используют первый метод блефа, стремясь создать в мире впечатление о «незыблемости» своих политических, военных и экономических позиций в том или ином районе Земли. Для подкрепления своего блефа в отношении СССР американские правящие круги не только спекулируют раздутыми цифрами производства ракет и других видов современного оружия, но и пробуют механически сравнивать показатели промышленного производства СССР и США. Последние, как известно, по ряду отраслей пока что идут впереди Советского Союза. Однако, во-первых, недалеко то время, когда Советский Союз, обогнавший США по ряду промышленных показателей, сравняется с ними и обгонит их по объему производства во всех важнейших отраслях промышленности. И, во-вторых, уповая на возможность давления военно-промышленным потенциалом и арсеналом ракетно-ядерного оружия, американские стратеги совершают фатальную ошибку, аналогичную той, которую совершили правители гитлеровской Германии. Гитлер и его приспешники рассчитывали на то, что их армии, опираясь на большие производственные мощности (за счет использования промышленности оккупированных стран Европы), чем советские вооруженные силы, смогут быстро разгромить СССР. Известно, к чему привели подобного рода близорукие расчеты.

Западные стратеги, стоящие на позиции давления военно-промышленным потенциалом и изматывания противника гонкой вооружения, забывают о преимуществах социалистической системы, которые позволили СССР первым сделать термоядерное оружие, первым создать межконтинентальные, глобальные и орбитальные ракеты и антиракетные ракеты и совершить прорыв в глубины космоса.

«При сопоставлении экономических потенциалов стран с различным социальным строем первостепенное значение имеет учет специфических законов экономического развития этих стран, огромного превосходства социалистического способа производства над капиталистическим... Действие экономических законов социализма

обеспечивает невиданные в истории темпы развития народного хозяйства и позволяет наиболее полно мобилизовать и использовать все силы народа и все ресурсы социалистических республик на разгром врага. Напротив, законы капиталистической экономики, господствующие в буржуазной экономике стихийность и анархия, раздробленность материальных и людских ресурсов — все это серьезно затрудняет эффективную мобилизацию материальных ресурсов для ведения войны»¹⁷⁷.

Как было показано выше, все современные американские доктрины атомной войны (за исключением доктрины превентивной войны, с которой американские стратеги выступали в первые послевоенные годы) сформулированы так, что на поверхности они звучат более или менее оборонительно. Оборонительными являются формулировки доктрин, обсуждаемые в печати, по радио и т. д., хотя, по сути дела, все они направлены на осуществление агрессивных целей американского империализма.

По мере ослабления позиций американского империализма на мировой арене правящие круги США были вынуждены все чаще подчеркивать «оборонительный» характер своих доктрин, выдвигать теории, направленные на ограничение ядерной войны, с тем чтобы сохранить для себя относительную свободу маневра, оставить лазейки для использования ядерного оружия. Поэтому вполне естествен их переход от концепции превентивной войны к доктрине «сдерживания» и разного рода теориям «ограниченной войны».

Однако, сколько бы «оборонительно» ни звучали все эти доктрины, лидеры США и их военные теоретики не исключают возможности применения ядерного оружия первыми против противника, под которым неизменно подразумевается СССР и другие социалистические страны. Доктрины меняются, но принцип «первого удара» остается, хотя в формулировках последних доктрин этот принцип выглядит в качестве запасного варианта.

Президент Кеннеди в разгар обсуждения стратегии «второго», или «ответного ракетно-ядерного удара» счел нужным подчеркнуть, что США не исключают применения ядерного оружия первыми при определенных обстоятельствах.

Таким образом, еще одним общим принципом тотальной стратегии США можно назвать принцип сохранения

возможности первого ракетно-ядерного удара. Естественно, что этот принцип сводит на нет все те «правила игры», которые американские стратеги предлагают СССР, и лишний раз показывает агрессивность устремлений американского империализма.

Американские военные теоретики пытаются при этом провести некий водораздел между превентивной и так называемой преэмптивной ракетно-ядерной атакой. Определяя последнюю, Кан пишет: «Преэмптивная война также является преднамеренной войной, хотя решение начать такую войну и может быть принято в спешке. Преэмптивная война означает нападение, предпринятое в результате мнения, что другая сторона решила произвести нападение на сторону, наносящую преэмптивный удар, и что такое нападение или вот-вот состоится (вероятно, в промежуток времени, меньший чем следующие двадцать четыре часа), или же, что такая атака уже фактически находится в стадии осуществления»¹⁷⁸.

Таким образом, преэмптивное нападение, в определении американских теоретиков, выглядит чуть ли не как оборонительное, хотя на самом деле это далеко не так. Тот же Кан в своих работах неоднократно приводит примеры, как сторона, готовящаяся нанести преэмптивный удар, может использовать любой безосновательный предлог для заявления, что на нее готовится или даже уже совершено нападение. Например, она может сослаться на сигналы на экранах сети радарного оповещения как на сигналы, свидетельствующие о начавшейся ракетной атаке, хотя, как показал опыт, радарные локаторы могут засечь в качестве «ракет» стаю летящих гусей.

Генерал Бофр в своей работе о стратегии откровенно говорит, что теория преэмптивного удара была выдвинута для того, чтобы «примирить более или менее убедительным образом концепцию превентивной акции с политическим тезисом о неагрессивных намерениях»¹⁷⁹.

Превентивный, по существу, удар начинается именно преэмптивным потому, что американский президент, например, может подшить в досье Белого дома «для потомства» некое донесение разведки, что на США якобы готовится нападение.

На деле же и превентивный и преэмптивный удары, между которыми остается очень мало разницы, планируются американским империализмом по соображениям за-

хвата стратегической инициативы. «Сторона, которая совершает нападение первой,— отмечает Кан,— по всей вероятности, имеет большую и лучшую информацию о состоянии обеих сторон, чем та сторона, которая отвечает. Своей тактикой нападающий может определить последующий ход войны или очень сильно повлиять на него. Нападающий первым делает «предложение» относительно того, какое оружие и какие возможности могут быть использованы. Например, он выбирает, какую часть из своих сил использовать для первого удара и какую — попридержать. Он также решает, как распределить свой первый удар по различным целям обороняющегося. Наконец, атакующий имеет психологическую инициативу и инициативу в смысле выбора времени, преимущества, которые он в состоянии использовать к своей выгоде при последующем торге или же в тактической кампании»¹⁸⁰.

Из этого высказывания ясно, почему все американские теоретики, выдвигая те или иные стратегические доктрины и расписывая их как «оборонительные», тем не менее оставляют за Соединенными Штатами право превентивного удара.

В этих условиях американская военная наука большой упор делает на «пробу воли», на психологическое воздействие той или иной позиции, занятой США, на стратегические решения другой стороны. В связи с этим западные теоретики ядерной войны выдвигают еще один основополагающий принцип тотальной стратегии — так называемый принцип неопределенности.

«В конечном итоге,— пишет Бофр,— самым основным фактором в сдерживании является неопределенность. Неопределенность поэтому должна быть целью особого рода тактики, направленной на то, чтобы увеличивать или, по крайней мере, поддерживать неопределенность»¹⁸¹. Целью этой неопределенности, отмечает он, является оказание такого влияния на мышление противника, которое предотвратило бы применение им его ударной силы. «Надо заставить противника поверить, что при любом данном стечении обстоятельств мы способны начать ответную атаку либо в ответ на его нападение, либо же в качестве первого удара» (выделено мной.— Г. Т.)¹⁸².

Для того чтобы держать противника в постоянном напряжении и состоянии неопределенности, генерал Пауэр

призывает проводить такого рода демонстрации американской атомной силы (вроде объявления полной боевой тревоги по ВВС США) непрерывно, не подыскивая даже благовидных предлогов для подобных провокаций. «Я считаю обязательным,— пишет он,— чтобы мы не дожидались серьезных кризисов, для того чтобы доказать нашу решимость использовать военное превосходство, которым мы располагаем. Мы можем достичь той же цели, доказывая ее нашим отношением, нашими проявлениями и нашими действиями не только нашим врагам, но и нашим друзьям»¹⁸³. Пауэр подчеркивает, что он считает такого рода демонстрации одним из основных принципов стратегии «сдерживания».

Таким образом, тактику неопределенности американские стратеги пытаются применять двояко. С одной стороны, они облачают свои агрессивные доктрины в разного рода миролюбиво звучащие словесные формулы (например, рассуждают об «ответном ударе» и «ограниченном» использовании ядерного оружия и в то же время вынашивают планы превентивного или преземптивного нападения на социалистические страны). С другой стороны, они занимаются блефом с несуществующей «позиции силы», угрожают действиями, которые они (учитывая последствия для них самих) явно не в состоянии осуществить в данной конкретной ситуации. Короче говоря, вся эта тактика неопределенности в конечном итоге сводится к шантажу вообще и к ракетно-ядерному шантажу в частности.

Речь идет все о том же выбрасывании из окна баранки автомашины при игре в «слабака». Обсуждая вопрос о стратегическом шантаже подробнее, Кан говорит: «Каждая из сторон, вполне вероятно, может атаковать моральное состояние и решимость другой стороны в дополнение к нанесению физического ущерба, потому что в условиях относительной неуязвимости вооруженных сил решимость может оказаться более уязвимой целью, чем само оружие. Для атак против решимости могут использоваться линии связи, техника убеждения, дезинформация, саботаж, шпионаж и тактика, призванная запугать и удержать и в то же время так ограничить предпринимаемую провокацию, чтобы последняя не повела к эмоциональным или нерациональным актам «неправильного» характера»¹⁸⁴.

Из этого высказывания видно, что провокация и шантаж как элементы национальной стратегии превратились в США в особую науку. И сами писания Кана, Киссингера, Кнорра и др., которые цензура разрешает для опубликования, равно как и помещаемые в печати прошедшие цензуру выдержки из выступлений гражданских и военных руководителей США о тех или иных аспектах американской военной политики, представляют собой тот же шантаж и обман, входящие составным элементом не только в военную, но и в общенациональную стратегию США.

Следует отметить, что какие бы истинные военно-стратегические установки ни являлись в каждый данный момент руководящими для американского военного планирования и какая бы военная доктрина ни была публично объявлена официальной доктриной США, все это может быть изменено очень быстро, если американское руководство сочтет необходимым. «Политика может быть изменена по кивку головы президента»,—заявил бывший начальник штаба американских ВВС Томас Уайт¹⁸⁵, обсуждая возможность нанесения Соединенными Штатами ядерного удара первыми. А уж он-то хорошо знал всю механику принятия решений.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ РАЗОРУЖЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ США

Говоря о принципах современной американской стратегии, нельзя не остановиться особо на использовании американским правительством политики в области разоружения для осуществления стратегических целей США. Проблема разоружения, как таковая, выходит за рамки данной работы, и по этой обширной теме в последние годы было опубликовано немало капитальных трудов как в СССР, так и за рубежом¹⁸⁶. Здесь следует отметить лишь то обстоятельство, что в подходе к решению вопросов разоружения в послевоенные годы правительство США руководствовалось не интересами смягчения международной напряженности и устранения угрозы войны, а стремилось обеспечить путем мер по разоружению односторонние военно-политические выгоды для американского империализма. Иначе говоря, политика

США в области разоружения была направлена отнюдь не на уравновешенное сокращение вооружений в мире и не на обоюдное и взаимоприемлемое сокращение вооруженных сил стран капиталистических и социалистических государств. В первую очередь она ставила задачу ослабить военный потенциал или военную готовность стран социалистического содружества с целью усиления соотносительной военно-стратегической позиции США. Об этом говорит упорное и систематическое сопротивление американского правительства планам всеобщего и полного разоружения, предлагавшимся правительством СССР. Об этом же свидетельствуют и все американские проекты частичного разоружения, которые выдвигались американской стороной в комитетах по разоружению, создававшихся ООН, и на любых других международных переговорах по этому вопросу.

«План Баруха», внесенный американским правительством в ООН в 1946 году, под видом запрещения атомного оружия предусматривал фактическое увековечение американской монополии на это оружие путем установления в конечном итоге американского контроля над мировыми запасами ядерного сырья.

«План Баруха, — признают американцы Джон Спаниер и Джозеф Ноджи в своем исследовании политики разоружения, — был, говоря кратко, великолепным инструментом психологической войны: если бы Советы согласились на него, то они бы поставили себя в положение постоянной военной — а поэтому и политической — неполноценности по отношению к США... Для русских план Баруха был ловушкой...»¹⁸⁷.

Проект «открытого неба» — аэрофотосъемки территорий США и СССР, выдвинутый президентом Эйзенхауэром на Женевском совещании глав правительств в 1955 году, был фактически направлен на получение разведывательных данных о советских оборонных установках. Когда Советский Союз отказался принять этот план в том виде, в котором он был предложен Соединенными Штатами, американское правительство стало засылать самолеты-шпионы в воздушное пространство СССР. Этим США наглядно подтвердили разведывательную сущность эйзенхауэровского плана, представлявшегося, однако, президентом США в Женеве в виде крупной «меры по разоружению».

По ряду причин, о которых говорилось выше, Пентагон принял решение о снятии с вооружения морально устаревших бомбардировщиков В-47. Это было сугубо внутренним решением США, которое они намеревались осуществить (и осуществили) независимо от того, что в этом отношении собирались делать другие державы. Однако госдепартамент США в 1964 году выдвинул в качестве «предложения по разоружению», обращенного к СССР, план уничтожения бомбардировщика В-47 и определенного типа советского бомбардировщика, который американские военные хотели бы видеть уничтоженным.

В советской печати по этому поводу указывалось, что если Пентагон желает очистить свой двор от устаревшего авиационного хлама, то это его дело. Никто не может помешать ему провести такую операцию. Но, по меньшей мере, непорядочно выдавать это желание за стремление содействовать ликвидации средств доставки ядерного оружия и пытаться добиться сделки с Советским Союзом, выгодной только для США. Когда советский делегат в Комитете 18 государств по разоружению в Женеве внес предложение о ликвидации всей бомбардировочной авиации, что явилось бы по-настоящему эффективным шагом в деле разоружения, то США пошли на попятную. Подобное предложение не заинтересовало США, так как его осуществление не дало бы им односторонних преимуществ.

В течение двух послевоенных десятилетий руководители США и других стран НАТО полностью игнорировали предложения СССР и других социалистических стран Европы о взаимном выводе иностранных войск с территорий европейских государств, о сокращении до установленного уровня вооруженных сил и обычных вооружений государств и иностранных войск в зоне Центральной Европы и о замораживании ядерных вооружений в этой зоне, в которую входят территории ФРГ, ГДР, Польши и Чехословакии («план Рапацкого» и «план Гомулки») ¹⁸⁸.

Однако в последующие годы обстоятельства изменились. В связи с резким увеличением численности американских войск во Вьетнаме, а также ликвидацией американских военных баз во Франции, после ее выхода из военной организации НАТО, правительство США было

вынуждено несколько сократить свои войска в Западной Европе. И тогда американская сторона начала выдвигать обращенные к СССР проекты взаимного частичного сокращения войск в Европе. С аналогичными, весьма туманными, предложениями выступило и правительство Англии. К этому Англию побудил отказ правительства ФРГ платить за содержание британской армии на Рейне. Разве можно назвать подобные попытки «создать добродетель из необходимости», как говорит английская пословица, честным и серьезным подходом к проблеме разоружения и сокращения вооружений?

Наконец, в последнее время в США усиленно раздаются призывы к тому, чтобы США и СССР, в качестве «меры по разоружению», договорились об отказе от строительства противоракетных установок на своих территориях, что якобы поможет приостановить гонку вооружений. На деле же и это предложение направлено на то, чтобы приостановить укрепление обороноспособности СССР. Ведь американские противоракетные системы не являются, по признанию самих экспертов Пентагона, достаточно эффективным средством защиты от глобальных ракет, имеющих у Советского Союза, и абсолютно неэффективны против ракет, запускаемых с подводных лодок¹⁸⁹.

Все эти примеры, перечень которых можно было бы значительно продолжить, ясно показывают, что у США отсутствует искреннее стремление к подлинному разоружению. Подход США к этой проблеме характеризуется не желанием добиться сбалансированного сокращения вооружений всеми странами с тем, чтобы ни одно государство при этом не получило военных преимуществ, а направлен на получение стратегического выигрыша под видом мер по разоружению. Сами представители американского правительства в какой-то мере признают очевидность этого положения, предпочитая говорить не о разоружении, а лишь о контроле над вооружениями, что весьма далеко от подлинного разоружения.

Американские авторы в своих работах не скрывают, что американская политика контроля над вооружениями фактически подчинена военной стратегии США. «Контроль над вооружениями и стратегия находятся в теснейших взаимоотношениях,— пишет один из руководителей американского Агентства по контролю над вооружения-

ми и разоружению, Джордж Пью,— и контроль над вооружениями может быть успешным лишь в том случае, если он прочно опирается на военную стратегию и военные возможности»¹⁹⁰.

Та же мысль об использовании контроля над вооружениями в стратегических целях США содержалась и в рекомендациях доклада университета Гопкинса о влиянии развития военной техники на стратегию и внешнюю политику США, который был подготовлен для сенатской Комиссии по иностранным делам. Одна из рекомендаций призывала американское правительство стремиться к созданию «стратегической стабильности всеми способами, включая контроль над вооружениями». «При этом,— подчеркивалось в докладе,— политика контроля над вооружениями не должна быть направлена на всеобщее ядерное разоружение»¹⁹¹.

Многие американские руководители в своем стремлении использовать политику разоружения в военно-стратегических интересах США заходят еще дальше. Они оценивают те или иные меры по разоружению лишь с точки зрения того, насколько они ослабят не только военный потенциал СССР, но и вообще советский общественный строй и социалистическую систему в целом. «Имеет смысл,— пишет сотрудник министерства обороны США Стэнли,— рассматривать меры по разоружению, которые бы повысили перспективы на благоприятную эволюцию в основной коммунистической ориентации»¹⁹².

Понятно, что подобный подход не имеет ничего общего со сбалансированным разоружением в интересах повышения безопасности всех стран и ликвидации угрозы термоядерной войны. Поэтому все мало-мальски объективные западные авторы, изучавшие проблему разоружения, не могут не прийти к выводу, что правительство США, по существу, не желает разоружения и использует разговоры на эту тему для прикрытия гонки вооружений.

Один из высокопоставленных сотрудников американского Агентства по контролю над вооружениями — Ричард Барнет, подробно изучивший позиции США и СССР на переговорах по разоружению с 1945 по 1960 год, пишет: «По нашим собственным пропагандистским соображениям, мы, несмотря на то что русские подталкивают нас к этому, не готовы заявить о том, что Соединенные

Штаты не заинтересованы в полном ядерном разоружении. По временам мы все еще заявляем, что это является целью американской политики. И все же за столами конференций мы говорили вполне откровенно, что ядерное разоружение в современном мире полностью исключено... Ныне в Вашингтоне имеется очень мало энтузиазма в отношении идеи разоружения. Пентагон и Комиссия по атомной энергии оказывают решающее воздействие на нашу политику в области разоружения. Опора на военную силу стала привычкой, военная экономика — частью нашего образа жизни. По оценкам 1956 года, 15% рабочей силы США было занято выполнением военных заказов. И целых 50% наших научно-технических исследований, как сообщается, прямо или косвенно связаны с гонкой вооружений»¹⁹³.

Другой американский автор, также не являющийся коммунистом или левым, приходит в своей работе к следующему выводу: «Внимательное изучение переговоров (по разоружению. — Г. Т.) за последние шестнадцать лет может привести лишь к одному выводу: Советский Союз хочет, чтобы наша разделенная планета была разоружена, правительства Североатлантического блока не хотят этого»¹⁹⁴.

Правда, в годы президентства Кеннеди американское правительство в какой-то мере попыталось отойти от своего одностороннего подхода к обсуждению вопросов разоружения и впервые за все послевоенные годы согласилось принять принцип всеобщего и полного разоружения. В совместном советско-американском заявлении о согласованных принципах разоружения, представленном XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркивалось, что «все мероприятия по всеобщему и полному разоружению должны быть сбалансированы таким образом, чтобы ни на одном этапе осуществления договора ни одно государство или группа государств не смогли бы получить военное преимущество и для всех была бы в равной мере обеспечена безопасность»¹⁹⁵.

Несмотря на то что Кеннеди, как пишет Шлезингер, тоже рассматривал разоружение «в основном как средство политической войны», он сумел преодолеть оппозицию американских «бешеных» и пошел на заключение международного договора о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах. Это избавило челове-

ство от опасных последствий ядерной радиации, порождаемой испытаниями в атмосфере, и сыграло положительную роль в ослаблении международной напряженности¹⁹⁶.

Как сообщают биографы Кеннеди, он, понимая лучше, чем многие другие американские деятели, опасность гонки ядерных вооружений для самих США, был готов пойти и на рассмотрение других международных мер по разоружению и уменьшению опасности ядерного столкновения между США и СССР. В частности, он благожелательно относился к заключению своих ближайших советников о том, что США могут без ущерба для своей безопасности согласиться на советское предложение о подписании договора о ненападении между НАТО и странами — участницами Варшавского договора. Короче говоря, Кеннеди хотел в какой-то мере вывести вопросы разоружения из-под контроля американской военщины и попытаться найти области для взаимоприемлемых соглашений с СССР по этим вопросам.

Что касается правительства Джонсона, то оно вновь начало подходить к разоружению со старым прицелом на получение односторонних военно-стратегических преимуществ для США. Красноречивым подтверждением этому служит первоначальный американский проект договора о нераспространении ядерного оружия, оставлявший лазейку для приобщения Западной Германии к контролю над этим оружием по линии НАТО.

Правда, в США все громче раздаются трезвые голоса, призывающие американское правительство отказаться от тщетных попыток превратить переговоры о разоружении в одно из средств достижения американских военно-стратегических целей и пойти на замедление темпов гонки вооружений. Бывший заместитель министра обороны США Р. Гилпатрик в статье в «Форин афферс» (апрель 1964 г.) выдвинул и обосновал предложение о такой перестройке американских вооруженных сил и вооружений, которая позволила бы без всякого ущерба для безопасности США пойти на остановку в гонке вооружений и сократить американские военные расходы на 25% к 1970 году.

На состоявшейся в конце 1965 года в Белом доме конференции по проблемам международного сотрудничества группа видных американских экспертов (так называемый

комитет Визнера) выдвинула ряд предложений, направленных на приостановку гонки вооружений и смягчение международной напряженности.

В частности, эта группа высказалась за заключение договора о нераспространении ядерного оружия; соглашение между ядерными державами о неиспользовании ядерного оружия против держав, не имеющих такого оружия; меры по прекращению гонки ядерных вооружений; установление зон, свободных от ядерного оружия, в Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке; заключение договора о ненападении между НАТО и странами Варшавского договора; «поиски мер, укрепляющих безопасность Запада, которые бы не предусматривали создания новых ядерных сил»; «искренний диалог с Китайской Народной Республикой по вопросам разоружения и другим вопросам безопасности», и т. д.¹⁹⁷

Глава III

ПОЛИТИКА США В НАТО

ПЕРЕХОД НАТО К АТОМНОЙ СТРАТЕГИИ

Обращение США к стратегии «контрсилы», или «стратегии ядерного удара не по городам», объяснялось не только стремлением правящих кругов США сохранить ядерное оружие в своем арсенале как средство для «взаимного сдерживания» и для активного использования, но и намерением Вашингтона укрепить Североатлантический блок. Утверждая, что в случае войны с СССР обмен ядерными ударами между двумя коалициями будет совершен не по городам, а по военным объектам, американское правительство пыталось тем самым развеять страхи своих европейских союзников перед последствиями применения ядерного оружия в Европе.

Эти страхи возникли в Западной Европе с первых дней создания НАТО, в том числе и среди правящих кругов стран, ставших членами этого блока. Они то усиливались, то затихали — в зависимости от международной обстановки и от менявшейся оценки Западом соотношения ядерных сил между СССР и США. С одной стороны, европейские заправилы НАТО боялись, что США применяют ядерное оружие в Европе и тем самым навлекут ответный ядерный удар по европейским городам. (А, например, по английским подсчетам, для полного уничтожения Великобритании потребовалось бы всего восемь — двенадцать водородных бомб крупного калибра.) С другой

стороны, у них вызывало беспокойство, что США, опасаясь за свою судьбу, не применяют ядерного оружия и тем самым согласятся «оставить Европу на произвол Советов».

Киссинджер приводил такой гипотетический пример: «Что, если Советская Армия перейдет в наступление в Европе с единственной целью разоружить Западную Германию, заявив при этом Соединенным Штатам и Англии, что она не подвергнет их стратегическим бомбардировкам и что она уйдет обратно за Одер, после того как выполнит свою ограниченную цель? Можно ли считать, что Франция вступит в борьбу при подобной ситуации? Или что Великобритания проявит инициативу в развязывании всеобщей войны, которая, как бы она ни окончилась, может означать конец британской цивилизации? Или что американский президент согласится на разрушение пятидесяти американских городов в обмен на сохранение Западной Европы?»¹.

Подобные рассуждения (речь идет не о данном конкретном примере, а о той логике, с которой подходят западноевропейские руководители к оценке стратегической ситуации) не прекращались в Западной Европе с первых дней создания НАТО. Помимо всего прочего, питательной почвой для этих рассуждений являлось неравноправное положение партнеров в Североатлантическом блоке. Как уже отмечалось, обычные силы европейских стран НАТО находились в распоряжении блока и могли быть приведены в действие акцией любого из членов пакта. Однако стратегическая авиация США никогда не была частью структуры НАТО и ею мог распорядиться только президент США, а отнюдь не командование НАТО. Это с самого начала создавало неравенство между США и приобщившейся к ядерному оружию Англией, ядерный арсенал которой также не принадлежал НАТО, с одной стороны, и всеми другими участниками союза — с другой. И если более слабые члены блока в какой-то мере смирились с таким положением, то этого нельзя было сказать об экономически сильных участниках НАТО — Франции, Западной Германии и отчасти Канаде. Эти державы, особенно первые две, с самого начала своего участия в НАТО чувствовали себя уязвленными тем, что их статус неядерных держав не позволяет им стать в блоке на одну ногу с Англией. Они стали оказывать на амери-

канского союзника давление, с тем чтобы США поделились с ними кое-какими атомными секретами.

Однако Закон об атомной энергии 1946 года, или Закон Макмагона, как он стал потом часто называться (по имени сенатора, внесшего его на рассмотрение конгресса), принятый в то время, когда США еще были монополистами в области атомной энергии, и направленный на защиту этой американской монополии, запрещал передачу атомного оружия или атомных секретов другим государствам. Поэтому, например, французский маршал Жюэн, командовавший сухопутными силами НАТО в Европе, не мог знать характера или количества ядерного оружия в американских войсках НАТО, формально находившихся в его подчинении. Все это создавало дополнительные трения внутри блока.

Уступая давлению со стороны европейских членов блока, министерство обороны США в апреле 1953 года объявило, что офицеры НАТО пройдут специальный курс обучения в Западной Германии по применению ядерного оружия.

В октябре 1953 года в Западную Европу была перебросена первая 280-миллиметровая артиллерийская установка, способная стрелять снарядами с ядерным зарядом, а в 1954 году США начали размещать в Европе ракеты и самолеты-снаряды ближнего радиуса действия с ядерным зарядом («Онест Джон», «Корпорал», «Матадор», «Регулус»).

Таким образом, переход США к доктрине «массированного возмездия» сопровождался как некоторым сокращением американских сухопутных сил, размещенных на территории самих США, так и насыщением ядерным оружием американских вооруженных сил за океаном.

Однако внедрение ядерного оружия в войска США в Европе еще более разжигало атомные аппетиты основных европейских союзников США. Вслед за США и Англией правящие круги Франции и Западной Германии увидели в атомизации армий кратчайший и, как они ошибочно считали, наиболее экономичный путь к наращиванию военной мощи. В результате давление на США, направленное на то, чтобы они поделились с Европой атомными секретами, еще более усилилось. Подготавливая почву для переориентации стратегии НАТО на войну в Европе с применением ядерного оружия, конгресс США в августе

1954 года пересмотрел Закон Макмагона. По новому Закону об атомной энергии 1954 года правительство США получило возможность поставить дополнительную атомную информацию своим партнерам по блоку, в частности информацию о «размере, весе, форме, взрывной силе и поражающем действии, а также системах доставки и использования» ядерного оружия.

Главной же причиной, заставившей правительство США пойти на распространение ядерного оружия внутри НАТО, были не просьбы союзников, а стремление изменить мировой баланс сил в пользу лагеря западных держав. Дело в том, что уже в середине 1953 года правительству США стало совершенно ясно, что его предыдущие расчеты возместить утрату американской монополии на атомное оружие установлением монополии на еще более мощное водородное оружие оказались несостоятельными. 8 августа 1953 г. Советское правительство доложило Верховному Совету СССР, что Советский Союз имеет водородную бомбу². Состоявшееся в СССР 12 августа 1953 г. испытание водородного оружия, которое было зарегистрировано американской службой радиационного слежения, показало американскому правительству, что США не только не имеют монополии на термоядерное оружие, но что Советский Союз обогнал их в создании такого оружия³.

Свой очередной просчет в этом плане американское правительство задумало исправить путем перемещения некоторой части ядерного арсенала США на более передовые позиции, непосредственно к границам социалистических стран. США надеялись получить при этом односторонние преимущества, поскольку они тогда все еще исходили из теории о недосыгаемости американской территории для ответного ядерного удара. Этот расчет, а вернее, новый просчет, американских стратегов явился главным фактором, определившим принятие сессией Совета НАТО в декабре 1954 года решения об атомном перевооружении сил Атлантического блока в Европе.

Накануне сессии генерал Грюнтер, сменивший Эйзенхауэра на посту главнокомандующего силами НАТО в Европе, дал интервью, в котором заявил: «Мы определили, что наша стратегия в центре требует применения ядерного оружия независимо от того, будет ли оно применено противником или нет»

(выделено мной.— Г. Т.)⁴. Подобная стратегия как раз и была принята на декабрьской сессии Совета НАТО.

С этого времени все планы НАТО стали базироваться на предпосылке о том, что в военных действиях в Европе силы блока применяют ядерное оружие с самого начала. В декабре 1956 года Совет НАТО в своей директиве еще раз подчеркнул необходимость учета при разработке военных планов «разнообразных типов нового оружия». В 1957 году военный комитет НАТО на основании докладов, представленных командующими НАТО о «минимальных силах», требующихся для осуществления поставленных перед ними задач в условиях использования ядерного оружия, принял новый пятилетний план военного строительства в НАТО — так называемый МС-70. Силы НАТО на европейском театре должны были к 1964 году состоять из 30 находящихся в боевой готовности дивизий, способных вести ядерную войну.

Оснащение НАТО американским тактическим ядерным оружием имело самое непосредственное отношение к дебатам в американских правящих кругах в отношении стратегической доктрины. Во второй половине 50-х годов американское правительство и Пентагон все еще продолжали твердить об универсальности доктрины «массированного возмездия» и доказывать неизбежность перерастания любого конфликта в Европе во всеобщую ядерную войну. Но практически они начали готовить вооруженные силы НАТО к возможному ведению «ограниченной» войны с применением тактического ядерного оружия. Генерал Норстэд, занявший в ноябре 1956 года пост главнокомандующего силами НАТО в Европе, прямо заявил, что одной из целей блока должна быть его способность отвечать «на инциденты, менее чем максимально решающего характера, чем-то другим, чем массированное возмездие»⁵.

За этим скрывалось предположение руководящей верхушки Пентагона, что Советский Союз, обогнавший США в создании мощного водородного оружия, якобы все еще отставал от них по оснащению войск тактическим ядерным оружием. Поэтому размещение тактического ядерного оружия США в Европе должно было, по их мнению, дать США односторонние преимущества. Это лишний раз говорит о том, что сама концепция «ограниченной войны» в политическом отношении являлась авантюри-

стическим расчетом американских империалистов вести войну на чужих территориях.

Однако, как это вскоре стало ясно натовским стратегам, они вновь ошиблись в своих оценках возможностей Советского Союза. В этих условиях «преимущества, которые, как предполагалось, должны были бы принести Западу атомные войны, начали уменьшаться, если не исчезать совсем», — подчеркивает американский историк профессор Спаниер, комментируя решение об оснащении войск НАТО тактическим ядерным оружием. Более того, указывал он, в условиях новой оценки обстоятельств натовским стратегам пришлось другими глазами посмотреть на вопрос об использовании тактического ядерного оружия в Европе. «Европа густо населена, ее города расположены слишком близко один от другого, гражданские, военные, тактические и стратегические цели взаимно переплетаются. Ядерная война на суше была бы катастрофой для Европы, вероятно, означая конец европейской цивилизации. Различие между ограниченной ядерной войной и тотальной атомной войной теряет, таким образом, всякий смысл»⁶.

Этот вывод был подтвержден еще во время военных учений «Карт — Бланш», проведенных в 1955 году войсками Североатлантического блока. В ходе разыгранной «ограниченной ядерной войны» было условно убито 1,7 млн. немцев, 3,5 млн. ранено и «неизвестное число» поражено радиацией. Оказалось, что поражающее действие тактического ядерного оружия вышло далеко за рамки тех целей, для которых оно было применено. Более катастрофические потери обнаружились при проведении в 1960 году учений НАТО под кодовым названием «Зимний щит». Эти маневры еще раз показали иллюзорный, сугубо искусственный характер ограничений в ядерной войне в Европе — будь то ограничения по мощности ядерного оружия, по территории или же по виду объектов для ядерного удара.

Вполне вероятно, что стратеги США считают ядерный удар, результатом которого является 5 млн. убитых и раненых, «тактическим» ударом. Однако, с точки зрения Норвегии (с населением 3,8 млн. человек) или Дании (4,7 млн.), такой удар может быть только стратегическим, так как потеря 5 млн. человек будет означать полное уничтожение этих стран. То же самое можно сказать

и в отношении эшелонирования ядерных ударов по глубине или выбора объектов. То, что, с точки зрения США, может казаться применением ядерного оружия во фронтовой полосе, для Европы может означать полное уничтожение такой страны, как Западная Германия, с ее средним расстоянием от восточной до западной границы в 250—300 км⁷.

Вот почему теория «ограниченной ядерной войны», практическое применение которой в НАТО начато было с конца 50-х годов, не оказала утешительного влияния на руководителей западноевропейских стран, на что надеялись правящие круги США. Наоборот, она породила у западноевропейских стран новые стимулы к тому, чтобы, выражаясь словами рокфеллеровского доклада, «избегать затруднительных ситуаций путем политики отказа от своих обязательств и нейтрализма»⁸.

Для боннских милитаристов, однако, доктрина «ограниченной войны» оказалась подлинной находкой. С одной стороны, оснащение войск НАТО ядерным оружием явилось для них новым шагом на пути к получению контроля над этим оружием. С другой стороны, эта доктрина развязывала им руки для более активного проведения «холодной войны», поскольку установка на возможность «ограничения» конфликта в Европе логически вела к преуменьшению последствий разного рода западногерманских провокаций на границах ГДР.

Гонка атомных вооружений, развязанная США и поддержанная Англией, привела к тому, что владение ядерным оружием стало рассматриваться правящими кругами Франции и Западной Германии как символ сохранения статуса великой державы. До второй мировой войны таким символом на Западе считалась способность участвовать во всеобщей войне на более или менее равной основе с другими великими державами. Такому критерию отвечали как США и Англия, так и Франция и Германия. В условиях послевоенной гонки вооружений правящие круги Франции и ФРГ, применявшие тот же критерий и подталкиваемые к этому примером Англии, стали рассматривать ядерное оружие как основной фактор сохранения своей роли в мировых делах.

Однако это был сугубо ошибочный подход даже с чисто военно-стратегической точки зрения. Ибо с появлением ядерного оружия создался резкий разрыв между

военной угрозой, которую может представлять военный потенциал каждой страны, и территориальной уязвимостью того или иного государства. Если с точки зрения последнего фактора все государства более или менее уязвимы для ядерного нападения, то, как подчеркивает тот же Киссинджер, «лишь Соединенные Штаты и Советский Союз обладают ресурсами для комбинации систем предупреждения и обнаружения, средств доставки оружия к целям и самого оружия, что составляет мускулы стратегической ударной мощи»⁹.

Что бы ни говорили иные политики Англии или других западноевропейских участников НАТО, совершенно очевидным является то, что в современных условиях ни одна из крупных капиталистических держав Европы не может самостоятельно вести военных действий против Советского Союза, будь то конфликт с применением ядерного оружия или без него. Их «ядерный фактор» не сможет играть самостоятельной роли в любом военном конфликте в Европе, в который будет вовлечен СССР, из-за несоизмеримости ядерного потенциала этих стран с ядерным потенциалом Советского Союза. Нелепо придавать этому фактору значение в мирное время при попытке оказать давление на СССР с позиций «холодной войны». И тем не менее этот аргумент, фальшивый даже с точки зрения Соединенных Штатов, явился в стане НАТО одним из основных доказательств «целесообразности» ядерного вооружения ведущих европейских членов блока.

Ослепленные ненавистью к коммунизму, правящие круги США поддались на эту аргументацию, хотя они не могли не видеть, что их европейские союзники рвались к ядерному оружию прежде всего для того, чтобы утвердить свою независимость от США.

В ходе опроса, проведенного в 1955 году французским Институтом общественного мнения на тему о целесообразности создания Францией собственного ядерного оружия, 76% из тех, кто высказался «за бомбу», прежде всего рассчитывали на эффект, который произведет этот факт на союзников Франции, а не на СССР¹⁰.

Даже правительство Великобритании, самого лояльного западного партнера США, в последние годы не раз оправдывало необходимость для своей страны сохранять «независимый ядерный фактор» тем, что это дает ей воз-

возможность более равноправно разговаривать с США. «Наш независимый вклад,— говорил Макмиллан, касаясь английской водородной бомбы,— дает нам лучшую позицию в мире, он дает нам лучшую позицию по отношению к Соединенным Штатам. Тот факт, что мы имеем его (водородное оружие.— Г. Т.), заставляет Соединенные Штаты больше считаться с нашей точкой зрения, а это имеет большое значение»¹¹.

Поэтому, когда в середине 50-х годов американское правительство стало всерьез заниматься вопросами ядерной политики, в НАТО сразу выявились два диаметрально противоположных подхода. Американский подход состоял в стремлении не допустить дальнейшего расширения «клуба ядерных держав», то есть дальнейшего подрыва американской ядерной монополии на Западе. Наряду с этим США хотели в какой-то мере удовлетворить националистические аппетиты своих главных континентальных партнеров в отношении ядерного оружия и в то же время улучшить свои стратегические позиции, переместив некоторую часть своего ядерного арсенала в Европу, поближе к границам СССР. Подход же главных европейских держав состоял в стремлении получить самостоятельный и независимый от США контроль над ядерным оружием.

Расчеты США могли быть осуществлены лишь при условии, если континентальные члены НАТО откажутся от производства собственного ядерного оружия и согласятся на оснащение своих армий ядерным оружием американского производства. Из этого вытекало, что конечное слово в решении об использовании этого оружия НАТО должно было оставаться за США. Подобные рекомендации в той или иной форме высказывались во всех докладах по вопросам военной стратегии, подготовленных для правительства и конгресса США разного рода группами экспертов и институтами стратегических исследований.

Во всех этих рекомендациях наряду со стратегическими соображениями немалую роль играли соображения большого бизнеса, так как американские военные монополии всегда рассматривали Западную Европу как выгодный рынок вооружений¹².

Однако к моменту, когда американские эксперты выработали свои рекомендации по снабжению европейских

союзников США американским ядерным оружием, они уже были неприменимы в отношении двух ведущих европейских членов НАТО — Англии и Франции. Английское правительство в это время активно занималось созданием собственного арсенала водородного оружия, которое Англия впервые испытала на острове Рождества в 1957 году. Загипнотизированные мощью водородного оружия, английские правящие круги решили сделать ядерное оружие альфой и омегой строительства английских вооруженных сил. В Белой книге по вопросам обороны, представленной в парламент в апреле 1957 года, английское правительство объявило, что оно решило сократить английскую армию с 690 тыс. до 375 тыс. человек к 1962 году, отменить с 1961 года всеобщую воинскую повинность, сократить численность британской армии на Рейне с 77 тыс. до 64 тыс. человек и впредь полагаться в основном на «ядерный фактор»¹³.

Владение собственным ядерным оружием, безусловно, давало право на определенное привилегированное положение в НАТО, что, в частности, было продемонстрировано отказом Англии принять участие в ЕОС на равных условиях с Францией. Поэтому французские правящие круги тоже встали на путь самостоятельного ядерного строительства, после того как убедились, что США не намерены оказать им помощь в создании ядерного оружия. В апреле 1955 года премьер Франции Фор заявил, что Франция начинает атомную исследовательскую программу, которая позволит ей через два года, в случае необходимости, начать производство собственного ядерного оружия¹⁴. 20 мая 1955 г. был подписан первый протокол, уполномочивавший французский Комиссариат по атомной энергии осуществлять программу развития ядерной энергии, включая военное применение атома.

Подобное развитие событий еще больше разжигало атомные аппетиты боннских реваншистов. Добившись первого условия перевооружения ФРГ — ее приема в НАТО, западногерманские руководители начали активно требовать предоставления ей ядерного оружия. Выступая в бундестаге в марте 1958 года, канцлер Аденауэр заявил: «Если важнейшая составная часть НАТО не владеет оружием столь же сильным, как и оружие ее потенциального противника, то в таком случае она не является важной или значительной».

Свои требования о предоставлении ФРГ ядерного оружия боннские руководители подкрепили откровенным шантажом в отношении США. Спекулируя на активном стремлении американских правящих кругов добиться быстрого воссоздания западногерманской армии в качестве костяка сухопутных сил НАТО в Европе, руководящие деятели ФРГ заявили США, что они не в состоянии довести численность бундесвера до запланированной цифры в 0,5 млн. человек к 1959 году. Чтобы компенсировать недостаточный прирост в живой силе, бундесверу якобы необходимо тактическое ядерное оружие. Эти требования лидеров Бонна падали в США на благодатную почву, поскольку оснащение Западной Германии американским атомным оружием полностью укладывалось в американскую стратегическую концепцию. Оно давало возможность увеличить ядерную мощь европейских сил НАТО, противостоящих силам Варшавского договора, и в то же время, как казалось американским стратегам, оставляло контроль над применением ядерного оружия в руках США.

Книгу Киссингера «Ядерное оружие и внешняя политика» можно рассматривать и как аргументированное ходатайство определенных кругов США, чью точку зрения он выражал, в поддержку требований боннских милитаристов о ядерном оружии. «Одной из главных задач политики США в НАТО,— писал Киссингер,— является... децентрализация владения ядерным оружием как можно быстрее. Ничто не рассеет в столь же сильной мере атмосферу таинственности, которая окружает ядерное оружие, как обладание этим оружием континентальными державами... Нет никакого смысла добавлять имеющие обычное вооружение немецкие дивизии к англо-американской армии, оснащенной ядерным оружием и поддерживаемой тактической авиацией, которая почти полностью базируется на ядерной стратегии... Армии наших союзников или, по крайней мере, та часть их, которая отводится для Европы, должны быть оснащены и обучены для ядерной войны»¹⁵.

В июле 1957 года государственный секретарь США официально заявил, что США могут выделить для НАТО специальный арсенал ядерного оружия. Оно будет предназначаться не для каких-то отдельных союзников США, а для НАТО в целом. И хотя формально США по-преж-

нему останутся собственниками этого оружия, контроль над его применением будет передан верховному главнокомандующему силами НАТО в Европе — американскому генералу¹⁶. Предложение Даллеса, публично поддержанное на следующий день президентом США, фактически сводилось к передаче ядерного оружия непосредственно в войсковые части НАТО, в том числе и в части бундесвера, с сохранением американского вето в лице верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе за его применением.

Можно предположить, что этот новый шаг правительства США был вызван донесениями американской разведки о начавшихся испытаниях советских межконтинентальных баллистических ракет и являлся типичной даллесовской попыткой «восстановить равновесие» с СССР, невзирая на будущие последствия такого шага для самих США. То, что в основе американской ядерной щедрости лежали именно такого рода соображения, было подтверждено на состоявшейся в конце 1957 года сессии Совета НАТО. Впервые после подписания Североатлантического договора в сессии приняли участие главы правительств.

Сессия, как известно, состоялась через два с половиной месяца после успешного вывода на космическую орбиту Советским Союзом первого в мире искусственного спутника Земли. Это событие, помимо всего прочего, произвело весьма отрезвляющий эффект на чересчур ретивых западноевропейских поклонников американской ядерной мощи.

Характеризуя значение запуска спутника с военно-стратегической точки зрения, один из ведущих военных теоретиков Запада — англичанин Лиддел Гарт писал впоследствии: «Успешный вывод на космическую орбиту искусственного спутника Земли требовал — и продемонстрировал — высокую степень точности в нацеливании и управлении ракетой-носителем, а также большой прогресс в смысле величины ракет. Этот запуск явился наглядным подтверждением предыдущих заявлений русских об их новой межконтинентальной ракете. Для публики повсюду запуск послужил убедительным доказательством способности русских поразить крупные цели, такие, какими являются города, в любой из стран Запада»¹⁷.

В этих условиях у Даллеса не было иного выхода, как признать на сессии Совета НАТО, что США временно от-

стают от СССР в разработке межконтинентальных баллистических ракет. Однако он всячески стремился нейтрализовать эффект, произведенный запуском спутника на членов НАТО, пытаясь воспрепятствовать дальнейшему изменению стратегической обстановки в пользу стран социалистической системы. Даллес выдвинул на сессии предложение о размещении американских ракет среднего радиуса действия на территории европейских членов НАТО. Чтобы подсластить пилюлю, он пообещал предоставить любому заинтересованному члену НАТО секретную информацию о конструкции американской атомной подводной лодки. Даллес также заверил европейских партнеров, что, если американские стратегические ядерные ракеты разместятся на территории того или иного члена НАТО, они не будут использованы без согласия страны, на чьей территории эти ракеты находятся. Однако даже эти оговорки не убедили большинство партнеров США в целесообразности предоставления ими своей территории для американских ракетных баз.

В конце концов Совет НАТО одобрил план, согласно которому вопрос о размещении ракет должен был решаться в порядке двусторонних переговоров и соглашений между правительством США и правительством соответствующей страны — участницы НАТО. Норвегия и Дания с самого начала заявили о неприемлемости этого американского предложения, а некоторые другие резервировали свое мнение по этому вопросу.

В итоге лишь три страны — Англия, Турция и позднее Италия — согласились на американское предложение. При этом следует учесть, что английское правительство договорилось с правительством США еще до сессии НАТО, на бермудском совещании премьера Макмиллана с президентом Эйзенхауэром в обмен на обещание последнего рассекретить для Великобритании часть американской информации, относящейся к ядерному оружию. Турция согласилась на этот шаг ввиду большой экономической зависимости от США, а на итальянское правительство было оказано необычайное по своей силе давление Вашингтона.

В результате в 1959—1960 годах на территории Англии были размещены четыре эскадрильи (60 единиц) ракет «Тор» среднего радиуса действия, работающих на жидком топливе, а на территории Италии и Турции —

три эскадрильи (30 и 15 единиц соответственно) ракет «Юпитер» также с жидкостными двигателями. При этом эскадрильи ракет «Тор», размещенные в Англии, вошли в состав королевских ВВС, то есть были подчинены непосредственно английскому командованию. Эскадрильи ракет «Юпитер» имели двойное подчинение: итальянскому или турецкому командованию и командованию НАТО в Европе. Ядерные боевые части для ракет «Тор» и «Юпитер» остались в ведении американского командования.

Как замечает Осгуд, ввиду того что эти ракеты были весьма уязвимы и требовали длительной подготовки к пуску, они были «фактически бесполезны для чего-либо другого, кроме как для первого (т. е. наступательного.— Г. Т.) удара»¹⁸.

На той же декабрьской сессии Совета НАТО представителям США удалось добиться одобрения и даллесовского плана о размещении в легкодоступных местах в Европе запасов американских ядерных бомб и боеголовок как стратегического, так и тактического назначения. Эти запасы должны были находиться в ведении верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе — американского генерала. Подобное решение НАТО фактически означало санкцию на допуск западногерманского бундесвера к ядерному оружию.

После этого решения американские средства доставки ядерного оружия оперативно-тактического назначения (самолеты-снаряды «Мейс», истребители-бомбардировщики, способные нести ядерное оружие) стали поступать на вооружение Западной Германии, хотя формально контроль над ядерными боеголовками остался за США.

В 1959 году части бундесвера были реорганизованы для ведения ядерной войны по типу бригадной структуры дивизий, существовавшей уже к этому времени в армиях Англии и Франции.

ЯДЕРНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ БОННА

Оснащение вооруженных сил ФРГ средствами доставки тактического ядерного оружия и ее превращение в самую крупную индустриальную силу в Западной Европе привели к тому, что Западная Германия достигла фактического равенства с другими европейскими участниками

НАТО. Однако и это положение уже не устраивало западногерманских руководителей. После получения равноправного статуса в НАТО лидеры Бонна стали претендовать на равноправную роль с другими державами НАТО в глобальной политике и на положение ведущей военной державы на западноевропейском континенте. На примере Англии и Франции боннские политики наглядно убеждались в том, что в стане НАТО на подобную роль можно претендовать, лишь обладая стратегическим ядерным оружием. По мере создания Францией собственных стратегических ядерных сил тон Вашингтона в отношении Парижа становился все более корректным и покладистым. Это, естественно, не ускользало от внимания западногерманских «горячих голов и претендентов на статус мировой державы», по выражению западногерманского парламентария Гельмута Шмидта. Милитаристы ФРГ стали уже без всяких обиняков требовать предоставления им стратегического ядерного оружия. Один из руководителей западногерманских ВВС генерал Каммхубер заявил: «Если у нас не будет оружия, способного достигнуть Урала, то мы тогда всего-навсего сателлиты и только»¹⁹.

Однако положение Западной Германии, и в первую очередь присутствие на ее территории войск США, Англии и Франции, до поры до времени исключает для боннских лидеров возможность открыто порвать обязательство, принятое ФРГ в связи с подписанием Парижских соглашений, не производить на своей территории ядерного (равно как бактериологического и химического) оружия, хотя секретные работы по созданию такого оружия и средств его доставки ведутся в Западной Германии полным ходом. Именно опираясь на это обстоятельство, западногерманские лидеры в последние годы неоднократно шантажировали своих атлантических партнеров тем, что, в случае если они не получают доступа к стратегическому ядерному оружию в рамках НАТО, они «будут вынуждены» начать сами производить ядерное оружие²⁰.

Вынужденные тем не менее формально соблюдать положения Парижских соглашений, боннские политики пока что рассматривают в качестве кратчайшего и наиболее экономичного пути проникновения в «клуб ядерных держав» получение контроля над такого рода оружием английского, французского или американского производства.

С самого начала по ряду причин руководители ФРГ особенно не рассчитывали на возможность приобщения к атомному оружию английского производства. Однако интересно отметить, что консервативное правительство Макмиллана, добиваясь поддержки ФРГ английской просьбы о приеме в «общий рынок», одно время делало кое-какие туманные намеки Бонну на этот счет. Эти намеки не были всерьез восприняты в Бонне, так как там довольно хорошо известна сила английской общественной оппозиции перевооружению ФРГ. Западногерманские лидеры не закрывают глаза и на то, что Великобритания связана обязательствами перед США в связи с некоторыми переданными ей американскими секретами, относящимися к производству ядерного оружия.

Ставка на Францию тоже не являлась, с точки зрения Бонна, самой перспективной. Во-первых, многие в руководящих кругах Франции решительно возражали против того, чтобы Западная Германия имела паритет с Францией в области ядерного вооружения, если не против ядерного вооружения ФРГ вообще. Во-вторых, сама Франция находилась еще на очень ранней стадии создания атомных ударных сил. Тем не менее именно потому, что французское правительство одобряло помощь западногерманских ученых в атомных вопросах и в общем направлении экономической интеграции, ФРГ осуществила объединение усилий с Францией в атомных исследованиях²¹.

В марте 1957 года в Риме одновременно с подписанием договора о создании Европейского экономического сообщества был подписан и договор о создании Европейского объединения по атомной энергии (Евратома), в которое вошли те же страны, что и в «общий рынок». Евратом в первую очередь представляет собой консорциум Франции и ФРГ по разработке ядерной технологии в области мирного использования атомной энергии.

Однако хорошо известно, что технология мирного и технология немирного использования ядерной энергии — это две стороны одной и той же медали. Если у кого-либо и могли быть иллюзии на счет истинных устремлений Бонна в отношении Евратома, то ознакомление с промышленной программой этой организации довольно ясно показывает, в каком направлении идут интересы главных ее участников. Программа строительства реакторов, при-

нятая Евратомом, делает упор на реакторы двойного назначения, производящие в качестве отходов мирного производства плутоний — один из основных компонентов атомной бомбы. Заводы по разделению природного урана путем процесса газовой диффузии могут давать легкорасщепляющийся уран-235, также пригодный для изготовления ядерного оружия. Через несколько недель после подписания договора о Евратоме западногерманский бюллетень, суммируя содержание договора, подчеркнул, что ФРГ, как и другие члены объединения, будет иметь доступ к военным атомным секретам других партнеров²².

Руководителям американской военно-атомной программы не потребовалось много времени, чтобы уяснить подлинную цель организации Евратома. В попытке предотвратить возможность превращения консорциума в основной центр по созданию независимого от США «европейского ядерного фактора» США предложили Евратому весьма щедрые субсидии и широкую научно-техническую помощь. Они также выступили с «великодушным предложением» скупать содержащие плутоний отходы ядерных реакторов по самым льготным ценам. В обмен на это США потребовали для себя право инспектировать предприятия Евратома, с тем чтобы воспрепятствовать использованию плутония для военных целей. Однако участники Евратома не пошли на эти условия.

Что же касается чисто национальных работ в ФРГ по подготовке к производству ядерного оружия, то факты, ставшие достоянием гласности, не могут не вызывать серьезную тревогу. Они лишний раз ставят под вопрос эффективность контроля США и Англии над соблюдением ФРГ соответствующих статей Парижских соглашений.

Одним из главных центров, где работают западногерманские ученые-атомники, является Институт ядерных исследований в Карлсруэ. Прикрываясь вывеской исследовательских работ по линии Евратома в области мирного использования ядерной энергии, западногерманские ученые проводят там исследования и опыты, связанные с использованием ядерной энергии в военных целях. Евратом сотрудничает также с западногерманским атомным центром в Юлихе, финансируя Институт физики плазмы.

Одним из самых сложных процессов при производстве ядерного оружия является процесс разделения урана, то есть выделения легкорасщепляющегося урана-235 из

природного урана, состоящего в основном из атомов урана-238, не пригодного как материал для бомбы. Существующий способ разделения природного урана методом газовой диффузии является чрезвычайно дорогостоящим и трудоемким. Однако в последние годы западногерманские ученые сконцентрировали свои усилия на разработке гораздо более дешевого метода разделения природного урана, так называемого метода центрифуги, имея в виду в первую очередь получение дешевого расщепляющегося материала, пригодного для изготовления ядерных бомб.

Западногерманская фирма «Дегусса» завершила в 1960 году (при содействии «АЭГ» и других западногерманских фирм) работы по центрифуговому способу производства урана-235, которые она вела с 1943 года. Правительство ФРГ немедленно объявило этот метод государственной тайной. Одно из преимуществ центрифугового способа получения обогащенного урана состоит в том, что он, как подчеркивалось в докладе Комиссии по вопросам обороны и вооружения Западноевропейского союза, может «служить основой для создания небольших тайных установок для производства ядерного оружия, которые не требовали бы большого количества урана»²³.

Помимо этого, взрывчаткой для атомных бомб может служить плутоний, образующийся в результате сгорания урана-238 в котлах ядерных электростанций, работающих на обогащенном природном уране и медленных нейтронах. Полученный плутоний может быть в дальнейшем использован вновь как ядерное топливо в бридерах — ядерных реакторах, работающих на так называемых быстрых нейтронах, но он может служить и материалом для изготовления ядерных бомб. Для этого плутоний, образующийся в топливных элементах ядерных электростанций, должен подвергнуться дополнительной переработке — очистке.

На современном уровне развития техники при использовании плутония вновь в ядерных реакторах на быстрых нейтронах не требуется такая высокая степень химической очистки плутония, в отличие от того, когда он идет как материал для производства атомной бомбы. В последнем случае нужен абсолютно химически чистый плутоний. Однако завод по переработке ядерного горючего, который строится в ФРГ близ того же Карлсруэ, предусматривает получение именно химически чистого плуто-

ния, что явно говорит о направлении устремлений западногерманских властей.

Управление завода будет осуществляться специально созданной во Франкфурте-на-Майне компанией «Гезельшафт цюр видерауфберейтунг фон Кернбрэннстоффен», однако он будет принадлежать правительству ФРГ и финансироваться им. В 1968 году, по некоторым оценкам, завод в Карлсруэ произведет такое количество химически чистого плутония, которого будет достаточно для изготовления шести атомных бомб в год. В целом же ФРГ к настоящему времени уже имеет запасы непереработанного плутония, необходимые для производства нескольких десятков атомных бомб.

Английский институт стратегических исследований в своем ежегоднике «Военный баланс за 1965—1966 годы», посвященном сравнительной оценке военной мощи 50 государств мира, поместил таблицу, из которой видно, что западногерманские исследовательские и энергетические реакторы в 1968 году будут выделять в виде «отходов» такое количество плутония, из которого можно будет произвести 186 бомб в год. Следует отметить, что те из этих реакторов, которые будут давать количество плутония, достаточное для изготовления 83 атомных бомб в год, являются чисто западногерманской собственностью, то есть не имеют никакой другой западной державы в качестве акционера или патрона. Два из этих реакторов (один уже вступил в строй, а пуск второго запланирован на конец 1968 — начало 1969 г.) должны работать на природном уране, что означает возможность использования ФРГ собственного сырья²⁴. А в таком сырье в ФРГ нет недостатка, ибо залежи урановой руды имеются в Нижней Саксонии, Сааре, Рейнланд-Пфальце, Баварии, Шварцвальде, Верхнем Пфальце. Именно обеспечение полного самостоятельного цикла по производству ядерного оружия, начиная от добычи и обогащения урановой руды и кончая получением химически чистого плутония, является целью западногерманской программы в области получения ядерной энергии.

Поскольку работы по созданию собственного ядерного оружия немыслимы без проведения его испытаний, в ФРГ под предлогом строительства противоатомных убежищ сооружаются подземные галереи. В частности, по сообщению прессы, власти вновь восстановили гигантские

галереи в долине реки Ар, в которых во время второй мировой войны были размещены цехи завода производившего управляемые снаряды «Фау». Еще в 1962 году влиятельная западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне» отмечала, что «в ряде специальных областей ФРГ уже достигла уровня ведущих атомных держав, а в некоторых областях даже имеет, по оценке специалистов, определенное превосходство»²⁵.

Помимо работ, ведущихся на территории ФРГ, западногерманские ученые занимаются атомными проектами и в некоторых других странах. В частности, западногерманское министерство по делам атомной энергии финансировало строительство уранообогащительной фабрики в Южной Африке и с этой целью предоставило соответствующую документацию в распоряжение правительства ЮАР. На станции слежения за ионосферой в Юго-Западной Африке западные немцы проводят исследования по созданию ракет дальнего радиуса действия. Эти работы, как сообщал журнал «Нью Африка», выходящий в Лондоне, финансируются западногерманским министерством обороны и осуществляются в сотрудничестве с Южноафриканским институтом ракетных исследований.

В декабре 1963 года западногерманская фирма «Ваффен унд люфтрюстунг АГ» произвела на полигоне в Куксхафене испытания одноступенчатых и двухступенчатых «метеорологических» ракет, пригодных для военных целей и способных нести ядерные боеголовки. Представители фирмы заявили, что ракеты имеют радиус действия в 80 и 120 км, а ее директор Штенглер счел нужным добавить, что за пределами ФРГ фирма испытывает более мощные ракеты. С тех пор экспериментальные запуски «метеорологических» ракет проводились в ФРГ неоднократно.

С целью ускорить развитие ракетной техники несколько ведущих западногерманских фирм объединились в концерны по конструированию и производству ракет и ракетных двигателей. ФРГ стала членом европейских организаций по «освоению космоса» — Европейской организации по постройке и запуску космических ракет (ЭЛДО), для которой она должна поставить третью ступень космической ракеты, и Европейской организации по исследованию космического пространства (ЭСРО). Западногерманские промышленные фирмы, в свою очередь,

вступили в западноевропейское промышленное объединение «Еврокосмос», призванное практически осуществлять проекты, намеченные в ЭЛДО и ЭСРО. Участие во всех этих организациях дает западногерманским промышленникам и военным доступ ко всей их технической информации, во многом основанной на работах Англии и Франции в области ракетной техники²⁶.

Руководители ФРГ пока еще действуют во всех этих областях с большой осторожностью, боясь, что слишком поспешные шаги по созданию собственного ракетно-ядерного оружия могут отпугнуть США и заставить Белый дом под давлением американской общественности пересмотреть всю программу вооружения Западной Германии.

Однако угроза, что ФРГ может пойти по пути «европейского варианта» в деле приобщения к ядерному оружию равно как и угроза создать собственное ядерное оружие, была не раз широко использована милитаристами Бонна для шантажа Соединенных Штатов. Каждый раз, например, как Вашингтон, по соображениям здравого смысла или по тактическим соображениям, начинал проявлять колебания насчет вовлечения Западной Германии в «ядерный клуб» или хотя бы пытался замедлить темпы такого вовлечения, западногерманские руководители немедленно начинали рекламировать свое сотрудничество с Францией не только в экономической, но и в военно-политической сфере.

Добиваясь стратегического ядерного оружия Соединенных Штатов, западногерманские политики считали, что в этом отношении в их пользу действует целый ряд факторов. Главнейшим среди них было превращение ФРГ в самый главный антикоммунистический «бастион» США в Западной Европе. Аденауэр и стоявшие за ним западногерманские промышленные и милитаристские круги считали, что американские лидеры не смогут пойти на пятую и начать ограничивать ФРГ в вопросах вооружений, если сами же они отвели ей роль ударной силы НАТО в Европе.

Далее, поскольку части бундесвера уже были оснащены американским тактическим ядерным оружием, западногерманским лидерам было не так сложно доказывать руководителям США, что получение ФРГ доступа к более мощным видам американского ядерного оружия не будет

являться качественным скачком, а лишь послужит «укреплению обороны» НАТО в Европе.

Наконец, следует отметить, что правящая верхушка ФРГ формально соглашалась на американские условия доступа к стратегическому ядерному оружию, которые заключались в сохранении американского вето на его применение, а также номинальной собственности США на ядерные боеголовки. Это давало возможность американским друзьям и покровителям западногерманских реваншистов изображать планы предоставления бундесверу стратегического ядерного оружия как планы, направленные якобы на «недопущение распространения» ядерного оружия.

Немало сил приложил Дж. Ф. Даллес, чтобы сделать американское ядерное оружие более доступным для ФРГ. В своем стремлении повернуть вспять ход событий и восстановить бывшие американские «позиции силы» Даллес был готов пойти на что угодно, даже на атомное вооружение ФРГ, хотя он, конечно, не мог не отдавать себе отчета о последствиях подобного шага для самих США. Антикоммунистический пыл Даллеса и здесь взял верх над чувством реальности.

В апреле 1958 года на заседании Объединенной комиссии конгресса по атомной энергии Даллес выступил в поддержку предложения о дальнейшей «либерализации» американского атомного законодательства с целью сделать ядерное оружие США более доступным для их европейских партнеров по НАТО. Он заявил, что если это не будет сделано, то натовские союзники США «не будут чувствовать силы и уверенности, необходимых для проведения энергичной антикоммунистической политики»²⁷.

Под влиянием подобной аргументации американскому правительству удалось добиться от конгресса США дальнейших послаблений в Законе Макмагона. Новые поправки к Закону об атомной энергии разрешали правительству США передавать союзникам дополнительную информацию о внешней характеристике ядерного оружия, о специальных ядерных материалах и некоторых неядерных компонентах оружия и средствах его доставки. Закон также устранил значительную часть остававшихся ограничений на обмен ядерной информацией с Великобританией. В него была включена статья о том, что правительство

США может заключать соглашения о передаче технической информации и материалов для производства ядерного оружия тем из союзников, которые добились «существенного прогресса в создании ядерного оружия»²⁸.

РОЖДЕНИЕ ПЛАНА ОБЪЕДИНЕННЫХ ЯДЕРНЫХ СИЛ НАТО

Новый пересмотренный закон, предоставляя большие льготы Великобритании в получении ядерной информации, вызвал недовольство французского правительства. Для него стало совершенно очевидным, что Франция едва ли сможет рассчитывать на какую-либо существенную помощь США в создании ядерного оружия. И когда в июле 1958 года Даллес прилетал в Париж, чтобы выяснить обстановку, де Голль, как сообщают, резко и недвусмысленно заявил ему, что Франция создаст свою ядерную бомбу — с помощью США или без нее²⁹.

Опираясь на французскую программу создания собственного ядерного оружия, де Голль вскоре после беседы с Даллесом в письмах к Эйзенхауэру и Макмиллану от 17 сентября 1958 г. потребовал предоставления Франции равного слова в решении не только вопросов НАТО, но и вопросов мировой политики и стратегии. В этих письмах (до сих пор неопубликованных), которые получили в прессе название «меморандума де Голля», он подчеркнул, что союз НАТО в существующей форме не отвечает более нуждам французской безопасности. Он отметил далее, что международное положение уже более не оправдывает привилегированной роли Соединенных Штатов в принятии решений, касающихся обороны всего «свободного мира». Президент Франции сделал особый упор на необходимость трехсторонних консультаций при принятии решений о применении ядерного оружия и предложил создать тройственный директорат Англии, Франции и США для постоянных консультаций по вопросам глобальной политики. В этом обращении к лидерам США и Англии де Голль отметил, что, если французские предложения не будут учтены, Франция прекратит сотрудничество по линии НАТО и, в случае необходимости, предложит пересмотреть сам договор о НАТО. Однако Эйзенхауэр в письме де Голлю от 20 октября отверг его предложение, мотивируя свой отказ, в частности, тем, что французский

проект отстраняет ФРГ от участия в решении вопросов мировой стратегии Запада³⁰.

Эйзенхауэр договорился с де Голлем о том, что США и Франция проконсультируются по этому вопросу. Соответствующие консультации действительно происходили в декабре 1958 года между заместителем государственного секретаря Робертом Мэрфи и послами Франции и Англии в Вашингтоне, а позднее в том же месяце предложение де Голля было обсуждено на новой встрече между ним и Даллесом. В феврале 1959 года была проведена еще одна серия встреч между представителями трех стран. На этих совещаниях рассматривались проблемы координации дальневосточной политики. После этого де Голль вновь направил послание Эйзенхауэру, в котором опять настаивал на трехстороннем сотрудничестве «на мировом уровне». Эйзенхауэр согласился, но опять-таки подчеркнул необходимость привлечения к консультациям Западной Германии и других членов НАТО. Две личные встречи между Эйзенхауэром и де Голлем, состоявшиеся осенью 1959 года (равно как и их последующие две встречи весной 1960 г.), также не привели к удовлетворению Соединенными Штатами требований Франции.

Тогда Франция предприняла демарш перед англосаксами по линии НАТО. Французское правительство запретило базировать на территории Франции американское ядерное оружие и вывело свою тактическую авиацию из подчинения атлантическому командованию, а затем изъяло из подчинения НАТО свои средиземноморскую и атлантическую флотилии. Две дивизии французских войск, которые были выведены из-под командования НАТО и посланы в Алжир, по возвращении из Алжира в Европу не были вновь приданы НАТО. «Система, которую называют «интеграция», изжила себя», — заявил де Голль³¹.

В феврале 1960 года Франция взорвала в Сахаре свою первую атомную бомбу, а в конце года французское правительство после ожесточенной парламентской баталии провело через Национальное собрание план создания «французских национальных ударных сил». В соответствии с этим планом Франция создала к 1968 году авиационные стратегические силы в составе 62 бомбардировщиков «Мираж IVA» со скоростью, вдвое превышающей скорость звука, и с дальностью полета (без заправки) в 2000 миль, способных нести атомное оружие.

В качестве второго этапа строительства этих сил Франция намерена к концу 60-х годов дополнительно к ядерным бомбардировщикам оснастить их стратегическими баллистическими ракетами собственного производства. Третий этап предусматривает строительство атомных подводных лодок, способных запускать ракеты типа «Поларис». Первая из этих лодок — «Ла Редутабль» была спущена на воду в Шербуре 29 марта 1967 г. Она будет включена в состав боевых единиц ВМФ Франции в 1970 году. Вторая такая лодка войдет в строй в 1972 году, а затем Франция намеревается добавлять к ним по одной подводной лодке такого типа каждые два года.

Развертывание Францией строительства ударных ядерных сил лишь еще более подхлестнуло боннских милитаристов в их стремлении получить доступ к ядерному оружию. Аденауэр и его правительство, спекулируя на обострении обстановки в Европе, стали активнее нажимать на правительство Эйзенхауэра, требуя доступа к стратегическому ядерному оружию США.

Требование Аденауэром ядерного оружия во многом перекликалось с растущим убеждением многих экспертов Пентагона о необходимости более широкого размещения американского ракетного оружия в Европе, чем это позволяли существующие соглашения США о базах ракет «Тор» и «Юпитер» с Англией, Италией и Турцией.

С момента запуска первого советского спутника Земли значительная часть усилий руководителей Пентагона, экспертов «РЭНД корпорейшн» и ряда других военных научно-исследовательских институтов была направлена на изучение возможностей и путей для США восстановить прежнее соотношение военных сил между СССР и США. В крайнем случае они стремились не допустить дальнейшего смещения баланса в отрицательную для США сторону в условиях, когда у них не имелось такой межконтинентальной баллистической ракеты, которая могла бы сравняться по дальности полета, надежности, мощности, точности и другим характеристикам с уже имевшимися у СССР.

Особенно интенсивно изучение этой проблемы проводилось в штабе главнокомандующего силами НАТО в Европе генерала Норстэда. После полуторагодовых исследований специальная группа экспертов пришла к следующему выводу. Для того чтобы поправить военные по-

зиции США и дать им бóльшую свободу действий в Европе, необходимо создать в Западной Европе мобильные ракетные войска, оснатив их американскими моделями ракет среднего радиуса действия. Чтобы уменьшить их уязвимость, ракеты должны были быть размещены на специальных машинах, железнодорожных платформах и баржах.

Принятие принципа мобильности привело американских стратегов к выводу, что в этом случае прежняя двусторонняя система контроля над атомным оружием (вторая сторона — страна-получатель), которая действовала в отношении тактического оружия и ракет США, размещенных неподвижно, оказывается неприменимой. Во-первых, задача перемещения ракет по Западной Европе из одной страны в другую (а политическая география Западной Европы едва ли допускает ограничение перемещений национальными рамками, если иметь в виду действительную мобильность) делала невозможным сам принцип двустороннего соглашения. Во-вторых, американцев не устраивало вето страны-получателя, которое, как считали американские стратеги, исходявшие из теории превентивного или преемтивного удара, во многом снижало возможность внезапного применения оружия.

Вот почему было сочтено целесообразным решить вопрос о ракетах в рамках всего пакта как единого целого, что и предредило выводы о необходимости создания объединенных ядерных сил НАТО, а затем и об укомплектовании ракетных установок смешанными командами из представителей разных стран НАТО.

Весьма характерно, что политический вопрос о внедрении американского стратегического ракетного оружия в Европу со всеми опаснейшими последствиями этой акции правительством США решался в основном как чисто военно-технический вопрос о повышении коэффициента «применимости» американских ракет среднего радиуса действия. Из этого следует, что и наиважнейший для судеб мира в Европе вопрос о том, в какой степени новая ядерная организация внутри НАТО будет означать допуск западногерманской военщины к атомному спусковому крючку, первоначально рассматривался в США как сугубо побочный, производный от вопроса о возможностях получения максимального эффекта от имеющихся у США ракет. Так, логика антисоветских военных приго-

товлений правящих кругов США приводила их к тому, что даже понимание опасностей, связанных с допуском к атомному оружию вчерашних американских противников, затмевалось желанием этих кругов во что бы то ни стало вернуть себе «позицию силы» в отношении СССР.

Исследователи, работавшие в Пентагоне над подобной проблемой, пришли в общем к тому же выводу, что и эксперты в группе Норстэда. И летом 1959 года Пентагон дал указание главнокомандующему вооруженными силами США и НАТО в Европе генералу Норстэду «проветилировать» идею объединенных ядерных сил НАТО на более широком форуме. С августа 1959 года Норстэд стал прощупывать почву в разного рода закрытых и полужакрытых организациях, но откровенно высказал мысль в своем выступлении в Институте мировой политики при университете Южной Калифорнии. Здесь он впервые публично высказал идею о превращении НАТО в «четвертую ядерную державу» и заявил, что его план может в значительной мере устранить побудительные причины к стремлению других наций создать собственные ядерные силы. Этот проект был повторен и на декабрьской сессии Совета НАТО в 1959 году.

В это же время лейбористский член английской палаты общин Фредерик Малли³³ также выдвинул на сессии парламентской ассамблеи Западноевропейского союза предложение превратить в «четвертую ядерную державу» этот союз, наделив его коллективным правом решать вопрос о применении ядерного оружия. «План Малли» явился первой наметкой будущего лейбористского плана Атлантических ядерных сил. Он предусматривал передачу английских атомных бомбардировщиков класса «V» (или части их) и атомных боеголовок в распоряжение Североатлантического пакта и, таким образом, призван был обеспечить британское руководство всей этой атомной силой. Ассамблея одобрила «план Малли» 42 голосами против 9 при 16 воздержавшихся, хотя в силу статуса самой ассамблеи это одобрение носило лишь характер рекомендации правительствам соответствующих стран.

Английская «конкуренция» привела к тому, что США стали более энергично настаивать на своем предложении. В феврале 1960 года президент Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции: «Я всегда придерживался убеждения, что мы не должны отказывать нашим союзникам в том,

что враги, или потенциальные враги, уже имеют». Он также дал понять, что правительство США намеревается еще более «либерализовать» Закон Макмагона с целью сделать возможной передачу американского ядерного оружия европейским членам НАТО³⁴.

А через две недели после взрыва французской атомной бомбы генерал Норстэд выступил с конкретным предложением создать ядерные силы НАТО в виде высококомбинированного многонационального соединения, оснащенного для ведения войны как с применением ядерного, так и обычного сружия. Первоначально в это соединение должно было войти по одной бригаде из США, Англии и Франции. Все они должны были подчиняться единому командующему.

Этот план был встречен в Бонне с большим недовольством, ибо там восприняли предложение Норстэда как попытку создать ядерные силы НАТО без участия ФРГ или, в лучшем случае, предоставить ей впоследствии право участвовать в этих силах в качестве партнера второстепенного ранга. Оппозиция Бонна и своего рода английская «конкуренция» привели к тому, что США несколько изменили изложенную Норстэдом концепцию ядерных сил НАТО более приблизив ее к выводам первоначального стратегического анализа. На парижской встрече министров обороны стран НАТО в апреле 1960 года министр обороны США Гейтс предложил разместить в Европе на баржах и железнодорожных платформах сто ракет «Поларис» среднего радиуса действия.

По заявлению Гейтса, подобный план мог бы быть осуществлен через год — два, после того как США начнут серийное производство этих ракет. В то же самое время он предложил изменить существующую систему двойного контроля над ядерным оружием (страна-получатель и США) и модифицировать ее таким образом, чтобы верховный главнокомандующий НАТО получил право единоличного решения об активации боеголовок и производстве ядерного запаса.

Это предложение Гейтса легло в основу первого варианта плана всеобщего строительства НАТО MC-96 на 1964—1970 годы. Он должен был заменить предыдущий план MC 70 срок действия которого оканчивался в 1963 году. Однако новый план натолкнулся на резкие возражения со стороны Франции. Как сообщают, президент

де Голль заявил Норстэду, что Франция согласится на размещение на ее территории платформ с ракетами «Поларис» лишь при условии, что $\frac{1}{3}$ этих ракет будет передана ей, с тем чтобы она смогла оснастить их собственными боеголовками и использовать по своему усмотрению³⁵.

«Штраус — федеральный министр обороны, — сообщил журнал «Шпигель», — был единственным из всех натовских союзников, кто восторженно встретил это предложение, которое дало бы ему долю в американской ядерной мощи и разрушило бы монополию Франции на ядерное оружие в Европе»³⁶.

Английское консервативное правительство, так же как и французское, не проявило энтузиазма по поводу предложения Гейтса, считая, что оно направлено на подрыв ведущего положения Англии в европейском лагере НАТО и особых отношений Лондона с Вашингтоном.

В марте 1960 года премьер Макмиллан договорился в Кэмп-Дэвиде (США) с президентом Эйзенхауэром о том, что США поставят Англии создаваемую ими двухступенчатую ядерную ракету «Скайболт» класса «воздух — земля». С помощью этой ракеты английское правительство надеялось продлить боевую жизнь английских звуковых атомных бомбардировщиков класса «V», которые морально устарели едва успев поступить на вооружение³⁷.

Английское правительство пошло на это решение, для того чтобы сохранить формально независимый британский ядерный фактор, само существование которого было поставлено под вопрос, так как для Англии оказалось не по силам финансировать создание собственных стратегических ракетных сил. Одновременно с решением о закупке в США ракет «Скайболт» английское правительство аннулировало программу создания собственной баллистической ракеты «Блю Стрик» среднего радиуса действия, хотя на ее производство было истрачено около 100 млн. ф. ст.³⁸ В обмен на согласие правительства США поставить «Скайболт» для английских ВВС (причем США не возражали взять на себя всю стоимость конструирования ракеты) английское правительство предоставило США базу для американских атомных подводных лодок в заливе Холи-Лох, в устье реки Клайд в Шотландии³⁹.

В результате всех этих событий американский план

размещения «Поларисов» на европейской территории оказался в тупике, хотя всю вторую половину 1960 года в столицах стран Атлантического блока при активнейшем посредничестве генерального секретаря НАТО Спаака продолжалось напряженное обсуждение американских проектов в попытках подыскать вариант создания стратегических ядерных сил НАТО, который был бы приемлем для всех основных участников блока.

После того как Аденауэр внес свои коррективы в американские предложения в ходе совещания с Норстэдом и Спааком на озере Комо в Италии в сентябре 1960 года, западногерманское правительство объявило о своей поддержке плана превращения НАТО в «четвертую ядерную державу». В видоизмененной форме этот план предусматривал создание ядерных сил НАТО на основе американских атомных подводных лодок с ракетами «Поларис», которые должны были быть переданы под командование НАТО.

В ноябре конференция парламентариев стран этого блока в принципе одобрила идею ядерных сил НАТО, а 16 декабря государственный секретарь США Гертер официально внес это предложение на рассмотрение сессии Совета НАТО, собравшейся в Париже. Предложение Гертера предусматривало передачу под командование НАТО к началу 1963 года пяти американских атомных подводных лодок с 80 ракетами «Поларис» на борту при условии согласия союзников США на «многостороннюю систему» контроля над ядерным оружием. В качестве второго этапа строительства ядерных сил намечалась закупка европейскими членами НАТО ста ракет «Поларис», которые должны были быть установлены на надводных кораблях и также поступить под контроль НАТО.

Однако, хотя план Норстэда — Гертера был принят к сведению Советом Североатлантического пакта, рекомендовавшим дальнейшее его изучение группой постоянных представителей НАТО, он вскоре был положен под сукно ввиду изменений в американском правительстве.

Президент Кеннеди, пришедший к власти в январе 1961 года, не дал хода этому плану, видимо поняв, что Эйзенхауэр поступил несколько опрометчиво, дав согласие предоставить слишком широкие полномочия командованию НАТО в отношении распоряжения ядерным оружием ⁴⁰.

На сессии Совета НАТО в Осло в мае 1961 года государственный секретарь США Раск оставил от предложения Гертера лишь обещание придать НАТО несколько американских атомных подводных лодок с «Полярисами». Из формулировок Раска следовало также, что США уже не думали ни о какой многосторонней системе контроля, а намеревались сохранить единоличный контроль над ядерными ракетами.

Предложение США о передаче под командование НАТО пяти американских подводных лодок было подтверждено президентом Кеннеди в его речи в канадском парламенте 17 мая 1961 г. и в специальном послании конгрессу от 25 мая того же года. Правда, в речи в канадском парламенте Кеннеди намекнул на возможность создания в конечном итоге «морских ракетных сил НАТО, которые будут по-настоящему многосторонними по праву собственности и контроля, если этого пожелают и сочтут это осуществимым наши союзники, после того как будут достигнуты цели НАТО в неядерных вооружениях» (выделено мной. — Г. Т.)⁴¹. Однако эта уступка Кеннеди Бонну (сделанная с оговоркой, которая позволяла отложить создание многосторонних сил на долгий срок) рассматривалась им как тактический ход, направленный на то, чтобы выиграть время и составить «более безопасное» для США предложение о контроле над стратегическим ядерным оружием в Европе.

Надо прямо сказать, что Кеннеди лично понимал опасность для самих США, связанную с предоставлением ФРГ стратегического ядерного оружия, и субъективно хотел сдержать дальнейшее распространение ядерного оружия. Но его позиция не разделялась большинством его советников в Белом доме, госдепартаменте и Пентагоне, которые выступали за идею Норстэда — Гертера. Однако Кеннеди в какой-то мере сдерживал их и оттягивал время.

Ныне ясно, что Кеннеди делал ставку на то, что с уходом Аденауэра с политической сцены (что, как считал он, должно было вот-вот произойти) США получат возможность проводить более гибкую политику в Европе, в частности в отношении социалистических стран. Он рассчитывал на то, что сможет договориться с преемниками Аденауэра на более «безопасных» для США условиях сохранения конечного американского контроля над ядерным

оружием, передаваемым НАТО. Отсюда и все оговорки Кеннеди относительно многосторонних сил, его тактика оттяжек, приведшая к тому, что вопрос о создании объединенных ядерных сил НАТО на какое-то время (с середины 1961 г. по середину 1962 г.) отошел на задний план в дискуссиях, которые велись через океан между США и другими членами Атлантического пакта.

История, однако, довольно скоро вновь продемонстрировала, сколь опрометчиво и безответственно строить политику на субъективных расчетах и надеждах за счет принципов и объективных факторов.

Кеннеди, который исходил в своих наметках долгосрочной политики в отношении ФРГ из вероятности скорого ухода престарелого Аденауэра, сам трагически ушел из жизни всего лишь через полтора месяца, после того как Аденауэр покинул пост канцлера ФРГ. Канули в Лету и личные соображения Кеннеди, и тактические ходы, задуманные им в отношении ФРГ.

Политик типа Кеннеди мог рассчитывать на то, что индивидуальным умением, давлением, интригой, имея за спиной потенциал США, он сумеет «переиграть» своего оппонента. Он стремился вынудить последнего пойти на более благоприятные для себя условия, создав более или менее эффективные гарантии против возможности ФРГ применить ядерное оружие без санкции США.

Однако с убийством Кеннеди исчез и его индивидуальный план в отношении ФРГ, а остались лишь обязательства, данные Вашингтоном западногерманскому правительству, создать ядерные силы, «по-настоящему многосторонние по праву собственности и контроля». Этими обязательствами правительство Джонсона было более связано, чем правительство Кеннеди. Поэтому ситуация, которую можно было при Кеннеди определить как «Бонн предполагает, а Вашингтон располагает», при Джонсоне во многом изменилась. И это является блестящим историческим примером того, как односторонняя логика империалистической антисоветской политики ломает те «предохранители», которые некоторые более трезво мыслящие деятели капиталистического мира пытаются субъективно приделывать к своим проектам, объективно торпедирующим международный мир.

В этом плане и следует рассматривать политику правительства демократической партии США в отношении

Западной Европы в первые месяцы после его формирования в январе 1961 года. Осознав опасности для самих США, связанные с созданием европейскими государствами независимых ядерных сил, президент Кеннеди решил предпринять все меры к тому, чтобы не допустить выхода ядерного фактора в НАТО из-под конечного контроля США.

ТЕОРИЯ «АТОМНОЙ ПАУЗЫ»

Как уже было отмечено, на сессии Совета НАТО в Нью-Йорке в 1950 году участники блока приняли так называемую стратегию «выдвинутых вперед рубежей». Однако начиная с середины 50-х годов во главу угла в военном планировании НАТО была поставлена американская стратегия «массированного возмездия». Стратегия «выдвинутых вперед рубежей» отошла на второй план, поскольку роль сухопутных войск была принижена в связи с установкой на ввод в действие американских стратегических ядерных сил с началом любого военного конфликта в Европе.

Переориентация, произошедшая в американском стратегическом мышлении в результате перехода к стратегии «гибкого реагирования», привела к созданию известного противоречия между новой доктриной США и утвержденной коллективно стратегией Североатлантического блока, продолжавшего придерживаться концепции «массированного возмездия». Чтобы устранить это противоречие, военные и политические лидеры США решили оживить стратегию «выдвинутых вперед рубежей» в качестве европейского варианта своей новой доктрины. С этой целью они стали давить на своих союзников, призывая их пересмотреть некоторые концепции, доставшиеся НАТО в наследство от Даллеса — Рэдфорда. США потребовали от своих партнеров по блоку уделить больше внимания обычным вооруженным силам и вооружениям с тем, чтобы вооруженные силы НАТО были подготовлены вести на европейском театре военных действий не только большую ядерную войну, но и «ограниченную» войну.

Подобная установка отражала усилившееся беспокойство американских правящих кругов за безопасность

самых США — главной стратегической базы НАТО — в условиях, когда их территория давно уже перестала быть неуязвимой для ответного ядерного удара. В первую очередь они стремились отвести угрозу ответного ракетно-ядерного удара по американской территории, ограничив войну пределами европейского континента. Кроме того, лидеры США полагали, что если они заставят своих союзников увеличить расходы на строительство обычных вооруженных сил, то последние, в первую очередь Англия и Франция, будут вынуждены сократить ассигнования на расширение своих программ создания независимых от США национальных атомных вооружений.

Неутомимый Дин Ачесон, государственный секретарь при Трумэне, вновь получил при Кеннеди большое закулисное влияние в качестве представителя «старой гвардии» демократов. Ему было дано задание заняться поисками «европейской формулы вооружений», которая, отвечая интересам США, в то же время не очень бы отпугнула их европейских партнеров требованиями резкого поворота от прежних установок военного планирования.

В меморандуме, представленном Ачесоном Кеннеди в конце июня 1961 года, был сделан вывод, что сложившиеся условия не требуют существенных изменений в действующей доктрине НАТО. Согласно Ачесону, для США было бы достаточно, если бы их европейские партнеры выполнили принятые ранее на себя обязательства по достижению определенных уровней живой силы и техники. Конкретно это должно было означать создание на центральном фронте НАТО в Европе тридцати находящихся в боевой готовности дивизий с соответствующими вооружениями и тридцати резервных дивизий.

Ачесон доказывал, что эти тридцать дивизий, а также резервы дадут главнокомандующему НАТО в Европе в случае неожиданно возникшего конфликта возможность создать своего рода «паузу» в боевых действиях между враждующими сторонами. Эта «пауза» понималась им как ограничение уже развивающегося конфликта определенным потолком, в частности непереступаемым ядерным порогом. За время «паузы» президент США, согласно Ачесону, мог бы спокойно обдумать вопрос об использовании ядерного оружия, а не быть втянутым в необходимость автоматически санкционировать его применение в первые же часы или дни конфликта.

Сама теория «паузы», таким образом, отражала растущее понимание американскими военными и гражданскими экспертами, даже «горячими головами» типа Ачесона, возможности начала конфликта по случайности или в результате провокации одного из европейских членов НАТО, который бы задумал такой провокацией спустить американский атомный курок. Конечно, при этом немало говорилось и об «агрессивных намерениях Советов».

Кеннеди принял основные посылки меморандума Ачесона и в своем выступлении в канадском парламенте 17 мая 1961 г. призвал европейских партнеров США к наращиванию обычных вооружений. «Если мы хотим быть на уровне требований обороны 60-х годов, — сказал он, — страны НАТО должны одновременно сделать рывок вперед по двум главным направлениям:

Во-первых, мы должны усилить способности нашего союза в обычных вооружениях и вооруженных силах. Это — задача первоочередной важности...

Во-вторых, мы должны дать понять со всей определенностью, что ядерное оружие будет продолжать оставаться в наличии для обороны всего района договора и что это оружие все время находится под тесным и гибким политическим контролем, который учитывает нужды стран НАТО»⁴².

Акцентируя внимание на ядерном оружии, президент США стремился рассеять распространившееся в западноевропейских странах небезосновательное мнение о том, что состояние «ядерного равновесия» между СССР и США привело к известной девальвации американского ядерного арсенала и что в этих условиях последние не один раз подумают, прежде чем примут решение об использовании своего ядерного оружия против СССР.

В июне 1961 года президент Кеннеди на встрече с де Голлем в Париже попытался уговорить последнего действовать более согласованно с США в вопросах атлантической политики и, в частности, в вопросах ядерной стратегии. Идя навстречу президенту Франции, Кеннеди сам поднял вопрос о необходимости создания механизма для консультаций трех держав — США, Франции и Англии — по глобальным политическим и военным проблемам, а также по вопросам использования ядерного оружия в НАТО. Хотя президент Франции поддержал предложение о консультациях, он без энтузиазма отнесся к

идею создания ядерных сил НАТО на основе американских атомных подводных лодок с «Поларисами». Он заявил Кеннеди, что Европа должна самостоятельно организовать свою оборону, в том числе иметь собственный ядерный фактор, не зависящий от США⁴³.

Из встречи в Париже поэтому ничего не получилось. Де Голль оказался еще более убежденным в необходимости для Франции идти своим путем в строительстве ядерных ударных сил. Правда, и после этого США не отказались от попыток оказать давление на Францию с целью сделать ее более покладистой. В заявлении, сделанном 17 мая 1962 г., президент Кеннеди публично выступил с осуждением политики французского правительства. «Если страна за страной начнет создавать собственное сдерживающее средство, — сказал Кеннеди, — или сочтет, что для ее независимости необходимо создать собственное сдерживающее средство, то в этом случае, как мне кажется, мы будем идти ко все более опасному положению. Сначала это будет Франция, потом другая страна затем третья, пока в какой-то мере не окажется ослабленным весьма прочный и, на мой взгляд, эффективный оборонительный союз»⁴⁴.

Спустя месяц выступая в Мичиганском университете с изложением стратегии «контрсилы», министр обороны США Макнамара еще более резко обрушился на политику создания державами НАТО независимых ядерных сил. «Относительно слабые национальные ядерные силы, — заявил Макнамара, — имеющие в качестве целей города противника, едва ли достаточны даже для того, чтобы выполнить функцию сдерживающего фактора... В случае войны использование таких сил против городов крупной ядерной державы будет равнозначно самоубийству в то время как использование этих сил против значительных военных целей будет иметь ничтожное значение для исхода конфликта... Итак коротко говоря, ограниченные ядерные потенциалы, действующие независимо, опасны, дорогостоящи, склонны к устареванию и не внушают доверия в качестве сдерживающего фактора»⁴⁵.

Более того одной из целей, которую ставило американское правительство рекламируя стратегию «удара не по городам», было стремление доказать союзникам США по НАТО, что американский «фактор устрашения» по-

прежнему применим в качестве орудия политики. Поэтому сомнения европейских союзников США, что последние побоятся применить ядерное оружие в конфликте, затеянном НАТО, являются якобы неоправданными.

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ЩИТА» И «МЕЧА» НАТО

Руководители американского правительства, призывая своих атлантических партнеров взять на себя обязательства еще больше укрепить свои неядерные силы, фактически оставляли им роль поставщиков пушечного мяса для американского командования. И это не было голословным призывом со стороны Вашингтона. Пересмотренный (четвертый) вариант плана МС-96 предусматривал существенное увеличение сухопутных сил членов НАТО, в том числе доведение численности бундесвера к 1970 году до 750 тыс. человек (не считая обученного резерва)⁴⁶. Как заметил журнал «Шпигель», это означало бы большее число солдат, чем имела вся Германия накануне мобилизации в 1939 году.

В целях теоретического обоснования этой перестройки была выдвинута новая формулировка, радикально менявшая оценку роли в НАТО сухопутных армий блока и американского арсенала стратегического ядерного оружия. Согласно новой формулировке, впервые высказанной Макнамарой на сессии Совета НАТО в Париже в декабре 1962 года, отныне «мечом» НАТО должны были стать сухопутные армии западноевропейских членов блока и войска США, расположенные на европейском континенте, а американские стратегические ВВС (с их баллистическими ракетами) должны были стать «щитом» блока. Эта установка была диаметрально противоположна концепции, принятой в 1950 году, о которой говорилось выше.

Такое жонглирование формулировками не меняло агрессивной сущности позиции и политики Североатлантического блока. Однако стремление лидеров США характеризовать в рамках НАТО свои стратегические ядерные силы не в качестве средства нападения (как прежде «меч»), а в качестве средства обороны («щит») явилось новым свидетельством беспокойства, испытываемого аме-

риканскими правящими кругами в связи с перспективой всеобщего ядерного конфликта и его последствий для самих США.

Обосновывая решение США сделать упор на обычные вооруженные силы и вооружения в НАТО, Макнамара говорил впоследствии, выступая в Экономическом клубе в Нью-Йорке: «Даже если тактическую ядерную войну можно будет вести ниже какого-либо неясно определенного порога стратегического обмена ядерными ударами, ключевой фактор заключается в том, что, если Запад развяжет такую войну в будущем, она, надо ожидать, будет двусторонней на любом театре, на котором будет участвовать Советский Союз. Я вновь повторяю, что мы не можем вновь иметь монополию на это дело или же приобрести уверенность в возможности применить такое оружие в одностороннем порядке»⁴⁷. Вашингтонские лидеры также вынуждены были признать, что подобный ядерный конфликт, даже ограниченный европейским театром (предположение, естественно, очень устраивающее США), не принесет им желаемой победы.

Один из сотрудников министерства обороны США — Т. Стэнли указывает, что «целый ряд анализов, осуществленных США в одностороннем и секретном порядке, по-видимому, привел правительство к выводу, что двусторонняя ядерная война в Европе не окончилась бы хорошо для НАТО, независимо от того, какой ущерб был бы нанесен странам коммунистического блока»⁴⁸.

Подобный вывод вытекал и из результатов ряда военных маневров, проведенных войсками НАТО в целях проверки концепции атомной войны на европейском театре военных действий.

Все это, естественно, толкало американских военных лидеров к тому, чтобы сформулировать такую европейскую стратегию, которая была бы более безопасной для НАТО.

Демонстрируя союзникам свою способность вести большую войну в Европе, не переходя «стратегического атомного порога», США увеличили численность своих сухопутных войск в Европе, используя для этого предлог «берлинского кризиса». США осуществили также в октябре 1963 года операцию «Большой лифт», в ходе которой за три дня в Европу была переброшена по воздуху

вторая бронетанковая дивизия США и поддерживающие ее части (16 тыс. солдат и офицеров) одновременно с самолетами тактической авиабригады.

В целях обеспечения базы для развертывания в Европе американских мобильных войск США складировали на территории ФРГ тяжелое вооружение для двух американских дивизий.

Американские аргументы и демонстрации, подкрепленные экономическим и политическим давлением Вашингтона, не смогли, однако, заставить правительства Англии и Франции отойти от их политики «сохранения и развития независимых ядерных факторов». Боннских же милитаристов эта линия США буквально повергла в панику, которая особенно усилилась после неоднократных замечаний Макнамары, что на ранних стадиях военного конфликта в Европе ядерное оружие может быть не применено. Руководители Бонна восприняли эти заявления не только как осуждение США независимых ядерных сил, но и как намек на то, что Вашингтон отказывается от своих обещаний предоставить в распоряжение членов НАТО американское стратегическое ядерное оружие и что план о превращении НАТО в «четвертую ядерную державу» положен под сукно правительством Кеннеди.

Это привело к беспрецедентному демаршу боннских лидеров перед правительством США. Министр обороны ФРГ Штраус заявил, что он не согласен с концепцией США о том, что мощное ядерное оружие должно применяться лишь против военных целей. Штраус заявил далее, что он не согласен с тем, что в результате применения тактического ядерного оружия может вспыхнуть большая ядерная война. И, наконец, в попытке оказать максимальный нажим на США Штраус назвал «абсолютно нереалистичным» желание Вашингтона добиться увеличения численности бундесвера до 750 тыс. человек⁴⁹. Штраус дал понять, что правительство ФРГ выступает за применение ядерного оружия в Европе с самого начала конфликта и что это оружие должно находиться под контролем НАТО⁵⁰.

Уже сами по себе эти публичные поправки к американской доктрине, предлагаемые в наглом и бескомпромиссно агрессивном тоне, свидетельствовали о качественно новой «позиции силы» западногерманских милитаристов и реваншистов в Североатлантическом блоке.

Боннское правительство, однако, не остановилось на этом. Зная «ахиллесову пяту» своих вашингтонских коллег по антикоммунизму Аденауэр стал распространять через западногерманскую печать, в частности через влиятельную газету «Ди вельт», слухи о возможной переориентации западногерманской политики на курс «нейтрализма» и «европеизма» в отличие от курса «трансатлантического партнерства»⁵¹.

Не довольствуясь этой публичной атакой, правительство Аденауэра прибегло к более действенному нажиму на США. Играя на франко-американских противоречиях, углубившихся в связи с отказом США удовлетворить требования де Голля о равноправном «атомном триумvirате» в руководстве НАТО, правительство Аденауэра активизировало шаги по сближению с Францией, к чему Бонн одно время не проявлял большой склонности.

В условиях разжигания США «холодной войны» в Европе Вашингтон, естественно, не мог позволить себе манкировать лояльностью своего главного антисоветского союзника, что давало Аденауэру главный козырь в отношениях с Белым домом. Поэтому демарш, устроенный правительством ФРГ, произвел должное впечатление на правительство США. Последнее постаралось заверить Бонн, что изменения в американской стратегической доктрине отнюдь не предполагают отказ от применения ядерного оружия в Европе и не закрывают для Западной Германии доступ к американскому стратегическому оружию. Эти заверения дал Аденауэру прилетевший в Бонн в середине сентября 1962 года влиятельный заместитель министра обороны США Гилпатрик. Успокаивая Аденауэра, он также заявил в Бонне, что президент США готов передать в распоряжение НАТО не шесть ядерных подводных лодок с ракетами «Поларис» (как США обещали на сессии Совета НАТО в Афинах), а гораздо большее количество⁵².

Вместе с тем Пентагон и «мозговой трест» Белого дома не могли простить Штраусу его выпадов против США и изыскивали пути к тому, чтобы приструнить «распоясавшегося» западногерманского министра обороны. Есть все основания предполагать, что знаменитая статья в западногерманском журнале «Шпигель» о крупнейших военных маневрах НАТО в сентябре 1962 года

под кодовым названием «Фаллекс-62», направленная в конечном итоге против Штрауса, была инспирирована американской (или английской) разведкой.

Статья «Шпигеля» в полном соответствии с американской установкой на необходимость наращивания членами НАТО своих обычных вооруженных сил критиковала «военную неподготовленность» бундесвера, которая выявилась в ходе маневров. В то же время в ней расточались комплименты по адресу американских войск в Европе, которые якобы были готовы к действию уже через два часа после объявления общей тревоги. Статья, которая вся от начала до конца являлась критикой министра обороны ФРГ с милитаристских позиций сторонников доктрины «гибкого реагирования», содержала также целый ряд персональных выпадов против Штрауса.

Несмотря на лихорадочные меры, принятые Штраусом к тому, чтобы запретить опубликование статьи, и последующий арест редакторов журнала, скандал, вызванный разоблачениями журнала, равно как и самим делом «Шпигеля», заставил Штрауса уйти в отставку, что вызвало известное удовлетворение в Вашингтоне и Лондоне. Однако если посмотреть на события ретроспективно, то можно сказать, что боннские милитаристы сами поняли, что в то время почва для деятельности политиков типа Штрауса еще не была готова. Штраус начал одергивать Вашингтон в то время, когда стратегическое оружие еще не было получено генералами бундесвера, и, таким образом, своей преждевременной демонстрацией независимости мог расстроить весь план. Вот почему даже Аденауэр, сам не меньший милитарист, чем Штраус, заставил своего ближайшего соратника временно отойти в тень ради того, чтобы довести до конца дело, самым рьяным поборником которого являлся именно Штраус, — получение ФРГ стратегического ядерного оружия.

СОГЛАШЕНИЕ В НАССАУ

История со Штраусом, а также нежелание английско-го и французского правительств считаться с советами американских руководителей относительно «нецелесообразности и неэффективности» создания членами НАТО

своих индивидуальных стратегических ядерных сил, вновь подвели правительство Кеннеди к идее создания единых ядерных сил НАТО. Однако путь к этому они видели уже не через предоставление блоку какой-то незначительной части американского ядерного арсенала, а через объединение существующих и создаваемых странами НАТО «независимых» ядерных сил с последующим подключением к ним Бонна. Это вновь подвело правительство США к старой идее Норстэда—Гертера. Однако Кеннеди, взяв за основу принцип превращения НАТО в «четвертую ядерную державу», в то же время намеревался, даже используя национальные ядерные силы Англии и Франции, сохранить за этим объединением гораздо большую степень американского контроля, чем это позволял план Гертера.

С этой целью американский президент решил привести ядерные силы Англии и Франции к «общему знаменателю», понизив в НАТО статус английских ядерных сил и повысив статус зарождавшихся французских. Такой маневр, как рассчитывали помощники Кеннеди в Белом доме, облегчил бы задачу сохранения американского ядерного контроля в НАТО, поскольку США получили бы возможность вести диалог в одном плане с Англией и Францией, в то же время не закрывая перспективу «равного партнерства» для Бонна.

Стратеги-теоретики Белого дома считали, что любое повышение «ядерного статуса» Франции встретит положительный отклик в Париже, так как такой шаг будет идти навстречу пожеланиям президента де Голля об «атомном триумvirате». В обмен на это они хотели получить согласие французского правительства на сотрудничество в создании объединенных ядерных сил НАТО под американским руководством и командованием. Не ожидал Вашингтон и никаких особых возражений со стороны западногерманского правительства, ибо для Бонна весь этот замысел должен был бы быть представлен как нивелировка национальных европейских ядерных арсеналов с целью облегчить подключение ФРГ к «ядерному клубу» НАТО на равных правах с другими европейскими участниками.

Наиболее трудной была для США задача в отношении «верного партнера» — Англии.

За две недели до намеченной на Багамских островах

встречи президента США и английского премьера бывший государственный секретарь США Дин Ачесон, который при Кеннеди вновь получил немалое влияние, произнес в американской военной академии Вест Пойнт речь. Она содержала явно инспирированные Белым домом мысли, что мировая роль Великобритании, по сути дела, уже сыграна до конца и что поэтому Англия должна приспособиться к иной, более скромной роли. «Великобритания,— заявил Ачесон,— потеряла империю, но новой роли еще не нашла. Попытка играть роль сепаратной державы, то есть роль, не связанную с Европой, роль, основанную на «особых взаимоотношениях» с США, роль, основанную на том, что она является главой Содружества наций, которое не имеет никакой политической структуры или единства, или силы... — эта роль почти что сыграна до конца»⁵³.

После этой теоретической подготовки американскому президенту оставалось лишь практически поставить Англию на «равную доску» с другими европейскими партнерами США.

На встрече в Нассау 18—21 декабря 1962 г. президент Кеннеди в ультимативной форме заявил Макмиллану, что США решили прекратить работу над ракетой «Скайболт» и поэтому не смогут поставить Англии эти ракеты, несмотря на заключенное ранее соглашение. США, продолжал он, не считают для себя целесообразным с точки зрения соотношения между эффективностью и стоимостью создание ракетной системы такого типа (которая должна была бы быть достаточно надежной в техническом отношении и достаточно перспективной с точки зрения стратегических концепций о быстро уменьшающейся роли пилотируемой бомбардировочной авиации). Если английское правительство хочет, предложил президент, заранее зная, что оно откажется от этого, Англия может принять на себя половину финансирования всех дальнейших работ по конструированию «Скайболта» и тогда США будут готовы продолжать проект⁵⁴.

Таким образом, хороня «Скайболт», президент США рубил под корень ту систему оружия, на которую ориентировались все стратегические планы Англии в ее попытке сохранить существование «независимого» ядерного фактора. А это она как раз пыталась сделать путем prolongации сроков службы английских реактивных бомбар-

дировщиков, которые без такой ракеты уже не могли бы рассматриваться как серьезная стратегическая сила к концу 60-х годов. В действительности решение президента диктовалось не техническими, а политическими соображениями. И это было подтверждено опубликованным через день после окончания конференции в Нассау сообщением об успешном испытании ракеты «Скайболт»⁵⁵.

Президент США заявил, что США готовы продать Англии американские ракеты «Поларис» и помочь в строительстве атомных подводных лодок — носителей этих ракет, при условии если Англия согласится поставить эти лодки под командование НАТО. Чтобы подсластить пилюлю, Кеннеди заверил Макмиллана, что США окажут всевозможное давление на членов европейской «шестерки», с тем чтобы добиться приема Англии в европейский «общий рынок».

Предложение Кеннеди о «Поларисах» было направлено на то, чтобы полностью привязать Англию к американской атомной колеснице. В случае его принятия Англия начинала зависеть от США в обеспечении боеготовности своего ядерного фактора в несравнимо большей степени, чем при получении на вооружение «Скайболта». Ведь речь шла уже не только о ядерной ракете, но и о компонентах управления, контроля, связи подводного ракетоносителя, которые целиком должны были поставляться из США.

Более того, во время конференции в Нассау даже сам Макмиллан, очевидно, не подозревал подвоха в согласии США на то чтобы Англия устанавливала на «Поларисы» ядерные боеголовки английского производства. Как выяснилось эти боеголовки могли быть изготовлены лишь при условии получения из США одного вида расщепляющегося материала, который Англия сама не производит. Этот факт был раскрыт спустя два года после подписания соглашения в Нассау лейбористским премьером Вильсоном в ходе его выступления в палате общин⁵⁶.

Загнанному в угол премьеру Макмиллану ничего не оставалось делать, как согласиться на американские предложения. Конечно, у него был выход: вообще расторгнуть сделку, отказаться от какого бы то ни было американского оружия и выдворить американцев из залива Холи-Лох, но консервативное правительство, не смотря на все разглагольствования о «независимости»,

относительно не проявляло желания оторваться от американской колесницы.

В результате в итоговом документе конференции в Нассау было зафиксировано, что Англия получит ракеты «Поларис» без боеголовок для английских атомных подводных лодок. Эти подводные лодки, построенные Англией, будут приданы НАТО. «Эти силы, а также по крайней мере равное число американских сил, — подчеркивалось в заявлении о системах ядерной обороны, — будут подготовлены для включения в многосторонние ядерные силы НАТО»⁵⁷. Одновременно президент США предложил де Голлю присоединиться к соглашению о создании многосторонних ядерных сил НАТО на тех же условиях получения «Поларисов» для будущих французских атомных подводных лодок⁵⁸.

На этой же конференции Соединенные Штаты добились того, что Англия, по крайней мере формально, поддержала новую концепцию «щита» и «меча» НАТО. В 10-м параграфе заявления о системах ядерной обороны говорилось: «Президент и премьер-министр договорились о том, что в дополнение к ядерному щиту важно иметь неядерный меч. С этой целью они пришли к соглашению о важности увеличения эффективности их обычных сил на мировой основе»⁵⁹.

Английская и американская «большая печать» разрекламировала соглашение в Нассау и предложение Кеннеди де Голлю как чуть ли не начало «новой эры» в атлантическом партнерстве и охарактеризовала весь этот план приведения союзников США в Европе к общему американскому атомному знаменателю как «большую задумку» («Grand Design») Кеннеди для Европы⁶⁰. Согласно этой «задумке», Кеннеди, насколько можно судить, добивался осуществления следующих основных целей в своей европейской политике: усиления антисоветской сплоченности членов блока в условиях нарастающего в Западной Европе движения против американского вмешательства в европейские дела; признания «неделимости» ядерной стратегии и, таким образом, сохранения конечного контроля (вето) США над ядерным оружием НАТО; недопущения дальнейшего распространения ядерного оружия, после того как к этому оружию в какой-то форме будет приобщена Западная Германия; увеличения обычных вооружений стран—членов НАТО; реорганиза-

ции институтов и соглашений НАТО, для того чтобы не допустить создания в НАТО самостоятельного европейского ядра, или еще хуже, полнейшего отрыва Западной Европы от Соединенных Штатов.

Однако Макмиллан проявил огромное упорство, запугивая Кеннеди тем, что верные дружбе США консерваторы будут на выборах отстранены от власти лейбористами, если США не согласятся оставить Англии хотя бы формальную видимость независимости их ядерных сил. Он в конце концов добился от американского президента включения в заявление в Нассау оговорки, позволяющей Англии отзывать свой ядерный контингент из НАТО в случаях, когда «правительство Ее Величества может решить, что на карту поставлены высшие национальные интересы». Эта оговорка (формально позволяющая Англии уклониться от участия ее ядерными силами в любой аванюре, неприемлемой для правящих кругов Великобритании) сыграла значительную роль в том, что план, разработанный Кеннеди, оказался в основном сорванным. Ибо она опять-таки создавала для Англии привилегированное положение старшего партнера США в проектируемой схеме.

Это вызвало лишь новое обострение французского национализма, особенно в условиях, когда де Голль, накануне конференции в Нассау, не смог убедить Макмиллана согласиться на создание чисто европейских ядерных сил и передачу английского ядерного опыта Франции в обмен на согласие последней на экономическое партнерство.

Правительство де Голля отвергло американское предложение. Французская печать язвительно писала, что США, по сути дела, предлагают не многонациональные ядерные силы, а многонациональные расходы, поскольку распоряжаться этими силами в конечном итоге будут США. Во французской печати промелькнуло следующее замечание де Голля, сделанное им на заседании Совета министров Франции: «Американские предложения, являющиеся следствием переговоров в Нассау,—это одни слова. Речь идет о «ширме», которая, по замыслу США, должна дать им возможность наложить руку на французскую атомную силу»⁶¹.

В противовес «большой задумке» Кеннеди де Голль выдвинул свой план превращения Западной Европы в

«третью силу», проводящую независимую политику. По мнению французского президента, Англии — представительнице англосаксов и своеобразному агенту США в Западной Европе, к тому же еще не желающей отдать предпочтение сугубо европейским интересам перед интересами возглавляемого ею Содружества наций, не должно быть места в «Объединенной Европе» до тех пор, пока она самым кардинальным образом не пересмотрит свою политику.

14 января 1963 г. на своей знаменитой пресс-конференции де Голль нанес двойной удар по планам Кеннеди и Макмиллана, зафиксированным в документах конференции в Нассау. Он официально отверг американское предложение Франции об участии в объединенных ядерных силах НАТО и заблокировал для Англии доступ в «общий рынок»⁶².

Через восемь дней после этой пресс-конференции ФРГ и Франция подписали в Париже соглашение о военном и политическом сотрудничестве. Подписывая его, Аденауэр явно играл на франко-американских противоречиях, стремясь демонстрацией отхода от идеи атлантизма к идее европеизма оказать нажим на правительство США с целью быстрее решения вопроса о предоставлении ФРГ доступа к американскому ядерному оружию.

АМЕРИКАНСКИЙ ПЛАН МОРСКОЙ ЯДЕРНОЙ ФЛОТИЛИИ НАТО — ПРОЕКТ МЯС

В попытке предотвратить сближение между Бонном и Парижем с его неизбежно антиамериканской направленностью Вашингтон, убедившись, что план Кеннеди срывается президентом де Голлем, предложил Бонну участие в так называемом многонациональном компоненте объединенных ядерных сил НАТО — флотилии надводных судов — носителей ракет «Поларис». Их команды должны были состоять из представителей разных стран — членов НАТО. Этот компонент не был предусмотрен соглашением в Нассау. Однако, когда стало ясно, что предложение Кеннеди о создании ядерных сил НАТО на основе подводной флотилии не может быть реализовано, советники Кеннеди в Белом доме спешно вытащили из

архива старое предложение Гейтса о размещении ракет «Поларис» на баржах и железнодорожных платформах и, подновив его, в начале января 1963 года предложили Бонну.

«Обновление» заключалось в том, что, учтя отрицательную реакцию на проект Гейтса со стороны многих стран НАТО, опасавшихся за свою безопасность в случае согласия на появление передвижных ракетных установок на их территориях, США предложили установить ракеты на морских судах. Таким образом они надеялись доказать потенциальным участникам этой флотилии, что участие в ней якобы связано с меньшим риском.

Делая такое предложение Аденауэру, США рассчитывали сорвать франко-западногерманское сближение, а также использовать «добрые услуги» Бонна, с тем чтобы повлиять на позицию Франции в отношении допуска Англии в «общий рынок». Аденауэр в принципе принял американское предложение но это тем не менее не остановило правительство ФРГ от подписания договора с Францией. «По мнению д-ра Аденауэра и действительно крупных промышленников и банкиров, — отмечала лондонская «Обсервер» накануне подписания договора, — в конечном итоге, после того как генерал де Голль уйдет со сцены, французская недисциплинированность вновь даст себя знать и Германия (Западная. — Г. Т.) будет доминирующей нацией в процветающей Европе... В Бонне считают также, что в конце концов условия Нассау — право независимого удара в случае крайней национальной необходимости — будут распространены на всех участников»⁶³.

Это обстоятельство — возможность получения в конечном итоге национального контроля над стратегическим ядерным оружием — делало для Бонна привлекательным предложение США об участии в ядерной флотилии. Милитаристы Бонна с самого начала рассматривали участие в многонациональной флотилии в качестве первого шага на пути к чисто национальному контролю над ядерным оружием. И именно для того, чтобы заставить правительство США поторопиться с осуществлением нового проекта, Бонн пошел на союз с Францией.

Очередной боннский шантаж возымел действие, ибо уже в конце февраля 1963 года высокопоставленная аме-

риканская миссия в составе специального посла президента по особым поручениям Л. Мэрчента и постоянного представителя США в НАТО Т. Финлеттера отправилась в вояж по западноевропейским столицам с целью навязать главным европейским членам НАТО американский проект ядерной флотилии.

27 февраля Мэрчент и Финлеттер изложили новый американский план Совету НАТО, и, как сообщила на следующий день «Нью-Йорк таймс», «западногерманское отношение (к плану) было особенно ободряющим»⁶⁴. А через несколько дней западная печать опубликовала существо предложений правительства США европейским членам НАТО. Согласно этим предложениям, многосторонние ядерные силы НАТО (МЯС) должны были состоять из 25 надводных военных судов, специально приспособленных для запуска ракет «Поларис», но замаскированных под торговые суда. Эти корабли должны были иметь скорость около 22 узлов и небольшую осадку, с тем чтобы иметь возможность укрываться в фиордах Северной Европы и Шотландии. Каждое судно должно было нести восемь американских ракет «Поларис» усовершенствованной модели А-3, готовых для боевого применения.

Американские эксперты указывали, что все эти восемь ракет могут быть запущены на цели в течение восьми минут. Однако, учитывая время, необходимое на принятие решения, отдачу команд и ориентировку судна, они исходили из того, что минимальная живучесть судна, для того чтобы оно могло выполнить свою миссию, должна была бы равняться 30 мин. Они считали, что, рассредоточив эти замаскированные суда в европейских фиордах, заливах и шельфах среди двух с лишним тысяч обычных торговых судов, в каждый данный момент находящихся в европейских водах, можно добиться указанной минимальной живучести хотя бы для части судов. Несмотря на несомненно повышенную уязвимость их по сравнению с уязвимостью подводных лодок, преимущество плана надводных судов состояло в сравнительной дешевизне создания надводной флотилии по сравнению с флотилией подводных лодок.

Суда должны были быть укомплектованы смешанными многонациональными командами из стран — членов НАТО, которые согласятся принять участие в ядерной

флотилии⁶⁵. Численность каждого национального контингента во флотилии должна была находиться в прямой зависимости от финансового вклада той или иной страны в создание и содержание флотилии.

После переговоров Мэрчента в Бонне в начале марта было объявлено, что США и Западная Германия готовы совместно взять на себя 75% расходов по созданию ядерной флотилии, оцениваемых в 5 млрд. долл., в течение десятилетнего периода. Из этих 75% Бонн соглашался принять на себя половину. Это означало также, что около 40% экипажей кораблей флотилии должны были бы состоять из западногерманских военных моряков⁶⁶.

Американская печать не скрывала, что проект Вашингтона «исходит из желания обойти усилия президента де Голля стать во главе сепаратной европейской ядерной силы»⁶⁷ и что он направлен в первую очередь на то, чтобы «удовлетворить требования Бонна об атомном равенстве»⁶⁸. Остальные члены НАТО приглашались принять участие во флотилии фактически лишь для камуфляжа американо-западногерманского атомного альянса, ибо все другие потенциальные участники флотилии должны были бы разделить между собой остающиеся 25% финансового вклада и, соответственно, личного состава флотилии.

Таким образом, проект многосторонних ядерных сил являлся возрождением идеи Европейского оборонительного сообщества в его ракетно-ядерном варианте. Все знакомые аргументы, которые Даллес в свое время с таким рвением выдвигал, проталкивая проект ЕОС, вновь всплыли на поверхность в речах и рассуждениях американских авторов проекта МЯС. Все эти аргументы сводились к следующему: ядерная флотилия будет не национальной, а наднациональной и будет находиться под «коллективным контролем НАТО»; Западная Германия не будет иметь национального контингента в этой флотилии, а будет представлена лишь индивидуальными матросами и офицерами, перемешанными с представителями других стран; такой выход «отвлекает» Западную Германию от стремления создать собственное ядерное оружие и т. д. и т. п.

Парадокс всей этой аргументации заключался в том, что она сводилась лишь к объяснению, почему целесооб-

разнее допустить Западную Германию к ядерному оружию именно в форме участия в ядерной флотилии, а не в какой-либо иной. Уже не было речи о том, что ФРГ вообще не должна быть допущена к ядерному оружию, хотя сами американские государственные деятели еще каких-нибудь четыре года назад твердо уверяли, что этого никогда не произойдет.

Логика антикоммунизма, антисоветских военных приготовлений в Европе неминуемо вела к тому, что западногерманская военщина, получив равный статус с остальными членами НАТО в области обычных вооружений, переходила к новому этапу — получению равного статуса в области ядерных вооружений. Поскольку США создали ФРГ как основную антисоветскую силу в Европе, они уже не могли отказывать Бонну в предоставлении ядерного равенства, поскольку они хотели сохранить и укрепить антисоветскую роль ФРГ. Действуя так, Вашингтон фактически закрывал глаза на то, что речь шла не о каком-то чисто количественном увеличении военного потенциала Западной Германии, а о возведении ее в совершенно новое качество атомной державы. А участие ФРГ в коллективном контроле НАТО над ядерным оружием, что не может не повести в конечном итоге к приобретению ею индивидуального контроля над этим оружием, радикально меняет дело и с точки зрения общей ядерной стратегии Запада.

Трудно найти такой американский труд по вопросам стратегии, в котором бы не проводилась мысль, что сухопутные силы НАТО в Европе, и в первую очередь армия ФРГ, расположенная на «передовых рубежах», являются дескать, своеобразной «зеркальной витриной» («plate-glass») или «натянутой проволокой» («trip-wire»), разбив которую или задев за которую, «агрессор» якобы приведет в движение механизм «ядерного возмездия» НАТО.

Подобная теория в течение десятилетия вбивалась в головы населения стран НАТО в попытке обелить агрессивные приготовления блока. Ее авторы всячески доказывали, что гонка вооружений, колоссальное увеличение вооруженных сил стран—членов блока и их военных бюджетов являются всего-навсего невинными оборонительными мероприятиями. Сами эти силы являются, дескать, незначительными, и они не могут осуществить агрес-

сивной миссии, а призваны лишь сыграть роль своеобразного детонатора, удар о который приводит в действие американский ракетно-ядерный арсенал, стоящий «на страже безопасности» Западной Европы. Правда, вся история НАТО, агрессивных приготовлений этого блока в Европе и его военных провокаций, неумные реваншистские требования лидеров ФРГ, колоссальная гонка вооружений, развязанная в США, и сами американские военные доктрины не оставляют камня на камне от этой сказки для маленьких детей о невинных агнцах из НАТО.

Однако политика предоставления ФРГ доступа к ядерному оружию заставляет подумать об этой теории «детонатора», или «зеркальной витрины», в гораздо более реалистическом и, к сожалению, более зловещем плане. Речь идет о том, что западногерманская военщина и впрямь могла бы сознательно использовать ядерное оружие, если бы она получила к нему доступ, как детонатор для приведения в действие американского ядерного арсенала в условиях той или иной военной провокации, развязанной боннскими милитаристами в Европе.

Ныне широко обсуждается в европейских кругах, обеспокоенных перспективой ядерного вооружения Бонна, и другая теория. Она сводится к тому, что, в случае если по СССР тем или иным членом НАТО будет произведен ракетно-ядерный удар, Советский Союз неминуемо ответит контрударом по США как по главной базе НАТО. Понимание этого обстоятельства, дескать, заставит США нанести преэмптивный (упреждающий) удар по СССР, вслед за любым ядерным ударом по советской территории, произведенным другим членом НАТО, поскольку Вашингтон будет исходить из неминуемости ответного советского ракетного удара по США. Это-то, утверждают авторы теории, и дает любому европейскому члену НАТО гораздо больше оснований рассчитывать на то, что его атомная военная провокация будет автоматически поддержана США, а стало быть, придаст ему больше смелости в осуществлении подобной провокации. «Соединенные Штаты, — признает депутат бундестага Гельмут Шмидт, — должны опасаться, что индивидуальные правительства могут использовать свои независимые стратегические ядерные силы против воли Соединенных Штатов и таким образом умышленно привести в действие амери-

канские силы возмездия, используя свои собственные силы в качестве «вытяжного троса»⁶⁹.

В ряде работ американских теоретиков обсуждается и другая возможность использования той или иной державой своего ядерного арсенала в качестве «вытяжного троса» — не только против воли США, но и путем провокационного ядерного удара по самим США⁷⁰. Та же ФРГ, получив в свое распоряжение ядерные боеголовки, вполне может, втайне от США, оснастить свой надводный корабль ракетами с ядерным оружием (или, что более сложно, использовать для этой цели подводную лодку). Затем, как предполагают эти теоретики, она направит его к берегам США с заданием произвести ядерный удар по американской территории с таким расчетом, чтобы создалось впечатление, что нападение было произведено с советского корабля или атомной подводной лодки. В этом случае, рассуждают они, правительство США, которому придется принимать решение об ответных мерах в течение каких-то минут, может отдать приказ о нанесении ответного ядерного удара по СССР. Пусть это будет не массированный удар, а, в соответствии с теорией эскалации, одиночный ракетный выстрел по заранее выбранной цели, например по одному городу, равнозначному американскому городу, разрушенному в результате анонимного ядерного удара. В этом случае Советский Союз неминуемо даст ответ на это нападение и цель авантюристов — провоцирование большой ядерной войны — будет достигнута.

Все эти рассуждения могут казаться только абстракцией, однако они не кажутся таковой руководителям Пентагона. Это подтверждается тем фактом, что министерство обороны США провело специальное изучение вопроса о возможности атаки на их страну в 70-е годы «примитивной ядерной силой». Определенные выводы этого анализа, вполне естественно, не были оглашены для широкой публики. В этой связи нельзя не вспомнить, что во время второй мировой войны германские фашисты подвезли самолет-амфибию к американским берегам, который, поднявшись с поверхности океана, произвел бомбежку территории США в целях создания паники. Правда, из гитлеровской затеи тогда почти ничего не вышло, так как фашистский летчик потерял ориентировку и сбросил свои бомбы в довольно пустынной местности. Но

кто знает, что может произойти сейчас, если боннские реваншисты, обладающие ныне гораздо более широкими техническими возможностями, чем их предшественники, решат, получив ядерное оружие, повторить эту авантюру в ее ядерном варианте?

А ведь многосторонние ядерные силы для боннских реваншистов как раз явились бы первой, но очень важной, ступенью к получению национального контроля над ядерным оружием. Даже Г. Киссингер не мог не согласиться с тем, что проект МЯС идет именно в этом направлении. «Часто говорят, — отмечал он, — что создание указанных сил НАТО является способом избежать проблемы ядерного оружия в руках немцев. Я думаю, что, скорее всего, случится как раз обратное. Если Западная Германия серьезно заинтересована в приобретении стратегического оружия, многосторонние силы, по всей вероятности, станут лишь промежуточной ступенью и могут оказаться наилегчайшим путем вовлечения Германии в ядерный бизнес. Опасность многосторонних сил заключается в том, что те, кто хочет получить эффективный контроль за своей ядерной судьбой, не будут долго довольствоваться той организацией, которая предлагается...»⁷¹

Все приведенные выше соображения играли немалую роль в том, что определенная часть влиятельных людей в американском руководстве, в том числе и в непосредственном окружении Кеннеди, выступила против проекта МЯС. Они опасались, что осуществление этого проекта даст ФРГ в конечном итоге такую степень контроля над ядерным оружием, которая создаст угрозу интересам самой американской безопасности. Так в какой-то мере думал и сам Кеннеди.

С возражениями против проекта МЯС первоначально выступили также руководство американского ВМФ, естественно, опасавшееся создания не подчиненной ему ядерной флотилии, Комиссия по атомной энергии и объединенная Комиссия конгресса по вопросам атомной энергии. Некоторые из ведущих американских гражданских стратегов, которые в принципе не возражали против предоставления ядерного оружия ФРГ, также подвергли критике проект МЯС на том основании, что он не давал гарантии сохранения эвентуального вето США над использованием ракет натовской ядерной флотилии.

Однако вся эта оппозиция в США, к голосу которой сочувственно прислушивался сам президент, оказалась на определенной стадии перечеркнутой Пентагоном и представителями большого бизнеса, стоящими за его спиной. Это лишний раз показывает справедливость высказанного в свое время президентом Эйзенхауэром замечания по поводу силы «военно-промышленного комплекса США». Пентагон действовал под давлением корпораций, связанных с производством «Поларисов», которые ожидали получить немалые прибыли на проекте МЯС, и госдепартамента США, ухватившегося за этот проект как за панацею против кризиса НАТО. Они убедили Белый дом в том, что в условиях решительного сопротивления Франции плану, выработанному в Нассау, проект МЯС является единственным планом, якобы способным обеспечить и сохранить американскую ядерную гегемонию в Западной Европе. «Группа сторонников МЯС, — признается Шлезингер, — превратилась в избрательное и неутомимое лобби внутри правительства, выпускавшее непрерывный поток хорошо аргументированных документов в поддержку этого предложения...»⁷².

Обосновывая «безопасность» для США проекта дальнейшего распространения ядерного оружия в Европе, американские адвокаты МЯС упирали на два условия, записанные в проекте, которые якобы гарантируют сохранение американских интересов: это, во-первых, положение об укомплектовании судов смешанными многонациональными командами и, во-вторых, сохранение американского вето на использование ядерного оружия МЯС. Смешанные многонациональные команды, утверждали они, не дадут возможности тому или иному государству получить национальный контроль над кораблями флотилии.

Этот аргумент, однако, был довольно слабым в применении к Западной Германии, которая должна была по американскому проекту поставить 40% личного состава для кораблей флотилии. Подобная насыщенность экипажей кораблей западногерманским персоналом создала бы возможность контроля над ядерным ракетоносцем «угрозой мятежа», если применить выражение Киссингера. Не могло быть никаких гарантий, что западногерманский контингент, действуя по инструкциям из ФРГ, не

смог бы заблокироваться с какой-либо другой национальной командой на том же корабле и попытаться установить контроль над ядерным оружием, с тем чтобы запустить его в надежде вызвать «цепную реакцию» со стороны США.

То же самое можно сказать и по вопросу о контроле. Поскольку речь идет о создании боевой силы, то это значит, что определенная группа офицеров флотилии, в том числе и западные немцы, получила бы непосредственный физический доступ к ядерным боеголовкам и механизму запуска ракет. В этих условиях вопрос об американском вето на применение ядерного оружия стал бы во многом академическим.

Более того, проект многосторонних сил предусматривал, что представители различных стран в атомной флотилии, в первую очередь тех, которые несли основное финансовое бремя по ее созданию и поддержанию, должны были более или менее равномерно распределяться по командным постам на кораблях флотилии. Это означало, что некоторые из кораблей должны были бы находиться непосредственно под командованием офицеров ФРГ.

Еще в то время, когда США выдвигали проект укомплектования смешанными командами подводных лодок, а не надводных судов, корреспондент «Таймс» сообщал из Вашингтона: «Смешивание экипажей будет происходить на всех уровнях. Например, идея о том, что западный немец будет командовать подводной лодкой с 16 ракетами «Поларис» на борту, является приемлемой. От предыдущего положения, что смешанные европейские экипажи должны находиться под командованием американских капитанов, отказались»⁷³.

Но ведь капитан корабля — это и есть единоличный начальник боевой единицы, как счел необходимым отметить адмирал Бэрк, занимавший долгое время пост начальника штаба ВМФ США. «Нельзя, — говорил он, — обеспечить многостороннее или смешанное комплектование экипажей подводных лодок, которое бы одновременно отвечало двум целям: во-первых, обеспечивало бы эффективность корабля и, во-вторых, давало бы возможность различным национальным представителям на этом корабле контролировать ситуацию, в особенности при такого рода организации. При такого рода организации

человек, у которого в руках ключ, то есть капитан, контролирует ситуацию и все зависит целиком от намерений капитана»⁷⁴.

Трудно найти более авторитетное подтверждение того, сколь близорукими являются планы тех, кто надеется путем создания смешанных команд на кораблях-ракетоносцах построить некий «защитный барьер» против неуполномоченных свыше действий со стороны представителя той или иной национальности — командующего кораблем. Едва ли можно сомневаться в том, что выбор между лояльностью по отношению к своим национальным шефам и лояльностью по отношению к некоему «контрольному органу НАТО» вряд ли представит «мучительную дилемму» для современного западногерманского офицера, которого, как и прежде, воспитывают в духе «Дейчланд юбер аллес» («Германия превыше всего»).

Однако дальнейшие события показали, что западногерманские милитаристы делают ставку даже не на то, чтобы нелегально использовать свой контроль над ядерным оружием, который они получили бы в случае осуществления плана МЯС. Они уверены в том, что их «незаменимость» для американских империалистов в антисоветской игре позволила бы им добиться легальной отмены американского вето. И это — несмотря на все первоначальные разговоры в Вашингтоне, что сохранение американского вето в объединенных ядерных силах НАТО является «непременным условием» участия в них США.

С самого начала переговоров о МЯС боннские представители настаивали, чтобы решение о применении ракет многосторонней флотилии принималось простым большинством голосов в небольшом контрольном органе флотилии⁷⁵. Однако, ратуя за принцип «большинства», боннские стратеги на самом деле исходили из того, что принцип, который Англия выторговала у США в Нассау — право «независимого удара» в случае «крайней национальной необходимости», должен быть в конечном итоге распространен и на участников многосторонних сил. 6 июня 1963 г., выступая на сессии ассамблеи Западно-европейского союза, министр обороны ФРГ фон Хассель, касаясь контроля над ядерным оружием в объединенных ядерных силах НАТО, заявил, что «принцип единогласия

не может применяться до бесконечности»⁷⁶. Все эти высказывания довольно ясно показывают, что боннские руководители рассматривали проект МЯС как кратчайший и наиболее дешевый для них путь получения контроля над стратегическим ядерным оружием.

Но именно это обстоятельство и явилось одним из самых главных факторов, который отпугнул от участия в этом проекте многих европейских союзников США. Вслед за Францией, правительство которой с ходу отвергло идею МЯС, как одну из попыток подорвать ее атомную независимость, Канада, Норвегия, Дания и Португалия также дали понять США, что они не заинтересованы в этом проекте.

В этих условиях план многосторонних ядерных сил все более начинал выглядеть как чисто двусторонний американо-западногерманский проект, прикрытый многосторонним камуфляжем. Вашингтон предпринял невероятные усилия, чтобы добиться положительного отношения к этому проекту со стороны английского правительства. Однако в Англии с самого начала выявилась довольно резкая оппозиция плану МЯС не только со стороны широких общественных кругов, но и со стороны правительства. Прежде всего консервативное правительство, только что согласившееся закупить у США ракеты «Поларис» и оборудование для атомных подводных лодок, просто физически не могло пойти на финансирование еще одного атлантического военного проекта, сколь бы ни незначительным должен был быть британский вклад в МЯС. Наряду с этим сам факт незначительности доли, выделяемой в МЯС для Великобритании, — около 10% (финансовой и, соответственно, в личном составе флотилии), вызвал глубокое негодование в британских правящих кругах.

Руководители английского адмиралтейства, имеющего по традиции самый веский голос при определении оборонной политики страны, решительно выступили против того, чтобы у берегов Англии появилась мощная атомная флотилия, в которой ей будет отведена третьестепенная роль. Это соображение с самого начала определило весьма прохладное отношение английского правительства к проекту атомной флотилии НАТО. Немалое значение сыграло и опасение, что Западная Германия, опираясь на свою роль главного европейского участника в этой флоти-

лии, сможет легко оттеснить Англию с ее места ведущей европейской державы в НАТО.

Никто в Англии, включая правительственные круги, всерьез не воспринимал американское утверждение, что МЯС якобы воспрепятствуют созданию независимых западногерманских ядерных сил. Директор английского Института стратегических исследований Аластэр Бакэн писал, что так называемое многостороннее решение «не исключает опасности создания западногерманских национальных сил, сколь бы отдаленным такой вариант ни являлся»⁷⁷. Но несмотря на понимание опасности, которую представляет для Англии ядерное вооружение ФРГ, консервативное английское правительство после долгих колебаний пошло навстречу США, согласившись принять участие в изучении проекта атлантической ядерной флотилии. Помимо американского давления, определенную роль в этом решении Англии сыграло желание ее правительства исследовать возможности проникнуть в «общий рынок» не через экономическую, а через военную дверь и таким образом обойти вето де Голля.

БОРЬБА ВОКРУГ АМЕРИКАНСКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПРОЕКТОВ ОБЪЕДИНЕННЫХ ЯДЕРНЫХ СИЛ

Несмотря на свое обещание, данное США, внимательно изучить проект МЯС, английское правительство с самого начала выдвинуло свой проект создания объединенных ядерных сил НАТО, отличный от американского. Этот проект предусматривал создание таких сил на основе объединения уже имеющихся у стран НАТО атомных контингентов. Поскольку речь шла об объединении уже существующих ядерных сил, то, естественно, английский проект полностью опускал вопрос о ядерной флотилии.

Первоначально английский проект был предложен Макмилланом как своего рода дополнение к идее Кеннеди о создании англо-франко-американской флотилии атомных подводных лодок с «Поларисами». Однако из-за оппозиции Франции затея с созданием костяка ядерных сил НАТО в виде подводной ядерной флотии провалилась, и США выступили с проектом МЯС. В силу этого английское правительство превратило свой проект из дополнительного к планам США в проект, альтернативный

американскому, и стало энергично проталкивать его в Совете НАТО в пику американскому проекту.

Призывая к объединению уже имеющихся у стран НАТО ядерных сил, английские стратеги рассчитывали, что такое объединение при явно доминирующей ядерной роли Англии среди европейских держав сохранило бы за ней позицию основной европейской силы НАТО без необходимости идти на новое большое увеличение военных расходов. Выдвигая свой план, английские представители старались заинтересовать европейцев возможностью перегруппировки сил и приобщения неядерных держав НАТО к ядерному оружию при перспективе относительной стабильности роста военных расходов, в отличие от весьма дорогостоящего американского проекта ядерной флотилии. Предлагая сделать костяком объединенных сил ядерную авиацию, английские тори не только хотели передать НАТО свои устаревающие дозвуковые бомбардировщики, но и обеспечить дальнейшую замену этого авиационного контингента опять-таки английскими сверхзвуковыми бомбардировщиками ТСР-2, находившимися в процессе конструирования.

Английское правительство на личном горьком опыте гонки вооружений убедилось, что не только создание стратегических ракет, предназначенных лишь для одного английского военного рынка, непосильно для страны в финансовом отношении, но что подобная проблема встанет даже и в отношении сложных современных самолетов⁷⁸. Таким образом, высказываясь за авиационно-сухопутный костяк ядерных сил НАТО, английское правительство выступало и как представитель английской военной промышленности, требовавшей обеспечить для Англии хоть какую-то часть европейского рынка вооружений в условиях неимоверной конкуренции со стороны американских военных монополий.

Английский вариант совместных ядерных сил НАТО получил в западной печати название многонационального в отличие от американского проекта, предусматривавшего смешение военных моряков различных наций на ядерных кораблях-ракетоносцах и поэтому названного многосторонним. Правда, Англия, отказываясь от проекта ядерной флотилии, в общем-то не отвергала идею смешанных команд. В конце концов пришедшее к власти лейбористское правительство заявило, что даже согласно на

укомплектование многонациональными командами английских бомбардировщиков, приписанных к НАТО.

Что касается ФРГ, то руководители Англии первоначально предлагали предоставить ей равное место в органе НАТО, ответственном за принятие решения об использовании ядерных сил. Они заявляли, что практическим вкладом Западной Германии в ядерные силы должны быть эскадрильи западногерманской тактической авиации, оснащенные американскими ядерными бомбами, и дивизионы тактических ракет «Першинг» американского производства (дальность действия — 740 км), которые начинали поступать на вооружение бундесвера.

Английские представители доказывали, что Западная Германия, Англия, Франция и другие европейские участники ядерных сил НАТО будут находиться в равном положении в отношении механизма принятия решения об использовании этих сил. Поэтому требования руководителей ФРГ о равной доле участия в ядерной стратегии НАТО будут полностью удовлетворены, и нет никакой необходимости соглашаться на то, чтобы Западная Германия имела собственное ядерное оружие.

Вашингтон также считал, что физический допуск офицеров ФРГ к американскому ядерному оружию в объединенных силах НАТО и к участию в решении вопросов его применения создаст для ФРГ равный ядерный статус в этом блоке. Однако американское правительство с самого начала выступало против формы этих сил, предлагавшейся Англией. Оно, как это было и в Нассау, соглашалось на то, чтобы предлагаемый Лондоном вариант служил одним из элементов будущих ядерных сил Атлантического блока. Но США по-прежнему настаивали на ядерной флотилии, что объяснялось целым рядом причин. Во-первых, создание такой флотилии сулило колоссальный бизнес для американских военных монополий. Во-вторых, многосторонний вариант (смешанные многонациональные команды) создавал, как считали в Вашингтоне, дополнительный предохранитель против возможного решения Бонна действовать в одиночку. В-третьих, их вариант, давая ФРГ равную с США долю участия во флотилии, предположительно имел больше шансов удерживать Бонн от слишком тесного альянса с Парижем.

Фактически начиная с весны 1963 года вся история

подготовки к созданию объединенных ядерных сил НАТО сводилась к борьбе вокруг американского и английского проектов при полном игнорировании проектов Парижем и занятой Бонном позиции разборчивой невесты, которую со всех сторон обхаживают женихи. Каждая из ядерных держав, предлагавшая свой вариант ядерной организации в НАТО, стремилась подчеркнуть, что он даст Бонну более быстрый и полный доступ к стратегическому ядерному оружию на условиях большего, чем при других вариантах, равенства.

Английскому правительству, доказывавшему, что их вариант дает европейцам большую долю контроля над ядерным оружием и в то же время является менее дорогостоящим, удалось добиться существенной поддержки своего варианта со стороны малых атлантических держав. США сочли тактически целесообразным пойти на уступки английскому правительству.

Оттавская сессия Совета НАТО в мае 1963 года приняла решения, учитывающие предложения Англии об атлантических ядерных силах.

В коммюнике об итогах сессии, в частности, говорилось: «Министры обсудили оборонную политику НАТО и одобрили шаги, предпринятые с тем, чтобы организовать ядерные силы, которые выделены в распоряжение или которые будут выделены в распоряжение верховного союзного главнокомандующего в Европе. В числе этих шагов следует особо отметить:

1. Передачу в распоряжение верховного союзного главнокомандующего в Европе сил бомбардировщиков класса «V» Соединенного Королевства и трех подводных лодок «Поларис» Соединенных Штатов.

2. Создание в штате верховного союзного главнокомандующего в Европе должности заместителя, ответственного перед главнокомандующим за ядерные дела.

3. Меры для более широкого участия офицеров стран—членов НАТО в решении вопросов, связанных с ядерным оружием, в союзном командовании в Европе и в координации оперативного планирования в Омахе» (штаб-квартира Командования стратегической бомбардировочной авиацией США.— Г. Т.)⁷⁹.

Однако США по-прежнему рассматривали английский вариант лишь как первоначальный и второстепенный эле-

мент будущих объединенных ядерных сил НАТО. Свое согласие на принятие английского предложения они обусловили обязательством Англии «благосклонно рассмотреть» американское предложение о многосторонней ядерной флотилии НАТО. Фактически в этот момент или несколько позже, во время переговоров Кеннеди и Макмиллана в Лондоне, консервативное правительство Англии в принципе согласилось на ограниченное участие в многосторонней ядерной флотилии. Однако публично английские лидеры утверждали, что они якобы дали согласие лишь на обсуждение американского проекта и на участие английских моряков в практическом эксперименте смешения моряков из нескольких стран НАТО на американском эсминце-ракетоносце «Бидл» (впоследствии переименованном в «Клод Рикеттс» по имени покойного американского адмирала, проявившего особое рвение в сколачивании многосторонних сил).

Выступая в английском парламенте через несколько дней после окончания визита Кеннеди в Лондон, премьер-министр Макмиллан дал понять о существовании англо-американской договоренности в отношении ядерного вооружения ФРГ. В беспрецедентном для британского премьера заявлении, которое печать монополий обошла молчанием, Макмиллан утверждал, что приобретение Западной Германией английского или американского ядерного оружия не будет якобы означать нарушения ею своих обязательств по Парижским соглашениям. «Будет ли Западная Германия в будущем... добиваться создания собственного ядерного арсенала?— риторически спросил британский премьер.— Она, конечно, сможет это сделать, не нарушая буквы договора (и Палата должна ясно представить себе это), если она сумеет найти другую страну, которая снабдит ее таким оружием. Это технически не будет являться нарушением ею договорных обязательств»⁸⁰.

Тот факт, что и Аденауэр на встрече с Кеннеди в Бонне 23 и 24 июня 1963 г. также горячо одобрил проект МЯС, означал, что этому пентагоновскому проекту был дан зеленый свет. Помимо Англии и Западной Германии Италия, Голландия, Греция и Турция выразили готовность принять участие своими контингентами в эксперименте с многосторонней командой на американском эсминце. Представители этих же стран вошли в специаль-

ный натовский комитет, который начал разрабатывать устав многосторонних ядерных сил НАТО.

Смерть Кеннеди и выход в отставку Аденауэра не привели ни к каким изменениям в позиции США и ФРГ по вопросу о создании многосторонних ядерных сил НАТО. Президент Джонсон подхватил проект МЯС на том месте, где его оставил Кеннеди, и с помощью советников Белого дома стал двигать этот проект дальше.

На сессии Совета НАТО, состоявшейся в Париже в середине декабря 1963 года, Макнамара и Дин Раск, активно поддержанные представителями Западной Германии, усиленно расхваливали достоинства проекта МЯС. Они утверждали, что этот проект дает европейским членам НАТО как с точки зрения политической, так и военной лучший способ приобщения к контролю над ядерным оружием. А на состоявшихся в том же месяце в Техасе переговорах между Джонсоном и новым канцлером ФРГ Эрхардом они «выразили свое твердое убеждение в том, что предложение о многосторонних ядерных силах, ныне рассматриваемое несколькими странами — членами НАТО, явится новым средством укрепления обороны Запада»⁸¹.

Однако, вопреки намерению правительств США и ФРГ добиться подписания договора о создании МЯС в 1964 году и ратификации его в 1965 году, 1964 год оказался в какой-то мере роковым для этого американо-западногерманского проекта. Возник целый ряд новых факторов, способствовавших тому, что вопрос о создании МЯС был надолго, если не навсегда, отложен, хотя к середине 1964 года натовская рабочая группа по проекту многосторонних сил закончила выработку их устава и представила его на рассмотрение правительств стран — потенциальных участников МЯС.

Одним из факторов, оказавших влияние на то, что проект МЯС оказался замороженным, следует назвать возникшую в 1964 году неопределенность в отношении будущей линии США и Англии в этом вопросе. Это было связано с президентскими выборами в США и парламентскими выборами в Англии. Среди других факторов следует отметить активизацию оппозиции проекту МЯС со стороны Франции и новую оценку экспертами Пентагона военной целесообразности указанного проекта.

Еще до прихода к власти в Англии правительства лей-

бористов руководство английской консервативной партии и консервативное правительство, подвергнувшееся перетряске в октябре 1963 года в связи с уходом в отставку премьер-министра Макмиллана, начали постепенно отходить от договоренности, достигнутой с Кеннеди относительно английского участия в МЯС. На сессии НАТО в декабре 1963 года, когда Макнамара всюду расхваливал этот проект, английский министр обороны консерватор Торникрофт неожиданно для всех участников сессии выступил с предложением распространить идею смешанных команд на средства доставки тактического ядерного оружия: самолеты и ракеты ближнего радиуса действия. И хотя предложение Торникрофта абсолютно не было разработано в деталях, английское правительство добилось того, чего хотело: внесло замешательство в обсуждение в НАТО вопроса об объединенной ядерной флотилии.

Оппозиция нового английского консервативного кабинета проекту атомной флотилии объяснялась, помимо всего прочего, очень тяжелым финансовым положением Англии. Это исключало для нее возможность финансового участия в новых военных проектах, а присоединяться к флотилии на положении бедного юнги английское правительство не хотело.

В Вашингтоне не заблуждались относительно того, что лейбористская партия Англии, которая по всем прогнозам должна была прийти к власти в 1964 году, выступит против проекта МЯС. И действительно, по возвращении из поездки в США в марте 1964 года лидер лейбористов Вильсон заявил на пресс-конференции, что его правительство отрицательно относится к созданию многосторонних сил НАТО. Он сказал, что никто в Англии не считает, что эти силы будут иметь какую-либо военную ценность или укрепят оборону Запада. Американские деятели, правда, заявляют, продолжал он, что создание таких сил может предотвратить превращение Западной Германии в ядерную державу. Однако Вильсон считал, что вряд ли эту задачу можно выполнить путем создания многосторонних сил. Он заявил далее, что лейбористская партия стоит за то, чтобы в НАТО были произведены такие изменения, которые исключили бы возможность для Западной Германии стать ядерной державой.

Понятно, что подобные заявления лидера лейбористов толкали Вашингтон к тому, чтобы несколько повременить с проектом МЯС.

Такая позиция американских руководителей вызывала критику со стороны наиболее консервативных кругов. Так, «бешеный» сенатор Барри Голдуотер, кандидат республиканской партии в президенты США, нападал на правительство демократов за то, что оно якобы проявляет робость и медлительность в мероприятиях по насыщению Западной Европы американским ядерным оружием и «связывает свободу рук» фронтовых командующих в отношении боевого применения этого оружия. Полемика, развернувшаяся по этому вопросу между фашиствующей верхушкой республиканской партии США и правительством демократической партии осенью 1964 года, еще раз показала всему миру, насколько зыбок так называемый президентский контроль над использованием ядерного оружия. Санкция применить ядерное оружие может быть дана американским военачальником, стоящим на военно-иерархической лестнице на несколько ступеней ниже, чем президент-главнокомандующий, особенно если этот военачальник является авантюристом типа Голдуотера ⁸².

КТО ИМЕЕТ ПРАВО НАЖАТЬ ЯДЕРНУЮ КНОПКУ?

Сейчас общеизвестно, что Кеннеди после прихода в Белый дом и ознакомления с фактическим осуществлением формально провозглашенного «конечного президентского контроля» над использованием ядерного оружия буквально ужаснулся, выяснив, насколько беспорядочными являются запасы американского ядерного оружия, размещенные на складах в Европе. Речь шла, конечно, не о том, что система вооруженной охраны складов ядерных боеголовок была никуда не годной, хотя встречались и такие случаи. Первоочередная опасность состояла в отсутствии настоящего политического надзора за ядерным оружием, переданным в распоряжение командующих американскими войсками в разных районах мира.

Поэтому Кеннеди, действуя в соответствии с секретными рекомендациями объединенной Комиссии конгресса США по вопросам атомной энергии о необходимости усиления политического контроля над ядерным оружием,

распорядился установить специальные электронные замки на американском ядерном оружии. Эти замки, основанные на принципе дистанционного управления, должны были создать дополнительную страховку против использования ядерного оружия по случайности или же без разрешения. 5 июля 1962 г. Кеннеди попросил конгресс ассигновать на эти цели 23 млн. долл.

Одной из главных причин, побудивших президента к этому шагу, было стремление сохранить физический контроль США над ядерным оружием в условиях его все большего распыления по различным неамериканским подразделениям НАТО. Начиная с 1958 года американские ядерные боеголовки стали устанавливаться непосредственно на бомбы и ракеты, находящиеся в руках западногерманского Люфтваффе и других неамериканских войсковых частей, входящих в НАТО. В частности, весной 1963 года американскими атомными бомбами были оснащены французские тактические бомбардировщики, находившиеся на базах в Западной Германии.

Редкие сообщения о такого рода передаче ядерного оружия США другим странам неизменно включали фразу, что ядерные боеголовки к этому оружию продолжают оставаться под американским контролем или на американском хранении. Однако понятие «контроля» в данном случае является сугубо условным, ибо вряд ли США могут по-настоящему контролировать ядерную бомбу, находящуюся в воздухе на самолете неамериканской принадлежности. США могут держать под своим контролем ядерное оружие, переданное другой стране, лишь при условии, что последняя соглашается добровольно ограничить свою физическую возможность распорядиться этим оружием по собственному усмотрению.

Что же касается утверждений американских военных специалистов и журналистов, что ядерные боеголовки якобы вообще не вмонтированы не только в натовские, но и в чисто американские средства доставки в Европе, то их нельзя воспринимать серьезно. Даже для неспециалиста ясно, что установка боеголовки или ее компонента на ракету или подвеска атомной бомбы на самолет является длительной и очень сложной процедурой. Физическое разъединение боеголовок от средств доставки лишило бы последние их качества ударных единиц, находящихся в состоянии боевой готовности. Если бы

боеголовки и впрямь находились на американских складах, то тогда вряд ли президенту США потребовалось бы вводить сложную и дорогостоящую систему электронных замков. Такого рода предохранитель понадобился США именно потому, что боеголовки действительно помещались на средствах доставки, находящихся в руках неамериканских частей НАТО.

Этот факт в ноябре 1965 года подтвердил корреспондент «Нью-Йорк таймс» Финни, сообщивший, что американские боеголовки уже в течение многих лет вмонтированы в бомбы и ракеты западногерманских ВВС и других «неядерных» держав НАТО. По словам Финни, Пентагон, загородившись барьерами военных секретов, осуществил это фактическое распространение ядерного оружия в известной мере даже в обход Белого дома и конгресса США, не говоря уже об американском общественном мнении. «Президент и другие высшие творцы политики,— отмечал он,— во многом неосведомлены насчет специфических урегулирований, проведенных министерством обороны с союзниками по НАТО». Финни отметил, что зачастую так называемый контроль США над ядерными боеголовками сводится к двум американским часовым, стоящим у западногерманского или иного натовского бомбардировщика, вооруженного ядерной бомбой, и следящим за тем, чтобы союзные пилоты не забрались в кабину самолета без американского разрешения. «Временами, однако,— подчеркнул он,— этот американский контроль, согласно хорошо информированным источникам, существовал больше в принципе, чем на деле»⁸³.

Корректируя утверждения Финни о чисто американской охране западногерманских самолетов, оснащенных ядерным оружием, в частности истребителей-перехватчиков F-104, западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне» сообщила, что охрану несут совместно западногерманские и американские посты⁸⁴. Именно шаткость такого рода «контроля» и побудила президента США установить электронные замки на ядерное оружие определенных типов внутри НАТО.

Данные о том, на какое оружие и какого типа замки устанавливаются, являются совершенно секретными. Однако, судя по высказываниям Кеннеди, Джонсона и др., можно сделать вывод, что замки устанавливались не на все ядерные боеголовки, а лишь на боеголовки большой

разрушительной силы («стратегическое оружие»), находящиеся на средствах доставки союзников США по НАТО. Американские газеты утверждали, что электронные замки могут открываться лишь ключом, находящимся якобы у самого президента. Однако трудно поверить этому, учитывая примеры того, как ядерный взрыв, произведенный в атмосфере, на несколько часов начисто выводил из строя американскую систему дальней связи⁸⁵.

Несоответствие утверждений, будто ключ к американским ядерным боеголовкам находится в руках у президента США, истинному положению вещей подтверждается и сообщением, промелькнувшим в западной печати в декабре 1965 года. В этом сообщении из Вашингтона говорилось, что США все еще работают над созданием «нового электронного устройства, способного заряжать ядерное оружие с расстояния в тысячи миль. Это устранил для американцев необходимость заряжать ядерную бомбу на земле, скажем в Западной Германии. Бомба может быть «мертвой» до тех пор, пока она не будет заряжена в воздухе прямо из Вашингтона»⁸⁶.

Но если США все еще работали над такого рода устройством в конце 1965 года, то что же представляют собой те электронные замки, установка которых на американские боеголовки была начата с конца 1962 года в соответствии с директивой Кеннеди? Очевидно, что замки этого типа представляют собой довольно несложные предохранители, которые рассчитаны лишь на управление путем сигнала с базы вылета, если не с самолета — лидера эскадрильи, а не с расстояния «в тысячи миль».

Вот этот-то вопрос об электронных замках и послужил отправным пунктом наступления Голдуотера на правительство Джонсона. В статье, опубликованной в журнале «Лайф», Голдуотер заявил, что «все силы НАТО, размещенные в Европе, независимо от страны, должны быть вооружены ядерным оружием и подготовлены для его использования, особенно так называемого полевого или тактического вида этого оружия»⁸⁷.

По заданию Голдуотера комитет военных специалистов республиканской партии, составленный, как выразился «Ньюсуик», в основном из «стервятников» военной машины США (адмирал Рэдфорд, генерал Туайнинг, бывший министр обороны Макэлрой и др.), подготовил

документ, озаглавленный «Мир через готовность». В нем критиковалось американское правительство за недостаточное делегирование полномочий использовать ядерное оружие непосредственно командующим на местах. В докладе подвергался критике и американский проект МЯС за то, что он якобы оставлял решение о применении ядерного оружия в руках президента США. В ключевом пункте рекомендаций этого документа говорилось: «Президент должен также дать заверения американскому народу, что его забота о том, чтобы предотвратить отдаленную возможность случайного выстрела ядерным оружием или его применение без разрешения, не приведет к установлению над нашим ядерным оружием такой предохранительной системы, которая ослабит нашу сдерживающую способность»⁸⁸.

В ходе перепалки между руководителями республиканской и демократической партий США, возникшей в связи с указанными «обвинениями», была несколько приоткрыта завеса секретности над американскими инструкциями, определяющими, на каком уровне командования и в каких случаях может быть отдан приказ об использовании ядерного оружия. И оказалось, что Голдуотер со своими экспертами ломился в открытую дверь: то, чего он демагогически добивался, уже давно было осуществлено при Эйзенхауэре и развито при Кеннеди и Джонсоне в духе лучших традиций двухпартийной внешней политики США.

Еще в 1958 году в документе американской палаты представителей, суммирующем для членов конгресса оборонную политику США, указывалось: «Позиция министерства обороны состоит в том, то наши войска в любом будущем конфликте будут полагаться на ядерное оружие в наибольшей практически достижимой степени. Ядерное оружие небольшой взрывной силы, так называемое тактическое, ныне фактически рассматривается нашими военными как обычное оружие, хотя официально оно и не классифицируется как таковое»⁸⁹.

Из выступлений печати и заявлений различных авторитетных деятелей США в ходе самой предвыборной полемики выявилось следующее:

войска всех стран НАТО, включая Западную Германию, еще с 1955 года проходят подготовку по обращению с ядерным оружием (из выступления Норстэда);

президент Эйзенхауэр в свое время уполномочил главнокомандующего силами НАТО в Европе использовать «полевое ядерное оружие» для «отражения коммунистической атаки», когда нарушение связи сделает невозможным для президента лично отдать такой приказ (из выступления Никсона);

осенью 1962 года генералу Норстэду было предоставлено право самому решать вопрос о применении ядерного оружия в Европе;

главнокомандующий системой противовоздушной обороны континента Северной Америки имеет право, ни у кого не спрашивая разрешения, отдать приказ об использовании ядерного оружия, «если враждебный самолет появится в системе» (обнаружения и оповещения) (из выступления генерала Партриджа);

военные планы НАТО составлены с учетом использования ядерной артиллерии и атомных мин на самой ранней стадии конфликта. К числу такого рода тактического ядерного оружия относится, например, американская атомная минометная установка «Дейви Крокетт», стреляющая зарядами с минимальной ударной силой, эквивалентной 40 т тринитротолуола⁹⁰.

АТОМНЫЕ МИНЫ ПОД «ЯДЕРНЫМ ПОРОГОМ»

Лидеры США требовали от европейских членов блока не только увеличения их обычных вооруженных сил и повышения их оснащенности новейшей техникой. Они настаивали и на том, чтобы воинские части Англии и Франции, размещенные на территории ФРГ, были передвинуты поближе к границам ГДР и Чехословакии, в частности английские войска — в пограничный с ГДР сектор Гослар-Вольфенбюттел в Нижней Саксонии. Сами США передислоцировали часть своих войск в более восточные районы Баварии. По вопросу о передислокации войск главных членов НАТО на более передовые рубежи в Европе у США, насколько можно судить, особых разногласий с их европейскими союзниками не возникло.

Что же касается попыток американского командования навязать главным союзникам США теорию «паузы» в применении ядерного оружия в Европе, то ядерные европейские державы НАТО рассматривали эти попытки

как американский подкоп под независимость их ядерных арсеналов. Правящие круги Англии и ФРГ расценили отказ США от стратегии «массированного возмездия» и переход их на позиции «соразмерного сдерживания» и «атомной паузы» в Европе почти как измену Соединенных Штатов Североатлантическому блоку.

Когда в апреле 1963 года Макнамара прибыл в Лондон для переговоров с руководителями английского министерства обороны, последние решительно выступили против американского предложения, чтобы английская армия на Рейне имела, как и американские части в Западной Германии, боевые запасы, достаточные для ведения военных действий с применением обычного оружия в течение многонедельного срока. Английские представители заявили Макнамаре, что они считают запасы такого рода на срок в две-три недели «вполне достаточными».

Приход к власти лейбористов в октябре 1964 года не привел ни к каким изменениям в английской военной доктрине. Руководители лейбористского правительства продолжали настаивать на необходимости использования ядерного оружия с самого начала конфликта. Эта точка зрения была официально, хотя и несколько завуалированно, изложена в первой Белой книге лейбористского правительства по вопросам обороны, представленной парламенту в феврале 1965 года. В § 18 этой книги утверждалось: «Невозможно представить себе войну на суше в Европе, которая бы длилась много дней. Поэтому бессмысленно связывать ресурсы, исходя из риска затяжной войны в Европе после обмена ядерными ударами»⁹¹. Комментируя эту Белую книгу лейбористского правительства, бывший министр обороны в правительстве консерваторов Торникрофт заявил, что лейбористы фактически вернулись к концепции «массированного ядерного возмездия».

В перспективном военном плане, принятом английским правительством в 1966 году, упор на ядерное оружие в НАТО получил дальнейшее развитие. В этом плане оно уже прямо рассматривается в качестве «вытяжного троса» для приведения в действие атомного арсенала США. «Единственной альтернативой нынешней опоре НАТО на ядерное оружие,— отмечается в военном плане 1966 года,— было бы массированное наращивание обычных сил Союза в Западной Европе. Даже если бы Великобрита-

ния была готова положительно рассмотреть тяжелую для ее экономики стоимость подобной альтернативы, НАТО, как целое, не проявит готовности к этому... С другой стороны, как только ядерное оружие будет применено в Европе, в каком бы то ни было ограниченном масштабе, произойдет быстрая эскалация конфликта до общего обмена ядерными ударами, при котором окажутся приведенными в действие все ядерные силы Америки... Мы поэтому призывали Союз к тому, чтобы он отказался от тех военных приготовлений, которые основываются на посылке о том, что всеобщая война в Европе может длиться несколько месяцев»⁹².

Правда, английские деятели, загипнотизированные ядерным оружием, все же вели дискуссию с представителями США в более или менее джентльменских тонах. У руководителей же бундесвера американская теория «атомной паузы» вызвала приступ истерики. Министр обороны ФРГ фон Хассель, министр иностранных дел Шредер и другие представители реваншистской верхушки ФРГ не упускали случая, чтобы не обрушиться на идею о возможности «обычной войны» в Европе и не потребовать ядерного оружия для бундесвера. В марте 1963 года фон Хассель уговорил англичан записать в совместном коммюнике об итогах англо-западногерманских военных переговоров в Лондоне, что обе стороны достигли «полного согласия в их отношении к концепции передовой дислокации войск» и что такая дислокация предполагает необходимость «для всех формирований иметь в непосредственной готовности ядерное оружие, если такое оружие потребуется»⁹³.

Позднее в статье для американского журнала «Форин афферс» фон Хассель детально и публично изложил западногерманскую концепцию о необходимости очень низкого «ядерного порога» (под высотой «ядерного порога» подразумевается та или иная степень интенсивности, то есть широта размаха боевых действий, превышение которой дает главнокомандующему НАТО право применить ядерное оружие в соответствии с планами боевых операций блока).

«Концепция гибкого реагирования,— писал Хассель,— применительно к Европе как в политическом, так и в военном отношении не должна означать, что так называемый атомный порог можно поднять на недопустимо

большую высоту, не считаясь с политическими соображениями. Помимо того, что это навело бы потенциально-го агрессора на мысль о возможности пойти на связанный с этим риск, это создало бы обстановку, которой он мог бы воспользоваться на будущих переговорах»⁹⁴.

Комментируя это заявление Хасселя, генерал-полковник Грызлов отмечал: «Нетрудно разобраться, в чем тут соль. Любой пограничный инцидент, спровоцированный в нужный момент генералами бундесвера, может быть объявлен ими (ведь они же командуют силами НАТО в Центральной Европе) как достаточно высокий порог для того, чтобы перейти от системы «последовательного сдерживания» к системе «тотальной ядерной обороны». Опыт подобных провокаций у гитлеровских генералов есть — именно так они начинали войну против Польши в 1939 году. Таким образом, стратегическая концепция, излагаемая боннским министром обороны, есть не что иное, как концепция развязывания мировой ракетно-ядерной войны, концепция западногерманского реваншизма»⁹⁵.

Основную свою ставку западногерманские реваншисты делали, однако, не на словесные аргументы, понимая в общем-то их тщетность. Они пытались заставить США, вопреки всем более или менее осторожно звучащим теориям американских стратегов, практически планировать применение атомного оружия в Европе с самого начала боевых действий. В этом отношении милитаристы Бонна главный упор сделали на осуществление разработанного ими провокационного плана создания атомного минного пояса на границе с ГДР.

Этим планом они рассчитывали решить сразу две задачи. Во-первых, они стремились превратить дискуссию о той или иной минимальной высоте «атомного порога» в чисто схоластический спор, поскольку взрыв атомной мины, расположенной в приграничной полосе, моментально означал бы эскалацию любого самого незначительного пограничного инцидента до уровня атомной войны, тем самым автоматически снимая вопрос о «пороге». Во-вторых, как отметил генерал-полковник Грызлов, атомные мины, перекочевавшие из американских складов к местам их установки, оказались бы в непосредственном распоряжении войсковых частей бундесвера, которые бы и решали вопрос о их применении. Но этим дело может не ограничиться. Ибо логика концепции «выдвинутых вперед

рубежей» такова, что Вашингтону придется дать для войск бундесвера, выдвинутых вперед, и ядерные заряды для тактического ядерного оружия, которым они оснащены. А это фактически приведет к тому, что не Вашингтон, а Бонн будет держать палец на ядерном спусковом крючке, который Бонн, руководствуясь идеей «вытяжного троса», сможет нажать в любой момент, признанный подходящим западногерманскими генералами.

О существовании атомных мин, или, как они официально называются в США, «атомных фугасных зарядов», было впервые упомянуто в американском армейском уставе издания 1958 года. Американские эксперты впоследствии дали понять, что эти мины, расставленные заранее, могут затем быть взорваны с помощью дистанционного управления. Каждая из мин, согласно сообщениям западной печати, имеет взрывную силу, эквивалентную 2—3 тыс. т тротила⁹⁶. Эти мины имеют высокую степень радиоактивности и поэтому использование их в силу преобладающего направления ветров в первую очередь привело бы к радиоактивному заражению (не говоря уже о самом эффекте взрыва) тех приграничных западногерманских районов, в которых мины расставлены. Однако это соображение не помешало западногерманским представителям требовать создания пояса атомных мин. Особенно настаивали на этом фон Хассель и генеральный инспектор бундесвера генерал Третнер. Последний официально поставил этот вопрос на одном из заседаний Военного комитета НАТО в 1964 году.

В конце концов это дело получило публичную огласку, что вызвало взрыв возмущения в Западной Германии (особенно со стороны населения ее восточных провинций) и во всем мире и привело к тому, что боннские чиновники стали неуклюже отрицать существование минного пояса⁹⁷. Но в европейской печати были опубликованы фотографии колодцев, предназначенных для заложения мин. Кроме того, стало известно, что проект атомного минного пояса проверялся в ходе специальных маневров «Гренцланд», проведенных в Западной Германии в сентябре 1964 года.

Несмотря на опровержения Бонна, Макнамара вынужден был признать, что «атомные фугасные заряды» являются одним из видов атомных боеприпасов, которые имеются в распоряжении НАТО в Европе». «Планы вер-

ховного командования НАТО,—заявил Макнамара,—предусматривают использование этих зарядов при соответствующих обстоятельствах»⁹⁸. Этим заявлением американский министр обороны фактически расписался в том, что его теория «атомной паузы» может представлять лишь чисто академический интерес для теоретиков атомной войны. Военные же планы НАТО в Европе, подкрепленные соответствующей дислокацией войск, практически предусматривают, что атомные подрывные мины, ядерное противовоздушное оружие и ядерное наземное оружие находятся в состоянии готовности для применения на самой ранней стадии военных действий.

В условиях, когда верховное командование США тем не менее выражает сомнения насчет целесообразности немедленного ввода в действие ядерного оружия в случае возникновения в Европе военного конфликта (учитывая вполне реальную перспективу атомного разрушения территории США), Бонн все более подходит к американским войскам в Европе как к своего рода «атомным заложникам». По замыслам милитаристов Бонна, присутствие американских войск на территории ФРГ должно обеспечить втягивание США в ядерный конфликт в Европе, независимо от собственных планов американского руководства.

И хотя лидеры США, продолжая линию Даллеса, и сейчас еще иногда пытаются шантажировать Бонн «угрозой» вывода американских войск с европейского континента и возвращения к концепции «Америка — крепость», этот шантаж с каждым годом дает все меньший эффект. В принципе руководители ФРГ уже не возражали бы против того, чтобы американские и английские войска, расквартированные в Западной Германии, возвратились домой, очистив территорию для бундесвера⁹⁹.

Интересно отметить высказывание Франца Штрауса в интервью журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» весной 1966 года. Он подчеркнул, что все 12 западногерманских дивизий имеют «ядерные элементы» — атомную артиллерию, ракеты «Онест Джон», «Сарджент» и «Першинг» и что западногерманские ВВС также оснащены ядерным оружием (при формальном контроле над боеголовками со стороны американцев). Опираясь на это, Штраус выступил за замену американских войск в Европе войсками европейских стран, в первую очередь запад-

ногерманскими. Он преподнес эту идею как благородную идею «облегчения военного бремени» США. Тот самый Штраус, который в 1962 году, пугая американцев, говорил о «невозможности» увеличить численность бундесвера, теперь заявил, что США могут вывести две свои дивизии из Западной Европы, поскольку они легко будут заменены одной новой западногерманской и одной дивизией других европейских стран. Эти европейские дивизии, по мнению Штрауса, должны обладать таким же ядерным арсеналом, как и те американские дивизии, какие они заменят.

Штраус выступил также за более свободную организацию НАТО — за то, чтобы войска, приданные блоку, оставались в мирное время под национальным контролем и лишь в военное время переводились под контроль НАТО. Следует учесть, что из всех стран НАТО только ФРГ находится в таком положении, когда все ее вооруженные силы приданы блоку и формально подчиняются верховному главнокомандующему силами НАТО в Европе. Поэтому становится ясным, что требование Штрауса равнозначно требованию об освобождении западногерманских вооруженных сил из-под даже косвенного американского контроля и воссоздании самостоятельного генерального штаба бундесвера. Штраус недвусмысленно высказался за то, чтобы американские войска в Европе играли роль заложников. «Американские войска,— сказал он,— должны остаться (в Европе.— Г. Т.) в таком числе, чтобы не было ни малейшего сомнения в том, что Америка продолжает быть связанной»¹⁰⁰.

РОСТ ОППОЗИЦИИ ПРОЕКТУ МЯС

Развернувшаяся в НАТО полемика по вопросу об условиях применения атомного оружия и критика в США республиканскими лидерами проекта многосторонних ядерных сил, как не обеспечивающего НАТО нужной «свободы рук» при использовании ядерного оружия, в конце концов вынудили правительство Джонсона отложить решение вопроса о МЯС на период после президентских выборов 1964 года. Этому способствовало также усиление оппозиции проекту со стороны Франции. С 1964 года французское правительство стало активно выступать против

этого плана, считая, что он поставит европейские державы, изъявившие желание участвовать в МЯС, в недопустимо большую зависимость от США. Весной 1964 года правительство Джонсона решило, для того чтобы получить «козырь» в свои руки в предстоящей избирательной кампании в США, поднажать на своих европейских союзников с целью ускорить их окончательное согласие на создание многосторонней флотилии. В ответ на это правительство Франции демонстративно объявило, что оно отзывает своих офицеров из командования НАТО на Средиземном море и в районе Ла-Манша. Выступая в Национальном собрании, министр иностранных дел Кувде Мюрвиль подчеркнул, что Франция настаивает на созыве конференции по вопросам реорганизации НАТО и пересмотре политики блока в области ядерного оружия.

22 ноября 1964 г. де Голль произнес в Страсбурге речь, обращенную в основном к Западной Германии. В этой речи он, намекая на США, говорил о «державе.., расположенной в другом мире и с судьбой, которая в силу естественных и исторических причин не может быть отождествлена с судьбами Европы». Призывая к созданию «европейской Европы» через укрепление политического сотрудничества между Францией и ФРГ, французский президент предупредил руководителей Бонна, что если они откажутся от идеи европейского союза и станут полагаться на «державу, расположенную в другом мире», то это «нанесет серьезный удар по великой надежде»¹⁰¹. При этом французское правительство стремилось нажать не только на ФРГ, но и на Англию, где в октябре 1964 года к власти пришло правительство лейбористской партии. Это давало руководителям Франции надежду, что и в Англии усилится оппозиция проекту многосторонней ядерной флотилии НАТО. Так оно и произошло.

Лейбористское правительство Вильсона пришло к власти в момент резкого обострения кризиса платежного баланса Англии. Одними из первых его актов были введение 15-процентной пошлины на импортируемые в Англию товары и организация займов у консорциума европейских банков и у США, с тем чтобы поддержать курс фунта стерлингов на мировом валютном рынке. Уже одно это исключало для правительства Вильсона участие в каких-либо новых мероприятиях, сопряженных с крупными дополнительными расходами на военные нужды.

Лейбористское руководство тем более не могло пойти на новые расходы, так как оно решило продолжать начатое консерваторами строительство английских атомных подводных ракетноносцев. При этом оно отступило от своих прежних заявлений о том, что по приходе к власти оно расторгнет соглашение, заключенное в Нассау. Кроме того, у правительства Вильсона, как и у правительства консерваторов, были и другие аргументы против участия Англии в МЯС.

В силу всего этого Вильсон и его министр обороны Хили вытащили из досье консервативного кабинета старый план Хьюма — Торникрофта о создании объединенных ядерных сил НАТО на основе уже существующих атомных сил США, Англии и Франции и стали энергично проталкивать этот проект в НАТО. Атлантические ядерные силы, вновь предложенные правительством Вильсона, должны были, согласно разъяснению премьера, включать следующие пять компонентов: «Во-первых, наличные британские бомбардировщики типа «V», за исключением тех самолетов, которые необходимы для выполнения существующих обязательств вне района НАТО. Эти самолеты резервируются. Во-вторых, британскую флотилию подводных лодок типа «Поларис»... В-третьих, по крайней мере равное число американских подводных лодок типа «Поларис». В-четвертых, некий укомплектованный смешанными командами и находящийся в общей собственности элемент, в котором могли бы принять участие существующие неядерные державы. В-пятых, ...любые силы, которые согласится выделить Франция»¹⁰².

Вильсон разъяснил далее, что, согласно английскому проекту, атлантические ядерные силы должны быть подчинены единому руководящему органу, обособленному от Совета НАТО. В этом органе должны быть представлены все страны, принимающие участие в объединенных ядерных силах. США, Англия и Франция (если последняя пожелает участвовать в них) должны иметь право вето на использование всех элементов указанных сил. Другим странам-участницам, по их желанию, также могло бы быть предоставлено право вето, предпочтительно коллективное, которым они пользовались бы как единая группа. Таким образом, выдвинутый Вильсоном план призван был обеспечить Англии чуть ли не доминирующее положение в объединенных ядерных силах НАТО.

Из этого проекта выходило, что Западной Германии в объединенных ядерных силах отводится довольно незначительная и во всяком случае неясная роль, хотя министр обороны Англии поспешил разъяснить, что ФРГ будет «иметь полное равенство внутри проектируемых сил». С этим планом и отправился Вильсон за океан на переговоры с переизбранным на новый срок Джонсоном.

Однако за океаном британского премьера постигла неудача, поскольку он вынужден был выступать перед Джонсоном не в роли равноправного партнера, а в роли просителя. Вильсону пришлось ходатайствовать о дополнительной американской финансовой поддержке английского фунта стерлингов. Он добивался также американской экономической и материально-технической помощи в осуществлении английских военных обязательств «к востоку от Суэца», бремя которых оказалось непосильным для Англии.

В этих условиях английский проект Атлантических сил был сразу же отвергнут Джонсоном как неприемлемый для США и Западной Германии. Вильсон, правда, попытался изменить решение Джонсона, предложив использовать в качестве возможного многостороннего элемента указанных сил несколько батарей американских межконтинентальных ракет «Минитмэн» (размещенных на территории США), укомплектовав их многонациональными командами. Вильсону, однако, было заявлено, что единственное, на что может пойти американское правительство, — это согласиться на некоторую отсрочку решения вопроса об объединенных силах. Что же касается формы организации этих сил, то США продолжали отстаивать принцип многосторонней ядерной флотилии, но соглашались учесть в какой-то мере и английское предложение при условии, что Англия заручится благожелательным отношением Бонна к ее проекту. При этом, как отмечал информированный американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», «еще до того, как британская делегация покинула Вашингтон, исчерпывающий доклад о переговорах Джонсона и Вильсона был направлен со специальным посланием лично западногерманскому министру иностранных дел Герхарду Шредеру. Шредеру было сообщено, что в будущих переговорах англичан никак нельзя будет считать выступающими от имени США или отражающими их взгляды. Целью этой

необычной дипломатической акции было рассеять какие-либо еще могущие оставаться подозрения, что Англия сохраняет «особые отношения» с США в союзе (Атлантическом.— Г. Т.), которые могут быть использованы в ущерб Западной Германии»¹⁰³.

Президент США согласился повременить с решением вопроса о многосторонних силах, так как понимал, что прямой американо-западногерманский альянс не встретит даже ограниченной поддержки других партнеров США по Североатлантическому блоку и может привести к глубокому и окончательному расколу внутри НАТО. Настроения в пользу того, чтобы подождать с созданием МЯС, а тем временем попытаться добиться компромисса по этому вопросу между главными европейскими членами НАТО, преобладали и в американском конгрессе. Это на какое-то время оказало сдерживающее влияние на ярых сторонников проекта МЯС.

Большим психологическим шоком для руководителей Вашингтона явилось и решение правительства Турции, принятое в январе 1965 года, отозвать турецкий контингент (11 моряков) с ракетоносца «Клод Риккетс» и в дальнейшем не иметь никакого дела с проектом МЯС. Да и правительства ряда других стран, согласившиеся участвовать в переговорах о создании ядерной флотилии, выразили весьма серьезные сомнения в отношении всей этой затеи. Министр иностранных дел Голландии заявил, например, что в вопросе о создании МЯС его страна остается «свободной от обязательств». Бельгийский министр иностранных дел отметил, что, хотя Бельгия и приняла участие в переговорах о ядерной флотилии, она «занимает особую позицию» и «оставляет за собой право окончательного решения».

И в самих США, в кругах военных и гражданских стратегов, начало распространяться все более скептическое отношение к МЯС. Представление о настроениях в этих кругах дает ознакомление с материалами уже упоминавшейся конференции по вопросам НАТО, состоявшейся в мае 1964 года в центре изучения стратегических проблем Джорджтаунского университета. Большинство американских ораторов на этой конференции, не говоря уже о западноевропейских (за исключением представителей ФРГ), высказались против плана многосторонних ядерных сил НАТО. В их числе были такие известные

американские «гражданские милитаристы», как Р. Страс-Хюпе, К. Кнорр, Г. Киссингер, С. Поссони.

Адмирал Рэдфорд, выступая на конференции, заявил: «По моему мнению, МЯС — это простая трата денег. Я думаю, что в данное время МЯС не нужны. Они по-настоящему не являются решением основной проблемы контроля и не станут таковым»¹⁰⁴. Бывший главнокомандующий НАТО Норстэд в своем предисловии к сборнику материалов конференции считал нужным отметить: «Очевидным является как из взглядов, изложенных в данной книге, так и из публичных заявлений наших союзников, что у многих из этих союзников появилось сопротивление, даже негодование, по отношению к тому методу «всучивания товара», который иногда применялся Соединенными Штатами, например в случае с предложением о МЯС»¹⁰⁵.

Большинство ораторов, выступивших на указанной конференции, критиковали МЯС в первую очередь за то, что они не решают вопроса о контроле, иначе говоря, об интернационализации метода принятия решения о нажатии на атомный спусковой крючок. Пожалуй, наиболее четко вопрос был поставлен английским маршалом авиации Слессором. Сравнивая английский проект атлантических ядерных сил с американским проектом многосторонних сил, Слессор заявил: «Я согласен с тем., что МЯС являются искренним американским шагом в направлении ускорения процесса равного распределения общей ответственности и власти. Однако МЯС не очень хорошо отвечают этой политической задаче, поскольку контроль в конечном итоге остается за США. Создание смешанных команд для обслуживания средств доставки не имеет никакого отношения к решению этого вопроса... Мы не хотим укомплектовывать смешанными командами средства доставки: мы хотим смешанного метода контроля» (выделено мной.—Г. Т.)¹⁰⁶.

Весьма критическое отношение в Европе к проекту МЯС американцы обнаружили и на состоявшейся в мае 1965 года в Лондоне юбилейной сессии Совета НАТО¹⁰⁷. На этой сессии представители Англии, Франции, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии и Италии в той или иной форме выступили с критикой политики США. При этом со стороны некоторых делегаций критика действий США,

особенно их агрессии во Вьетнаме и вооруженной интервенции в Доминиканской Республике, была очень резкой. Дело дошло до того, что государственный секретарь США Раск, который не собирался принимать участия в сессии, вынужден был срочно прилететь в Лондон, чтобы лично «разъяснить» американским партнерам политику США.

Фактически единственным представителем, энергично высказавшимся на этой сессии в пользу плана МЯС, был западногерманский министр иностранных дел Шредер, который одновременно потребовал предоставления ФРГ большей доли участия в высших советах НАТО. Итоговое коммюнике конференции не содержало даже упоминания о плане МЯС. В явное осуждение акций США против Доминиканской Республики европейские делегаты вписали в коммюнике фразу о «праве всех народов жить в мире при правительстве их собственного выбора»¹⁰⁸.

Такого рода развитие событий создало самую настоящую панику среди боннских дипломатов и милитаристов, почувствовавших вдруг, что проект приобщения к контролю над ядерным оружием, на который они возлагали большие надежды, находится под угрозой оказаться положенным под сукно. Ни американские успокоительные заверения, что все останется по-прежнему, ни большая программа американо-западногерманского военного сотрудничества, согласованная на переговорах между Макнамарой и фон Хасселем в Вашингтоне, не смогли рассеять подозрений Бонна, что Вашингтон по тем или иным соображениям может отказаться от проекта МЯС¹⁰⁹.

В связи с этим Бонн прибег к своему излюбленному и испытанному средству — шантажу. 28 декабря 1964 г., то есть через несколько дней после переговоров Вильсона с Джонсоном в Вашингтоне, на которых было согласовано решение о том, чтобы повременить с планом МЯС, западногерманский министр по особым поручениям Г. Кроне опубликовал статью, содержащую резкую критику «новой стратегии» Макнамары. В ней указывалось, что Западная Германия будет добиваться участия в контроле над французским ядерным оружием¹¹⁰. А 19 января 1965 г. канцлер Эрхард отправился с визитом в Париж, чтобы, как отмечала западная пресса, договориться с де Голлем о новом плане «европейских оборонительных ядерных сил».

К этому времени в Бонне уже хорошо поняли, что

французское правительство не склонно допускать ФРГ к такому атомному партнерству, которое бы обеспечило для Западной Германии равное с Францией положение в европейских ядерных силах. Однако де Голль в соответствии со своей политикой стремился оторвать ФРГ в политическом и военном отношении от Соединенных Штатов. Ради этого он готов предоставить Бонну ту или иную долю подчиненного участия в европейских ядерных силах, которые могли бы быть созданы на основе французских ударных сил.

Такая перспектива, естественно, совсем не устраивала Бонн, рвущийся к доминирующему положению в Западной Европе и рассматривающий стратегическое ядерное оружие как основу обеспечения такого положения. Поэтому канцлер Эрхард, отправляясь на переговоры в Рамбуйе, не рассчитывал, что он сможет добиться каких-либо существенных уступок от французского президента, особенно в отношении ядерного партнерства с Францией. Эта поездка и сопутствовавшая ей шумная кампания в западногерманской прессе, писавшей о возможности создания европейского политического союза на основе экономического фундамента «общего рынка», использовались Эрхардом лишь как средство давления на США. Интересно отметить, что аналогичные реверансы в сторону Франции с успехом использовались в свое время Аденауэром в его демаршах перед Вашингтоном. Помимо этого, заигрывание с Францией помогало Эрхарду несколько успокоить продегаллевское крыло его коалиции ХДС — ХСС, возглавляемое бывшим министром обороны Штраусом.

Правящие круги ФРГ стали вновь публично угрожать своим западным союзникам, что, если они не получат контроль над ядерным оружием через МЯС, они приобретут его иным образом. В интервью, данном 10 июля 1965 г. дюссельдорфской газете, министр иностранных дел ФРГ Шредер прямо заявил, что, в случае если не будет создано «атлантическое средство устрашения» или найдено иное решение, удовлетворяющее «нужды обороны ФРГ», Западная Германия может подумать о «приобретении» ядерного оружия. Шредер подчеркнул при этом, что по Парижским соглашениям ФРГ обязалась лишь не производить ядерного оружия «на своей территории»¹¹¹.

Очередная игра лидеров ФРГ на нервах вашингтонских политиков привела к тому, что Пентагон вновь попытался активизировать осуществление проекта объединенных ядерных сил. В конце ноября 1965 года, во время пребывания Макнамары в Лондоне, он сделал очередную попытку примирить американский и английский проекты объединенных ядерных сил НАТО с целью решения этого вопроса в интересах ФРГ. Макнамара предложил выкупить у Англии ее атомные подводные лодки типа «Поларис» и превратить их в костяк многосторонних сил НАТО, укомплектовав подводные лодки смешанными командами. Таким образом, Макнамара вернулся к первоначальной концепции МЯС как флотилии подводных, а не надводных судов.

Делая это предложение английскому правительству, Макнамара, по всей видимости, как и прежде, стремился «интернационализировать» английский ядерный фактор, с тем чтобы, поставив Англию на одну доску с ФРГ, облегчить создание единых ядерных сил НАТО под общим американским контролем. Разрабатывая это предложение, эксперты Вашингтона исходили из заявлений лейбористских лидеров, неоднократно делавшихся ими во время пребывания в оппозиции, что Англия должна отказаться от национального владения ядерным оружием и передать его в распоряжение НАТО¹¹². По соглашению Кеннеди — Макмиллана в Нассау английские лодки «Поларис» уже были формально обещаны НАТО. Зная, что лейбористское правительство находится в тяжелом финансовом положении, американское правительство рассчитывало, что его предложение выкупить подводные лодки покажется премьеру Вильсону достаточно привлекательным. Однако Пентагон ошибся в своих расчетах. Лейбористское правительство, стремясь обеспечить себе «фактор устрашения», отказалось от предложения Макнамары. Отвечая на вопросы в палате общин, министр обороны Англии Хили назвал предложение о продаже подводных лодок «чрезвычайно странным» предложением, которое не может быть сделано всерьез¹¹³.

После провала этой новой попытки согласовать проекты МЯС Вашингтон ослабил свои усилия в этом направлении, решив отдать приоритет вопросам координации и планирования ядерной политики в НАТО. К этому решению лидеры США были подведены не толь-

ко и не столько сомнениями в американских военных кругах в отношении военной эффективности ядерной флотилии, сколько растущей критикой этого проекта со стороны большинства европейских членов НАТО. То, что очень немногие партнеры США по НАТО проявили заинтересованность в создании МЯС, Клаус Кнорр определил как самую главную слабую сторону указанного проекта. А скептицизм в отношении этого плана даже в западноевропейских правящих кругах, не говоря уже о широкой оппозиции ему со стороны народов Западной Европы, во многом являлся результатом твердой позиции Советского Союза и других социалистических стран Европы, не раз предупреждавших широкую общественность о подрывном характере подобного шага для судеб мира и вскрывавших одностороннюю пробоннскую направленность всей этой затеи.

В ноте Советского правительства правительству США от 8 апреля 1963 г. подчеркивалось, что «какие бы окончательные формы ни приобрели планы создания ядерных сил НАТО — форму ли «многонациональных» или «многосторонних» сил, или же и тех и других вместе, — из того, что уже предано гласности, совершенно ясно одно — речь идет о намерении США и других держав НАТО открыть доступ к ракетно-ядерному оружию бундесверу и вооруженным силам других стран, еще шире раздвинуть рамки приготовлений к термоядерной войне и развернуть не знающую ни государственных, ни географических границ гонку ракетно-ядерных вооружений»¹¹⁴.

Эти предупреждения Советского правительства производили глубокое впечатление на общественность западноевропейских стран и приводили к изоляции боннских главарей в их попытках скорее реализовать план МЯС. То, что разоблачение Советским Союзом агрессивных происков Вашингтона и Бонна имело немалый эффект в Западной Европе, подтверждается признанием бывшего главара гитлеровского ВМФ вице-адмирала Руге. Он умолял своих западных коллег «не верить» утверждениям социалистических стран о реваншистском характере политики Бонна. Выступая в США на уже упоминавшейся конференции по вопросам НАТО, этот старый фашист заявил: «Это было бы оценено, если бы наши союзники заняли более твердую позицию в отношении бесконечно повторяемых... атак против «милита-

ристов и реваншистов в Федеративной республике», например в ООН и в Женеве, где Федеративная республика не представлена. Это является частью коммунистической антинаатовской и антиядерной кампании... Слишком уж часто эти советские утверждения повторяются без разбора. Политики и журналисты (западные.— Г. Т.) признают, что пока что Федеративная республика держала свое слово, но они туманно намекают на то, что «аппетит в отношении ядерного оружия будет расти» (выделено мной.— Г. Т.)¹¹⁵.

Немаловажное значение имело и предупреждение Советского Союза, обращенное непосредственно к Вашингтону. В ноте Советского правительства правительству США от 11 июля 1964 г. говорилось, что проект МЯС, не будучи в состоянии сколько-нибудь изменить существующий баланс сил между двумя блоками — НАТО и Варшавским договором, — своей принципиальной направленностью на распространение ядерного оружия может обернуться весьма катастрофическими последствиями для самих авторов этого проекта. «Советскому правительству,— говорилось в ноте,— известна надуманная дипломатическая аргументация, которая выдвигается в успокоительных целях в обоснование планов создания многосторонних ядерных сил НАТО,— все эти фальшивые утверждения о том, будто подобные планы великолепно согласуются с идеей нераспространения ядерного оружия и вообще являются чуть ли не единственным средством воспрепятствовать приобщению к ядерному оружию ФРГ, а также других государств НАТО. Нетрудно понять, что приверженцы ядерных сил НАТО пытаются совместить вещи явно несовместимые. В данном вопросе, затрагивающем кровные интересы всех государств и народов, возможны лишь две позиции, которые должны быть четко разграничены,— либо действительно следовать принципу нераспространения ядерного оружия в какой бы то ни было форме, либо пойти по пути передачи этого оружия другим государствам, и тогда вопрос о форме, о способе передачи не имеет серьезного значения. Но тем, кто встал бы на второй путь, непременно пришлось бы считаться с тем, к каким опасным последствиям это могло бы повести для дела мира и не в последнюю очередь для них самих»¹¹⁶.

Эти предупреждения Советского Союза правительству США не прошли бесследно и заставили кое-кого в Вашингтоне по-серьезному задуматься над перспективами распространения ядерного оружия в мире со всеми вытекающими из этого последствиями. В самом правительстве США появилась группа деятелей, которая стала поддерживать идею о том, что с точки зрения долгосрочной перспективы международная договоренность о запрещении передачи ядерными державами этого оружия другим странам может больше обеспечить американскую безопасность, чем передача американского ядерного оружия ФРГ с последующей цепной реакцией других аналогичных передач и приобретений.

Отражением такого рода взглядов явилась статья руководителя американского Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Вильяма Фостера в июльском номере журнала «Форин афферс» за 1965 год. В этой статье, написанной в весьма осторожных формулировках, Фостер отметил, что «вероятность использования ядерного оружия почти наверняка будет увеличиваться, по мере того как будет расти число пальцев на спусковых крючках». Он подчеркнул, что увеличение такой вероятности будет более чем прямо пропорционально росту числа участников «ядерного клуба», поскольку в мире многих ядерных держав «вполне возможно найдутся такие, которым, в отличие от США и СССР, будет относительно мало что терять в случае, если ядерное оружие будет применено». Далее Фостер приходит к следующему выводу: «В свете подобных последствий распространения наше согласие заплатить весьма высокую цену в усилиях воспрепятствовать этому было бы, по-видимому, оправданным»¹¹⁷.

Правда, Фостер не доводил своих выводов до логического конца. Он не решался сказать о том, что, для того чтобы международный договор о нераспространении мог стать реальностью, Соединенным Штатам и их союзникам надо в первую очередь отказаться от планов создания объединенных ядерных сил НАТО, то есть от передачи ядерного оружия бундесверу. Однако сам факт появления статьи Фостера свидетельствовал об определенной борьбе, развернувшейся в окружении Белого дома, по вопросу о распространении ядерного оружия.

В конце концов американское правительство согла-

силось принять участие в выработке проекта международного договора о нераспространении ядерного оружия. При этом оно великолепно отдает себе отчет в том, что Советское правительство согласится подписать лишь такой договор, который не оставит абсолютно никаких лазеек, делающих возможным передачу ядерными державами в какой бы то ни было форме атомного оружия другим странам, в том числе ФРГ. «Мы никогда не согласимся и не смиримся с тем, чтобы западногерманские милитаристы получили ядерное оружие, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — Если это все же произойдет, то будут приняты должные меры. Ответственность падет целиком на правящие круги ФРГ и тех, кто им потакает»¹¹⁸.

«ПОЖАРНАЯ БРИГАДА» НАТО — МОБИЛЬНЫЕ СИЛЫ ЭИС

Несмотря на все неувязки и отсрочки с реализацией проектов многосторонних ядерных сил НАТО, вызванные как противоречиями среди участников Североатлантического блока, так и усиливающейся оппозицией народов Европы американо-западногерманскому сговору, правительство США, поддержанное правительством Англии, продолжало исподволь создавать в НАТО костяк многонациональных мобильных сил, приспособленных для ведения операций в условиях ядерной войны. Эти силы сколачивались под опекой бельгийского генерала Роллехема, вновь назначенного заместителем по ядерным вопросам верховного главнокомандующего силами НАТО в Европе.

В соответствии с решениями в Нассау и оттавской сессии Совета НАТО в общее подчинение главнокомандующего НАТО были переданы следующие ядерные части: три ядерные подводные лодки США, часть английской стратегической бомбардировочной авиации (бомбардировщики типа «Виктор» и «Вулкан», вооруженные ракетой «Блю стил» класса «воздух — земля»), несколько эскадрилий истребителей-бомбардировщиков канадских ВВС, оснащенных ядерным оружием, а также эскадрильи самолетов F-104 с американскими атомными бомбами, которые были выделены в распоряжение НАТО

военно-воздушными силами Бельгии, Голландии, Италии и ФРГ. Наконец, к НАТО были приписаны эскадрильи французских штурмовиков, размещенные в Западной Германии и оснащенные американским ядерным оружием по франко-американскому соглашению от 6 сентября 1960 г.

В интервью корреспонденту «НАТО леттер» генерал Роллегхем заявил, что уже к середине 1964 года свыше тысячи офицеров стран НАТО непосредственно занимались оперативными вопросами, связанными с ядерным оружием, и вопросами ядерного планирования в различных европейских командованиях НАТО¹¹⁹. Офицеры НАТО, в первую очередь представители ФРГ, были откомандированы в американский Общий штаб планирования стратегических целей в Оффате, где они вошли в специальную группу, ведающую распределением целей в социалистических странах между американскими ВВС и военно-воздушными силами других стран НАТО.

На сессии Совета министров НАТО, состоявшейся в декабре 1965 года, ее участники поручили постоянному Совету блока «рассмотреть организационную и финансовую основу мобильных сил Союзного командования в Европе»¹²⁰, так называемых мобильных сил Эйс (ACE — по первым буквам английских слов Allied Command Europe).

За этой лаконичной строчкой коммюнике скрывалась весьма оживленная и долголетняя деятельность по сколачиванию этих сил, на которые Пентагон делает все большую и большую ставку. В условиях, когда осуществление обоих конкурирующих проектов объединенных ядерных сил НАТО — американо-западногерманского проекта многосторонних ядерных сил и английского проекта атлантических ядерных сил оказалось заторможенным, министерство обороны США возлагает свои главные надежды в этом плане именно на силы Эйс. По мнению многих экспертов Пентагона, эти мобильные силы могут стать в конечном итоге ударной бригадой НАТО.

План создания мобильных сил НАТО, состоящих из частей разных национальностей, но находящихся под единым и автономным командованием, был впервые обнародован генералом Норстэдом в то время, когда он был верховным главнокомандующим силами НАТО в Европе. Выступая на ассамблее Западноевропейского

союза 3 декабря 1962 г., он предложил, чтобы страны, входящие в НАТО, выделили в распоряжение блока специальные мобильные части. Они регулярно будут проводить совместные маневры, с тем чтобы эти части в результате могли стать «интегрированной силой, оснащенной ядерным оружием»¹²¹. Подобная «атомная пожарная бригада», по мнению Норстэда, должна находиться в постоянной боевой готовности, чтобы в любой момент быть переброшенной в район операций.

План Норстэда был одобрен и принят руководством НАТО. К 1965 году мобильные силы Эйс превратились в организационно оформленную боевую единицу Североатлантического блока, находящуюся в настоящее время под командованием английского генерала. Силы Эйс состоят из сухопутных частей Бельгии, Канады, ФРГ, Италии, Англии и США. Воздушная поддержка и транспортировка этих сил обеспечиваются авиачастями всех вышеназванных стран, за исключением Канады, а также авиацией Голландии. Мобильные силы Эйс непосредственно подчиняются верховному главнокомандующему силами НАТО в Европе и действуют по его указаниям.

До конца 1967 года силы Эйс участвовали в 11 крупных военных маневрах НАТО — на Скандинавском полуострове, в Турции, Греции (под кодовыми названиями «Зимний экспресс», «Восточный экспресс», «Летний экспресс», «Солнечный экспресс»). Эти маневры регулярно проводятся с целью отработки взаимодействия национальных частей, входящих в многонациональную бригадную группу Эйс, в обстановке, максимально приближенной к боевой. Западные военные корреспонденты, которых допускали на маневры, подчеркивали в своих сообщениях, что основной задачей сил Эйс являются действия у границ СССР и других социалистических стран и «опасных нейтралов» в районах, удаленных от центрального фронта НАТО¹²².

По такому же принципу командование НАТО организовало и первую многонациональную морскую флотилию (в составе кораблей Англии, Канады и Голландии), соединив военные корабли этих стран под единым автономным командованием, но с национальным, а не многонациональным экипажем на каждом отдельном корабле.

Вначале перед этой военно-морской единицей были поставлены ограниченные задачи: сопровождение судов

и борьба против подводных лодок противника. Однако Пентагон, уделяющий большое внимание как мобильным силам Эйс, так и многонациональной флотилии, предложил летом 1967 года превратить эту флотилию в мощное оперативное соединение для действий в Атлантике. К кораблям Англии, Голландии и Канады были подключены несколько эсминцев и фрегатов США, Норвегии, ФРГ. Периодически эта флотилия особого назначения должна усиливаться крейсерами и авианосцами. Командуют ею по очереди представители стран, участвующих во флотилии. Окончательно решение о создании Атлантической флотилии было утверждено на сессии Совета министров НАТО в Брюсселе в декабре 1967 года. На той же сессии было в принципе одобрено создание аналогичной многонациональной морской силы НАТО в Средиземном море в порядке укрепления южного фланга НАТО.

СОЗДАНИЕ КОМИТЕТА НАТО ПО ВОПРОСАМ ЯДЕРНОЙ ОБОРОНЫ

Когда вопрос о конкретной форме организации объединенных ядерных сил НАТО зашел в тупик, правительство США попробовало начать решать проблему приобретения ФРГ к ядерному контролю сверху: с создания специального натовского органа для этой цели. Соответствующее предложение было выдвинуто Макнамарой на двухдневном совещании министров обороны стран НАТО, состоявшемся в Париже 31 мая — 1 июня 1965 г. На совещании министр обороны США официально предложил создать специально подобранный комитет в составе четырех-пяти членов НАТО для углубления планирования и консультаций по вопросам, связанным с ядерным оружием и его использованием.

В комитет, по предложению Макнамары, должны были войти министры обороны трех атомных держав НАТО, министр обороны ФРГ и, возможно, представитель Италии, который выражал бы мнение малых держав НАТО. Уклончивая формулировка Макнамары насчет четырех-пяти членов и лишь теоретическое допущение участия Италии весьма показательны. Его предложение было нацелено на то, чтобы разделить ответственность за ядерное оружие в НАТО между тремя атомными державами

и ФРГ, иными словами — предоставить Бонну равные с ядерными державами права в вопросах ядерного планирования и применения ядерного оружия.

Выдвигая свой проект, Макнамара считал, что он учитывает пожелания и Англии (интернационализация контроля, а не команд, обслуживающих средства доставки), и Франции («атомный директорат» де Голля), и Западной Германии (равенство в области ядерных решений с Англией и Францией). Поэтому этот проект поможет умиротворить главных европейских партнеров США и тем самым приостановить углубление кризиса в НАТО, связанного с растущими противоречиями между его основными участниками. Однако уже через месяц французское правительство довело до сведения США, что оно не заинтересовано в предложении Макнамары и не будет принимать участия в ядерном комитете.

Это, однако, не остановило Вашингтон, и 27 ноября 1965 г. 10 министров обороны стран НАТО (США, Англии, ФРГ, Италии, Канады, Бельгии, Голландии, Дании, Греции и Турции) собрались в Париже на первое заседание специального комитета. США пришлось пойти на расширение состава комитета ввиду протестов со стороны малых стран НАТО, которые считали, что первоначальное предложение Макнамары о комитете, состоящем из представителей четырех или пяти держав НАТО, было грубейшей дискриминацией по отношению ко всем остальным членам блока. Пойдя на создание комитета десяти (под председательством генерального секретаря НАТО), США тут же сузили круг стран, которые принимали бы решения по важнейшим вопросам стратегии и политики, предложив создать три подкомитета, или «рабочих группы», по вопросам: коммуникаций в период кризиса; разведки (в смысле обмена конфиденциальной информацией на высшем уровне); ядерного планирования в период кризиса. США и Англия были представлены во всех трех подкомитетах, каждый из которых включал представителей пяти стран.

Информированные военные обозреватели западных газет на следующий день заявили, что подкомитет по вопросам ядерного планирования является основным и что представители ФРГ получили место в нем.

Совет министров НАТО, собравшийся на свою очередную сессию в середине декабря 1965 года, одобрил

создание специального комитета, получившего в прессе название «комитета Макнамары», и его подкомитетов. В течение 1966 года состоялось несколько заседаний «комитета Макнамары» и его подкомитетов в столицах ряда стран НАТО.

Одна из важнейших сессий ведущего подкомитета по вопросам ядерного планирования состоялась в английской столице в конце апреля 1966 года. На этой сессии министры обороны США, Англии, ФРГ, Италии и Турции приняли далеко идущие решения о повышении роли Западной Германии в ядерном планировании НАТО и непосредственном осуществлении операций, связанных с ядерным оружием.

Насколько можно судить по довольно туманным сообщениям западной печати об этой сугубо секретной сессии, на ней было решено передать западногерманским ВВС часть атомных функций, выполнявшихся до этого соединениями английских и французских ВВС, расположенных на базах Западной Германии. Это решение, по-видимому, во многом было ускорено решением Франции о выходе из военной организации НАТО, в связи с чем Соединенные Штаты взяли назад американское атомное оружие, которым были вооружены части французской тактической авиации, базирующиеся на территории ФРГ¹²³.

На сессии, как это все же стало известно из противоречивых сообщений английских и американских газет, произошло столкновение между министром обороны США и остальными участниками комитета по поводу военной доктрины НАТО. В ходе дискуссии представитель Бонна при активной поддержке представителя Англии решительно высказался против отстаиваемой США теории «атомной паузы» и выступил за применение ядерного оружия в Европе с самого начала военных действий.

К концу 1966 года «комитет Макнамары» закончил свои обсуждения о механизме ядерного контроля, функциях контрольного органа, системах связи и обмена информацией и был превращен в постоянный орган НАТО, хотя и в несколько видоизмененном виде. Решением сессии Совета министров НАТО в декабре 1966 года вместо «комитета Макнамары» в НАТО был образован Комитет по вопросам ядерной обороны, открытый, как говорилось в коммюнике сессии, для всех стран НАТО.

В работе комитета изъявили желание участвовать одиннадцать стран (за исключением Франции, а также Норвегии, Исландии и Люксембурга). Внутри комитета была создана так называемая группа ядерного планирования в составе четырех постоянных членов: США, Англии, ФРГ и Италии, и трех непостоянных, избираемых на год (первичными непостоянными членами стали Канада, Турция и Голландия). Комитет предусматривает предоставление военным властям НАТО инструкций политического, стратегического и экономического характера для оценки военной обстановки, с которой будет сталкиваться блок в будущем. В первую очередь речь идет о расширении объема информации по вопросам ядерного оружия, исходящей из США.

На одной из закрытых конференций высокопоставленных офицеров стран НАТО осенью 1966 года постоянный представитель США в этом блоке Х. Кливленд прямо заявил, что в 1966 году США «по-настоящему открыли шлюзы ядерной информации» для членов НАТО, поставляя ее через «комитет Макнамары».

Что же касается группы ядерного планирования с ее постоянным президиумом из представителей четырех стран, то ее организация фактически означает, что США в конце концов протащили свой план создания Комитета по ядерному планированию в узком составе с участием ФРГ с целью подключения ее, а также Италии к контролю над ядерным оружием в НАТО. Представителям ФРГ в этой группе была, в частности, поручена подготовка документа, определяющего условия и обстоятельства, при которых ядерное оружие может быть пущено в ход в Центральной Европе. Сообщая об этом, корреспондент «Ди вельт» подчеркивал надежду западногерманских военных кругов на то, что вопрос о применении ядерного оружия будет разрешен в соответствии с пожеланиями ФРГ, которая, по его же словам, считает, что «применение атомного оружия не должно выхолащиваться до чисто политического понятия»¹²⁴. Для улучшения консультаций в период кризиса, отмечалось в решениях той же декабрьской сессии Совета НАТО, министры ввели в действие новые процедуры, которые должны обеспечить быстрый обмен мнениями, в частности новую систему телесвязи, охватывающую все страны Североатлантического блока.

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ В НАТО

Ввиду разногласий между основными участниками НАТО по таким проблемам, как концепция «атомной паузы», степень высоты «ядерного порога», направление строительства вооруженных сил каждого из участников НАТО, а также все больших расхождений в оценке военной ситуации в Европе и в подходе к взаимоотношениям с СССР и другими европейскими социалистическими странами, вопрос о некоторых аспектах текущей военной доктрины Североатлантического блока остается открытым.

Тем не менее Соединенным Штатам удалось в конце концов добиться формального одобрения в НАТО стратегии «гибкого реагирования». Как отмечалось выше, эта стратегия де-факто проводится в НАТО Соединенными Штатами уже с 1962 года, однако впервые она была официально одобрена четырнадцатью министрами обороны стран НАТО (без Франции) 9 мая 1967 г. на их встрече в Париже. Окончательно эта «более реалистическая стратегия», как выразился журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», была принята в качестве стратегии блока на сессии Совета министров НАТО в Брюсселе в декабре 1967 года. Формальное одобрение этой стратегии Советом НАТО «ликвидировало существовавший долгое время разрыв между официальной политикой и реальностями военного планирования»¹²⁵.

Однако эта «более реалистичная» стратегия НАТО, осуществляемая на практике уже в течение пяти с лишним лет, отнюдь не мешает членам блока продолжать гонку вооружений. Правда, европейские страны — члены НАТО продолжают разговоры о том, что они якобы не желают расширять обычные вооруженные силы и вооружения. Но Соединенным Штатам удалось добиться того, что за три года, с 1962 по начало 1965 года, члены блока, по оценке министра обороны США, увеличили свои военные бюджеты в среднем на 30%. При этом западногерманское правительство за этот же период повысило свой военный бюджет на 55%. В результате вооруженные силы НАТО еще более увеличились (см. таблицу 2 в приложении).

За 18 лет (с 1949 по 1966 г. включительно) 14 стран НАТО, не считая Исландии, израсходовали на гонку во-

оружий поистине астрономическую сумму — свыше 1 триллиона в американских долларах (см. таблицу 1 в приложении).

На сессии Совета Североатлантического пакта в декабре 1965 года министры НАТО обсудили вопрос о дальнейшем усилении гонки вооружений в соответствии с разработанной руководящими органами блока новой процедурой увязывания национальных планов военного строительства с планами военного строительства в НАТО. Суть этой процедуры сводится к составлению параллельных перспективных пятилетних заданий по численности вооруженных сил и другим показателям (по линии НАТО и по линии каждого участника блока), с тем чтобы в каждый данный год иметь такую проекцию на пять лет вперед.

В соответствии с этой процедурой военные руководители НАТО на сессии представили два перспективных плана военного строительства под кодовыми названиями «план Альфа» и «план Браво». Они были разработаны Пентагоном и переданы в НАТО для принятия к исполнению. Из отрывочных сообщений печати выяснилось, что эти планы предусматривают весьма интенсивную гонку ядерных и обычных вооружений. В частности, один из планов касался дальнейшего насыщения европейских частей НАТО ядерным оружием. Другой план требовал значительного повышения военных расходов и численности вооруженных сил стран — участниц блока. В частности, Западной Германии предлагалось увеличить военные расходы на 13%, а численность армии — на 20 тыс. человек. Бельгия должна будет увеличить свои расходы по линии НАТО на 29%, Дания — на 37, Голландия — на 45% и т. д.¹²⁶

В прямой связи с эскалацией американской агрессии во Вьетнаме, а также с общим усилением темпов гонки вооружений по линии НАТО находится непрерывный и значительный рост военных расходов Соединенных Штатов.

Военный бюджет США вырос с 51,9 млрд. долл. в 1964/65 финансовом году до 76,5 млрд. долл. в 1967/68 году. А на 1968/69 финансовый год президент США запросил у конгресса 79,8 млрд. долл., что соответствует рекордному уровню военных расходов за всю историю США — уровню 1945 года, последнего года второй миро-

вой войны, когда на военные нужды США ассигновали 79,9 млрд. долл. Возросла и численность американских вооруженных сил. На 30 июня 1965 г. общая численность личного состава вооруженных сил США равнялась 2653 тыс. человек. В следующем году она увеличилась до 3092 тыс., а к середине 1968 года составила 3426 тыс. человек.

Советский Союз и другие социалистические страны Европы, входящие в оборонительную организацию Варшавского договора, не могут оставаться пассивными перед военными приготовлениями, какими бы миролюбиво звучащими фразами и доктринами ни пытались прикрыть агрессивную подготовку участники блока. В нотах и посланиях США и другим державам НАТО Советское правительство в послевоенные годы не раз указывало, что подобный курс агрессивных военных приготовлений в Европе не только увеличивает напряженность и мешает устранению остатков второй мировой войны, но сам по себе чреват пожаром мировой термоядерной войны.

В попытке добиться разрядки напряженности в Европе и вообще в мире, уменьшить опасность войны, правительства СССР и других социалистических стран в послевоенный период не раз предлагали державам НАТО договориться о ряде совместных мероприятий. Осуществление их привело бы к замедлению темпов гонки вооружений, укрепило бы доверие между государствами и тем самым облегчило бы достижение договоренности о всеобщем и полном разоружении. Советское правительство, в частности, предлагало договориться о замораживании военных бюджетов государств, заключить соглашение об отказе от применения первыми ядерного оружия, запретить пропаганду войны и договориться о выводе иностранных войск с чужих территорий. Оно предлагало также сделать свободными от размещения и производства кем бы то ни было ядерного оружия определенные географические зоны (в частности, обширную зону в Центральной Европе), договориться о реальных мерах по уменьшению опасности внезапного нападения, заключить пакт о ненападении между странами НАТО и Варшавского договора.

«Подписание пакта о ненападении,— говорилось в меморандуме правительства СССР от 28 сентября 1961 г.,— не нарушило бы существующего «баланса сил» между

блоками ни на одного солдата, ни на одну винтовку. Такое мероприятие даже не ставило бы еще в практическую плоскость вопрос о ликвидации блоков, хотя это, по мнению Советского правительства, являлось бы наилучшим решением. В то же время предлагаемое соглашение явилось бы выражением отсутствия у государств, находящихся в противостоящих блоках, агрессивных намерений, содействовало бы оздоровлению международной обстановки. Это соглашение оказало бы серьезное сдерживающее влияние на потенциального агрессора, который в случае развязывания им агрессивной войны оказался бы в положении международной изоляции со всеми вытекающими отсюда для него последствиями»¹²⁷.

Однако все эти разумные предложения, принимающие во внимание не только интересы безопасности СССР, но и интересы обеспечения безопасности народов Европы и всего мира, систематически отвергались заправками НАТО, хотя внутри самого блока ряд государств весьма положительно относился к некоторым из этих предложений.

Таким образом, руководящий механизм НАТО, декларируемой целью которого является «обеспечение безопасности» входящих в блок государств, фактически использовался лидерами США и других милитаристски настроенных членов блока для того, чтобы отвергать любую инициативу, направленную на создание в Европе большей безопасности. Более того, этот механизм использовался для подавления тех пацифистских настроений, которые проявляли руководящие круги некоторых малых стран — членов блока.

Глава IV

ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ „ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ“ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США

ОСЛАБЛЕНИЕ МИРОВЫХ ПОЗИЦИЙ США И РОСТ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВНУТРИ НАТО

Принятие лидерами США стратегии «гибкого реагирования» было отнюдь не случайным актом, зависевшим от воли и умонастроений президента Кеннеди или близких к нему лиц — «политических реалистов», а диктовалось всем ходом событий новейшей истории, которые ведут к неуклонному ослаблению мировых позиций США. Этот необратимый процесс находит, в частности, свое отражение не только в эволюции официальных американских взглядов по вопросу о принципах поведения сторон в военном конфликте с СССР, в случае если таковой произойдет, но и в изменении взаимоотношений в самом империалистическом лагере.

В результате перемен, произошедших в мире после окончания второй мировой войны, соотношение сил внутри капиталистического лагеря существенно изменилось. Причины этого всем известны: отпадение от капиталистической системы целого ряда государств, ставших по примеру СССР на путь социалистического развития; крушение колониальной системы, результатом чего явилось сужение сферы влияния главных империалистических государств, а также экономическое восстановление За-

падной Европы и последующее образование в Европе замкнутых экономических группировок — Европейского экономического сообщества и Европейской ассоциации свободной торговли. И это изменение было явно не в пользу США. Если в 1948 году доля США в промышленном производстве стран капиталистического мира составляла 55,8%, то в 1966 году она упала до 45,5%. Соответственно сократился удельный вес американского экспорта в мировом экспорте капиталистических стран: с 30% в 1946 году до 16,8% в 1966 году¹.

Все это, естественно, привело к постепенному уменьшению экономической и политической зависимости от США их главных европейских партнеров. Пользуясь ослаблением положения США в капиталистическом мире и переняв американскую философию «просвещенного эгоизма», главные европейские партнеры Америки стали требовать пересмотра доктрины «взаимозависимости». Они стремились к тому, чтобы эта «взаимозависимость» стала двусторонней не только на словах, но и на деле.

Подобное требование американцы никак не хотели считать закономерным. Несмотря на все демагогические разговоры американских политиков о «равноправном партнерстве», американские правящие круги считали США лидером «свободного мира», безусловным хозяином Североатлантического блока, который американская военщина рассматривала как европейское продолжение военной системы США. Они диктовали европейским партнерам политические условия и навязывали военную доктрину, исходя из своего положения в НАТО в качестве доминирующей военной державы.

Однако с течением времени все более ясным становилось, что американское военное преобладание в блоке само по себе не может обеспечить Соединенным Штатам командования экономикой и политикой европейских членов НАТО. С ослаблением рычагов давления на западно-европейские страны, которые имелись у США в связи с осуществлением «плана Маршалла», эти страны начали с большей настойчивостью требовать, чтобы США считались с их национальными интересами. Даже для американских политиков становилось все более очевидным, что Североатлантический пакт, будучи лишь инструментом координации агрессивной военной политики его

участников, не может обеспечить выполнение тех широких политических задач, которые выдвигали США перед блоком в своей антисоветской политике.

Поскольку антисоветский элемент является главной цементирующей основой НАТО, естественно, что жизнеспособность этого блока во многом зависит от того, в какой мере его вдохновителям удастся поддерживать миф о «советской угрозе».

Но каждый год существования блока приносил его членам все новые и новые доказательства того, что тезис о «советской угрозе» является искусственным и надуманным. Жизнь не только не подтверждала этого тезиса, но, наоборот, давала неопровержимые доказательства глубокого миролюбия Советского Союза. И если американские «твердолобые» политики, руководствуясь интересами затеянного ими крестового похода против коммунизма, продолжали настойчиво говорить об «угрозе Советов», то представители правящих кругов большинства западноевропейских стран все более ставили под вопрос вероятность агрессии со стороны СССР. Как позднее писал директор английского Института стратегических исследований (работающего под эгидой НАТО) Аластэр Бакэн, «ни одна другая страна не может выиграть больше в результате мира в следующем десятилетии, чем Советский Союз, и никто не отдает себе в этом отчет лучше, чем нынешнее поколение советских руководителей..., которые снискали всеобщее уважение своей работой по восстановлению советской экономики и цивилизации из дымящихся развалин, оставшихся после германского нашествия»².

Но если к началу 60-х годов такое признание решился сделать руководитель одного из ведущих натовских институтов, то многие европейские лидеры подошли к пониманию этого бесспорного факта гораздо раньше. Многие партнеры США постепенно все яснее осознавали, что, участвуя в НАТО, они могут быть втянуты в военные авантюры, не имеющие ничего общего с их национальными интересами. В силу этого некоторые европейские участники блока начали оказывать сопротивление попыткам США навязать им дополнительные военные обязательства. Это сопротивление еще более усилилось после осуществления социалистическими странами ряда мероприятий по ослаблению международной напряжен-

ности и принятых СССР мер по одностороннему сокращению своих сухопутных вооруженных сил. Все это последний раз продемонстрировало всему миру абсурдность утверждений, что СССР собирается «аннексировать» Западную Европу.

Другим источником противоречий в блоке были непрерывные попытки США использовать этот формально региональный блок для целей своей глобальной империалистической политики. С одной стороны, эти попытки вызывали известную оппозицию многих европейских участников блока, а с другой — некоторые из европейских участников пакта сами стали пытаться использовать этот союз для поддержки своих интересов, формально лежащих вне сферы действия НАТО.

Колониальные державы, вроде Англии, Бельгии, Португалии, начали все более основательно опираться на военную помощь НАТО для борьбы с национально-освободительным движением на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Азии. Это иногда шло вразрез с интересами США, которые в своей политике по отношению к развивающимся странам любят изображать себя державой, выступающей против старого европейского колониализма. Они делают это в целях утилизации антиколониальных устремлений молодых государств Африки и Азии в свою пользу. Круговая порука колонизаторов, в большинстве случаев поддерживаемая США как морально, так и в финансовом и военном отношении (например, при революционных событиях в Индонезии, Ираке, Иордании, бывшем бельгийском Конго, Йемене и т. д.), оказывалась невыгодной для США в тех случаях, когда их империалистические интересы сталкивались с интересами старых колониальных держав Европы. Все это создавало дополнительные трения и противоречия внутри НАТО, не раз приводившие к внутренним кризисам в этом блоке.

Один из первых глубоких кризисов НАТО произошел в 1956 году, когда малые державы, входящие в блок, подняли «несогласованный мятеж» против США. Это обострение отношений внутри блока в значительной мере было результатом замедленной реакции возмущения европейских партнеров США по НАТО американскими военными авантюрами в Азии (агрессия в Корее и американское вмешательство в войну в Индокитае). Американское правительство затевало эти авантюры без кон-

сультации со своими европейскими партнерами, хотя эти авантюры затем грозили перерасти в мировые конфликты, чреватые самыми серьезными последствиями для судеб самих западноевропейских стран. Пользуясь обострением «холодной войны» и военными конфликтами в Азии, Соединенные Штаты, спекулируя на идее «атлантической солидарности», ухитрились до поры до времени заставить своих европейских союзников молчать.

1955 год, когда состоялось известное Женевское совещание глав правительств четырех великих держав, принес некоторую разрядку международной напряженности. На майской сессии Совета НАТО в Париже в 1956 году младшие партнеры в один голос потребовали от США более тесной координации межгосударственной политики в рамках НАТО и расширения сотрудничества в невоенных областях. Немалую роль в этих требованиях играло растущее понимание того, что так называемая «коммунистическая угроза» является не военной угрозой, а экономическим вызовом, который бросают капиталистическому миру Советский Союз и другие социалистические страны, успешно развивающие свою экономику и поднимающие благосостояние населения.

В результате этого «бунта младших» майская сессия Совета НАТО учредила специальный комитет «трех мудрецов» в составе трех министров иностранных дел: Ланге (Норвегия), Мартино (Италия) и Пирсона (Канада), которым было поручено «дать рекомендации Совету относительно путей и средств улучшения и расширения сотрудничества в НАТО в невоенных областях и достижения большего единства внутри Атлантического сообщества»³.

«Три мудреца» представили свои рекомендации следующей сессии НАТО, состоявшейся в Париже в декабре 1956 года и проходившей в обстановке, наэлектризованной тройственной агрессией против Египта и контрреволюционным мятежом в Венгрии. Участники сессии, посвятившие не одно заседание взаимным обвинениям, в конце концов одобрили доклад «комитета трех мудрецов». В этом докладе членам пакта рекомендовалось усилить процесс политических консультаций между министрами иностранных дел, учредить механизм мирного урегулирования споров между самими членами НАТО, углубить техническое, научное и экономическое сотрудничество

между участниками пакта и создать с этой целью комитет экономических советников⁴. Однако, как показали последующие события, записать эти пожелания на бумаге оказалось гораздо легче, чем осуществить их на практике.

ТРИ АСПЕКТА «ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ»

В октябре 1957 года концепция «взаимозависимости» была вновь затронута на переговорах Макмиллана с президентом Эйзенхауэром в Вашингтоне. В коммюнике о переговорах английский премьер и президент США заявили о том, что «принцип национальной самодостаточности устарел», и вновь призвали к укреплению «взаимозависимости» стран «свободного мира» путем объединения ресурсов и распределения задач во многих областях⁵.

Согласно трактовкам английских и американских авторов, пишущих по проблемам НАТО, принцип «взаимозависимости» следует понимать в трояком плане:

Во-первых, этот принцип следует рассматривать как концепцию, противоположную американской политике «неввязывания» в европейские дела, которая была традиционной для США в XIX веке, но от которой они все более и более отходили в XX веке, пока подписанием договора о НАТО не поставили окончательно крест на американской политике «изоляционизма».

Во-вторых, «взаимозависимость» трактуется и как готовность США поделиться с членами НАТО своим ядерным оружием в обмен на готовность последних продолжать гонку обычных вооружений и координировать политику в вопросах ядерного оружия под контролем США.

И, в-третьих, принцип «взаимозависимости» трактуется и как взаимная кооперация в производстве вооружений.

Однако практическая политика США, даже после всех громких деклараций деятелей Вашингтона о «святости принципа взаимозависимости», была по этим трем линиям направлена на то, чтобы обеспечить одностороннюю зависимость европейских членов НАТО от США.

Что касается «взаимозависимости» в общем плане, то для США вопрос о той или иной степени согласования

своих дипломатических и военных акций с Западной Европой является вопросом дипломатической тактики в их общей стратегии, направленной на борьбу против социализма. Доктрина атомной войны, независимо от ее конкретной текущей формы, доминирует ныне в НАТО; Соединенные Штаты обеспечивают сейчас 99% атомного арсенала блока. В этих условиях «взаимозависимость» не может быть ничем иным, как односторонней зависимостью европейских союзников США от тех решений, которые принимаются в Вашингтоне американским политическим руководством. Какие бы собственные идеи ни имели по поводу доктрины НАТО те или иные европейские члены блока, они не могут навязать НАТО доктрину, отличную от текущей военной доктрины США. Ведь без США вся военная организация Атлантического блока рухнет или превратится в нечто, радикально отличающееся от нынешней формы пакта.

Для европейских членов пакта реальное, а не просто формальное принятие концепции «взаимозависимости» в существующих ныне условиях неминуемо должно означать значительное ущемление суверенитета, потерю самостоятельности во внешнеполитических решениях (по крайней мере тех, которые непосредственно касаются сферы действия пакта) и подчинение их военных доктрин и стратегий доктрине и стратегии Соединенных Штатов. «Чем сильнее степень взаимозависимости,— замечает Осгуд,— тем сильнее потеря фактического независимого национального контроля над военной силой. Ибо пожертвовать независимым военным контролем значит подчинить национальную политику союзной политике или, по крайней мере, политике самого сильного союзника»⁶.

В этом-то, в частности, и заключается один из важнейших источников противоречий внутри НАТО. Ни одно из союзных с США государств, при всей своей готовности к сотрудничеству по линии НАТО, не может допустить такой степени влияния иностранной державы на его внешнюю политику, которая означала бы потерю им его национальной независимости. «Взаимозависимость — ради чего?» — задают себе мучительный вопрос лидеры западноевропейских стран, и большинство из них не находит рационального ответа.

Все чаще и чаще в умах представителей правящего класса возникает вопрос: «А стоит ли жертвовать нацио-

нальным суверенитетом и идти в реальную политическую кабалу США ради гипотетической вероятности «быть защищенным» от мифической опасности попасть под власть Советов?»

«Лучше быть мертвым, чем красным!» — такой лозунг пустили в свое время американские маккартисты, предназначая его в основном для экспортного потребления. Но в Западной Европе имеются мощные прогрессивные политические силы, которые никогда не возьмут на вооружение этот лозунг. Кроме того, даже те представители правящего класса западноевропейских стран, которые смертельно боятся коммунизма, не считают, что дилемма стоит так, как в этом изречении маккартистов. Они понимают, что при авантюристической политике американских и боннских милитаристов последние могут втянуть их в смертоносную войну, не спрашивая их согласия. Эту весьма реальную возможность английский левый лейборист Кони Зиллиакус охарактеризовал как уничтожение «без права представительства», или «без права сказать свое слово».

А ведь именно такого рода ситуация может оказаться реальной перспективой для многих стран Европы в условиях, когда боннские реваншисты все более и более восторгаются идеей «вытяжного троса». Как говорилось выше, эта идея означает способ развязать большой ядерный конфликт с участием США при помощи небольшой ядерной провокации, организованной даже без их ведома. Не удивительно поэтому, что из всех американских союзников по НАТО идею «атлантической интеграции» активно поддерживают лишь руководители ФРГ, которые хотят сделать свою связь с США, а следовательно, и американскую зависимость от акций Бонна как можно более неразрывной. Все же другие партнеры США по НАТО относятся к планам «атлантической интеграции» по меньшей мере весьма скептически.

То же самое можно сказать и по второму аспекту «взаимозависимости» — политике распространения ядерного оружия внутри НАТО. США не смогли обеспечить такое положение, при котором все ядерное оружие внутри НАТО являлось бы американской собственностью. У Англии и Франции появились свои национальные атомные арсеналы, пусть ничтожные по сравнению с арсеналом США, однако не подчиненные контролю последних.

Все попытки Вашингтона поставить эти арсеналы под американский контроль окончились крахом.

Создание национальных атомных арсеналов в Европе и связанное с этим повышение престижа стран, владеющих ядерным оружием, на империалистическом западном форуме породило неудержимое желание иметь это оружие и у других стран, в первую очередь у ФРГ. А безрассудство американских правящих кругов, ослепленных ненавистью к коммунизму, привело к тому, что они сами положили начало (во имя «достижения перевеса над Советами») распространению ядерного оружия в НАТО. Они подвели дело к тому, что Бонн весьма близко подошел к получению контроля над ядерным оружием.

Это поистине парадокс истории! Соединенные Штаты не хотели передавать секреты производства атомной бомбы своему верному союзнику — Англии, хотя английские ученые помогли им создать такую бомбу. Ради того, чтобы не дать Англии этих секретов, США вероломно расторгли торжественную договоренность между Черчиллем и Рузвельтом об обмене атомной информацией. А теперь американские милитаристы оснащают средствами доставки ядерного оружия войска Западной Германии — страны, которая была их врагом и на земле которой похоронено немало американских солдат, погибших в боях против германского милитаризма.

Возможность самостоятельного применения собственного ядерного оружия, например Англией, без консультации с США в определенной мере подрывает ядерную монополию США в НАТО. Однако практически контроль над ядерным оружием в НАТО остается пока что единолично в руках США. В силу этого судьбы западноевропейских участников блока во многом зависят от решений американского президента по вопросу о применении этого оружия, от общего направления политики США.

Какие бы консультативные комитеты по вопросу о применении ядерного оружия ни создавались сейчас в НАТО, невозможно себе представить коллективный процесс принятия решений по вопросу, который должен быть решен в считанные секунды. Представители других держав НАТО получают сейчас через эти комитеты возможность влиять на американские концепции и планы, связанные с применением ядерного оружия. Однако пока еще нельзя говорить о разделении этими странами с США

контроля над боевым использованием ядерного оружия. Переход к реальному, действенному контролю других держав над этим смертоносным оружием может произойти лишь в двух случаях: либо правительство США откажется от своего права вето за его применением, либо же это право без согласия США будет узурпировано одним из членов НАТО, уже имеющим такое оружие на вооружении своей армии. И вероятность второго случая является не абстрактным допущением. Ведь бундесвер ныне уже обладает средствами доставки ядерного оружия: самолетами и ракетами, для которых имеются и ядерные бомбы и боеголовки, хотя формально они находятся под американским замком.

Боннские лидеры понимают, что участие представителей ФРГ в ядерном комитете, созданном НАТО, не есть еще контроль над ядерным оружием. Но бесспорно и то, что это есть очередная ступенька к такому контролю. Если события в НАТО будут и дальше развиваться таким же образом, каким они развивались до сих пор, то в конечном итоге боннские генералы получат ядерное оружие в свое распоряжение. И тогда уже все правовые нормы и различного рода коллегии, призванные определять использование такого оружия, окажутся бессильными надстройками, не способными предотвратить применение ФРГ ядерного оружия без санкции США.

Как сложилась ситуация в разрезе третьего аспекта «взаимозависимости» — кооперации стран НАТО в области производства вооружений на основе специализации? Правительство США, действующее в интересах американских военных монополий, сумело с помощью политического и военного давления обеспечить им основные позиции на европейском рынке вооружений.

В результате так называемой кооперации под вывеской НАТО было создано несколько картелей по производству определенных видов вооружения. И хотя на готовой продукции этих картелей может стоять клеймо «сделано в ФРГ» или «сделано в Италии», все эти производственные организации выпускают военную продукцию американского происхождения, по американским лицензиям, за которые военно-промышленные фирмы США получают ежегодно немалые барыши. К этим организациям относятся: организация по производству американской зенитной ракеты «Хок» (члены: Бельгия,

Франция, ФРГ, Италия и Голландия); организация по производству в Европе американской ракеты «Сайдуиндер» класса «воздух — воздух» (члены: Бельгия, Дания, ФРГ, Греция, Голландия, Норвегия, Португалия и Турция); организация по производству американской авиационной ракеты «Булпап» класса «воздух — земля» (члены: Дания, Норвегия, Турция и Англия); организация по производству американского истребителя-бомбардировщика «Старфайтер» F-104 G (члены: Бельгия, ФРГ, Италия и Голландия).

Западногерманские летчики прозвали самолет F-104, «летающим гробом», или «делателем вдов», поскольку в одной лишь Западной Германии, по данным на конец 1967 года, без видимых причин разбилось 72 таких самолета из общего числа 700 самолетов этой модели, имеющих на вооружении западногерманских ВВС. Тем не менее заводы в Европе продолжают производить эту машину, а американская фирма «Локхид эйркрафт», создавшая ее, — получать громадные прибыли.

Навязывание Соединенными Штатами своей военной продукции европейским членам НАТО не раз вызывало резкие протесты со стороны европейских фирм, выбиваемых с рынка американскими конкурентами. Но протесты имеют мало эффекта в мире «свободного предпринимательства», живущем по закону джунглей.

УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА В НАТО. ВЫХОД ФРАНЦИИ ИЗ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПАКТА

Таким образом, несмотря на все разговоры американских лидеров о необходимости «взаимозависимости», ситуация реально сводится к продолжающемуся американскому господству в НАТО. «Американская ядерная монополия, соединенная с правилом о неконсультациях, — писал известный французский социолог и военный теоретик Раймон Арон, — в конечном итоге сводит европейские государства на положение американских протекторов»⁷. При этом европейские союзники США ставились в столь унижительное положение в условиях, когда, как отмечалось в одном из рокфеллеровских докладов, «угроза войны уменьшается, а страх перед последствиями войны растет»⁸.

В этих условиях некоторые западноевропейские союзники США начали предпринимать акции, направленные на то, чтобы утвердить свою независимость от американской политики. В экономической области важнейшим таким мероприятием явилось подписание в марте 1957 года Римского договора о создании Европейского экономического сообщества — «общего рынка». Само создание ЕЭС, как и конкурирующего с ним другого блока — Европейской ассоциации свободной торговли во главе с Англией, в принципе шло вразрез с интересами США. Это усложняло для них возможности расширения торговой экспансии на западноевропейском рынке, обостряло торговую войну между главными капиталистическими странами за рынки как промышленных государств, так и развивающихся стран. Поэтому определенные монополистические группы в США пытались воспрепятствовать созданию ЕЭС. Однако, с точки зрения Вашингтона, плюсы в пользу американской поддержки «общего рынка» превышали минусы.

Правящие круги США надеялись, во-первых, что экономическая интеграция в Европе подведет более устойчивый фундамент под военно-дипломатическую надстройку НАТО и тем самым укрепит позиции США в качестве лидера этого военного блока. Во-вторых, многие американские монополисты считали, что таможенные барьеры «общего рынка» не будут столь страшны и непробиваемы для них, как могло показаться с первого взгляда. Их расчеты базировались на том, что ведущие монополии США в послевоенные годы в гигантской степени укрепили свои позиции в Европе путем приобретения контрольных пакетов акций европейских компаний и создания собственных дочерних предприятий. И, наконец, большие надежды возлагались на то, что «общий рынок» с его ясно выраженной тенденцией раскола Европы ухудшит возможности для ослабления европейской напряженности. Перспектива политической разрядки в Европе всегда пугала Вашингтон ее потенциально антинаатовскими последствиями.

В том же 1957 году на совещании глав правительств стран НАТО представители многих европейских государств — членов блока потребовали, чтобы американская делегация серьезно отнеслась к дипломатической инициативе СССР, предложившего рассмотреть спорные ми-

ровые проблемы на новом совещании в верхах. В результате этого давления в итоговое коммюнике совещания было включено заявление о необходимости переговоров между Востоком и Западом по вопросам разоружения. Один из разделов этого коммюнике говорил также о необходимости укрепления экономического сотрудничества между странами Западной Европы без какого-либо особого упоминания об укреплении экономических связей с США.

С конца 50-х годов лидером той части официальных кругов стран НАТО, которые выступают за политическую и военную независимость западноевропейских стран от США, стал президент Франции де Голль. На своей пресс-конференции 15 мая 1962 г. де Голль провел строгое различие между атлантическим союзом, или сообществом, деятельность которого французский президент в принципе одобрял, и организацией НАТО, которая, по его мнению, значительно устарела за 13 лет своего существования⁹.

Эту же идею он высказал Кеннеди в конфиденциальной беседе еще во время визита последнего в Париж в июне 1961 года. «Мир изменился, — сказал де Голль. — Вашингтон больше не имеет ядерной монополии, и этот факт уменьшил ценность американского ядерного меча. Более того, Америка имеет обязательства по всему миру. А в Европе возрождение национальной гордости, особенно во Франции, означает, что интегрированная оборона под американским командованием далее уже неприемлема. Недавний бунт французских генералов против своего правительства явился, возможно, результатом денационализации обороны: генералы, не чувствуя никакой ответственности за защиту Франции, не чувствовали и никакой лояльности по отношению к французскому правительству»¹⁰.

Президент Кеннеди и до своей поездки в Европу отдавал себе отчет в росте там националистических настроений, в усиливающемся с каждым годом стремлении западноевропейских государств экономически и политически оторваться от США. С целью предотвратить экономический отрыв Европы от Америки Кеннеди в 1961 году внес в конгресс проект закона о расширении торговли. Закон предусматривал предоставление президенту полномочий осуществлять снижение тарифов на

50% в порядке взаимности, а также снижать до 100%, то есть практически упразднить по взаимному согласованию с «общим рынком», пошлины на те товары, поставка которых на мировой рынок осуществляется на 80% США и странами ЕЭС. Кроме того, он получал право снижать или упразднить пошлины на тропические товары; товары традиционного импорта из развивающихся стран.

Закон, вступивший в силу в октябре 1962 года, был сформулирован таким образом, что часть его положений, которая касалась полной взаимной отмены пошлин на промышленные товары, могла быть осуществлена лишь после вступления в ЕЭС Англии. Таким образом, одной из его целей было заставить страны ЕЭС принять Англию в «общий рынок», которую США справедливо рассматривали как своего троянского коня в этом сообществе. Однако де Голль, точно так же расценивающий потенциальную роль Англии в ЕЭС, как раз по этой причине воспрепятствовал принятию в «общий рынок» «агента англосаксов», и замысел США в какой-то мере был сорван¹¹.

Наряду с мерами по экономической интеграции США с Западной Европой Кеннеди считал необходимым сделать упор и на идеологическую интеграцию, которая, с одной стороны, учитывала бы самостоятельность европейских стран, а с другой — использовала бы эту независимость для более равноправного объединения США со странами Западной Европы на платформе антикоммунизма. С этой целью Кеннеди решил вдохнуть новую жизнь в дискредитированную идею «взаимозависимости» путем обещания равноправного партнерства с Европой.

В своей речи 4 июля 1962 г. по случаю Дня независимости США Кеннеди следующим образом сформулировал идею атлантического партнерства: «Я заявляю, что Соединенные Штаты будут готовы к декларации взаимозависимости, что мы будем готовы обсудить с объединенной Европой пути и средства создания конкретного атлантического партнерства, взаимовыгодного партнерства между новым союзом, создаваемым сейчас в Европе, и старым американским союзом, созданным здесь 175 лет назад. Все это нельзя завершить за год. Однако пусть мир знает, что такова сейчас наша цель»¹².

Эту же мысль Кеннеди вновь развивал год спустя в своей речи во Франкфурте 25 июня 1963 г. во время второго визита в Европу. Он уверял слушателей в том, что

США не стремятся «доминировать над европейскими советами, принимающими решения», и призывал к созданию «полностью сцепленной Европы, которая только и может защитить нас всех от того, чтобы наш союз не распался». Он признавал необходимость «равного распределения ответственности и равного уровня жертв»¹³.

Однако все эти заявления Кеннеди были такой же демагогией, как и рассуждения его предшественников о великом и равноправном американо-европейском партнерстве. Ибо сколько бы ни разглагольствовали американские государственные деятели о предполагаемом равенстве атлантических партнеров, конкретная внешнеполитическая линия Вашингтона в отношении Западной Европы оставалась линией гегемонии, направленной на одностороннее подчинение интересов американских партнеров империалистическим интересам США.

Как самокритично отмечалось в одном из докладов, подготовленных для «комиссии Фулбрайта», «хотя американцы очень много говорили и говорят о взаимозависимости и равном партнерстве, политика США пока что не предусматривала такого партнерства, в котором Европе равенство было бы доступно на всех уровнях взаимоотношений. В силу этого для многих европейцев атлантическое партнерство — это всего лишь хитроумная схема, рассчитанная прежде всего на то, чтобы разрешить проблему платежного баланса Соединенных Штатов»¹⁴.

Европейские союзники США не раз пробовали добиться того, чтобы последние стали с ними на равную ногу, то есть согласились бы принять на себя кое-какие встречные обязательства. В ответ американские лидеры начинали ссылаться на то, что НАТО — не единственный союз, в котором участвуют США, и поэтому они должны сохранять для себя свободу рук. Но это была лишь благопристойная дипломатическая отговорка. Американские лидеры просто-напросто пытались затушевать неприятную для западноевропейских руководителей реальность неравноправных взаимоотношений США с Европой, строящихся на политике «с позиции силы». «США — это локомотив мира, а все остальные страны — это вагоны», — любил повторять один из ведущих проповедников американского великодержавного шовинизма — Дин Ачесон. О каком же, спрашивается, равенстве между США и их партнера-

ми может идти речь при такой оценке распределения ролей в «свободном мире» самими американскими деятелями?

Поэтому доктрина «взаимозависимости» (если и впрямь рассматривать ее как концепцию теоретически равноправного атлантического партнерства, а не как обоснование необходимости кооперации в производстве вооружений и тарифно-таможенных соглашений) повисла в воздухе, несмотря на все красивые декларации Кеннеди. Приход же к власти нового президента США, который проявил еще меньше, чем Кеннеди, склонности считаться с интересами европейских партнеров США, привел к тому, что этот вопрос превратился во многом в чисто академический. Как подчеркнула «Нью-Йорк таймс» в передовой от 28 марта 1966 г., президент Джонсон ни разу не употребил слово «равные», говоря о взаимоотношениях США с Западной Европой, а лондонская «Таймс» писала, что в отношениях США с их европейскими партнерами «даже обычная дипломатическая вежливость стала вещью необычной»¹⁵.

Правительство США, начавшее все глубже и глубже увязать в войне во Вьетнаме, стало уделять еще меньше, чем прежде, внимания интересам и нуждам своих европейских партнеров. Оно занималось в НАТО лишь проталкиванием плана создания интегрированных ядерных сил и пыталось организовать (без особого успеха) поддержку своей вьетнамской авантюры со стороны правительств стран — участниц блока, что лишь обостряло напряженность и трения внутри пакта.

Кризис НАТО в 50-х годах проявлялся лишь в виде отдельных болезненных симптомов, спорадически прорывавшихся на поверхность. В середине 60-х годов он превратился в постоянную, глубокую и, как считают многие даже на Западе, неизлечимую болезнь в результате дальнейшего обострения противоречий между участниками пакта.

Президент де Голль, выражая настроения самых широких кругов французского народа, заявил 7 марта 1966 г. в письме к президенту Джонсону, что Франция «твердо намерена полностью восстановить осуществление своего суверенитета на всей своей территории, суверенитета, который в настоящее время ущемлен постоянным присутствием союзных военных элементов или использованием

ее воздушного пространства; прекратить свое участие в интегрированных командованиях и впредь не выделять своих войск в распоряжение НАТО»¹⁶.

В двух последующих памятных записках странам НАТО (от 10 и 29 марта) французское правительство указало на изменившиеся условия в мире и Европе. Оно подчеркнуло, что организация НАТО ныне не соответствует этим условиям, в связи с чем оно и решило прекратить членство Франции в военной организации НАТО, хотя Франция и осталась участником Вашингтонского договора от 4 апреля 1949 г. о Североатлантическом пакте.

С 1 июля 1966 г. французское правительство отозвало всех своих представителей из объединенных командований блока: верховного командования силами НАТО в Европе, командований войсками НАТО в Центральной и Южной Европе и подчиненных им, а с 23 июля — из оборонного колледжа НАТО. В связи с тем что штаб-квартиры верховного командования и центрального европейского командования НАТО были расположены во Франции, они по требованию французского правительства были выведены с ее территории. К началу апреля 1967 года американское правительство вынуждено было вывести из Франции находившиеся там американские войска и штабы (в том числе штаб командования вооруженными силами США в Европе) и ликвидировать американские базы на французской территории.

В связи с выходом Франции из военной организации Североатлантического пакта французские войска, расположенные на территории ФРГ, также были возвращены под национальное французское командование. На летней сессии Совета министров НАТО в Париже в июне 1966 года было принято решение переместить штаб-квартиру блока в Бельгию. Для этой цели бельгийское правительство выделило НАТО участок площадью в 200 га близ города Монс. Кроме того, было решено объединить главное командование силами НАТО в Центральной Европе с главными командованиями сухопутных и военно-воздушных сил НАТО в Центральной Европе и разместить это объединенное командование на территории Голландии, а также перевести оборонный колледж НАТО в Италию. Одновременно было принято решение об упразднении постоянной группы трех держав военного комитета НАТО. Военный комитет, который состоит из начальников гене-

ральных штабов, является ныне высшим военным исполнительным органом блока. Совет НАТО, переведенный в Брюссель, рассматривает чисто политические проблемы. Высшим военным органом НАТО стал Комитет военного планирования в составе министров обороны 14 стран (без Франции).

Объясняя причины решения французского правительства о выходе Франции из военной организации НАТО, ее министр иностранных дел Кув де Мюрвиль в интервью по радио сделал следующее заявление. Поскольку Франция, оставаясь в НАТО, не была полностью суверенной в военной области, она не могла быть вполне уверенной, во-первых, является ли политика, которую она проводит, национальной и, во-вторых, находится ли эта политика целиком во французских руках. «Подобный курс,— подчеркнул Кув де Мюрвиль,— мог бы привести к втягиванию в политику, которую сама страна не выбирала и о которой она сама не принимала решений. Ничто не может быть хуже, чем подобная ситуация»¹⁷.

Премьер-министр Франции Жорж Помпиду высказался еще определеннее по этому вопросу в Национальном собрании Франции: «Если однажды и впрямь возникнет — из-за интересов, чуждых Франции и ее обязательствам в Союзе (Североатлантическом.— Г. Т.), — конфликт между Соединенными Штатами и СССР, а именно в это упирается вопрос, кто может утверждать, что факт нахождения на нашей территории штаб-квартиры американских войск в Европе с ее системой коммуникаций и всем аппаратом командования, не говоря уже о военно-воздушных базах и базах военного снабжения, не создаст для нас очевидного и серьезного риска?»¹⁸.

Именно этим стремлением освободиться от связанности с политикой Вашингтона и руководствовалось правительство Франции, принимая решение о выходе из военной организации Североатлантического блока.

Решение Франции поставило перед руководителями НАТО ряд очень сложных проблем. Одной из них является проблема перемещения так называемой инфраструктуры НАТО, то есть объединенных систем снабжения, связи и тылового обеспечения, расположенных на территории Франции, в соседние с ней страны НАТО.

Самым важным элементом в широкой системе инфраструктуры НАТО, пересекающей Францию поперек, яв-

ляются трубопроводы, служащие для подачи горючего самолетам и транспорту, расположенному на передовых рубежах в ФРГ. Чиновники НАТО, отмечала в свое время лондонская «Гардиан», считают, что минимальная стоимость перенесения жизненно важной инфраструктуры и защищенных (бетонированных) командных постов НАТО из Франции в другую страну составит не меньше 100 млн. ф. ст. «Но и затраты на новую инфраструктуру, — подчеркивала газета мнение натовских специалистов, — не смогут компенсировать стратегической ценности Франции, находящейся в центре союза»¹⁹.

Американские и английские лидеры, делая хорошую мину при плохой игре, стремятся доказать, что выход Франции из военной организации НАТО якобы ничего не изменил и что этот блок будет продолжать успешно существовать и без военного вклада Франции. В таком именно духе была составлена Декларация четырнадцати, принятая под нажимом США и Англии членами НАТО 18 марта 1966 г. в ответ на решение Франции выйти из военной организации НАТО и изъять из этого блока свои войска.

Однако все мало-мальски мыслящие деятели на Западе не могут не признать, что решение Франции нанесло существенный удар по НАТО. Большинство из них, не решаясь идти столь далеко, чтобы ставить под вопрос целесообразность сохранения НАТО, приходят к выводу, что эта организация не сможет дальше существовать, если она не подвергнется радикальной перестройке. Обсуждению этого вопроса — о реформе НАТО, о будущих отношениях между членами Североатлантического пакта — посвящены ныне сотни статей и десятки более солидных трудов²⁰. Слабость большинства работ западных теоретиков состоит в том, что авторы их полагают возможным путем тех или иных переделок внутри организации НАТО сохранить этот союз. Они не желают обращать внимания на то, что причины кризиса блока коренятся гораздо глубже, чем недовольство той или иной страны нынешней организацией руководства блоком или распределением руководящих постов между представителями различных национальностей.

К числу такого рода работ относится, в частности, книга Тимоти Стэнли «НАТО на переходном этапе». Автор ее, работающий в секретариате министра обороны

США, очень хорошо знаком с проблемами НАТО. Стэнли утверждает, что выход Франции из НАТО может быть в какой-то мере компенсирован принятием в Североатлантический блок Испании, чего, кстати говоря, усиленно добивается правительство США. Он предлагает превратить совещательную группу по вопросам атлантической политики, созданную после суэцкой авантюры в качестве полуофициального органа при НАТО, в постоянный комитет планирования международной политики НАТО. Он считает необходимым повысить ранг постоянных национальных представителей в НАТО (ныне имеющих звание послов), сделав их заместителями министров иностранных дел соответствующих стран, с тем чтобы постоянные консультации между членами блока осуществлялись на более высоком уровне. Он предлагает также произвести реформу структуры руководящих органов блока на манер реорганизаций, произведенных в военных иерархиях США и Англии, создавших высокоцентрализованные министерства обороны.

С аналогичными предложениями об усилении централизации в НАТО и создании единого политико-военного секретариата, который отвечал бы одновременно за гражданское и военное планирование в НАТО, выступает и директор английского Института стратегических исследований А. Бакэн. Ряд других авторов — Мидлтон, Киссингер — настаивают на необходимости превращения блока из региональной в более глобальную организацию с целью укрепления единства западного мира в борьбе против коммунизма.

Все эти проекты направлены, по сути дела, на укрепление блока как наднациональной организации. Объективной же тенденцией последних лет было усиление национализма в западноевропейских странах, их стремление к более полному осуществлению своего суверенитета. Это наглядно проявляется не только по линии НАТО, но находит отражение и в кризисе тех наднациональных организаций, которые были созданы для руководства двумя таможенными блоками в Европе.

Отсюда проистекает утопичность всех этих проектов «оживления» и «спасения» НАТО. Однако было бы глубокой ошибкой не видеть того, что этот агрессивный военный блок, несмотря на все раздирающие его противоречия, остается опаснейшей антисоветской, антисоциалистической силой.

тической силой, способной на военные провокации, чреватые катастрофическими последствиями. Разгул национализма в стане НАТО, подрывающий блок изнутри, с другой стороны, приводит к укреплению положения в этом блоке западногерманских милитаристов и реваншистов, все еще вынашивающих планы «военного поглощения» ГДР. Выход Франции из военной организации НАТО в определенной степени усилил позиции в НАТО милитаристов ФРГ, получивших в нем новые командные должности. Закрепившись на этих должностях, представители западногерманской военщины намерены оказывать еще большее давление на США в пользу наиболее авантюристического курса в европейской политике.

Следует подчеркнуть, что кризис межсоюзнических отношений в западном блоке — это одновременно и форма проявления более глубокого недуга капиталистической политики и идеологии, в которой находят отражение основные процессы современного этапа общего кризиса капитализма. Даже для западных наблюдателей, разделяющих общую политическую платформу НАТО, становится все очевиднее, что основная причина «болезни НАТО» — несоответствие целей и смысла деятельности НАТО характеру современной эпохи.

Империалистические круги США сколотили этот блок на платформе антикоммунизма. Целью деятельности Североатлантического пакта на протяжении всего времени его существования были «сдерживание», «отбрасывание», «оттеснение» социалистических стран, военное наступление на социализм. Как показал ход событий в послевоенное время, подобной негативной цели явно недостаточно, чтобы цементировать блок, несмотря на весь тот страх, который правящие круги капиталистических стран испытывают перед идеями социализма и коммунизма. Пытаясь спасти блок в условиях разочарования в организации НАТО многих его европейских участников, американские и английские идеологи в последнее время начинают протаскивать идею, что этот военный блок может быть использован для установления взаимного понимания и развития сотрудничества между капиталистическими и социалистическими странами Европы.

Этот тезис был впервые выдвинут английским министром иностранных дел Стюартом накануне июньской сессии Совета НАТО в 1966 году, затем подхвачен пре-

мьер-министром Дании Крагом и нашел отражение в решениях сессии, записавшей в коммюнике, что «мирное прекращение раскола Европы остается главной целью Союза, стремящегося к тому, чтобы Европа вновь была единой...»²¹. Подобное заявление явилось поистине неслыханной, беспрецедентной для НАТО декларацией.

Руководители блока подчеркивали, что Североатлантический пакт является организацией, созданной для того, чтобы путем коллективной мобилизации ресурсов и военных усилий его участников остановить «советскую агрессию», «защитить» военными средствами Западную Европу от нападения извне. И хотя словами об обороне прикрывались, по существу, агрессивные намерения и приготовления, важно в данном случае то, что речь шла о военной функции пакта как главенствующей и почти что исключительной. (Если не считать функции политических консультаций между его членами по невоенным вопросам, которая появилась впоследствии в зачаточной форме под влиянием протеста европейских членов НАТО против политического диктата США.)

Североатлантический пакт не способен был решать задачи политического урегулирования в Европе, которые были выдвинуты на повестку дня изменившимися условиями в мире. Этот факт явился одним из самых весомых для правительства Франции аргументов в обоснование его решения выйти из военной организации НАТО. Этим оно развязывало себе руки для дипломатической инициативы с целью решения европейских проблем путем сотрудничества со странами Восточной Европы, в частности с СССР.

И вдруг, как это ни странно, сами руководители НАТО начинают изображать этот блок в качестве инструмента европейского мира и мирного урегулирования. Заправилам НАТО пришлось изображать организацию, созданную для войны, как организацию мирного урегулирования и сотрудничества с потенциальными противниками. Это лишний раз подтверждает то, что в наше время уже нет никаких реальных аргументов, которые бы оправдывали, даже в глазах самих членов НАТО, сохранение этого агрессивного блока, и их приходится черпать из области фантазии.

Все это говорит и о том, что трудящиеся Европы отрицательно относятся к той деятельности, которую прово-

дит НАТО, и все решительнее требуют разрядки напряженности в Европе.

Мотивы о «мирной» направленности блока понадобились его руководителям и как подачка тем правительственным деятелям в европейских странах НАТО, которые начинают все более активно требовать позитивного решения проблемы европейской безопасности как главной проблемы, стоящей перед Европой, даже если ее решение повлечет за собой в конце концов ликвидацию НАТО. Воздействие тех сил в Европе, которые выступают за мир и безопасность, становится с каждым днем все заметнее, а сторонники агрессивного курса начинают терять свои позиции. Многие представители правящих кругов капиталистических стран Европы, даже входящих в НАТО, теперь уже понимают, что для безопасности Европы важнейшее значение имело бы укрепление политических отношений между европейскими государствами, независимо от их общественного строя.

Именно поэтому в Западной Европе с большим интересом и пониманием были встречены предложения социалистических государств, выдвинутые в известной Декларации об укреплении мира и безопасности в Европе, принятой на совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского договора, состоявшемся в Бухаресте в июле 1966 года. Это совещание подчеркнуло, что радикальным путем к ослаблению военной напряженности в Европе был бы одновременный роспуск существующих военных блоков — Североатлантического союза и Варшавского договора.

В условиях же, когда страны НАТО не готовы пойти на это, совещание предложило целый ряд частичных мер в направлении разрядки напряженности на европейском континенте. К этим мерам относятся: ликвидация военных организаций НАТО и Варшавского договора, а также иностранных военных баз, вывод всех иностранных войск с чужих территорий в пределы своих национальных границ, сокращение численности вооруженных сил обоих германских государств, создание безъядерных зон и т. д. Подлинной гарантией мира для каждой европейской страны, подчеркнули участники совещания, явилось бы создание в Европе системы коллективной безопасности. Договоренность об организации такой системы могла

бы быть достигнута на соответствующем общеевропейском совещании по этим вопросам.

Положения Бухарестской декларации представляют собой комплексную программу достижения европейской безопасности. Реализация этой программы, безусловно, привела бы к созданию прочной системы безопасности на европейском континенте, исключила бы возможность новой агрессии в этом важнейшем районе мира, создала бы обстановку доверия и взаимовыгодного сотрудничества государств с различным общественным строем. При этом следует особо подчеркнуть, что предложения социалистических стран Европы выражают чаяния и настроения подавляющего большинства европейцев, вне зависимости от их мировоззрения, верований или политической принадлежности.

Этот очевидный факт был еще раз подтвержден на Конференции европейских коммунистических и рабочих партий по вопросам европейской безопасности, состоявшейся в Карловых Варах в конце апреля 1967 года. Участники конференции в итоговом заявлении отметили, что «Атлантический блок вступил в фазу открытого кризиса. Правящие круги некоторых западных стран оспаривают ценность и целесообразность политики военного союза с США или участия в объединенных вооруженных силах НАТО, грозящего вовлечь их государства в войну, не имеющую ничего общего с их национальными интересами. В европейских капиталистических странах усилились тенденции к освобождению от политической и военной опеки Соединенных Штатов»²².

Вполне осуществимая задача создания в Европе системы коллективной безопасности, основанной на принципах мирного сосуществования государств с различным общественным строем, отметили участники конференции, требует прежде всего признания всеми государствами реальной действительности, как она сложилась в Европе в послевоенное время. Это означает признание нерушимости существующих в Европе границ, особенно по Одеру и Нейсе, а также границ между обоими германскими государствами; признание существования двух суверенных германских государств — ГДР и ФРГ, что требует от последней отказа от притязаний на представительство всей Германии; исключение возможности доступа ФРГ к ядерному оружию в какой бы то ни было форме; призна-

ние мюнхенского договора недействительным с момента его заключения.

Тот факт, что решения конференции коммунистов вызвали широкий положительный отклик в самых различных политических и общественных кругах Европы, свидетельствует о глубокой жизненности намеченной в Карловых Варах программы борьбы за Европу без военных блоков, за демократию и социальный прогресс, за единую общеевропейскую политику мира. Интересно отметить, что на последних сессиях Совета НАТО многие представители европейских стран — участниц блока все настойчивее требуют, чтобы западные державы, верховодящие в НАТО, со своей стороны сделали шаги навстречу социалистическим странам с целью решения вопросов европейской безопасности.

На сессии Совета министров НАТО в декабре 1966 года министр иностранных дел Бельгии Пьер Армель, выражая позицию целого ряда европейских стран — членов блока, высказался за «европейскую согласованность» без США и Канады и против выдвижения любых предварительных условий для созыва конференции по вопросам европейской безопасности. «Еще никогда ни на одной сессии Атлантического союза, — сообщал из Парижа об этой сессии корреспондент «Нью-Йорк таймс», — большинство министров не выражали в такой степени убеждение в том, что отношения с коммунистическим миром улучшились... и что следовало бы установить новые контакты с Советским Союзом и Восточной Европой»²³. По настоянию малых стран НАТО в итоговом коммюнике сессии было записано, что «в области отношений между Востоком и Западом можно, бесспорно, использовать самые различные подходы как в отношениях между отдельными странами, так и в более широких международных рамках»²⁴.

Как отмечали западноевропейские обозреватели, включение подобной формулировки в коммюнике означало провал попыток представителей Вашингтона связать все страны НАТО обещанием проводить одинаковую политику в отношении социалистических стран. Министры НАТО приняли также предложение Армеля о проведении широкого анализа политических событий, происшедших после подписания Североатлантического договора, и их влияния на НАТО с целью определения

будущих задач пакта. Для этого была создана специальная рабочая группа НАТО во главе с генеральным секретарем НАТО Брозио. С точки зрения лидеров Вашингтона, практической целью намечаемых исследований должна быть подготовка предложений о реформе НАТО в 1969 году (срок истечения действия договора) в попытке сохранить этот сепаратный военный блок, «подновив» его и «демократизировав» его процедуру. Однако многие в Западной Европе все более скептически оценивают шансы на сохранение блока в 70-е годы в его прежнем качестве американского инструмента «холодной войны».

МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР И «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ» США

Правящие круги Соединенных Штатов не смогли добиться в послевоенные годы осуществления поставленной цели: если не «ликвидировать коммунизм» вообще, то по крайней мере «оттеснить» и «отбросить» его. После войны произошел внушительный рост революционных сил социализма, всего мирового коммунистического и национально-освободительного движения. В самом империалистическом лагере еще более обострились противоречия, в том числе и внутри созданных под эгидой США военно-политических блоков. Все это привело не только к эволюции в американской военно-политической доктрине, но и поставило под вопрос основополагающие установки американского империализма — «национальную цель» США.

Под влиянием провалов и поражений американской внешней политики, в результате выявившейся неспособности США обеспечивать проамериканское решение мировых проблем путем прямого использования военной силы в тех или иных районах мира или давления «с позиции силы» в Соединенных Штатах постепенно нарастает «брожение умов». Все большее число деятелей, даже в руководящих кругах США, осознает, что основные постулаты «холодной войны» нуждаются в переосмысливании. В силу мировых событий многие из этих деятелей все чаще приходят к выводу, что «нельзя ставить знак равенства между оптимальной безопасностью и максимальным превосходством любого рода», как выражается один

из известнейших американских «советологов» — М. Шульман в своей последней книге «По ту сторону холодной войны»²⁵.

В то же время многие лидеры США все еще сильно загипнотизированы концепциями «холодной войны», стратегическими формулами, доказывающими осуществимость неосуществимого. Они глубоко погрязли в агрессивных антисоветских приготовлениях. Им трудно понять, что эти приготовления (и «локальные пробы сил»), доводящие гонку вооружений до такой грани, когда становится все менее возможным предотвратить мировую ядерную катастрофу, в конечном итоге оборачиваются против безопасности самих США. За антисоветскими, антисоциалистическими лозунгами, за стремлением остановить, а то и повернуть вспять исторический процесс национального и социального освобождения народов у лидеров Вашингтона нет никакой позитивной, конструктивной цели. И это обстоятельство по-настоящему пугает трезвомыслящих деятелей США, мучительно задумывающихся над долговременными целями и перспективами американской внешней политики.

Проблема национальной цели уже давно волнует лучших представителей американской интеллигенции, которые рассматривают ее не столько по отношению к тому или иному району мира, сколько применительно к самому американскому обществу. У коммунистов, отмечают они, есть определенная позитивная цель, есть идеал, к которому они стремятся. Эта цель — построение коммунистического общества в условиях мира, обеспечение счастья и благополучия для рядового гражданина, демонстрация собственным примером преимуществ социалистического, коммунистического пути развития для всего остального человечества. «Критической слабостью нашего общества является то, что в настоящее время наш народ не имеет великих целей, во имя достижения которых он мог бы объединиться», — отмечал У. Липпман²⁶.

Он выдвинул этот тезис в 1960 году, когда в США, во многом по его инициативе, развернулась первая общенациональная дискуссия об американских целях и идеалах. Она была отражением глубокого идеологического кризиса, охватившего США под влиянием успехов социализма, в первую очередь успехов коммунистического строительства в СССР, с одной стороны, и усиливавшейся ми-

литературной американской экономики, политики и идеологии — с другой.

В ходе дискуссии было высказано немало здравых мыслей о никчемности, демагогическом характере, нереалистичности официальных американских целей и идеалов. Джеймс Рестон — один из ведущих комментаторов «Нью-Йорк таймс», вспомнил об американской Декларации независимости и провозглашенных ею «самоочевидных истинах» о том, что все люди сотворены равными, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Он вынужден был констатировать, что те положения, которые казались «самоочевидными» отцам — основателям США, ныне находятся там под вопросом²⁷.

Другие участники дискуссии указывали на то, что никак нельзя совместить политику зверской дискриминации в отношении негров, пуэрториканцев, индейцев и других меньшинств, которая является неотъемлемой чертой «американского образа жизни», с притязаниями США на лидерство в «свободном мире». «Расовые предрассудки дома являются колоссальной помехой для любой нации, претендующей на то, чтобы возглавлять некоммунистический мир, состоящий по преимуществу из цветного населения», — отметил один из ведущих американских стратегических теоретиков — Альберт Вольстеттер²⁸.

Весь этот серьезный разговор, затеянный дальновидным и умным американским публицистом, не привел, однако, к формулированию подлинно конструктивных целей и идеалов, которые учитывали бы меняющиеся условия в революционно меняющемся мире.

«Позитивные» предложения, сделанные в ходе дискуссии, в основном сводились к набившим оскомину антикоммунистическим выпадам, к предложениям «воевать в так называемой холодной войне с волей и с размахом для обеспечения полной победы», как выразился председатель «Рэдио корпорейшн оф Америка» Давид Сарнов²⁹. Стандартно негативные антикоммунистические формулировки легли и в основу специального правительственного доклада «Цели для американцев», составленного комиссией, назначенной президентом Эйзенхауэром в порядке «отклика властей» на общественную дискуссию о целях Соединенных Штатов Америки.

«Ради общей обороны мы должны поддерживать и

укреплять наши военные союзы,— говорилось во внешне-политическом разделе доклада.— Наши обязательства в отношении НАТО должны остаться особенно твердыми. Мы должны поощрять тенденцию к большей военной интеграции среди европейских членов и принятие ими на себя большей доли ответственности. Наши другие военные союзы и связи на Среднем Востоке и в Азии должны также быть подтверждены и укреплены»³⁰. Вот к каким «великим идеалам» пришли политические и общественные деятели и бизнесмены, составившие этот широко разрекламированный доклад для американского президента! Однако уже в этом докладе была более или менее впервые официально высказана мысль о том, что «Соединенные Штаты, хотя и вездесущи, все же не всемогущественны»³¹. Эту мысль позднее подробно развил в своих выступлениях президент Кеннеди.

Дж. Кеннеди, будучи на посту президента, продолжал курс наращивания военной мощи и военных приготовлений в интересах американского финансово-монополистического военно-промышленного комплекса, определяющего политику страны. Однако, в отличие от своих предшественников, он понял тщетность расчетов на то, что стоит США сделать рывок в гонке вооружений, как они окажутся далеко впереди СССР и с позиций превосходящей силы продиктуют миру свои условия. Кеннеди не только сам отказался от этой иллюзии. Он нашел в себе мужество публично, с высоты своего президентского поста, сказать правду американцам, зачарованным легендой об американском всемогуществе, сказать им, что не может быть одностороннего американского решения мировых проблем, не может быть «американского мира».

В ноябре 1961 года, выступая в Сиэттле, президент Кеннеди, признавая возросшую военную мощь Советского Союза, заявил: «Мы должны осознать тот факт, что Соединенные Штаты не являются ни всемогущими, ни всеведущими, что мы не можем всегда навязывать свою волю остальным 94% человечества, что мы не можем исправить все зло, помочь во всех бедах и что поэтому не может быть американского решения для каждой мировой проблемы»³².

Высказать эту горькую правду американцам Кеннеди пришлось не по доброй воле и охоте, а под давлением об-

стоятельств — реальной оценки мировой ситуации, изменившейся не в пользу США. С тех пор эту мысль Кеннеди повторял неоднократно. Он указывал на то, что силы США и СССР примерно равны, поэтому ни одна из сторон не может надеяться разрушить другую без того, чтобы самой не подвергнуться разрушениям³³. Поэтому, считал Кеннеди, нужно если не ослабить «холодную войну», то по крайней мере воспрепятствовать ее раздуванию. Иначе неконтролируемое развитие событий может привести мир к такому положению, когда война между США и СССР станет неизбежной.

После же кризиса в районе Карибского моря Кеннеди начал подумывать о том, что необходимы более конструктивные меры для предотвращения непредумышленного сползания к мировой атомной войне, что нужно сделать какие-то новые шаги навстречу СССР с целью улучшения отношений между двумя странами и разрядки международной напряженности. Итогом этих размышлений стала его речь в Американском университете в Вашингтоне 10 июня 1963 г. Эта речь могла бы явиться, останься жив Кеннеди, важной вехой в развитии американо-советских отношений. Ибо в ней впервые в послевоенной истории США американский президент признал необходимость осуществления политики мирного сосуществования с Советским Союзом.

Подчеркнув, что темой его выступления является мир, Кеннеди продолжал: «Какого рода мир я имею в виду, какого рода мир мы ищем? Не Пакс Американа, навязанного планете американскими орудиями войны... Я говорю о подлинном мире — таком мире, который делает жизнь на земле стоящей, таком мире, который дает возможность людям и нациям расти и надеяться и создавать лучшую жизнь для своих детей. Речь идет не просто о мире для американцев, но о мире для всех мужчин и женщин, не только о мире в наше время, но и о мире на все времена»³⁴.

Это выступление Кеннеди, как и другие аналогичные его заявления, отразило определенный элемент реализма. Однако в его позиции было много и от идеализма, она не была подкреплена американской действительностью с господством монополистического капитализма, отвергающего принципы равноправия и свободы.

Кеннеди, и это показала его трагическая судьба, ока-

зался более передовым государственным деятелем, чем его послевоенные предшественники на посту президента. Однако американское общество в целом еще не созрело до понимания неизбежности отступления США перед силами мира, социализма и антиколониальных революций. Оно еще не готово осмысленно и трезво признать неизбежность мирного сосуществования как единственной реальной политики, гарантирующей обеспечение безопасности самих США в современном насыщенном ракетно-ядерным оружием мире. «Конечно, — отметил Шлезингер, назвавший эту речь Кеннеди одной из трех его великих речей, — что касается сосуществования, то, как любит подчеркивать Джордж Кеннан, мы сосуществуем с Советским Союзом начиная с 1918 года. Но проблема-то заключалась не в принятии сосуществования, а в признании этой политики, и я думаю, что президент высказался об этом со всей ясностью» (выделено мной. — Г. Т.)³⁵.

Любопытно, что Кеннеди готовил эту речь в секрете от государственного департамента и министерства обороны США. «Почему он так поступил?» — спросил впоследствии Шлезингера вашингтонский корреспондент английской «Санди таймс» Брэндон. «Да потому, — ответил Шлезингер, — что президент знал, что он хотел сказать, и не хотел того, чтобы начался процесс разведения»³⁶.

В своей речи на сессии Генеральной Ассамблеи в сентябре 1963 года Кеннеди отметил, что создалась определенная пауза в «холодной войне», и призывал превратить эту паузу в прочный мир путем мирного сотрудничества между всеми странами, в первую очередь между США и СССР. «Если эта пауза в холодной войне поведет лишь к возобновлению, а не к концу такой войны, тогда клеймящее позором обвинение со стороны потомков будет справедливо предъявлено ко всем нам», — сказал он³⁷.

Не следует, конечно, преувеличивать значение всех этих миролюбивых заявлений американского президента, ибо в конечном итоге отнюдь не президент США определяет основы внутренней и особенно внешней политики страны. Эта политика формируется как средняя составляющая различных противоборствующих сил как внутри, так и вне американского общества. Она определяется борьбой между монополистическими группировками,

межпартийной и внутрипартийной борьбой управляющей бюрократии, сопротивлением народных масс политике правящей верхушки, оппозицией со стороны сил, противостоящих американскому империализму на международной арене, и т. д. и т. п. Она находится также в непосредственной зависимости от таких факторов, как экономический и военный потенциал страны, состояние военной готовности, и многих других.

Теоретический реализм Кеннеди по большей части затмевался прагматическими потребностями «политики силы», проводимой монополистическим капиталом США. Говоря о «мире для всех людей», критикуя концепцию «Пакс Americana», Кеннеди тем не менее проводил в жизнь экспансионистскую доктрину «открытых дверей», пытался «раздвинуть рубежи» для активного экономического, политического и идеологического наступления США. При этом, однако, он более осторожно подходил к наступательным действиям военного порядка, учитывая катастрофические последствия нарушения равновесия, сложившегося, по признанию американских политиков, между США и СССР в области ракетно-ядерного оружия. На практике это означало более осмотрительный подход США к ведению «холодной войны», поиски областей для ограниченных соглашений с СССР на взаимоприемлемой основе, стремление найти иные пути для отношений США со странами Африки, Азии и Латинской Америки.

Сама идея «новых рубежей» была выдвинута Кеннеди в его заключительной речи на национальном съезде демократической партии в Лос-Анджелесе 15 июля 1960 г. Подчеркнув, что главным для американцев должна стать забота о будущем, Кеннеди сказал: «Мы стоим сегодня на пороге нового рубежа — рубежа 60-х годов, рубежа неизвестных возможностей и суровых опасностей, рубежа невыполненных надежд и угроз... Но новый рубеж, о котором я говорю, не есть набор обещаний — это сумма вызовов... За этим рубежом находятся белые пятна науки и космоса, нерешенные проблемы мира и войны, непобежденные очаги невежества и предрассудков, проблемы бедности и достатка с избытком, на которые не дано ответа... Я считаю, что время требует изобретательности, нововведений, смелого воображения и решений. Я прошу каждого из вас стать новым пионером этого нового рубежа. Ибо суровые факты действительности таковы, что

мы стоим сейчас на этом рубеже в переломный момент истории. Мы должны сейчас вновь доказать, способна ли наша нация... состязаться с движением вперед коммунистической системы»³⁸. Из этой цитаты видно, что концепция «новых рубежей», выдвинутая Кеннеди, по существу, явилась переосмыслением классической концепции Тэрнера о «раздвигающейся границе» и развитием ее применительно к условиям современной эпохи³⁹.

Тэрнер и его последователи понимали эту идею в первую очередь в плане неограниченных возможностей для территориальной экспансии США. Кеннеди же трактовал ее в плане поиска ответа на вызов, бросаваемый Соединенным Штатам новыми условиями изменившегося мира — мира победоносного шествия идей социализма и коммунизма и успешно развивающейся социалистической системы государств, мира растущих надежд и чаяний народов развивающихся стран, мира социальных революций, мира новой техники и технологии, покоренного атома и выхода человека за оболочку земной атмосферы на просторы вселенной.

В доктрине «новых рубежей» одновременно присутствовали два элемента: определенный реализм в оценке мировой ситуации и традиционный империалистический экспансионизм, по-прежнему доминировавший в конкретной внешнеполитической практике США. Это и объясняет двойственность политики Кеннеди, противоречивость действий и заявлений правительства США в период его пребывания на посту президента.

С одной стороны, Кеннеди пустился на вооруженную интервенцию против Кубы в апреле 1961 года с целью ликвидации там народной власти. С другой стороны, Кеннеди, проявив большую государственную мудрость, сумел остановиться во время кризиса в районе Карибского моря осенью 1962 года, который весьма близко подводил мир к грани термоядерной катастрофы.

Кеннеди, поняв безнадежность продолжения американской интервенции в Лаосе, согласился мирно урегулировать лаосский вопрос. Однако, в аналогичной ситуации гражданской войны в Южном Вьетнаме, Кеннеди пошел на расширение вооруженного вмешательства США во внутренние дела Вьетнама, что в конечном итоге втянуло американский народ в кровавую и бесперспективную войну в Юго-Восточной Азии.

Правительство Кеннеди пошло на заключение Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Совместно с СССР оно внесло на рассмотрение XVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцию о невыводе на космическую орбиту объектов, несущих ядерный заряд, которая и была принята Ассамблеей. В то же время это же правительство развернуло гонку ядерных вооружений в США и проводило провокационные военные демонстрации, вроде массовой переброски дополнительного числа американских войск в Европу, что вело лишь к обострению «холодной войны», к усилению международной напряженности ⁴⁰.

С одной стороны, Кеннеди заявлял, что американское оружие «никогда не будет использовано для нанесения первого удара», а с другой — он же говорил о том, что «при определенных обстоятельствах США могут проявить инициативу» в развязывании ядерного конфликта ⁴¹.

Все это налагало печать непоследовательности на всю американскую внешнюю политику в период президентства Дж. Кеннеди. А эта двойственность, в свою очередь, была отражением борьбы противодействующих сил в самих США: сил, выступающих за более реалистическую внешнюю политику, за «модус вивенди» (т. е. временные соглашения) с СССР, и сил, олицетворяемых наиболее агрессивными кругами американского финансово-монополистического капитала, ищущих выхода из кризиса капитализма на путях гонки вооружений и военных авантур. Эта борьба зачастую находила отражение в закулисных, а иногда и открытых конфликтах между деятелями из ближайшего окружения Белого дома, размежевавшихся, по определению Олсопа, на партию военных «стервятников» и партию «голубей» при обсуждении тех или иных внешнеполитических курсов.

С приходом к власти правительства президента Л. Джонсона многие из позитивных элементов линии Кеннеди оказались за бортом американской внешней политики. Правительство Джонсона начало настоящую большую войну против народов Вьетнама (хотя, с точки зрения американских стратегов, эта война все еще является «локальной»), доведя численность американских войск в Южном Вьетнаме до 550 тыс. к весне 1968 года (по сравнению с 4 тыс. на начало 1962 г.). Оно совершило

агрессию против Демократической Республики Вьетнам, начав массированные бомбардировки территории республики, в том числе ее главных городов. Причем правительство США ведет агрессивную войну во Вьетнаме без формального ее объявления.

Такой метод действий, являющийся нарушением конституционной процедуры США, однако уже давно стал их обычной практикой. Согласно данным самого Белого дома, на протяжении американской истории было 162 случая, когда американские войска предпринимали вооруженные интервенции или участвовали в вооруженных действиях по решению президента без объявления войны⁴². Правительство Джонсона выступило с агрессивными «доктриной Джонсона» и «доктриной Раска», в которых делаются попытки обосновать «право» США на вооруженное вмешательство в любой части мира.

Руководствуясь подобного рода «доктринами», правительство Джонсона в январе 1964 года устроило в зоне Панамского канала расстрел панамских демонстрантов, первоначально требовавших лишь того, чтобы национальный флаг Панамы развевался в зоне канала наряду с американским.

В апреле 1965 года правительство США совершило вооруженную интервенцию против Доминиканской Республики с целью подавления восстания народа против реакционного правительства и поддержки в стране правых сил. Эта интервенция, организованная под предлогом колонизаторов о необходимости «защитить жизнь и имущество» граждан США, находящихся в республике, была осуществлена США без каких-либо консультаций даже с ОАГ — организацией, обычно довольно покорно выполняющей требования Вашингтона.

Подчеркнув, что своей интервенцией США нанесли публичное оскорбление латиноамериканским государствам — членам ОАГ, консервативная лондонская «Таймс» отмечала: «Соединенные Штаты делают все, что в их силах, чтобы показать, что они вновь вернулись к американскому колониализму XIX века, по крайней мере в своих отношениях с Латинской Америкой»⁴³.

В этот же период ухудшились и отношения США с Советским Союзом. Правда, в первые месяцы после своего прихода к власти президент Джонсон в какой-то мере продолжал осуществлять линию Кеннеди на улуч-

чение взаимоотношений с СССР. В президентской кампании 1964 года вокруг кандидатуры Джонсона от демократической партии группировались умеренные элементы США, считавшие в тот период главной задачей — недопущение к власти американских «бешеных», выдвигавших кандидатом в президенты от республиканской партии США сенатора Голдуотера.

Программа Голдуотера, изложенная в избирательной платформе республиканцев, принятой на национальном конвенте партии в Сан-Франциско в июле 1964 года, вновь брала на вооружение курс «освобождения» социалистических стран. Она требовала резкого усиления гонимых вооружений, подчинения гражданских властей США — военным, «победы» во Вьетнаме, ликвидации с помощью Кубинской Республики и т. д. и т. п. Сообщая об этой платформе, лондонская «Таймс» саркастически писала, что «супер-патриот потребовал абсолютной победы с помощью абсолютного оружия над абсолютным врагом — столь категоричных терминах, что нормальные люди должны тут же ринуться в горы искать укрытия»⁴⁴. На выборах в ноябре 1964 года партия Голдуотера потерпела полное поражение. Многие видные республиканцы отшатнулись от человеконенавистнической программы сенатора-милитариста. Большинство американцев понимают ныне, что те времена, когда США могли необузданно рьять оружием, безвозвратно прошли.

Большая часть американцев требовала от государственного руководства не воинственных призывов и угроз, ответственного поведения на мировой арене с учетом реальной обстановки в мире и ограниченных возможностей США. Им казалось, что президент Джонсон с его большим государственным опытом сумеет обеспечить проведение такого курса и, в частности, продолжить линию на улучшение взаимопонимания и сотрудничества СССР.

После избрания Джонсона президентом в своем первом послании конгрессу «О положении страны» он сделал заявление о желательности дальнейшего углубления взаимопонимания и развития мирного, в том числе и экономического, сотрудничества с СССР. Откликаясь на эти заявления, Советское правительство вновь подчеркнуло готовность СССР развивать и улучшать отношения Соединенными Штатами.

Однако, как оказалось, американское правительство, декларируя о своей мнимой готовности улучшать отношения с СССР, «перебрасывать мосты» к другим странам социализма, начинало в то же время агрессию против одной из социалистических стран — Демократической Республики Вьетнам, расширяло интервенцию в Южном Вьетнаме и предпринимало агрессивные действия в других районах земного шара. Фактически в своей политике во Вьетнаме президент Джонсон перенял многое из программы американских «бешеных», против которой он сам выступал во время избирательной кампании. В таких условиях не могло быть возможностей для дальнейшей нормализации связей между США и СССР, и отношения между обеими странами ухудшились.

Правительство Джонсона взяло курс на расширение «холодной войны», дополняя ее военными интервенциями США в Конго, Панаме, Доминиканской Республике, во Вьетнаме, где американское правительство пошло на осуществление военной «эскалации». Это вызвало резкую критику со стороны самых широких слоев американской общественности, обеспокоенной не только непосредственными фактами агрессии США в разных частях света, но и тем, что подобный курс толкает мир к большой ядерной войне, могущей повести к гибели сотен миллионов людей, в том числе и многих американцев.

В последние два года, в условиях усиливающейся американской агрессии во Вьетнаме с применением все более зверских методов войны и уничтожения мирного населения, общественное движение протеста в США представляет собой бурлящий вулкан, заставляющий правительство на внутривнутриполитической арене занимать позиции глухой обороны против массовой критики.

Массовая общественная критика внешней политики Белого дома, которая явственнее проявляется в провинции, чем в столичных крупных городах, направлена не просто на осуждение политики вооруженной интервенции во Вьетнаме как бессмысленной, беспочвенной и бесперспективной. Наряду с этим вновь поднимается вопрос об общих целях и идеалах, об общих основах американской внешней политики. Эта общественная борьба за прекращение американской агрессии во Вьетнаме, за радикальный поворот к миру выражается в массовых демонстрациях и институтских дискуссиях, в полемике на страни-

цах газет и журналов и кампаниях протеста против военного призыва. Она находит отражение и в высших кругах американского руководства в виде стычек между «стервятниками» и «голубями» из окружения Белого дома, в виде критики правительственной политики в конгрессе США.

В марте 1964 года сенатор Фулбрайт, активный сторонник президента Кеннеди, одним из первых заметивший, что правительство Джонсона возвращается на старую колею «холодной войны», выступая в конгрессе, потребовал решительного отказа от устаревших иллюзий и тщательной и коренной переоценки всей внешней политики США. «Мы,— сказал он,— сталкиваемся со сложной и изменчивой ситуацией в мире и мы цепляемся за старые мифы, сталкиваясь с новыми фактами, и стремимся уйти от противоречий, сужая допустимые пределы публичной дискуссии, приписывая все новые идеи и точки зрения к разбухающей категории «немыслимых мыслей». Я считаю, что эту тенденцию можно и должно изменить, что в пределах наших возможностей и, несомненно, в наших интересах отойти от установившихся мифов и начать предаваться некоторым «немыслимым мыслям» — о холодной войне и об отношениях между Востоком и Западом, о слаборазвитых странах, особенно в Латинской Америке, о меняющемся характере китайской коммунистической угрозы в Азии и о затянувшейся войне во Вьетнаме»⁴⁵.

Такого рода мысли, независимо от того, одобряются ли они официально или нет, выражает все большее число представителей американского правящего класса, которые вслед за Кеннеди пытаются найти нестандартные ответы на вновь возникающие ситуации и проблемы. Многие критики современной внешней политики США из числа идеологов правящего класса ставят под вопрос даже основу основ всего американского внешнеполитического курса: политику оголтелого антикоммунизма.

Анализируя процесс развала НАТО, кризис СЕАТО и других антикоммунистических военных блоков, они приходят к выводу, что «антикоммунизм не является надлежащим ответом на ситуацию, в которой мы живем» (по выражению Шульмана). Так говорят и другие известные американские «советологи», вроде Кеннана, Колера, Бжезинского. «Было бы большим свёрхупрощением считать

коммунизм центральным фактором в любом конфликте, происходящем в слаборазвитом мире», — заявил не кто иной, как министр обороны США Макнамара — «цезарь» и «счетно-решающая машина», как его называют.

Выступая перед главными редакторами американских газет в Монреале в мае 1966 года, он подчеркнул, что ни совесть, ни разум не требуют того, чтобы США были мировым жандармом. «США, — продолжал он, — не получали мандата от всевышнего на роль мирового полицейского... Там, где нашей помощи не просят, очень редко бывает благоразумным выступать добровольцами». Макнамара призвал проявить реализм во взаимоотношениях США с их потенциальными противниками, в первую очередь с СССР. Он подчеркнул, что целью США в отношениях с этими странами должно быть не стремление к идеологическому сближению, а установление доверия и выявление взаимных интересов, как, например, отказ от дальнейшего распространения ядерного оружия. Он подчеркнул, что США погрязли в «джунглях семантики», отождествляя «безопасность исключительно с военными соображениями, в особенности с системами оружия, вместо того чтобы связывать ее с социальным и политическим прогрессом»⁴⁶. Несомненно, что такого рода «еретические» мысли сыграли немалую роль в его досрочной отставке с поста министра обороны.

Однако, слушая подобные рассуждения, нелепо было бы думать, что антикоммунизм ведущих американских идеологов уменьшается или слабеет, что они начинают более примирительно относиться к социалистическому учению, действуя в духе «мирного сосуществования» идеологий. Ничего подобного, конечно, не происходит. Просто многие из американских лидеров поняли, что лобовая идеологическая атака на учение социализма часто не дает им желаемого эффекта.

Основные послышки учения научного социализма соответствуют чаяниям народов развивающихся стран, ищущих наиболее эффективных путей социально-экономической организации общества. Аргументы в пользу социализма убедительно подкрепляются силой примера успешного строительства социализма и коммунизма в СССР и других социалистических странах. Вот почему американские идеологи стремятся свернуть в столкновении идеологий с основной стержневой магистральной и пе-

ревести дискуссию в плоскость голого экономизма, оперируя временно более высокими показателями производства материальных благ в Соединенных Штатах.

В результате «брожения умов» в США ставятся под вопрос и многие другие концепции «холодной войны», превращенные пропагандой и практикой США в почти что канонические постулаты. В начале 60-х годов нейтралитет развивающихся стран, хотя и перестал квалифицироваться Вашингтоном как «аморальный», все же осуждался им как антиамериканское явление. Теперь же, в условиях роста антиамериканских настроений в мире, идеологи США уже готовы принять нейтралитет многих стран «третьего мира» как «наименьшее из всех зол». Раньше американские идеологи предавали анафеме революцию и считали «недопустимым самовольством» даже эволюционные преобразования в странах Азии, Африки, Латинской Америки, если они не происходили под контролем США. Ныне некоторые из них выступают за то, чтобы оказывать поддержку... революциям!

Это надó делать, утверждает американский профессор Ганс Моргентау, не без умысла закрывающий глаза на разницу между подлинно народными движениями и верхушечными переворотами, для того чтобы это были проамериканские революции, чтобы они не шли по коммунистическому руслу. «Если Соединенные Штаты,— продолжает мысль Моргентау сенатор Фулбрайт,— будут автоматически осуждать любую группу или движение, с которыми окажутся связаны коммунисты, значит мы и в самом деле оставили всякую надежду хоть как-то влиять на революционные движения и требования социальных перемен»⁴⁷.

Все эти призывы в конечном итоге сводятся к требованиям большей осторожности, большей продуманности в планировании и осуществлении внешнеполитических акций, иначе говоря, к требованиям «гибкого реагирования» не только в военно-стратегической доктрине, но и во внешней политике. При этом речь идет о гибкости не только тогда, когда дело касается взаимоотношений США со странами, квалифицируемыми Вашингтоном как «противники». Призывы к гибкости раздаются и тогда, когда дело касается главных империалистических партнеров США, с тем чтобы США стремились к осуществлению целей, «находящихся в пределах американской досяга-

емости и не больше», как выразился однажды сенатор Черч.

В этой связи продолжает усиливаться и общественная критика американской политики военной эскалации во Вьетнаме. В 1966, а затем и в 1968 году сенатская Комиссия по иностранным делам провела широкие и публичные (с показом по телевидению) обсуждения вопроса об американской политике во Вьетнаме. Последнее обсуждение продемонстрировало значительный рост оппозиции курсу эскалации даже в самом правящем классе США. «Не только в сенате, но и во всей стране преобладают чувства волнения, разочарования и тревоги», — отметил в своем выступлении лидер демократов в сенате М. Мэнсфильд, подчеркнув при этом, что он использует «самые мягкие термины»⁴⁸.

Многие эксперты-теоретики как в США, так и в других странах Запада признают, что стратегия эскалации не дала США желаемого результата — быстрой и верной победы, хотя в своей агрессии против ДРВ Пентагон зашел слишком далеко (особенно, если учесть тот факт, что речь идет о войне против небольшой страны, не имеющей собственного ядерного оружия). В этих условиях, подчеркивают даже проамерикански настроенные наблюдатели, уже можно констатировать, что США потерпели политическое поражение во Вьетнаме, где «сила была обезоружена психологией»⁴⁹. Банкротство агрессивного американского курса во Вьетнаме, наряду с широкой оппозицией этому курсу в США и во всем мире, в конце концов заставило президента Джонсона пойти на политическое маневрирование. Одним из таких маневров, видимо, и является его решение не выдвигать вновь свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах и заявить о готовности США к деэскалации и контактам с представителями ДРВ.

Отмечая все эти новые веяния и призывы с позиций здравого смысла, необходимо вместе с тем учитывать, что сам процесс осознания ограниченных возможностей американского империализма представителями правящего класса США является долгим и мучительным, и он вряд ли скоро закончится. Наряду с призывами к внешнеполитической, дипломатической и военной гибкости в США выдвигаются требования и совершенно противоположного характера. И стоящее у власти американское руко-

водство гораздо чаще поддается на эти понукания справа, со стороны архиреакционных агрессивных сил, чем на призывы к благоразумию, исходящие от более трезво мыслящих представителей американского правящего класса.

Следует отметить определенный застой в американском военно-стратегическом мышлении в последние два-три года, который связан с тем, что доктрина «гибкого реагирования» оказалась пока что вершиной американской военно-теоретической мысли. Однако американские стратеги упорно продолжают изыскивать области, «не охваченные» универсальными стратегическими схемами, и предлагать свои варианты на этот счет.

В последние годы ряд американских научно-исследовательских институтов, занимающихся вопросами прогнозирования экономического развития США на ближайшие 50—100 лет, пришел, в частности, к следующему выводу: главнейшим направлением использования сырьевых богатств природы для нужд промышленности и сельского хозяйства в предстоящие десятилетия должно стать освоение ресурсов морей и океанов, богатства которых пока что утилизируются человечеством в совершенно ничтожной степени в основном лишь путем рыболовства.

Из поставленной таким образом задачи американские военные теоретики сделали вывод о необходимости установления стратегического контроля США над мировым океаном. В связи с этим в военных кругах США возрождаются и получают широкое хождение геополитические идеи воинствующего американского мариниста Альфреда Мэхэна. В конце XIX века в своей книге «Влияние морской силы на историю» он выступил с концепцией о решающем значении военного контроля над морями для обеспечения мировых интересов США.

Развивая идеи Мэхэна применительно к современным условиям, министерство военно-морского флота США опубликовало брошюру «Новый вызов четырех океанов». В ней оно прямо заявляет, что «морская ответственность» Соединенных Штатов должна распространяться не только на «традиционные районы» (Атлантический и Тихий океаны), но также и на Северный Ледовитый и Индийский океаны. Комментируя эту официальную публикацию, обозреватель журнала «Ньюсуик» Рэймонд Моли,

тесно связанный с американскими военно-морскими кругами, подчеркивал: «Свобода морей является относительным понятием. Она должна поддерживаться той нацией, которая имеет военную силу, чтобы обеспечить эту свободу»⁵⁰.

Американские геополитики-маринисты рассматривают мировой океан как непрерывную и единую географическую среду, имеющую, однако, узкие места: ключевые пункты коммуникаций между океанами. Главнейшие из них — Малаккский пролив, соединяющий Тихий и Индийский океаны в месте, где азиатский материк вдается наиболее глубоко на юг в воды океана; Красное море — Суэцкий канал и, наконец, Панамский канал. Отнюдь не случайно, что все эти места являются в последние годы основными районами военных конфликтов, непосредственно организуемых или провоцируемых американским империализмом.

Район Малаккского пролива — это Индокитайский полуостров (Вьетнам), район Суэца — это Ближний Восток, где Израиль выполняет роль военного аванпоста империалистических держав, а Панамский канал — это Панама, Куба, а также Гаити и Доминиканская Республика, расположенные непосредственно на подходе с востока к этому важнейшему морскому пути. Если с учетом всего этого проанализировать военные акции американского империализма за последнее десятилетие, то идеи американских геополитиков предстанут уже не просто в виде абстрактно-теоретических изысканий.

В этом же плане следует рассматривать и крепнущий союз между американским и британским империализмом в районе Индийского океана, где Англия и США, действуя на основе секретного соглашения от 30 декабря 1966 г., совместно создают цепь стратегических военно-морских и военно-воздушных баз на принадлежащих Англии небольших коралловых островах, разбросанных в этом океане.

Естественно, что Советский Союз, как одна из крупнейших военно-морских держав мира, не может не учитывать этого направления американской стратегии и должен быть постоянно начеку и на океанских рубежах, где советские вооруженные силы в состоянии дать должный отпор на всякое насилие, угрожающее интересам безопасности Советского Союза.

Агрессивный курс Соединенных Штатов является в современных условиях главным дестабилизирующим фактором в международной обстановке. Этот факт объективно создает предпосылки для коллективного противодействия проискам США со стороны государств, заинтересованных в мире. Усилия различных государств должны быть направлены на укрепление мирных факторов как в глобальном масштабе, так и в отдельных районах земного шара. Но прежде всего, чтобы обуздать агрессивные происки американского империализма и всякого рода авантюристов и милитаристов, завербованных им в союзники, требуется единство действий всех социалистических стран и на основе этого единства — объединение всех антиимпериалистических сил на платформе защиты мира и мирного сосуществования.

Политика мирного сосуществования и мирного соревнования между двумя социальными системами объективно работает на Советский Союз и другие социалистические страны, создавая благоприятные условия для распространения по всему миру и претворения в жизнь принципов научного социализма. Представители правящих кругов США понимают это очень хорошо. Политика мирного сосуществования, подчеркивали авторы одного из докладов об СССР, подготовленных для сената США, «должна быть понимаема в настоящее время не как отступление, а как форма продвижения» социализма⁵¹.

Вот почему правящие круги США, хотя они волей или неволей и подошли к признанию сосуществования как неизбежного совместного бытия разных общественных систем на нашей планете, все же пытаются переместить соревнование между двумя системами в плоскость гонки вооружений и активизации военных приготовлений. Они исходят из того, что в обстановке разрядки международной напряженности для США становится все более затруднительным действовать с «позиции силы», сохранять сколоченные ими военные блоки, осуществлять акции против национально-освободительного движения. Империалисты США идут на прямое развязывание военных авантур в разных районах мира с целью отвлечь силы и ресурсы социалистических государств от мирного

экономического строительства. Однако этот провокационный вызов на гонку вооружений, исходящий со стороны США, не заставит Советский Союз свернуть с мирного курса, ослабить темпы хозяйственного строительства.

«Строительство коммунизма в СССР,— говорится в резолюции XIII съезда КПСС,— всестороннее совершенствование советского социалистического общества — это основной вклад КПСС, всего советского народа в мировой революционный процесс, в борьбу всех народов против империализма, за мир, национальную независимость, демократию и социализм. Международное значение коммунистического строительства в СССР состоит в том, что оно усиливает экономическую, политическую и оборонную мощь всей социалистической системы, способствует распространению и утверждению идей социализма во всем мире»⁵².

Приложения

ВОЕННЫЕ РАСХОДЫ ГОСУ
(по официаль

Страны	Валютная единица	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.
Бельгия	млн. бельг. фр.	7653	8256	13387	19965	19815	19925
Канада	млн. кан. долл.	372	495	1220	1875	1970	1771
Дания	млн. крон	360	359	475	676	889	885
Франция	млн. новых фр.	4787	5591	8811	12531	13865	11710
ФРГ	млн. марок	—	—	—	—	6195	6287
Греция	млн. драхм	1630	1971	2615	2655	2767	3428
Италия	млн. лир	301	353	457	521	480	543
Люксембург . .	млн. фр.	112	170	264	436	488	566
Голландия . . .	млн. гульденов	680	901	1060	1253	1330	1583
Норвегия	млн. крон	370	357	572	831	1067	1141
Португалия . .	млн. эскудо	1419	1516	1553	1691	1975	2100
Турция	млн. лир	556	599	652	725	827	936
Великобритания	млн. ф. ст.	779	849	1149	1561	1681	1571
США	млн. долл.	13580	14559	33398	47852	49621	42900
Всего по Европе	млн. долл.	4825	5445	7627	10231	12403	11746
Всего по Северной Америке	» »	13952	15054	34618	49727	51591	44671
Всего по НАТО	» »	18777	20449	42245	59958	63994	56417

Источник: «НАТО Letter», Jan. 1962, p. 23, Jan. 1966, p. 29.

Таблица 1

**ДАРСТВ — ЧЛЕНОВ НАТО
ным данным)**

1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
17067	17065	18356	18312	18686	19161	19775	21111	22230	24853	25681
1819	1888	1829	1740	1642	1654	1703	1810	1712	1811	1754
920	936	1012	988	986	1113	1280	1551	1651	1764	1911
11020	14690	15600	16569	17926	18940	19800	22184	22849	24280	25300
7383	7211	8962	6853	11087	12115	12784	17233	19924	19553	20009
3688	4939	1177	4469	4735	5110	5093	5102	5385	5647	6197
551	584	611	647	667	710	736	861	1031	1118	1163
614	395	439	429	402	263	341	355	348	462	445
1699	1854	1845	1656	1505	1728	1938	2186	2307	2661	2658
953	967	1049	1024	1107	1058	1187	1371	1465	1570	1854
2224	2297	2391	2485	2820	3023	5041	5744	5724	6451	7239
1077	1159	1266	1470	2153	2410	2579	2980	3157	3443	3623
1567	1615	1574	1591	1589	1652	1701	1814	1871	2002	2159
40518	41773	44548	45503	46614	46545	51093	52381	52295	51213	51935
11828	13137	13814	12925	13385	14208	15096	17408	18758	19711	20687
42337	43661	46377	47243	48256	48199	52796	54096	53879	52889	53558
54165	56798	60191	60168	61641	62407	67892	71504	72637	72600	74245

ВООРУЖЕННЫЕ

на начало

	США	Англия	Фран- ция	ФРГ	Италия
Общая численность воору- женных сил ³	2700000	440000 ⁴	557000	438000	390000
Армия:					
Численность личного со- става	972000	208000	350000	278000	292000
Количество дивизий ⁵ . .	19 ⁶	12 ⁷	6	12	7
Флот:					
Численность личного со- става	668500	104000	72500	35000	38000
Общее число боевых единиц	3250 ⁸	597	425	298	308
в том числе:					
Авианосцы	27	7	3	—	—
Крейсера	46	5	3	—	3
Эсминцы и фрегаты ⁹ .	390	101	48	48	21
Подводные лодки . .	140	43	22	25 ¹⁰	5
Атомные подлодки . .	70	3	—	—	—
Военно-воздушные силы:					
Численность личного состава	840000	132000	122500	97000	60000
Общее число самолетов	26000 ¹¹	1500 ¹²	900 ¹³	1350	350
Военный бюджет в 1965/66 бюджетном году (в млн. долл.)	52000	5937	4465	4372	1983

СИЛЫ СТРАН НАТО

1966 года ¹

Канада	Греция	Тур- ция	Бель- гия	Гол- ландия	Люк- сембург	Нор- вегия	Дания	Порту- галия
120000	160000	442000	107000	135000	5500	32000	51000	148000
49000 3	119000 11	360000 16	83500 4	98000 2	5500	16000 1	333000 2	120000 6
20700	17500	37000	4500	22000	—	7400	8000	14500
180	104	105	50	150	—	71	65	76
2	—	—	—	1	—	—	—	—
—	1	—	—	2	—	1	—	3
43	12	9	—	24	—	3	9	11
1	3	10	—	5	—	13	4	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—
50600 500	23500 250	45000 375	19000 400	21500 270	— —	8800 190	10000 140	13500 350
1438	181	399	520	750	5,7	308	239	205

Таблица не включает Исландию, которая практически не имеет вооруженных сил и представляет ценность для НАТО в первую очередь в силу ее стратегических позиций в Северной Атлантике. В Исландии имеется база американских ВВС.

- ² С 1 июля 1966 г. Франция вышла из военной организации НАТО.
- ³ Без учета подразделений территориальных армий, сил местной обороны, национальной гвардии и других полувоенных формирований.
- ⁴ Включая 14 тыс. наемных солдат гурков.
- ⁵ Для числа дивизий в большинстве случаев дается условная цифра, так как в армиях ряда стран НАТО основной единицей является не дивизия, а бригада, да и численность личного состава указанных единиц колеблется от страны к стране в весьма широких пределах.
- ⁶ В 1968 году армия США в результате усиленной мобилизации в связи с американской агрессией во Вьетнаме уже насчитывала 1 477 000 человек. По заявлению министра обороны США на заседании сенатской Комиссии по делам вооруженных сил в январе 1967 года, из $22\frac{1}{3}$ активных дивизий США в течение 1967/68 финансового года $8\frac{1}{3}$ будут находиться в Юго-Восточной Азии, 5 — в Европе, 2 — в Южной Корее и 7 будут держаться в качестве центрального резерва. В настоящее время в каждой пехотной, механизированной и бронетанковой дивизии США есть 4 установки ракет «Онест Джон», в каждом корпусе — дивизион ракет «Сарджент», а при армиях — дивизионы ракет «Першинг». Кроме того, в каждой дивизии имеется 18 гаубиц калибра 155 мм и 4 гаубицы калибра 403,2 мм, которые могут вести огонь атомными снарядами. Дальность действия ракет «Онест Джон» — до 40 км, «Сарджент» — до 135 км, «Першинг» — до 740 км. По данным американской печати, США имеют свыше 30 тыс. ядерных боеголовок различной мощности, из них 7 тыс. единиц тактического ядерного оружия находятся в Западной Европе.
- ⁷ Английские войска (помимо британской армии на Рейне, состоящей из трех дивизий) не имеют сложившейся дивизионной структуры, а организуются по-батальонно для удобства быстрой переброски на заморские театры операций. В армии насчитывается 57 английских батальонов и 8 батальонов гурков.
- ⁸ В том числе около 90 надводных и подводных судов с атомными двигателями.
- ⁹ Включая суда для борьбы с подводными лодками и авиацией противника.
- ¹⁰ В 1967 году на вооружение ФРГ поступили еще 6 океанских подводных лодок водоизмещением в 1 тыс. т каждая.

- ¹¹ Включая самолеты в армейских частях и частях морской пехоты, а также авиацию флота, 2300 средних и межконтинентальных бомбардировщиков и 7300 вертолетов.
- ¹² Включая 450 средних и межконтинентальных бомбардировщиков.
- ¹³ К 1968 году в состав этих сил входило 62 стратегических бомбардировщика «Мираж IV А».

Источники: «Военная стратегия»; «The Military Balance 1965—1966», «The Military Balance 1966—1967», «The Institute for Strategic Studies», L.; «Jane's Fighting Ships 1965/66», L.; «Jane's All the World's Aircraft 1965—1966», L.; «U. S. News and World Report», Apr. 12, 1965.

Введение

- ¹ «Материалы XXII съезда КПСС», Госполитиздат, 1961, стр. 342.
- ² «Материалы XXIII съезда КПСС», Политиздат, 1966, стр. 24.
- ³ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 193.
- ⁴ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 374.
- ⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 79.
- ⁶ Н. К. Крупская, О Ленине, Госполитиздат, 1960, стр. 40—41.
- ⁷ См. по этому вопросу А. Ф. Ревенко, Сопоставление показателей промышленного производства СССР и США, изд-во «Статистика», 1966.
- ⁸ «National Security. Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead», N. Y. — L., 1963, pp. 119—120.
- ⁹ Н. Kissinger, Nuclear Testing and the Problem of Peace, «Foreign Affairs», Oct 1958, p. 15.

Глава I

- ¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 48.
- ² У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, ИЛ, 1953, стр. 276.
- ³ W. G. Sumner, The Conquest of the United States by Spain, «War and other Essays», New Heaven, 1919, p. 299. Термин «империализм» Самнер, естественно, использует в его традиционном буржуазно-либеральном понимании «экспансии», политики создания колониальных империй.
- ⁴ W. Williams, The Tragedy of American Diplomacy, Cleveland and New York, 1959, p. 37. (Русский перевод книги Уильямса «Трагедия американской дипломатии» вышел в Издательстве ИМО в 1960 г.)
- ⁵ См. «Documents of American History», N. Y., 1942, Doc. 127.
- ⁶ Цит. по Th. Baily, A Diplomatic History of the American People, N. Y., 1940, p. 577.
- ⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 67. Речь шла об отказе США от мандата на турецкую Армению.
- ⁸ W. Williams, The Tragedy of American Diplomacy, p. 169.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ «A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents 1941—

1949. Prepared at the Request of the Senate Committee on Foreign Relations», G. P. O., Wash., 1950, p. 197.
- ¹¹ J. F. Dulles, War or Peace. N. Y., 1950, pp. 214—215.
- ¹² Пакт Рио-де-Жанейро, учредивший Панамериканский союз (переименованный в 1948 г. в Организацию американских государств), накрепко привязал 20 латиноамериканских государств к американской военной колеснице. Согласно этому пакту, нападение на одну американскую страну рассматривается как нападение на все американские государства, что дает юридический предлог для вмешательства США во внутренние дела этих стран якобы в целях их защиты от «внешней опасности». После социалистической революции Куба вышла из этого пакта.
- ¹³ «North Atlantic Treaty. Hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate, Eighty First Congress first session. Part one. Administration Witnesses». U. S., G. P. O., Wash., 1949, pp. 29—30 (в дальнейшем — «North Atlantic Treaty»).
- ¹⁴ Ibid., p. 55.
- ¹⁵ J. P. Morray, From Yalta to Disarmament. Cold War Debate, L., 1962, p. 55.
- ¹⁶ D. Eisenhower, The White House Years 1953—1956. Mandate for Change, L., 1963, p. 362.
- ¹⁷ Ibid., p. 372.
- ¹⁸ Статья 12 Женевского соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме предусматривает, что обе стороны «должны следить за тем, чтобы отведенные им зоны не принимали участия ни в каком военном союзе и не использовались для возобновления военных действий или в целях агрессивной политики». («Keesing's Contemporary archives», vol IX, p. 13817.)
- ¹⁹ «The Department of State Bulletin», Sept. 20, 1954, p. 394.
- ²⁰ «U. S. News and World Report», Febr. 28, 1966, pp. 77—78.
- ²¹ «The New York Times», Febr. 21, 1966.
- ²² Во всех американских документах обычно упоминается 42 государства, с которыми США связаны военно-политическими соглашениями. Эта цифра некритически повторяется и в ряде советских изданий. Однако в число этих 42 стран американские авторы включают Кубу (как члена межамериканской системы, хотя ясно, что Кубинскую Республику нельзя включать в это число) и чанкайшистский режим на Тайване.
- ²³ C. L. Sulzberger, What's Wrong with the U. S., Foreign Policy, N. Y., 1958, p. 321.
- ²⁴ J. W. Spanier, American Foreign Policy since World War II, N. Y., 1960, p. 199.
- ²⁵ См. W. Lippmann, The Communist World and Ours, Boston — Toronto, 1959, pp. 12—13.
- ²⁶ «The New York Times», June 10, 1956.
- ²⁷ См. J. F. Dulles, War or Peace, p. 100.

Глава II

- ¹ M. D. Taylor, The Uncertain Trumpet, N. Y., 1960, p. 30. (Русский перевод книги Тэйлора «Ненадежная стратегия» вышел в Воениздате в 1961 г.)
- ² «Developments in Military Technology and their impact on United

States Strategy and Foreign Policy. A Study prepared at the request of the Committee on Foreign Relations United States Senate», G.P.O., Wash., 1959, p. 1 (в дальнейшем — «Developments in Military Technology...»).

³ См. H. Truman, *Memoirs*, vol. 1, N. Y., 1965, p. 86.

⁴ G. Alperovitz, *Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power*, L., 1966, p. 20.

⁵ Цит. по W. Williams, *The Tragedy of American Diplomacy*.

⁶ См. A. Bryant, *Triumph in the West 1943—1946*, L., 1959. (Книга написана на основе дневников и автобиографических заметок фельдмаршала Аланбрука.)

«Мы, — говорил Черчилль Аланбруку, — теперь имеем кое-что в наших руках, что восстановит равновесие с русскими...» «Черчилль, — продолжал Аланбрук, — уже видел себя способным уничтожить все русские центры промышленности и населения... Он моментально вообразил себя владельцем этих бомб, способным сбросить их там, где ему заблагорассудится, и таким образом всемогущего и способного диктовать условия Сталину» (pp. 477—478).

⁷ Решение сообщить главе Советского правительства о создании Соединенными Штатами атомной бомбы было принято американским правительством по рекомендации специального межведомственного комитета, занимавшегося вопросами применения атомной бомбы против Японии и другими «политическими и военными аспектами атомного оружия».

Трумэн, однако, отступил от рекомендации информировать Советское правительство, что новое оружие является атомным, и лишь намекнул на наличие у США нового мощного оружия. Действуя так, он лишь стремился обеспечить себе формальное алиби в случае последующих обвинений в том, что он не был искренен с советским союзником. Трумэн также не сообщил об успешном испытании нового оружия в Нью-Мексико. (См. G. Alperovitz, *Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power*, pp. 154—156.)

⁸ H. Truman, *Memoirs*, vol. I, p. 466.

⁹ H. Truman, *Public Papers of the Presidents of the United States*, Wash., 1961, p. 213.

¹⁰ H. L. Stimson and McGeorge Bundy, *On Active Service in Peace and War*, N. Y., 1948, p. 644.

¹¹ См. «The New York Times», Sept. 18, 1946. (Письмо Уоллеса было опубликовано в печати через два месяца после того, как оно было направлено Трумэну.)

¹² Давая определение превентивной войне, ведущий американский военный теоретик Бернард Броди писал: «Я употребляю этот термин для характеристики предумышленного и неспровоцированного нападения одной страны на другую, то есть нападения, которое не является следствием конкретной агрессии или других открытых действий со стороны враждебного государства, причем главной и самой ближайшей целью такого нападения является уничтожение общей военной мощи, и особенно стратегических вооруженных сил, этого государства» (Б. Броди, *Стратегия в век ракетного оружия*, Воениздат, 1961, стр. 249—250).

¹³ H. S. Dinerstein, *War and Soviet Union. Nuclear Weapons and*

the Revolution in Soviet Military and Political Thinking. Revised Edition, N. Y. — L., 1962, pp. 3—4.

¹⁴ См. «The Journals of David Lilienthal», vol. II, The Atomic Energy Years 1945—1950, 1964, N. Y., p. 406 (в дальнейшем — «The Journals...»).

¹⁵ «The New York Times», Aug. 26, 1950.

¹⁶ Пауэр отстаивал идею превентивной войны даже в 1959 году, радуясь за то, чтобы США использовали свое мнимое преимущество в стратегической авиации дальнего действия до того, как эта авиация утратит свою решающую роль как средство нанесения стратегического удара и ее роль перейдет к межконтинентальным баллистическим ракетам. Эту точку зрения Пауэр изложил в написанной им книге, которая была, однако, запрещена для публикации в 1959 году министром обороны США и увидела свет лишь в 1965 году, после того как Пауэр вышел в отставку.

¹⁷ J. B u r n e s, Speaking Frankly, N. Y., 1947, p. 203.

¹⁸ О теориях Дуэ подробно см. Д. Дуэ, Господство в воздухе, М., 1936, а также Б. Б р о д и, Стратегия в век ракетного оружия, в которой он излагает основные концепции итальянского генерала. М. Т а y l o r, The Uncertain Trumpet, p. 12.

²⁰ Цит. по «Arms and the State. Civil-Military elements in national policy», by Walter Millis and others, The Twentieth Century Fund, N. Y., 1958, p. 240 (в дальнейшем — «Arms and the State»).

²¹ Число самолетов в авиагруппе американских ВВС колебалось от 18 в группе тяжелых бомбардировщиков до 75 в группе истребителей.

²² «Foreign Affairs», July 1947, p. 575.

²³ Подробно об этом заседании см. «The Journals...», pp. 623—633. Из этих мемуаров Лилиентала (первого председателя Комиссии по атомной энергии) и мемуаров Л. Страусса явствует, что против создания водородной бомбы возражал не только «отец» американской атомной бомбы физик Роберт Оппенгеймер, но вначале и четверо из пяти членов Комиссии по атомной энергии (т. е. все, кроме Л. Страусса). К этому предложению отрицательно отнеслось и большинство членов консультативного комитета при КАЭ — видные американские ученые. Однако мнение ученых, считавших, что подобное решение поведет лишь к «яростной гонке ядерных вооружений», было полностью игнорировано, а против Оппенгеймера было (в основном по инициативе Страусса) возбуждено дело о «неблагонадежности».

²⁴ H. T r u m a n, Memoirs, vol. II, N. Y., 1965, p. 353.

²⁵ См. P. H a m m o n d, NSC-68: Prologue to Rearmament, «Strategy, Politics and Defense Budgets», N. Y.—L., 1962, p. 292.

²⁶ «The Arms and the State», p. 256.

²⁷ См. P. H a m m o n d, NSC-68: Prologue to Rearmament, p. 306.

²⁸ См. «Historical Statistics of the United States», Wash., G.P.O., 1960, pp. 139, 725.

²⁹ См. P. H a m m o n d, NSC-68: Prologue to Rearmament, p. 306.

³⁰ Х. Николас в книге «Британия и США» замечает по этому поводу: «Хотя публично все это дело было представлено как временное мероприятие, сомнительно, что кто-либо действительно рассматривал его как временное». (H. G. Nicholas, Britain and the U. S., L., 1963, p. 50.) К концу 1948 года в Англии уже постоянно находилось 6 тыс. военнослужащих американских ВВС.

- ³¹ Два-три раза в год Совет НАТО проводит заседания на уровне министров иностранных дел и министров обороны, а иногда и на уровне глав правительств стран — участниц пакта. (Подробно о механизме НАТО и его деятельности см. Б. М. Халаша, Североатлантический блок, Изд-во ИМО, 1960.)
- ³² «The United States in World Affairs», N. Y., 1949, p. 10.
- ³³ Западный союз, или Брюссельский договор пяти держав (Англии, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга), был подписан 17 марта 1948 г.
- ³⁴ «House Committee on Foreign Affairs, Hearings, Mutual Defense assistance Act of 1949, 81 Congress, 1 sess.», G.P.O., Wash., 1949, p. 71.
- ³⁵ См. R. Osgood, NATO. The Entangling Alliance, Chi., 1962, p. 30.
- ³⁶ Подробнее о концепции «меча» и «щита» см. Юлиан Лидер, НАТО. Очерки истории и доктрины, Политиздат, 1964. В этой книге с большим знанием дела проанализировано развитие военно-стратегической доктрины НАТО.
- ³⁷ «Strengthening the Forces of Freedom», Selected Speeches and Statements of Secretary of State D. Acheson, Supplement May — June 1950, The Department of State, G.P.O., Wash., 1950, p. 3 (в дальнейшем — «Strengthening the Forces of Freedom»).
- ³⁸ R. E. Osgood, NATO. The Entangling Alliance, p. 30.
- ³⁹ G. F. Kennan, Russia, the Atom and the West, N. Y., 1958, p. 53.
- ⁴⁰ См. «The Manchester Guardian», March 9, 1953.
- ⁴¹ Цит. по «Press Release U. S. I. S. in London», Jan. 12, 1954.
- ⁴² М. Риджуэй в середине 1953 года был назначен Эйзенхауэром новым начальником штаба армии США, но уже в феврале 1955 года президент принял решение о его досрочной отставке ввиду систематических его разногласий с представителями других родов войск в Комитете начальников штабов по вопросам военного планирования США и бюджетных ассигнований на сухопутные силы.
- ⁴³ «Дело Макартура» заключалось в расследовании комиссиями конгресса США политики, приведшей к смещению президентом Трумэнэном Макартура с поста главнокомандующего вооруженными силами США на Дальнем Востоке в ходе корейской войны.
- ⁴⁴ «Military Situation in the Far East». Hearings before the Committee on Armed Services and the Committee on Foreign Relations United States Senate 82 Congress 1st Session to conduct an inquiry into the military situation in the Far East and the facts surrounding the relief of General of the Army Douglas McArthur from his assignment in that area, part 3, G.P.O., Wash., 1951, pp. 2308, 2362 (в дальнейшем — «Military Situation in the Far East»).
- ⁴⁵ D. Eisenhower, The White House Years 1953—1956. Mandate for Change, p. 23.
- ⁴⁶ Все два срока президентства Эйзенхауэра американские атомные стратеги опасались, что он может попытаться несколько ослабить упор на ядерное оружие, и поэтому президент США, как это ни удивительно, ни разу не был допущен на американские испытания ядерного оружия. Окружение Эйзенхауэра под разными предлогами отговаривало его от присутствия на испытаниях, опасаясь, что зрелище колоссальной разрушительной силы ядерного оружия может дать толчок его мыслям в «неблагоприятном направлении» разоружения и т. п. Эйзенхауэр сам однажды проговорился об

этом на пресс-конференции, заявив, что «они меня не пустили» на испытания.

47 Адмирал Рэдфорд сменил на этом посту армейского генерала Брэдли, который был одним из главных военных адвокатов стратегии «ограниченной войны».

48 См. Joseph and Stewart Alsop, *The Reporter's Trade*, L., 1958, pp. 225—227.

49 Термин «New Look» можно перевести и как «новый фасон», «новая мода», поскольку Рэдфорд использовал для своего определения, впоследствии привившегося в американской печати, новую жаргонную фразу, появившуюся в американской разговорной речи для характеристики изменений (не всем нравившихся) в стиле женской одежды.

50 D. Eisenhower, *The White House Years 1953—1956. Mandate for Change*, p. 451.

Трудно, конечно, судить о том, что именно президент Эйзенхауэр имел в виду, когда говорил об «улучшенном ядерном оружии», однако в США в 1959 году публично раздавались обвинения в адрес Комиссии по атомной энергии в том, что она занимается «загрязнением» старого запаса американских атомных бомб, то есть перестраивает их с целью увеличить выпадение радиоактивных осадков после взрыва. С подобными обвинениями по адресу председателя КАЭ Льюиса Страусса выступил сенатор Андерсон — председатель Объединенной комиссии конгресса по атомной энергии. Физик Дэвид Хилл, давая показания перед одной из сенатских комиссий 1 мая 1959 г., сказал: «Во время недавней серии испытаний в Тихом океане Страусс заявил, что текущая серия имеет целью создание «более чистых» бомб. Через несколько дней после этого заявления моей коллега, работающий в Лос-Аламосе (американском центре ядерных исследований. — Г. Т.), подошел ко мне и заметил: „В то самое время, когда Страусс выступал с подобным заявлением, я проводил эксперименты в Тихом океане, направленные на то, чтобы увеличить количество ядовитых радиоактивных осадков, выпадающих после взрыва ядерной бомбы”» (*«The National Guardian»*, June 1, 1959.)

51 В год прихода к власти новое правительство США, представляющее иную партию, не имеет возможности существенно изменить бюджетные наметки, доставшиеся ему в наследство от предыдущего правительства.

52 *«The United States in world Affairs, 1953»*, N. Y., 1955, pp. 3—4.

53 R. Fryklund, *100 million Lives, Maximun Survival in a Nuclear War*, N. Y., 1962, p. 8.

54 *«Military Situation in the Far East»*, p. 148.

55 Этот термин происходит от названия организации воинствующих ультраправых элементов США, созданной в 60-е годы, — «Общества Джона Бэрча», официально насчитывающего около 100 тыс. членов. Кандидат в президенты США от республиканской партии на выборах 1960 года Голдуотер взял идеологию и программу бэрчистов на свое вооружение.

56 Цит. по E. Goldman, *The Crucial Decade: America 1945—1955*, N. Y., 1956, p. 69.

57 H. J. Morgenthau, *The Purpose of American Politics*. N. Y. 1960, p. 142.

58 M. Childs, *Eisenhower: Captive Hero*, N. Y., 1958, p. 198.

- 59 «North Atlantic Treaty», p. 61.
- 60 «Strengthening the Forces of Freedom», pp. 19—20.
- 61 «Documents on American Foreign Relations», vol. XII, 1950, Princeton, 1951, p. 214.
- 62 «The Times», March 24, 1965.
- 63 Решение о производстве ядерного оружия в Англии было принято лейбористским правительством Эттли в конце 1947 года в столь узком кругу, что об этом решении не знал даже Э. Шинуэлл, занимавший в то время в кабинете Эттли пост военного министра.
- 64 J. F. Dulles, War or Peace, pp. 220—221.
- 65 R. Gould-Adams, The Time of Power. A Reappraisal of John Foster Dulles, L., 1962, p. 76.
- 66 D. Eisenhower, The White House Years 1953—1956, Mandate for Change, p. 246.
- 67 «The New York Times», Dec. 12, 1953.
- 68 «Full Circle», The Memoirs of Rt. Hon. Sir Anthony Eden, L., 1960, p. 37.
- 69 Подробнее см. «Full Circle», The Memoirs of Rt. Hon. Sir Anthony Eden, pp. 149—166.
- 70 «Soldier», The Memoirs of Matthew Ridgeway, N. Y., 1956, Appendix I, p. 324.
- 71 H. A. Kissinger, Nuclear Weapons and Foreign Policy, N. Y., 1957, pp. 3—4.
- 72 Ibid.
- 73 Ibid., p. 99.
- 74 Ibid., p. 171.
- 75 Ibid., p. 131.
- 76 Ibid.
- 77 Ibid., p. 240.
- 78 Ibid., p. 49.
- 79 Ibid., p. 135.
- 80 См. «Foreign Affairs», Oct. 1957, p. 31.
- 81 «Time», June 2, 1958.
- 82 J. F. Kennedy, The Strategy of Peace, L., 1960, p. 35.
- 83 Ibid., pp. 33—45.
- 84 См., в частности, А. В. Ефремов, За ширмой „ограниченных войн“, Воениздат, 1960, в которой содержится аргументированная и детальная критика этой западной доктрины.
- 85 «Developments in Military Technology», p. 101.
- 86 Примечательно, что об ограничениях заходит речь тогда, когда американские стратеги предполагают, что США придется столкнуться прямо или косвенно с Советским Союзом. В военных же конфликтах, где, по мнению американских теоретиков, США не столкнутся с Советским Союзом, а примером такого рода ситуации, по их мнению, могла быть «полицейская акция» США в Западном полушарии, никаких разговоров об условиях проведения военных операций с их стороны не возникало. Именно этот момент — презумпция о «свободе рук» США в Западном полушарии — явился одним из просчетов американских политиков в октябре 1962 года, когда они стояли на грани развязывания агрессии против Кубы. Лидерам США пришлось окончательно убедиться, что и «полицейская операция в американском озере» — Карибском море, как некоторые в США называли готовившуюся агрессию против Кубы, может вылиться в мировой термоядерный конфликт, поскольку

Советский Союз твердо заявил о своей готовности помочь кубинскому народу защитить завоевания революции. Осознание этого обстоятельства заставило правительство США отступить и пойти на переговоры, результатом которых явилось обязательство США не предпринимать нападения на Кубу.

⁸⁷ «Фонд братьев Рокфеллеров» («Rockefeller Brothers' Fund») был специально создан для финансирования указанной программы исследований. Его не следует смешивать с «фондом Рокфеллера» («Rockefeller Foundation») — организацией, созданной Рокфеллерами для обхода налоговых законов США и занимающейся финансированием и благотворительной деятельностью в области науки и культуры.

⁸⁸ «International Security. The Military Aspect», America at Mid-Century Series. Special Studies Report II of Rockefeller Brothers' Fund, N. Y., 1958, p. 9 (в дальнейшем — «International Security. The Military Aspect»).

⁸⁹ Ibid.

⁹⁰ Ibid., p. 23.

⁹¹ С 1959 года сенатор-демократ Фулбрайт (от штата Арканзас) стал председателем этой важнейшей комиссии, сменив на этом посту престарелого сенатора Т. Грина.

⁹² «Developments in Military Technology...», p. 1.

⁹³ В других местах доклада авторы, проводя ту же мысль, использовали более откровенную, а стало быть, и более соответствующую истине формулировку, говоря об «угрозе американской стратегической интервенции».

⁹⁴ H. Kissinger, The Necessity for Choice. Prospects of American Foreign Policy, L., 1961, pp. 82, 86.

⁹⁵ Ibid., p. 83.

⁹⁶ President John F. Kennedy, To Turn the Tide, L., 1962, p. 25.

⁹⁷ Выступая 18 сентября 1967 г. перед редакторами агентства «Юнайтед пресс интернэшнл» в Сан-Франциско, Р. Макнамара сказал: «Ясно, что наращивание вооруженных сил Советским Союзом является частично реакцией на наше собственное наращивание с начала нынешнего десятилетия». («U. S. News and World Report», Oct. 2, 1967, p. 109.) А ведь когда в 1961 году правительство США начало наращивать вооруженные силы и перебросило дополнительные воинские части в Европу, вся американская пресса трубила о том, что это делается якобы «в ответ» на действия СССР.

President John F. Kennedy, To Turn the Tide, p. 59.

⁹⁸ Ibid., p. 65.

¹⁰⁰ «U. S. News and World Report», Oct. 16, 1967, p. 38.

¹⁰¹ См. «U. S. News and World Report», June 13, 1966, p. 10. Одна мегатонна эквивалентна энергии, выделяющейся при взрыве одного миллиона тонн тротила. Взрывная сила бомбы в одну мегатонну в 50 раз превышает силу взрыва американской атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

¹⁰² См. «Военная стратегия», под ред. маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, Воениздат, 1963, стр. 111.

¹⁰³ «Statement of Secretary of Defence Robert S. McNamara before the House Armed Services Committee on the Fiscal Year 1965—1969 Defense Program and 1965 Defense Budget».

¹⁰⁴ См. «International Herald Tribune», Nov. 9, 1967.

¹⁰⁵ См. Ю. Новошконов, Ракеты в космосе, Воениздат, 1967,

- стр. 35. В этой исключительно интересной брошюре в популярной форме изложены взгляды зарубежных специалистов на возможное использование ракет и спутников в околоземном пространстве, в том числе рассмотрены вопросы космической разведки и противоракетной обороны.
- 106 «U. S. News and World Report», Apr. 12, 1965, p. 55.
- 107 «U. S. News and World Report», Oct. 2, 1967, p. 35. Как сообщил Макнамара, с 1955 года США израсходовали на разработку противоракетных систем «Найк-Зевс» — Найк-Икс» — «Дефендер» около 4 млрд. долл., то есть намного больше средств, чем было вложено в создание первой атомной бомбы. (См. „Bulletin of the Atomic Scientists“, June, 1967, p. 21.)
- 108 «Newsweek», Nov. 13, 1967, p. 68.
- 109 О том, какое большое значение придает Пентагон разработке средств борьбы с подводными лодками, говорит тот факт, что в 1965 году, например, на эти цели было выделено 38,4% всех средств, отпущенных на военное кораблестроение, и 26% сумм, ассигнованных ВМФ на исследовательские работы. (См. «U. S. Defense Policies in 1965», G.P.O., Wash., 1966, p. 133.)
- 110 Из 6700 американских военных баз и опорных пунктов, существовавших на начало 1961 года, к 1966 году было объявлено о ликвидации или сокращении операций 729 баз, из них около 40 — на иностранных территориях (См. «U. S. News and World Report», Nov. 30, 1964, p. 41; «The New York Times», Dec. 7, 1965.)
- 111 «U. S. News and Word Report», Apr. 12, 1965, pp. 54, 61.
- 112 «The New York Times», Apr. 21, 1961.
- 113 A. M. Schlesinger, A Thousand Days, John F. Kennedy in the White House, L., 1965, p. 265.
- 114 «U. S. News and World Report», Apr. 12, 1965, p. 49.
- 115 «U. S. News and World Report», May 29, 1961, p. 68.
- 116 «The New York Times», Dec. 10, 1961.
- 117 «Military Review», March 1964, pp. 59—60.
- 118 См. «The Daily Telegraph», Sept. 25, 1962.
- 119 «The Times», Febr. 12, 1965.
- 120 «Мировая экономика и международные отношения», 1965 г., № 4, стр. 17.
- 121 См. «U. S. News and World Report», Apr. 12, 1965, p. 50.
- 122 «Military Review», March 1964, p. 54.
- 123 L. B. Johnson, My Hope for America, L., 1964, p. 68.
- 124 «U. S. News and World Report», Apr. 12, 1965, p. 50.
- 125 «National Security. Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead», p. 653.
- 126 См. «The Wall Street Journal», Aug. 16, 1963; «The Detroit News», May 31, 1967.
- 127 См. «Conspiracy of Silence. Chemical and Biological Warfare Today», L., 1965; «The Detroit News», May 31, 1967.
- 128 «Time and Tide», March 29, 1962, p. 11.
- 129 «The New York Times», Aug. 10, 1962; «U. S. News and World Report», Sept. 17, 1962, p. 44.
- 130 Наиболее известными из институтов и исследовательских групп такого рода являются: Институт анализа проблем обороны при министерстве обороны США; Исследовательско-аналитическая корпорация, работающая по заданиям американской армии; Группа оперативных оценок, выполняющая исследования для ВМФ США, и

Корпорация по исследованию и развитию, которая широко известна по своему сокращенному названию «РЭНД корпорейшн». Корпорация была первоначально создана как исследовательская организация американских ВВС под эгидой авиационной компании «Дуглас», но затем стала выполнять более широкий круг стратегических исследований, осуществляя заказы министерства обороны, Комиссии по атомной энергии, Управления по авионавигации и исследованию космического пространства и других ведомств, связанных с гонкой вооружений. В «РЭНД корпорейшн», которую в США часто называют «академией стратегического мышления», в обстановке строгой секретности работает около 1200 сотрудников, в том числе ряд виднейших ученых США.

По заданиям Пентагона и Центрального разведывательного управления США работают и исследовательские отделы американского агентства по контролю над вооружениями и разоружению, созданного в сентябре 1961 года.

Помимо этого, в аппарате Комитета начальников штабов США имеется специальная объединенная контрольная группа по военным играм, образованная в 1961 году, а при отделе Джей-5 (J-5 — разведывательном) того же комитета имеется группа специальных исследований. Деятельность этих и ряда других военных учреждений, занимающихся стратегическими исследованиями, координируется управлением директора оборонных исследований и оборонной техники, учрежденным в соответствии с Законом о реорганизации обороны США от 1958 года. Директор этого управления по штатному расписанию стоит выше председателя Комитета начальников штабов США — факт, достаточно ясно говорящий о значимости этого поста. Заместитель директора управления по должности является помощником министра обороны США.

После войны в Корею, наглядно показавшей банкротство американского военно-политического курса, в стратегические исследования все более активно начали вовлекаться американские гражданские высшие учебные заведения. В результате между 1950 и 1962 годами специальные исследовательские институты для изучения военных проблем были созданы при Гарвардском, Принстонском, Колумбийском, Чикагском университетах, при университете штата Пенсильвания и университете Джонса Гопкинса, Джорджтаунском университете, Массачусетском технологическом институте. Все они в значительной степени работают по заданиям Пентагона, госдепартамента и разведывательных ведомств США. В 1952 году в США было учреждено общество оперативных исследований, которое издает свой журнал, выходящий раз в два месяца. С 1955 года Армейский военный колледж США проводит ежегодно семинары по вопросам национальной стратегии, на которых с лекциями выступают руководители американской армии, разведки и внешнеполитических ведомств США.

Для того чтобы теснее увязать анализ стратегических проблем с деятельностью американской дипломатии, президент Кеннеди в 1961 году учредил в госдепартаменте США должность заместителя помощника государственного секретаря по военно-политическим вопросам. В 1961 году от «РЭНД корпорейшн» отпочковался Гудзоновский институт, который возглавил Герман Кан. Этот институт с годовым бюджетом свыше 1 млн. долл. проводит по заданиям американского правительства перспективные исследования

проблем стратегии будущей ядерной войны и работает в тесном контакте с такими правительственными учреждениями, как, например, Управление чрезвычайного планирования. В целом в США специализированными стратегическими исследованиями занимаются свыше 150 так называемых некоммерческих научно-исследовательских организаций.

Особая роль в военно-стратегических исследованиях и военном планировании США принадлежит помощнику министра обороны США по вопросам национальной безопасности. В его управлении имеются заместитель по вопросам общественного планирования и заместитель по вопросам контроля над вооружениями, отделы которых проводят обширную программу исследований политико-стратегических вопросов по заданиям министра обороны США.

¹³¹ Н. Kahn, *On Thermonuclear War*, L., 1960, pp. 331—332.

¹³² *Ibid.*, p. 9.

¹³³ «The Sunday Times», Febr. 9, 1964.

Кстати говоря, Кан отнюдь не первый пришел к идее о «машине судного дня». В своих мемуарах бывший председатель КАЭ Д. Лилиенталь рассказывает, как однажды к нему в кабинет в октябре 1948 года прорвались четыре ведущих специалиста-атомника с базы, где производилась окончательная сборка атомных бомб. Они изложили свой план создать некое «устройство Икс», которое будет столь большим, что угрозы его применения будет достаточно, чтобы США могли больше ни о чем не думать. «Молодой человек,— пишет Лилиенталь,— продолжал говорить, не глядя на нас, а его товарищ, горячо кивал головой в знак одобрения. Они, наконец-то, «создали ее»... Все мы (члены комиссии.— Г. Т.) сразу почувствовали то, что я вначале лишь подозревал... Переутомление от работы там, в пустыне, с этими проклятыми штуками сказалось на этом парне, и он заразил других». («The Journals», vol. 11, p. 422.)

Лилиенталь, таким образом, ни на минуту не усомнился в том, что перед ним сидел человек, который «свихнулся» в результате нервного перенапряжения. А Герман Кан выдает подобный же проект за новейшее достижение «теоретической мысли»!

¹³⁴ «Limited Strategic War», London — Dunmow, 1962, p. 3.

¹³⁵ Н. Kahn, *Thinknig about the Unthinkable*, L., 1962, p. 87.

¹³⁶ Речь шла об исследовании «Стратегическая капитуляция», произведенном П. Кешкемети, работающим в «РЭНД корпорейшн», из общей серии исследований корпорации для американских ВВС. (См. P. Kecs k e m e t i, *Strategic Surrender. The Politics of Victory and Defeat*, Stanford, 1958).

Один из выводов автора гласил: «При некоторых обстоятельствах капитуляция может оказаться целесообразной как средство сохранить силы для будущего столкновения при более благоприятных условиях». Однако в целом автор ставил своей задачей отнюдь не обоснование целесообразности капитуляции при определенных условиях. Он стремился подыскать для США такую стратегию, которая даже в условиях ядерной войны позволила бы им избежать капитуляции. К ядерной войне, отмечал Кешкемети, уже не применимо традиционное представление о капитуляции как о решении страны сдаться для сохранения оставшегося экономического и военного потенциала. Война может привести к полному разрушению всего общества, ликвидации социальной структуры

вместе с разрушением экономики и уничтожением населения. Остается один выход, делает вывод автор, ограничить ядерную войну, то есть ядерные удары, и решать «кто кого» не на основе конечного поражения (равносильного полному уничтожению), а на основе выявляющихся тенденций в пользу той или другой стороны при ограниченном обмене ядерными ударами. Эта теория Кешкемети фактически предопределила теорию эскалации, детально разработанную впоследствии Г. Каном.

137 «U. S. News and World Report», June 7, 1965, p. 49.

138 Теория стратегических игр, как называли ее сами авторы Джон фон Н്യуманн и Оскар Моргенстерн, является новой обширной областью математики. Эта теория применяется при рассмотрении конфликтных ситуаций и сводится к поиску оптимальных решений в условиях неопределенности или недостаточности информации у стороны, принимающей решения. Некоторое представление о возможностях использования этой теории при анализе внешнеполитических ситуаций дает написанная Г. И. Герасимовым глава II в сборнике «Проблемы войны и мира» («Проблемы войны и мира», изд-во «Мысль», 1967).

139 «The New York Times Magazine», Febr. 5, 1961, p. 21.

140 См. H. Kahn, On Thermonuclear War, p. 38.

141 Поскольку стратегия «контрсилы» определяет один из методов использования ракетно-ядерного оружия, то она, строго говоря, является формой тактики, а не стратегией в широком смысле слова, хотя термин «стратегия контрсилы» общепринят в лексиконе военных теоретиков.

142 R. Fryklund, 100 million Lives, p. 16.

143 Подсчитано по данным «U. S. News and World Report», March 21, 1966, p. 78.

144 «NATO in Quest of Cohesion. A Confrontation of Viewpoints at the Centre for Strategic Studies Georgetown University», N. Y. — Wash.— L., 1965, p. 28.

145 См. «U. S. News and World Report», Aug. 20, 1962, p. 62.

146 «Military Review», March 1964, p. 79.

147 T. Stonier, Nuclear Disaster, L., 1964, p. 10.

В этом подробном научном анализе различных эффектов ядерного взрыва Т. Стоньер, ссылаясь на ту же подкомиссию Холифильда, указывает, что взрыв одной двадцатимегатонной бомбы ставит под угрозу жизнь людей на площади 4 тыс. кв. миль в округе. Взрыв подобного термоядерного устройства в центре Нью-Йорка, по всей вероятности, привел бы к гибели 6 млн. обитателей города и унес бы еще минимум 1 млн. человеческих жизней за пределами города.

148 «The New York Times», June 18, 1962.

149 Ibid.

150 «The Sunday Times», Nov. 25, 1962.

151 «The Guardian», July 18, 1962.

152 «The Developments in Military Technology...», p. 9.

153 H. Kissinger, The Necessity for Choice, p. 27.

154 H. Kahn, Thinking about the Unthinkable, p. 68.

155 Артур Уоскоу, Пределы обороны, Воениздат, 1964, стр. 48—49.

156 Цит. по W. Kaufman, The McNamara Strategy, N. Y., 1964, p. 92.

- 157 «Statement of Secretary of Defence Robert S. McNamara before the House Armed Services Committee on the Fiscal Years 1965—1969 Defense Program and 1965 Defense Budget», p. 29.
- 158 «Hearings on Military Posture, Committee on Armed Services, House of Representatives», Wash., 1963, p. 308.
- 159 См. «Accidental War. Some Dangers in the 1960. The Mershon Report», L., 1960, p. 12.
- 160 «За рубежом», 1968 г., № 6, стр. 24.
- 161 «Accidental War. Some Dangers in the 1960. The Mershon Report», p. 13.
- 162 Ger. T. h. Power, USAF (Ret.) with Albert A. Arnhyrn Design for Survival, N. Y., 1965, pp. 156—157.
- 163 H. K a h n, Thinking about the Unthinkable, p. 44.
- 164 «U. S. News and World Report», Oct. 2, 1967, p. 110.
- 165 Конструируя свою теорию эскалации, Кан проводит различие между собственно эскалацией (процессом, предполагающим постепенное нарастание напряженности, в силу ли увеличения количества применяемого оружия, использования качественно более мощного оружия или расширения территории конфликта) и так называемым «взрывом» или «извержением» («eruption») — резким переходом локального конфликта в «центральную войну» в результате внезапного ввода в действие стратегических ядерных сил. Другие американские теоретики (например, Мортон Хальперин в книге «Ограниченная война в ядерный век») применяют другие английские термины, по существу имеющие тот же смысл: «экспансия» («expansion») — медленное расширение конфликта и «взрыв» («explosion») — внезапное превращение локального конфликта в «центральную войну» с применением стратегического ядерного оружия. На наш взгляд, разница в терминологии между Хальпериным и Каном объясняется прежде всего желанием последнего создать собственную оригинальную терминологию.
- 166 H. K a h n, On Escalation, Metaphors and Scenarios, L., 1965, p. 53.
- 167 I b i d., p. 24.
- 168 I b i d., p. 12.
- 169 H. K a h n, Thinking about the Unthinkable, p. 45.
- 170 I b i d., p. 46.
- 171 «Military Review», May 1966, p. 97.
- 172 «Военная стратегия», стр. 20.
- 173 Т а м ж е, стр. 21.
- 174 Т а м ж е, стр. 85.
- 175 A. B e a u f r e, An Introduction to Strategy, with Particular Reference to Problems of Defense, Politics, Economics and Diplomacy in the Nuclear Age, Trans. from French, L., 1965, pp. 78, 100.
- 176 H. K a h n, On Escalation, Metaphors and Scenarios, p. 7.
- 177 «Марксизм-ленинизм о войне и армии», изд. 3, Воениздат, 1962, стр. 256, 258—259.
- 178 H. K a h n, On Escalation. Metaphors and Scenarios, p. 287.
- 179 A. B e a u f r e, An Introduction to Strategy, with Particular Reference to Problems of Defense, Politics, Economics and Diplomacy in the Nuclear Age, p. 83.
- 180 H. K a h n, On Escalation Metaphors and Scenarios, p. 287.
- 181 A. B e a u f r e, An Introduction to Strategy, with Particular Reference to Problems of Defense, Politics, Economics and Diplomacy in the Nuclear Age, p. 76.

- ¹⁸² Ibid., p. 80.
- ¹⁸³ Gen. Th. Power, USAF (Ret.) with Albert A. Arnhym Design for Survival, p. 135.
- ¹⁸⁴ «National Security, Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead», p. 517.
- ¹⁸⁵ «Time», Febr. 24, 1964.
- ¹⁸⁶ См., в частности, «История международных отношений и внешней политики СССР», т. III, 1945—1966 гг., изд-во «Международные отношения», 1967; «Движущие силы внешней политики США», изд-во «Наука», 1965; «Экономические проблемы разоружения», Изд-во АН СССР, 1961; В. А. Тарасенко, Атомная проблема во внешней политике США (1945—1949 гг.), изд-во Киевского университета, 1958; А. И. Игнатов, Атомная проблема и политика США, ИЛ, 1960; Ph. Noel-Baker, The Arms Race. A Programme for World Disarmament, L., 1958; «Arms and Arms Control. A Symposium», edited by Ernest W. Lefever, L., 1962; J. W. Spanier and J. L. Nogee, The Politics of Disarmament. A Study in Soviet-American Gamesmanship, N. Y., 1962; J. P. Morray, From Yalta to Disarmament. Cold War Debate; «Security in Disarmament», edited by R. A. Falk and R. J. Barnet, Princeton, 1965.
- ¹⁸⁷ J. W. Spanier and J. L. Nogee, The Politics of Disarmament, p. 58.
- ¹⁸⁸ Подробнее о польских предложениях см. Г. Ящунский, Безатомные зоны и Польша, «Международная жизнь», 1964 г., № 4, стр. 35—45.
- ¹⁸⁹ Подробнее по этому вопросу см. Н. Таленский, Противоракетные системы и проблема разоружения, «Международная жизнь», 1964 г., № 10, стр. 28—34.
- ¹⁹⁰ «Military Review», March 1964, p. 80.
- ¹⁹¹ «Developments in Military Technology...», p. 12.
- ¹⁹² T. W. Stanley, NATO in Transition: the Future of the Atlantic Alliance, N. Y.—Wash., 1965, p. 88.
- ¹⁹³ R. J. Barnet, The American Approach to Disarmament, «Arms and Arms Control», pp. 80—81.
- ¹⁹⁴ J. P. Morray, From Yalta to Disarmament. Cold War Debate, p. 328.
- ¹⁹⁵ «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов, 1961», Изд-во ИМО, 1962, стр. 361.
- ¹⁹⁶ Против заключения договора о прекращении испытаний в США особенно рьяно выступали физик Эдвард Теллер, которого считают «отцом» американской водородной бомбы, руководители Командования стратегической авиации США генералы Пауэр и Лимэй и один из руководителей американских ВВС — генерал Шривер. Кеннеди на своей пресс-конференции 20 августа 1963 г. был вынужден публично осадить Теллера, продолжавшего атаковать договор уже после его подписания. 24 сентября 1963 г. сенат США после продолжительных обсуждений договора в комиссиях ратифицировал его 80 голосами против 19 (для ратификации требовалось большинство в $2/3$ голосов).
- ¹⁹⁷ В комитет Визнера входили д-р Джером Б. Визнер — председатель комитета, декан одного из факультетов Массачусетского технологического института; Р. Гилпатрик — бывший специальный помощник президента по вопросам науки и техники; Ф. Итон — быв-

ший представитель США в Комитете 10 стран по разоружению; д-р К. Кайсен — бывший заместитель специального помощника президента по делам национальной безопасности; д-р У. В. О'Брайен — руководитель Института мировой политики Джорджтаунского университета; Г. Стассен и др.

Подробно доклад комитета Визнера опубликован в «Американцы размышляют. Американцы критикуют», ИЛ, 1967, стр. 385—420.

Глава III

- ¹ Н. А. Kissinger, *Nuclear Weapons and Foreign Policy*, p. 244.
- ² «Правда», 9 августа 1953 г.
- ³ Роберт Осгуд подчеркивает, что США смогли испытать водородную бомбу подобного типа, пригодную для транспортировки, то есть для боевого применения, лишь в марте 1954 года (R. Osgood, *NATO. The Entangling Alliance*, p. 386). В ходе этих американских испытаний в Тихом океане подверглась радиоактивному облучению команда японского рыболовного судна «Счастливый дракон», что вызвало всеобщее возмущение.
- ⁴ «St. Louis Post-Dispatch», Oct. 31, 1954.
- ⁵ Цит. по R. Osgood, *NATO. The Entangling Alliance*, p. 161.
- ⁶ J. W. Spanier, *American Foreign Policy since World War II*, p. 152.
- ⁷ «Самое малое ядерное оружие в Европе сегодня имеет силу в десятки раз большую, чем обычная 1000-фунтовая бомба времен последней мировой войны. Средняя тактическая атомная бомба, находящаяся ныне в Западной Европе, является в пять раз более мощной, чем атомная бомба, которая была сброшена на Хиросиму. Среднее тактическое ядерное оружие в Западной Европе — иное, чем бомбы, — имеет силу взрыва, по крайней мере, равную хиросимской бомбе. А ядерная огневая мощь, имеющаяся в распоряжении одной американской пехотной дивизии в Европе, достаточна для того, чтобы уничтожить все вместе взятое население 50 самых крупных городов в Соединенных Штатах». (Из речи Макнамары, зачитанной в клубе администраторов в Чикаго 18 сентября 1964 г. «Official Text From USIS in London», Sept. 21, 1964.)
- ⁸ См. «International Security. The Military Aspect», p. 43.
- ⁹ Н. Kissinger, *Nuclear Weapons and Foreign Policy*, p. 276.
- ¹⁰ Ibid., p. 303.
- ¹¹ См. «The Times», Febr. 24, 1958.
- ¹² После того как на вооружение НАТО поступили ракеты «Тор», «Мэйс», «Юпитер», «Матадор», «Корпорал», «Онест Джон» и др., журнал «Миссайлз энд рокетс» писал: «Фирмы США, производящие ракетное топливо, двигаются в Европу, чтобы подзаработать на топливном рынке с оборотом в 2 млрд. долл. в год, который ныне образуется в странах НАТО и других западноевропейских странах». («Missiles and Rockets», Oct. 24, 1960, p. 32.) Как заявил Генри Кусс-младший, заместитель помощника министра обороны США, отвечающий за экспорт оружия, в 1961—1965 годах Пентагон получил от продажи американского оружия за границей почти 5 млрд. долл. (См. «За рубежом», 1966 г., № 3.)
- ¹³ См. «Defense. Outline of Future Policy», Cmnd. 124, 1957, pp. 2—7.

- ¹⁴ См. «Le Monde». Apr. 6, 1955. Фактически работы по созданию собственного ядерного оружия были начаты Францией еще в 1952 году.
- ¹⁵ H. Kissinger, *Nuclear Weapons and Foreign Policy*, pp. 311, 313.
- ¹⁶ См. «Washington Post», July 17, 1957.
- ¹⁷ B. H. Liddel Hart, *Deterrence or Defense. A Fresh Look at the West's Military Position*, L., 1960, p. 40.
- ¹⁸ R. Osgood, *NATO. The Entangling Alliance*, p. 222.
- ¹⁹ «Der Spiegel», 10. Okt. 1962.
- ²⁰ С подобным «предупреждением», в частности, не раз выступал Франц Йозеф Штраус как в бытность свою министром обороны ФРГ, так и тогда, когда он стал лидером влиятельного баварского крыла христианско-демократической партии. См., например, его интервью с Ричардом Кроссмэном в апреле 1958 г. («Daily Mirror», Apr. 2, 1958) и его заявление на закрытой встрече в Английском институте стратегических исследований в апреле 1963 года («Daily Express», Apr. 11, 1963).
- ²¹ Западногерманские ученые принимали непосредственное участие в работе над ядерными проектами во французском научно-исследовательском центре в Пьерлатте, где создавалось французское ядерное оружие. (См. «Newsweek», Jan. 4, 1965, p. 4.)
- ²² См. «The New York Times», March 12, 1957.
- ²³ «Document 290. Assembly of Western European Union, Ninth Ordinary Session (Second Part)», p. 26.
- ²⁴ Для обеспечения тех из своих реакторов, которые работают на обогащенном уране, ФРГ в основном пока зависит от топлива, получаемого из США и Англии.
- ²⁵ «Frankfurter Allgemeine», 8. Juni 1962.
- ²⁶ По вопросу о ракетно-ядерных работах в ФРГ см. «The Sunday Telegraph», Nov. 14, 1965; «Euro Nuclear», March 1965; «The Military Balance, 1965—1966»; «The Institute for Strategic Studies», L., p. 46; «За рубежом», 1965 г., № 47, стр. 6; «Международная жизнь», 1964 г., № 4, стр. 55—62.
- ²⁷ Цит. по R. Osgood, *NATO. The Entangling Alliance*, p. 225.
- ²⁸ В разъяснении Комиссии по атомной энергии относительно того, что следует понимать под «существенным прогрессом», говорится: «Сотрудничающая нация должна иметь достижения гораздо большие, чем простое теоретическое знание устройства ядерного оружия, или проведение испытаний ограниченного количества атомного оружия. Подразумевается, что сотрудничающая нация должна уже иметь собственную способность производить разнообразные виды ядерного оружия, что она построила и использует необходимое оборудование, включая научно-исследовательские, производственные и оружейные лаборатории, оборудование для производства оружия, станцию для испытаний ядерного оружия, а также то, что она обучила персонал для управления всем этим оборудованием». («Senate Report 1654 of the Joint Committee on Atomic Energy, 85 Congress, 2 Sess.», p. 12.) Естественно, что под это определение в 1958 году подпадала лишь одна Великобритания.
- ²⁹ В попытке смягчить гнев французского президента, возмущенного пренебрежительным отношением США к Франции, Даллес вновь повторил свое предложение оказать помощь Франции в строительстве ядерной подводной лодки, в частности ее ядерного реактора.

Однако, несмотря на все последующие разговоры, эта помощь так и не была оказана Франции. Более того, США впоследствии отказались даже от своего обещания предоставить ей взаймы тренировочный реактор, используемый для обучения обслуживающего персонала атомных подводных лодок. С конца 1964 года американское правительство отказалось поставлять Франции обогащенный уран, который должен был бы использоваться в качестве топлива в реакторе французской атомной подводной лодки, а в 1966 году, пытаясь задержать создание Францией водородного оружия, американское правительство запретило поставку из США в эту страну трех электронных вычислительных машин, заказанных в США французским комиссариатом по атомной энергии.

³⁰ Официальная американская версия о содержании меморандума де Голля была впервые публично изложена в письме заместителя государственного секретаря США Дж. Болла сенатору Фулбрайту от 11 августа 1966 г. (См. «Statement Recording the History of Gen. de Gaulle's «Directoire» Proposal of 1958 and the U. S. Response to it — «United States Policy towards Europe (And Related Matters), Hearings before the Committee on Foreign Relations U. S. Senate, 89 Congress 2 Sess. June — July 1966», G. P. O., Wash., 1966, pp. 507—509.) Там же приведено полностью письмо Эйзенхауэра де Голлю от 20 октября 1958 г. См. также по этому вопросу заявление Стиккера (бывшего генерального секретаря НАТО) представителям печати («The Times», Nov. 20, 1964).

³¹ «Le Monde», 6 nov. 1959.

³³ Министр армии, а затем министр авиации в правительствах, формировавшихся Г. Вильсоном после прихода лейбористской партии к власти в Англии в октябре 1964 года. У нас мало кто знает тот факт, что английские солдаты и офицеры, попавшие в плен к гитлеровцам во время второй мировой войны и заключенные в лагеря, могли даже поступать в английские высшие учебные заведения и проходить курс заочного высшего образования, находясь в лагерях. Из Англии они получали учебники и другую литературу. Ф. Малли таким образом начал свой курс в лондонском университете. Подобное отношение гитлеровских властей к военнопленным западных держав весьма показательно.

³⁴ См. «The New York Times», Febr. 4, 1960.

³⁵ См. «The New York Times», June 25, 1960.

³⁶ «Der Spiegel», 10. Okt. 1962.

³⁷ Один тип бомбардировщиков этого класса — «Вэлиэнт», который поступил на вооружение в 1955 году, был сначала превращен в воздушные заправщики и самолеты фоторазведки, а в конце 1964 года был вообще снят с вооружения (50 самолетов стоимостью 60 млн. ф. ст.) ввиду обнаружившейся усталости металла, связанной с дефектами в конструкции крыла. Все это поставило под вопрос способность двух других марок бомбардировщиков того же класса — «Виктор» и «Вулкан» — оставаться на вооружении английских стратегических ВВС еще в течение семи-восьми лет до их предполагаемой замены новыми типами бомбардировщиков. (См. «The Times», Jan. 27, 1965, Febr. 1, 1965.)

³⁸ «Блю Стрик» стала бесполезной не из-за каких-либо технических дефектов, отмечал депутат палаты общин Р. Флетчер, а в результате достижений в русской ракетной технике.

³⁹ Подробно всю историю сделки о «Скайболте» см. «Skybolt. The

full inside story of how a missile nearly split the West by Henry Brandon», «The Sunday Times Weekly Review», Dec. 8, 1963.

⁴⁰ Насколько можно судить по весьма туманной записи Эйзенхауэра о его беседе с Кеннеди при передаче ему дел (приведенной Эйзенхауэром во втором томе его мемуаров), он весьма усиленно подталкивал Кеннеди к «более тесному» сотрудничеству с европейскими членами НАТО в области ядерного оружия, в частности в деле передачи им американских ядерных ракет. Эйзенхауэр пошел еще дальше, посоветовав Кеннеди добиться роспуска Объединенной комиссии конгресса по вопросам атомной энергии, которая якобы «связывает руки» Белому дому тем, что стоит на почве закона, запрещающего передачу американского атомного оружия другим странам. (См. D. Eisenhower, *The White House Years 1956—1960. Waging Peace*, Appendix BB., N. Y., 1965, p. 714.)

⁴¹ J. F. Kennedy, Address before the Senate and House of Commons of Canada, May 17, 1961.

⁴² Ibid.

⁴³ Подробно о переговорах Кеннеди с де Голлем см. A. M. Schlesinger, *John F. Kennedy in the White House*, pp. 316—324.

⁴⁴ «The New York Times», May 18, 1962.

⁴⁵ «The New York Times», June 18, 1962.

⁴⁶ См. «Der Spiegel», 10. Okt. 1962.

⁴⁷ См. «McNamara Address to New York Economic Club», Official Text, USIS in London, Nov. 18, 1963.

⁴⁸ T. Stanley, *NATO in Transition: the Future of the Atlantic Alliance*, p. 266.

⁴⁹ См. «The New York Times», Aug. 4, 1962.

⁵⁰ См. «The Daily Telegraph», Aug. 7, 1962.

⁵¹ Аденауэр однажды, в 1956 году, прибежал к подобной психической атаке на Вашингтон, когда кое-кто в Пентагоне выступил с идеей сокращения американских войск в Западной Европе.

⁵² См. «The Times», Sept. 15, 1962.

⁵³ «The Times», Dec. 11, 1962 (газета решилась опубликовать полный текст речи лишь на шестой день после ее произнесения). «...Мы считаем, что вся речь г-на Ачесона фактически сводится к рассчитанному оскорблению британской нации», — написал в своем письме Макмиллану влиятельнейший британский Институт директоров, требуя от премьера добиться дезавуирования речи Ачесона американским правительством («The Daily Telegraph», Dec. 7, 1962).

⁵⁴ Президент США также предложил поставить английским ВВС иную американскую ракету класса «воздух — земля» — «Хаунд дог» (радиус действия 350 миль), опять-таки будучи проинструктирован о том, что эта ракета непригодна для установки на английские бомбардировщики класса «v» (См. «Заявление о системах ядерной обороны» президента Кеннеди и премьера Макмиллана в Нассау, «The Times», Dec. 22, 1962.)

⁵⁵ См. «The Daily Telegraph», Dec. 24, 1962.

⁵⁶ «Речь идет о том, будем ли мы в состоянии после 1968 года удовлетворять потребности во всех расщепляющихся материалах, необходимых для обеспечения эффективности наших боеголовок, имея в виду период полураспада этих материалов и т. д. Лидер оппозиции (бывший консервативный премьер Дуглас Хьюм. — Г. Т.) знает, о чем я говорю. Я говорю лидеру оппозиции, что эта программа сможет действовать лишь на основе взаимозависимости,

а не на независимой основе. Сейчас уже он не вывернется. Дело в том, что нет никакого независимого ядерного фактора, поскольку мы зависим от американцев в получении расщепляющегося материала для английских боеголовок». («Parliamentary Debates», Н. С., vol. 704, No 36, Dec. 17, 1964, col. 702—703.)

57 См. «The Times», Dec. 22, 1962.

58 Ibid.

59 Ibid.

60 У нас принято переводить выражение «Grand Design» как «большой план». На мой взгляд, слово «задумка» в данном случае более точно передает смысл выражения, ибо речь шла не о каком-то конкретном плане, разработанном хотя бы в общих чертах, а лишь о замысле Кеннеди, который он вынашивал, думая о политико-экономическо-военных отношениях США с Западной Европой. Своими мыслями на этот счет Кеннеди иногда делился с приближенными журналистами, и само выражение «большая задумка» идет от названия книги Джозефа Крафта, изданной в США в 1962 году. В этой книге Крафт в идеалистических тонах описывал политику Кеннеди, направленную якобы на создание великого единства между Северной Америкой и Западной Европой. (См. J. Kraft, The Grand Design, N. Y., 1962.)

61 Цит. по «Международная жизнь», 1964 г., № 1, стр. 35.

62 Касаясь американского предложения о «Поларисах» и подводных лодках, де Голль заявил: «Мы будем придерживаться решения, которое уже было сделано нами: самим построить, а в случае необходимости и самим применить, наши атомные силы». («Newsweek», Jan. 28, 1963, p. 21.)

63 «The Observer», Jan. 20, 1963.

64 «The New York Times», Febr. 28, 1963.

65 Какое-то короткое время после Нассау советники Кеннеди обдумывали идею укомплектования многонациональными командами атомных подводных лодок, но быстро оставили ее как чрезвычайно дорогостоящую и нереалистичную по многим другим соображениям.

66 См. «The New York Times», March 9, 1963.

67 Ibid., Febr. 27, 1963.

68 Ibid., March 9, 1963.

69 H. Schmidt, Defense or Retaliation, Translated from German, Edinburgh and London, 1962, pp. 85—86. Шмидт является ведущим экспертом западногерманской социал-демократической партии по вопросам военной доктрины и председателем фракции СДПГ в бундестаге.

70 См., например, постановку этой проблемы у Кана («Thinking about the Unthinkable», p. 217). В дальнейшем Кан обсуждает ситуацию, когда президент США отдает приказ с нанесении ядерного удара по СССР, после того как на базе стратегических ВВС США произошел по неизвестным ему причинам ядерный взрыв. Не дожидаясь выяснения причины взрыва, президент отдает приказ о производстве выстрела ядерной ракетой по СССР потому лишь, что такая его быстрая и твердая реакция должна «убедительно подтвердить» играющую на руку его политике версию о «советском саботаже» как причине взрыва. «Раз президент бьет по СССР, то, стало быть, он уверен, что СССР виноват» (!). На самом же деле на базе ВВС мог произойти несчастный случай.

⁷¹ H. Kissinger, NATO's Nuclear Dilemma, «National Security», p. 308.

⁷² A. Schlesinger, A Thousand Days, John F. Kennedy in the White House, p. 728.

⁷³ «The Times», Jan. 26, 1963.

⁷⁴ Цит. по выступлению Дж. Мура на конференции по вопросам НАТО. («NATO in Quest of Cohesion», p. 168.)

⁷⁵ См. «The Daily Telegraph», March 2, 1963.

⁷⁶ «The Times», June 7, 1963.

⁷⁷ A. Buchanan, The Multilateral Force (A Study in Alliance Politics), «International Affairs», vol. 40, Oct. 1964, p. 620.

⁷⁸ Выступая в парламенте 2 февраля 1965 г., премьер-министр Вильсон заявил, что стоимость конструирования и производства английского сверхзвукового истребителя-бомбардировщика ТСР-2 ориентировочно составит 750 млн. ф. ст. При условии заказа английскими ВВС 150 самолетов ТСР-2 стоимость каждого самолета составила бы 5 млн. ф. ст. Однако на начало 1965 года «Бритиш эйркрафт корпорейшн», строившая самолет, имела твердые заказы лишь на 50 самолетов. В конце концов правительство Вильсона объявило 6 апреля 1965 г. о прекращении дальнейших работ над ТСР-2 и аннулировании всего проекта, который к тому времени уже обошелся английскому налогоплательщику в 200 млн. ф. ст. (См. «The Times», Febr. 3, Apr. 7, 1965; «The Daily Telegraph», Jan. 8, 1965.)

Колоссальная конкуренция, в первую очередь со стороны США, на международном авиационном рынке привела к тому, что начиная с 1953 года из 189 разного рода авиационных конструкций, разработанных Англией, лишь 10 были проданы в количествах около 500. За это же время в разработку и осуществление всех этих проектов было вложено 5 млрд. ф. ст. (См. «The Times», Jan. 15, 1965.)

⁷⁹ «The Times», May 25, 1963.

⁸⁰ «House of Commons Debate», vol. 680, No 15, col. 508.

⁸¹ «The New York Times», Dec. 30, 1963.

⁸² Кстати говоря, сам Б. Голдуотер, находясь в конгрессе, имел одновременно звание генерал-майора резерва американских ВВС. Тристрам Коффин в своей книге «Страсть стервятников» привел фамилии 73 депутатов конгресса США 88-го созыва, имевших звание офицеров резерва вооруженных сил США. (См. T. Coffin, The Passion of the Hawks. Militarism in Modern America, N. Y., 1963, pp. 265—267.)

⁸³ «The New York Times», Nov. 22, 1965.

⁸⁴ См. «Frankfurter Allgemeine», 24. Nov. 1965.

Как позднее подтвердил информированный английский военный обозреватель Ч. Пинчер, американские ядерные боеголовки активировались при помощи двух ключей. Один из ключей находился у американского офицера, другой — у офицера люфтваффе. Западные немцы, отмечал Пинчер, легко могли бы захватить контроль над американскими ядерными бомбами и ракетами, выделенными для них, отобрав у соответствующих американских офицеров вторые ключи. (См. «Daily Express», Sept. 4, 1967.)

⁸⁵ См. «U. S. News and World Report», Oct. 19, 1964, p. 47.

⁸⁶ «The Daily Express», Dec. 14, 1965.

⁸⁷ Цит. по «За рубежом», 1964 г., № 10, стр. 14.

- ⁸⁸ «U. S. News and World Report», Oct. 19, 1964, p. 49.
- ⁸⁹ «United States Defense Policies in 1957», G. P. O., Wash., 1958, p. 3.
- ⁹⁰ См. «U. S. News and World Report», Sept. 6, 1957, Oct. 5, Oct. 19, 1964; «Newsweek», Oct. 19, 1964.
- ⁹¹ «Statement on Defense Estimates 1965», Cmnd. 2592, p. 8.
- ⁹² «Statement on Defense Estimates 1966», Part I, The Defense Review, Cmnd. 2901, p. 6.
- ⁹³ «The New York Times», March 19, 1963.
- ⁹⁴ «Foreign Affairs», Jan., 1965, p. 211.
- ⁹⁵ «За рубежом», 1965 г., № 8, стр. 17.
- ⁹⁶ См. «The Times», Dec. 18, 1964.
- ⁹⁷ Впервые статья о проекте Третнера — Хасселя появилась в западногерманской газете «Франкфуртер альгемайне», против которой властями затем было начато судебное дело по обвинению в разглашении государственной тайны.
- ⁹⁸ «U. S. News and World Report», Dec. 28, 1964, p. 8. На лондонской сессии Комитета НАТО по вопросам ядерного планирования в апреле 1966 года обстоятельства применения атомных мин и участия бундесвера в этом применении были подвергнуты дальнейшему детальному обсуждению. В сентябре 1967 года на сессии группы ядерного планирования НАТО в Анкаре было принято решение о создании атомного минного пояса вдоль северо-восточной границы Турции. (См. «The Guardian», Apr. 30, 1966; «Die Welt», 5. Okt. 1967.)
- ⁹⁹ «Как легко можно было бы сказать англичанам во время этих болезненных финансовых переговоров (об оплате ФРГ расходов Англии по содержанию британской армии на Рейне. — Г. Т.), что мы не готовы выкладывать миллиард марок ежегодно за присутствие нескольких английских капралов», — заявил под бурные аплодисменты Адольф фон Тадден — вице-председатель неонацистской национал-демократической партии ФРГ, выступая на ее съезде в Карлсруэ. («The Daily Telegraph», June 20, 1966.)
- ¹⁰⁰ «U. S. News and World Report», Apr. 18, 1966, p. 69.
- ¹⁰¹ «The Times», Nov. 23, 1966.
- ¹⁰² «House of Commons Debate», vol. 704, No 35, col. 434.
- ¹⁰³ «U. S. News and World Report», Dec. 21, 1964, p. 26.
- ¹⁰⁴ «NATO in Quest of Cohesion», p. 61.
- ¹⁰⁵ Ibid., p. VI.
- ¹⁰⁶ Ibid., p. 58.
- ¹⁰⁷ Первая сессия Совета НАТО состоялась в Лондоне в 1950 году.
- ¹⁰⁸ «The Times», May 13, 1965.
- ¹⁰⁹ В результате переговоров министров обороны двух стран, состоявшихся в Вашингтоне в ноябре 1964 года, были подписаны четыре двусторонних военных соглашения между США и ФРГ. Соглашения, в частности, предусматривали:
объединение усилий США и ФРГ в производстве легкого реактивного истребителя с вертикальным взлетом на основе модели, уже разработанной авиапромышленностью Западной Германии;
совместное конструирование военного судна с инерционным управлением;
расширение программы взаимного обмена между техническим и научным персоналом министерств обороны США и ФРГ;
использование американских гражданских организаций для

обучения западногерманского научно-технического персонала с целью разрешения военных проблем первоочередной важности;

договоренность об основных характеристиках нового танка, решение о совместном конструировании которого было принято ранее.

При этом следует учесть, что на переговорах между Макнамарой и фон Хасселем, состоявшихся в Вашингтоне в августе 1963 года, было подписано чрезвычайно важное соглашение, предусматривающее в конечном итоге объединение систем поддержки и тылового обеспечения вооруженных сил двух стран в Европе. Сам факт соглашений подобного рода свидетельствует о том, что военное сотрудничество между Вашингтоном и Бонном зашло весьма далеко. (См. «USIS Bulletin in London», Aug. 7, 1963, Nov. 16, 1964.)

¹¹⁰ См. «The Guardian», Dec. 29, 1964.

¹¹¹ Цит. по «The Sunday Times», July 11, 1965.

¹¹² В предвыборном манифесте лейбористской партии, опубликованном накануне всеобщих выборов в Англии в 1964 году, говорилось: «Мы выступаем против развития национальных ядерных сдерживающих факторов... Мы выдвинем конструктивные предложения, направленные на интеграцию всего ядерного оружия НАТО под эффективным политическим контролем». («The New Britain» — Labour Party Manifesto. The Times Guide to the House of Commons, 1964, p. 281.)

¹¹³ «The Daily Telegraph», Nov. 25, 1965.

¹¹⁴ «Правда», 10 апреля 1963 г.

¹¹⁵ «NATO in Quest of Cohesion», p. 206.

¹¹⁶ «Правда», 13 июля 1964 г.

¹¹⁷ «Foreign Affairs», July 1965, p. 591.

¹¹⁸ «Материалы XXIII съезда КПСС», стр. 28.

¹¹⁹ См. «NATO Letter», June 1964, p. 12.

¹²⁰ «NATO Letter», Jan. 1966, p. 22.

¹²¹ «The Guardian», Dec. 4, 1962.

¹²² См. «The Guardian», Nov. 8, 1965.

¹²³ С 1 июля 1966 г. США изъяли американские атомные бомбы, которыми были вооружены самолеты первого тактического воздушного командования французских ВВС, и американские боеголовки для зенитных ракет «Найк — Геркулес» и баллистических ракет «Онест Джон» (для 6 батарей), имеющих на вооружении французских частей в Западной Германии. Сами ракеты являются французской собственностью. (См. «The Times», July 1, 1966.)

¹²⁴ «Die Welt», 5. Okt. 1967.

¹²⁵ «U. S. News and World Report», Dec. 25, 1967, p. 57.

¹²⁶ См. «The Times», Dec. 16, 1965; «The Daily Express», Dec. 15, 1965.

¹²⁷ «Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов», Изд-во ИМО, 1962, стр. 444—445.

Глава IV

¹ «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран» (приложения к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1965 г., № 9, 1967 г., № 9).

² A. Buchan, NATO in the 60's, p. 18.

- ³ «The NATO Handbook», P., 1965, p. 76.
- ⁴ Ibid., pp. 77—79.
- ⁵ См. «Documents on American Foreign Relations, 1957», N. Y., 1958, p. 133.
- ⁶ R. Osgood, NATO. The Entangling Alliance, p. 169.
- ⁷ Цит. по статье Дж. Олсона в «The Guardian», Dec. 17, 1962.
- ⁸ «International Security. The Military Aspect», p. 38.
- ⁹ См. «The Guardian», May 16, 1962.
- ¹⁰ A. Schlesinger, A Thousand Days, John Kennedy in the White House, p. 320.
- ¹¹ Переговоры о «раунде Кеннеди» в снижении тарифов между США и «общим рынком» закончились в 1967 году компромиссом, не дав, однако, США желаемых результатов.
- ¹² «The New York Times», July 5, 1962.
- ¹³ «The New York Times», June 26, 1963.
- ¹⁴ Цит. по «The Times», June 19, 1963.
- ¹⁵ «The Times», May 21, 1965.
- ¹⁶ «NATO Letter», May 1966, p. 22. В этом номере журнала, а также в номере за июль — август 1966 года приведены основные документы, относящиеся к решению Франции о выходе из военной организации Североатлантического пакта.
- ¹⁷ «NATO Letter», May 1966, p. 26.
- ¹⁸ «NATO Letter», July — Aug. 1966, p. 27.
- ¹⁹ «The Guardian», Nov. 9, 1964. Общая стоимость чисто американского военного имущества на территории Франции оценивалась в 1,75 млрд. долл. На французской территории США имели 14 военно-воздушных и 40 армейских баз, на которых было расквартировано 26 тыс. американских солдат и офицеров. По трубопроводу, идущему из Донже, на западном побережье Франции, в Гуттенгейм в ФРГ, ежемесячно перекачивается свыше 14 млн. л горючего («The New York Times», Febr. 23, 1966).
- ²⁰ См., в частности, по этому вопросу: D. Middleton, Crisis in the West, L., 1965; H. Kissinger, The Troubled Partnership, N. Y. — L. — Toronto, 1965; Sen J. W. Fulbright, Old Myths and New Realities, L., 1965; Z. Brzezinski, Alternative to Partition: for a broader conception of America's role in Europe, N. Y., 1965; A. Buchan, NATO in the 60's.
- ²¹ «NATO Letter», July — Aug. 1966, p. 17.
- ²² «Правда», 27 апреля 1967 г.
- ²³ «The New York Times», Dec. 17, 1966.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ M. Shulman, Beyond the Cold War, Yale, 1966, p. 85.
- ²⁶ «Life», July 18, 1960.
- ²⁷ См. «The National Purpose» by J. K. Jessup, A. Stevenson and others, N. Y., 1960, pp. 122—123.
- ²⁸ Ibid., p. 101.
- ²⁹ Ibid., p. 50.
- ³⁰ «Goals for Americans, comprising the Report of the President's Commission on National Goals and Chapters Submitted for the Consideration of the Commission», N. Y., 1960, p. 19.
- ³¹ Ibid., p. 15.
- ³² «The New York Times», Nov. 17, 1961.
- ³³ См. A. Schlesinger, A Thousand Days, John Kennedy in the White House, p. 315.

- ³⁴ «The New York Times», June 11, 1963.
- ³⁵ «The Sunday Times», May 24, 1964.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ «The New York Times», Sept. 21, 1963.
- ³⁸ «The New York Times», July 16, 1960.
- ³⁹ По-английски в обеих этих формулах используется одно и то же существительное «frontier». «Раздвигающаяся граница» — «Rising frontier», «новые рубежи» — «New frontiers».
- ⁴⁰ Как рассказал впоследствии ведущий обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон, выступая по американскому телевидению, Кеннеди решил пойти на расширение военной интервенции во Вьетнаме в попытке «восстановить правдоподобие американской силы» вслед за фиаско, которое потерпели США в результате неудавшейся вооруженной интервенции против Кубы в 1961 году. Именно с целью демонстрации военной силы Соединенных Штатов, отмечал Рестон, ссылаясь на свои беседы с Дж. Кеннеди, он пошел на увеличение военного бюджета, на посылку еще одной американской дивизии в Западную Германию и усиление американского вооруженного вмешательства во Вьетнаме. Именно в этот период, заметил Рестон, «мы начали сходить с рельсов» («The Guardian», Jan. 19, 1966).
- ⁴¹ «The New York Times», March 21, 1961; «Time and Tide», March 29, 1962, p. 11.
- ⁴² См. «The New York Times», March 4, 1966.
- ⁴³ «The Times», May 3, 1965.
- ⁴⁴ «The Times», July 14, 1964.
- ⁴⁵ «Congressional Record», March 25, 1964, p. S6029.
- ⁴⁶ «U. S. News and World Report», May 30, 1966, pp. 90—95.
- ⁴⁷ W. Fulbright, The Arrogance of Power, N. Y., 1967, p. 91 (Книга Фулбрайта «Самонадеянность силы» на русском языке вышла в издательстве «Международные отношения» в 1967 г.)
- ⁴⁸ «U. S. News and World Report», March 25, 1968, p. 76.
- ⁴⁹ Gen Beaufre, L'O. T. A. N. et l'Europe, P., 1966, p. 178.
- ⁵⁰ Цит. по «Congressional Record», Apr. 18, 1967, p. H4286.
- ⁵¹ «USSR and Eastern Europe», A Study No 11, G. P. O. Wash., 1959, p. 7.
- ⁵² «Материалы XXIII съезда КПСС», стр. 195.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Внешнеполитические доктрины американского империализма	15
Глава II. Военно-политическая стратегия США	43
Глава III. Политика США в НАТО	177
Глава IV. Эволюция доктрины «взаимозависимости» и внешней политика США	276
Приложения	321
Примечания	328

Генрих Александрович Трофименко. СТРАТЕГИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Редактор В. А. Шленская. Переплет художника М. В. Серегина. Художественный редактор Г. Ф. Скачков. Технический редактор А. А. Павловский. Корректоры Э. К. Гаврута, Л. Ф. Крылова. А-03240. Сдано в набор 26/II 1968 г. Подписано в печать 28/V 1968 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,07. Тираж 15 500 экз. Издательство «Международные отношения». Москва, И-90, Мещанская, 7. Зак. № 850. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 1 руб. 32 коп.

СТРАТЕГИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОЙНЫ